ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 3(75)
2018

ISSN 2078-8975 (print)
ISSN 2078-8983 (online)

vestnik.kemsu.ru

ISSN 2078-8975 (print) ISSN 2078-8983 (online)

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2018 № 3(75)
Издается с 1999 года

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)
Редакционная коллегия:
Аникин А. Е., д-р филол. наук, академик РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Кремер Р., д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).
Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Лушникова Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ (Ялта, Россия).
Молодин В. И., д-р ист. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КРИРПО, зам. главного редактора (Кемерово, Россия).
Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).
Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).
Эрдэнэболд Л., канд. исторических наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).
Юревич А. В., д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).
Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

2018 no 3(75)
Founded in 1999

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University"

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy,* Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Editorial board:
Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Academician of the RAS, Institute of Phililogy of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).
Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Academician of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vladislav A. Ovchinnikov, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development, Vice Editor-in-Chief (Kemerovo, Russia).
Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).
Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).
Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D. History, Professor., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).
Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).
Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Вестник Кемеровского государственного университета. Научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 67989 от 06.12.2016.
ISSN 2078-8975 (print) ISSN 2078-8983 (online)

Выходит 4 раза в год.

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842)58-12-26
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, тел. 8(3842)58-13-01
Сайт издания: http://vestnik.kemsu.ru

Подписной индекс: Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания. Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

16+

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2018
© Авторы научных статей, 2018

Bulletin of Kemerovo State University. Scientific Journal

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) Certificate of registration: ПИ № ФС 77 – 67989 of 06.12.2016
ISSN 2078-8975 (print) ISSN 2078-8983 (online)

Published 4 times a year

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: 8(3842)58-12-26
Fax: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., Tel.: 8(3842)58-13-01
Web-site: http://vestnik.kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the «Russian Science Citation Index».

Information for Authors published on the website Edition. Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

16+

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2018
© The authors of scientific articles, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Из истории основания и строительства крепости Святого Креста (1722–1735)
Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д. **5**
Состояние здравоохранения в Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг.
Боровикова З. В. **12**
Совещание 21–22 ноября 1915 г. о приеме и размещении беженцев в пределах Иркутского генерал-губернаторства
Долидович О. М. **20**
Исследования Кузнецкого угольного бассейна в XVIII – первой трети XX вв. в динамике развития геологических знаний
Кравцова Л. А. **27**
Архивная документальная информация Центра социально-политической истории о социал-демократическом подполье на Дальнем Востоке в начале XX в.
Макарчук С. В. **36**
Рост аграрного производства в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв.
Матвеенко А. Л. **43**
История Автономной Индустриальной Колонии «Кузбасс» в работах иностранных исследователей: монография Микенберг Д. Л. "American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream" (2017)
Рабкина Н. В. **49**
Трансформация отечественной экономики в первой половине 90-х гг. XX в. (на примере Алтайского края)
Радонова А. В. **57**
Процессы реисламизации в постсоветском Дагестане: проблемы и особенности (первая половина 1990-х гг.)
Халидова О. Б., Сефербеков Р. И. **64**
Из истории развития экскурсионно-туристического дела Казани в первой половине XX в.
Шоронина Л. Н. **70**

ПСИХОЛОГИЯ

Отношение к взрослению у старших подростков Санкт-Петербурга и Смоленска в контексте их жизнестойкости
Безгодова С. А., Микляева А. В., Терещенко В. В. **77**
Самооценка эффективности самоосуществления как фактор психологического благополучия личности
Голованова Н. Ф., Дерманова И. Б. **85**
Динамика психофизиологических и социально-психологических характеристик студентов вуза разных профилей обучения
Климов В. М., Айзман Н. И. **93**
Особенности построения субъективной картины жизненного пути при различных пространственно-временных характеристиках условий профессиональной деятельности
Неяскина Ю. Ю., Мирясов П. А. **102**
Стили регулирования активности жизнедеятельности в соответствии со сбалансированностью временной перспективы личности
Попова О. Н. **113**

CONTENT

HISTORY AND ARCHEOLOGY

The Fortress of the Holy Cross: Foundation and Construction (1722–1735)
Abdusalamov M.-P. B., Chekulayev N. D. **10**
Healthcare Service in the Kemerovo Region in 1945–1959
Borovikova Z. V. **18**
The Meeting of 21–22 November, 1915, about the Reception and Accommodation of Refugees in the Irkutsk Governorate General
Dolidovich O. M. **24**
Exploration of the Kuznetsk Coal Field in the XVIII – Early XX Centuries within the Dynamics of Geological Knowledge Development
Kravtsova L. A. **33**
Social-Democratic Underground of the Far East in the early XX Century: Public Records of the Center for Social and Political History
Makarchuk S. V. **42**
Agrarian Production Growth in the Nizhneudinsk District of the Irkutsk Province in the Late XIX – Early XX Centuries
Matveenko A. L. **47**
History of the Autonomous Industrial Colony "Kuzbass" in Foreign Research: Review of Mickenberg J. L.'s "American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream" (2017)
Rabkina N. V. **54**
Transformation of the Domestic Economy in 1990–1995 in Altai Region
Radonova A. V. **63**
The Issues of Reislamization in Post-Soviet Dagestan in 1990–1995
Khalidova O. B., Seferbekov R. I. **68**
The Development of the Tourist-Excursion Sphere in Kazan in the First Half of the XX Century
Shoronina L. N. **75**

PSYCHOLOGY

Attitude to Coming-of-Age in Adolescents of Saint-Petersburg and Smolensk in Context of their Resiliency
Bezgodova S. A., Miklyaeva A. V., Tereshchenko V. V. **83**
The Self-Assessment of Self-Fulfillment Efficiency as a Factor of Psychological Well-Being
Golovanova N. F., Dermanova I. B. **91**
Dynamics of Psycho-Physiological and Socio-Psychological Characteristics of University Students of Different Specialties
Klimov V. M., Aizman N. I. **99**
Subjective Life Way Picture in Different Spatiotemporal Characteristics of Professional Occupation Conditions
Neyaskina Yu. Yu. , Miryasov P. A. **111**
Styles of Vital Activity Regulation in accordance with the Temporal Perspective Balance
Popova O. N. **119**

Формирование Я-концепции личности профессионала в процессе учебно-профессиональной деятельности
Сокольская М. В., Коростелева И. К. *121*
Теоретико-методологические проблемы исследования эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста
Токарева О. А., Серый А. В., Федоров А. И. *129*
Особенности ценностно-смысловой сферы личности в период ранней юности при разных уровнях сформированности субъектности
Фризен М. А., Костенко Л. О. *140*

ФИЛОЛОГИЯ

Образ автора как фактор интерпретационного функционирования текста
Беляева Е. С. *153*
Роль стилистического диссонанса в переводе А. Ю. Фроловой на русский язык романа Дж. Остин "Sense and Sensibility". Часть 2
Бобылева Т. В. *159*
Травестийный образ Германии в русской литературе 40-х гг. XIX в. (на материале поэмы И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже»)
Жданов С. С. *166*
Артефактные метафоры как вербальные средства объективации концепта «Язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта
Жуйкова О. В. *177*
К вопросу об эргономии
Захарова-Саровская М. В. *187*
Темпоральная специфика просодии побудительных высказываний и феномен эмфатической долготы в английском языке
Козлова А. Т. *192*
Предикативные «эллипсы» на периферии поля предикативности (на материале современного немецкого языка)
Лобановская Е. В., Муратова С. В. *197*
Варьирование смысла в многокомпонентных метафорах на примере технической семантической сферы английского языка
Панкратова С. А. *203*
Аксиологические стратегии дискурса об инновациях и способы их аргументации
Садовникова О. Н. *210*
Концепт «ссыльные» в ангарской лингвокультуре
Смирнов Е. С. *217*
Образ русской революции как воплощение авторского понимания истории в романе В. Е. Максимова «Кочевание до смерти»
Старикова Л. С. *223*
Раскрывая человеческую природу: выразительный язык литературы
Хьюитт К. *231*

I-concept of one's Professional Identity: Formation in Class and at Work
Sokolskaya M. V., Korosteleva I. K. *127*
Theoretical and Methodological Problems of Emotional Intelligence Research in Children of Senior Preschool Age
Tokareva O. A., Seryy A. V., Fedorov A. I. *137*
Axiological Sphere in Adolescents with Different Levels of Agency Formation
Frizen M. A., Kostenko L. O. *150*

PHILOLOGY

Image of the Author as a Factor of the Interpretative Functioning of the Text
Belyaeva E. S. *157*
The Role of Stylistic Dissonance in Frolova A. Y.'s Russian Translation of J. Austen's Novel "Sense and Sensibility". Part 2
Bobyleva T. V. *165*
Travesty Image of Germany in the Russian Literature of 1840s: I. P. Myatlev's poem "Sensacii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoy za graniceyu, dans l'etranger"
Zhdanov S. S. *174*
Artifact Metaphors as Verbal Means of Objectivization of the Concept "Language" in the Philosophical Discourse of W. von Humboldt
Zhujkova O. V. *184*
Revisiting the Problem of Ergonymy
Zakharova-Sarovskaya M. V. *190*
Temporal Characteristics of Prosody in Imperative Utterances and the Phenomenon of Emphatic Length in the English Language
Kozlova A. T. *196*
Predicative "Ellipses" on the Periphery of the Predicativity Field in Contemporary German
Lobanovskaya E. V., Muratova S. V. *201*
Variations of Meaning within Multiunit Metaphors in the Technical Semantic Sphere of the English Language
Pankratova S. A. *208*
The Axiological Strategies of Innovation Discourse and Ways of their Argumentation
Sadovnikova O. N. *215*
The Concept of the Exiled in the Angara Linguoculture
Smirnov E. S. *221*
The Image of the Russian Revolution as the Embodiment of the Author's Understanding of History in "The Nomadism to Death" by Vladimir Maksimov
Starikova L. S. *228*
Revealing Humanity: the Flexible Language of Literature
Hewitt K. *232*

УДК 94(470.67)

ИЗ ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА КРЕПОСТИ СВЯТОГО КРЕСТА (1722–1735)*

Магомед-Паша Б. Абдусаламов [a, @, ID]***; Николай Д. Чекулаев*** [b]

[a] *Дагестанский государственный университет народного хозяйства, 367008, Россия, г. Махачкала, ул. Атаева, 5*
[b] *Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, 367030, Россия, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75*
[@] *vikingpasha@mail.ru*
[ID] *https://orcid.com/0000-0001-5239-6690*

Поступила в редакцию 25.07.2018. Принята к печати 03.09.2018.

Ключевые слова:
Российская империя, Петр I, Северный Кавказ, Терский город, Святой Крест, Низовой корпус, генералитет, крепость, гарнизон.

Аннотация: В статье на основе архивных документов и трудов отечественных кавказоведов рассматривается история возникновения и постройки крепости Святого Креста. История основания крепости была связана со знаменитым Персидским (Каспийским) походом российского императора Петра I (1722–1723). В результате Персидского похода Прикаспийские провинции Ирана и весь Приморский Дагестан оказались в составе Российской империи. Для упрочения достигнутых результатов здесь был сформирован Низовой корпус, включавший в себя систему русских крепостей в регионе. Святой Крест, основанный Петром I в сентябре 1722 г. в устье Сулака, постепенно стал экономическим и административно-политическим центром на Кавказе.
В кавказской политике России в силу своего стратегического местоположения Святому Кресту было суждено сыграть важную историческую роль, стать опорой в регионе, надежным щитом южных рубежей империи. Большое внимание в статье уделено истории гарнизона крепости Святого Креста, которая практически не нашла достойного отражения в отечественной историографии. Российские историки, исследуя кавказскую политику России, говорят о политической и экономической роли крепости Святого Креста. Отдельные исследования, посвященные истории крепости Святого Креста, отсутствуют, и данная статья – своего рода попытка восполнить данный пробел.

Для цитирования: Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д. Из истории основания и строительства крепости Святого Креста (1722–1735) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 5–11. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-5-11.

Среди мер по упрочению позиций России в Прикаспии в результате Персидского похода была проведена постройка сети укреплений и крепостей. Заявление Петра I о том, что интересы России не могут допустить османов к Каспийскому морю, подкреплялось широкими военными приготовлениями, среди которых значимую роль играли создание Низового Корпуса, сооружение укреплений и крепостей, усиление Каспийской флотилии и др. [1, с. 13]. Одной из фортификационных укреплений была крепость Святого Креста. Еще в период Персидского похода 24 июля 1722 г. император Петр I ездил в Терский городок с целью ее осмотра. За время своего существования Терский город пережил много несчастий. Особенно часты были пожары. В начале 90-х гг. XVII в. в регионе свирепствовала эпидемия чумы. Из тысячного гарнизона Терков осталось 73 конных и 109 пеших стрельцов. Из-за наводнений, вызванных подъемом уровня вод Каспия, Терский город был перенесен на новое место. Вскоре после этого в 1688 г. произошел сильный пожар, почти полностью уничтоживший Терки. Город был отстроен заново, но весной 1708 г. он был снова сожжен внезапно напавшими крымскими войсками [2, с. 131–132]. И вновь было решено перенести Терки на новое место. Все, естественно, сказывалось на состоянии города. На всей его жизненной истории лежала печать запустения

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-31-01067/17-ОГОН «Интеграция Дагестана с Россией. Конец XVI – первая половина XIX в.».

и упадка: он уже выполнил свое историческое предназначение. Именно в таком состоянии и застал его император Петр I. Он понял, что Терский городок укрепила сама природа. Снаружи Терки полностью кругом опоясывали глубокие топи, а единый проход к городу надежно защищали бойницы[1].

Однако подобное местоположение Терков – в болотистой местности, с затрудненным подходом с моря – делало невозможной дислокацию здесь значительных сил. Это побудило Петра I найти более удобное место для постройки новой крепости, призванной заменить Терки [3, с. 68]. Другой причиной замены Терков было стремление Петра I продолжить кордонную линию по направлению к Сулаку и построить там Святой Крест, стратегически опорный пункт империи на Кавказе.

В этот период русские границы в регионе расширились. Терский город оказался в стороне от них. Сама жизнь диктовала необходимость построить новую крепость вдали от реки Терека, а Терскую крепость ликвидировать как утратившую былое стратегическое положение [4, с. 55].

Предназначением новой крепости – Святого Креста – было не только укрепление позиций России в недавно присоединенных землях, но и надежная защита своих южных границ. Терская же крепость с этой задачей не смогла бы уже справиться. Подобные суждения высказывал в своих «доношениях» в Сенат от 29 мая 1714 г. князь А. Бекович-Черкасский. Таким образом, императорской волей было принято решение построить новую крепость, получившую название Святого Креста[2].

Святой Крест был заложен на том месте, где р. Сулак делится на два рукава: северный – Аграхань и южный – собственно Сулак, в 20 верстах от ее устья [5, с. 65–70]. Место было необитаемым и понравилось императору: там был пригодный для строительства лес, пастбища для скота, а самое главное, отсюда можно было легко контролировать территорию Дагестана и поддерживать связь с Дербентом.

Издавна эта земля получила греческое название Ставрополь, т. е. «город креста». Петр I предполагал, что некогда здесь располагался одноименный греческий город, поэтому и назвал укрепление Святым Крестом. Вполне вероятно, что город с таким названием здесь действительно существовал, т. к. территория, расположенная между сулакским и аграханским рукавами и Каспием, в переводе с татарского называлась «крест». После основания крепости Святого Креста астраханских архиепископов стали именовать астраханскими и ставропольскими, а не терскими, как это было с момента создания в 1606 г. астраханской епархии [6, с. 7].

Вот как описывает это событие историк П. Г. Бутков. По его сведениям, Петр I лично определил «сие место» под крепость, сам подготовил его план, изготовил чертеж «сей крепости». Императору в работе оказывал помощь будущий крупный военачальник на Кавказе В. Я. Левашов. Святой Крест как крепость состояла из шести бастионов и имела удобное сообщение с морем по Сулаку. Постройка крепости Святого Креста, согласно П. Г. Буткову, продолжалась с 1723 по 1724 гг. [7, с. 33–34]. Этот рассказ о закладке самим Петром I крепости Святого Креста с небольшими вариантами повторяют и другие историки [8, с. 29–30].

Таким образом, до сего времени господствует неправильная точка зрения о событиях, связанных с сооружением первых русских укреплений на р. Сулак. В действительности же дело обстояло несколько иначе. Из приложенной к «Походному журналу» записки «о поставленном на военных совещаниях» очевидно, что Петр I возвел не саму крепость Святого Креста, а только первый полевой ретраншемент. В нем император и оставил войска под начальством полковника Л. Я. Соймонова, которые должны были прикрывать сооружение основных укреплений на р. Сулак[3].

Также освещают сентябрьские события 1722 г. и другие исторические материалы XVIII в. И. Г. Гербер писал: «И для того приказал Государь наперед сделать небольшие шанцы, а потом построить регулярную крепость о шести бастионах, которая названа была по примеру прежнего имени Святой Крест» [9, с. 19]. Согласно показаниям И. Г. Гербера, выходит, что в бытность там Петра I было построено лишь небольшое укрепление. Строительство же самой крепости началось только через год после отъезда императора и было завершено в тот год, когда И. Г. Гербер закончил свой труд [3, с. 68].

По реестру чертежей, планов, карт, гравюр и рисунков собрания Петра Великого, в записях 1728 г., в разделе «в зимнем доме в конторке» под № 210 значатся «два чертежа крепостей Св. Креста, в том числе один первой[4], что присутствии государевом зачатии, другой нынешней крепости[5], что строил от Риги, обе работы государевой, черчены карандашом с них две копии» [Цит. по: 10, с. 150–151].

В фондах рукописного отдела библиотеки Академии Наук в Санкт-Петербурге чертежи, выполненные

[1] Повествование о России. М.: Университетская Типография, 1843. Кн. VII. 308 с.

[2] Полное Собрание Законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. V. С. 109–110.

[3] Походный журнал 1722 года. СПб., 1913. С. 181.

[4] ретраншемента.

[5] шестибастионной.

карандашом, не сохранились, но имеются упоминаемые в реестре под № 210 копии чертежей работы Петра I, о чем свидетельствуют императивные надписи на них. До настоящего времени эти интересные материалы, вносящие новую лепту в историю постройки крепости Святого Креста, не опубликованы.

Помещенный в труде Ф. Ласковского чертеж «План крепости Святого Креста» относится к более позднему времени (1725), когда уже были построены плотины вокруг крепости для предохранения её от затопления во время разлива р. Сулак. Ретраншемент, показанный на этом плане в мелком масштабе, в основном своими контурами соответствует чертежу из собрания Петра Великого. Следовательно, осенью 1722 г. на р. Сулак Петр I построил ретраншемент Святого Креста, а не шестибастионную крепость, к строительству которой приступили позднее, хотя место её сооружения и очертания основного профиля, видимо, были указаны непосредственно самим Петром I [10, с. 151–152].

Находясь в Астрахани, 4 октября 1722 г. император подписал инструкцию генерал-лейтенанту М. А. Матюшкину, 15 пункт которой предусматривал необходимость перевода солдат и «прочих жителей со всем» в крепость Святого Креста, а также и «ретраншаменты» в Аграханском заливе покинуть и «людей вывесть»[6].

Уже осенью 1722 г. из Петербурга на Кавказ поступило распоряжение послать на строительство этой крепости 1 тыс. донских казаков и 4 тыс. калмыков, часть которых в то же время должна выполнять пограничную службу. Русское правительство заставило и украинскую казачью старшину послать на постройку крепости Святого Креста рядовых казаков, чему последние всячески сопротивлялись. Крепость возводили русские мастера-умельцы, донские, украинские, терские, гребенские казаки, солдаты – участники Персидского похода, окочане и черкесы, жившие до этого в Терках [11, с. 160–161].

Согласно распоряжению императора Петра I от 4 октября 1722 г. надлежало отправить из Царицына в Святой Крест драгун, которые должны были в апреле быть на месте для несения службы. Помимо этого, предусматривалось выслать на лодках казаков и два полка пехоты к р. Агрохань, а оттуда в Святой Крест для сооружения крепости и плотины. Работы по строительству развернулись с весны 1723 г. К этому времени для использования в качестве рабочей силы генерал-лейтенант М. А. Матюшкин направил к Сулаку часть пехоты и почти всю кавалерию (драгун и казаков) [12, с. 13].

В 1723 г. руководство строительными работами было возложено императором Петром I сначала на генерал-майора Г. С. Кропотова. Непосредственными исполнителями были инженер-полковники Адриан де Бринель и Ветерани, а главным контролером от правительства был назначен губернатор Астрахани А. П. Волынский. Летом 1723 г. под начальством генерал-майора Г. С. Кропотова состояли 10687 человек, из них 8358 драгун. Кроме того, к р. Сулак должен был прийти корпус украинских казаков – 12000 человек. Почти вся кавалерия, собранная Петром I в Прикаспии, была на постройке крепости Святого Креста. Получая тревожные известия о продвижении турок, Петр I заботился о скорейшем сооружении крепости и требовал от генерал-майора Г. С. Кропотова оперативных инициативных действий, «чтоб времени, в чем не терять» [13, с. 140].

Об этом свидетельствует переписка между императором и генерал-майором Г. С. Кропотовым: *«23 (числа) монарх дал резолюцию на представление астраханского губернатора о разных делах, к должности онаго и до вспоможения Г. С. Кропотову в деле крепости Святого Креста относящихся; и того же числа писал к генерал-майору Г. С. Кропотову относительно до строения помянутой крепости; а как с сего письма имею я точный список, то и помещаю оное здесь, которое совокупно послужить доказательством, коль точны все его повеления, так кратко в реестре кабинетских бумаг его записанные.*

Господин Генерал-майор!

Письмо ваше от 14 июля до нас дошло, в котором пишите, что лесу для дела плотины еще не бывало, чего ради имели вы консилиум, на котором положили вместо крепости делать транжамент, пока лес на плотину прибудет, а о крепости не упоминаешь; в указе же вам написано, чтоб делать плотину и крепость; а когда плотину не возможно делать, то надлежит сделать крепость, о чем и генерал-лейтенант Матюшкин писал к вам, что когда плотины за не присылкою лесу делать не можно, то б делать крепость, дабы работа туне не пропадала; для чего и черкас к вам в скорости отправил; но вы в письме своем упоминаете только о транжаменте, а о крепости ничего, однакож мы не чаем, чтоб вы, как по пунктам нашим, так и по письму Матюшкина, крепости не зачали делать, в чем бы вы не могли оправдаться, потеряв столько времени; но разве крепость называете транжаментом, того ради на сие ответствуем, что крепость довершите, а когда лес прибудет на плотину, и удобное время к тому будет, то делайте и плотину, для чего надлежит вам там зимовать, а драгун оставь у себя от каждого полку по половине, а другую отпусти, и сия половина б была и с теми, которые у Тараканова в отпуску были. Пехотных же полков и черкас оставь столько сколько довольно будет для достройки крепости и дела плотины, или и всех

[6] Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 335. Оп. 1. Д. 12. Л. 23–24.

по своему разсмотрению, и по количеству провианта, дабы онаго стало на тех людей, кои останутся с вами до мая; и для того о присылке провианту ныне заранее сносись с губернатором Астраханским, которому от нас указ о том послан, ... что пишешь о лесе на казармы, что крив, а надеешься на Астраханской, и тому дивимся, понеже лес из Астрахани только для плотины и ворот городовых и мостов подъемных будет, а не на строение; а строенье делай, так как сам ты видел в Терках и прочих деревнях, мазанковое. Также в такой дальности описываться, спрашивавшая, что делать, как возможно? Понеже пока опишетесь, и о том деле уже время пройдет; но надлежит указ исполнять как возможно, хотя что и велено делать прежде, а случай не допустить, то после, только чтоб времени ни в чем не потерять»[7].

Кабинет-секретарь императора Г. Макаров в своем письме по поводу постройки крепости Святого Креста писал генерал-майору Г. С. Кропотову следующее: *«Помянутое ваше письмо не малое сомнение здесь навело; ибо в указе Его Императорского Величества, данном генерал-лейтенанту М. А. Матюшкину, написано, чтоб делать на реке плотину, а по том крепость, с которого указу и вы копию имеете; а пред тем писал к Его Императорскому Величеству он Господин М. А. Матюшкин, что вы имели консилиум и положили, за не присылкою леса и за великою водою в реке Сулаке, на том месте, где быть крепости Святого Креста, транжамент для зимовья; на что он Матюшкин к вам писал, что когда и лес не бывал, зачали б вы делать крепость; а в вашем письме написано, что вы по имевшемуся 22 мая консилию, слушав указ Его Величества и доношение (инженер) подполковника де Бриния, положили на том месте, где быть крепости, строить для зимовья транжамент, и то вы учинили противно воле и указу Его Величества; ибо как выше упомянуто, и Генерал-майор Матюшкин к вам писал, чтоб строить крепость, и доношения де Бриневы вам были, (как видно из приложенной от вас же копии с учиненного консилия), о строении крепости, а не транжамента, о чем пространнее усмотрите из посланного на сей же почте Его Величества указу. И ежели впредь вам будет случай о таких, или о других важных делах писать, то изволите писать прямо к Его Императорскому Величеству, а не на мое имя; ибо ко мне о таких, или о других важных делах не надлежит писать, а надлежит писать прямо до самого Его Величества и проч.»*[8]. Из содержания письма мы видим, что петербургский двор строительству крепости придавал важное значение. Процесс строительства контролировал сам Петр I. Ввиду этого кабинет-секретарь Макаров рекомендовал генерал-майору Г. С. Кропотову писать о строительных работах на Сулаке лично императору.

4 ноября 1722 г. последовал указ императора астраханскому губернатору А. П. Волынскому о заготовлении на дело сулакской плотины материалов[9]. При возведении крепости были большие затруднения в строительных материалах, главным образом в лесе. Нужны были в большом количестве и высокого качества бревна для плотин, крепостных ворот, подъемных мостов и самих крепостных стен. Как ни торопились с крепостными работами, они продвигались медленно, потому что весь строительный материал заготовлялся в приволжских городах и уже оттуда сплавлялся морем, а казармы строились в Терках и потом в разобранном виде доставлялись на место. Хотя берега рек Сулака и Аграхани были покрыты сплошными лесами, этот лес не годился для построек. Кроме того, Петр I приказал беречь его, понимая, что с истреблением лесов могут обмелеть и сами реки. Он 16 сентября 1723 г. в резкой форме выразил свое неудовольствие по поводу медлительности астраханского губернатора А. П. Волынского, который не сумел обеспечить строительство крепости Святого Креста рабочей силой, провизией и лесоматериалами. «Велено вам, – писал Петр I А. П. Волынскому, – поставить лес на плотину рано, а вы и в июле не поставили, чем дивимся, как будешь отвечать». Для расследования дела был отправлен в Астрахань ревизор князь Солнцев-Засекин, которому Петр I предписал допросить губернатора, «для чего так мало выслано, а также и высылкою лесов и прочих материалов для чего умедлено». Ради ускорения строительства крепости было решено готовить лесоматериалы силами двух губерний: Астраханской и Казанской. Казанский губернатор Салтыков должен был мобилизовать на лесные работы городских и уездных жителей и отправлять лесоматериалы вниз по Волге «по вскрытию воды немедленно». Император велел генерал-лейтенанту М. А. Матюшкину помогать в постройке крепости генерал-майору Г. С. Кропотову. 16 сентября 1723 г. Петр I требовал от Г. С. Кропотова исправления всего ему предписанного, не отговариваясь «никакою невозможностью», потому что все ресурсы ему даны[10].

[7] Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. 14: К 1723, 1724 и 1725 годам, и до кончины его величества. М.: Университетская Типография у Ридигера и Клаудия, 1794. С. 148–151.

[8] Там же, с. 151–153.

[9] Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. 13: К 1720, 1721 и 1722 годам. 1794. М.: Университетская Типография у Ридигера и Клаудия, 1794. С. 390.

[10] Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. 14: К 1723, 1724 и 1725 годам, и до кончины его величества. М.: Университетская Типография у Ридигера и Клаудия, 1794. С. 178.

В крепости Святого Креста в 1723 г. находились на работах 729 украинских и слободских казаков из 15 казачьих полков. За изнурительный труд они получали в месяц 10 алтынов каждый. Много труда было вложено в строительство крепости. От простуды, болезней и голода погибло много людей. Несмотря на ропот людей, крепость продолжали возводить и укреплять. Внутри крепости сооружались постройки для гарнизона, дома для офицеров, складские помещения. Построили дома и для других служб, в том числе аманатский двор. По приказу Петра I военные инженеры построили шесть бастионов, состоявших из одного или двух земляных валов для размещения на них орудий. Часть пушек, вывезенных из бывшего Терского города, была поставлена на крепостных стенах. Это была значительная крепость, направленная фронтом на юг, где горизонт закрывался скалистыми горами Дагестана [14, с. 86].

Строительство Святого Креста было завершено осенью 1724 г. На сооружение правительство потратило много денег и сил. Но дело этого стоило. Была построена мощная по тому времени шестибастионная крепость, в которой сконцентрировались внушительные воинские силы с артиллерией (1384 человека и 21 пушка) [15, с. 219].

Завершая данную статью, необходимо сказать следующее: крепость Святого Креста заменила существовавшую на Северном Кавказе еще со времен царя Ивана Грозного Терскую крепость. Крепость Святого Креста имела военно-политическое и торговое значение. Как военная составляющая данное укрепление создавало надежную защиту южных границ Российского государства от внешнего врага.

Политическое значение крепости Святого Креста состояло в том, что она позволяла держать под контролем местных владельцев (Тарковского шамхала, влиятельных кумыкских правителей Засулакской Кумыкии – Эндиреевского, Аксайского и Костековского княжеств). В заложении крепости на р. Сулак окрестные владельцы увидели упрочение власти России в этом крае и стали изъявлять склонность к вступлению в российское подданство: так, в 1723 г. были приняты в российское подданство эндиреевский владелец Айдемир с братьями и ногайцы, кочевавшие по рекам Аграхань и Сулак. К коменданту крепости постоянно обращались кумыкские феодальные правители по всем вопросам своих подданнических отношений.

Торговое значение крепости заключалось в следующем: она была инструментом осуществления экономической составляющей кавказской политики Российской империи и являлась центром русско-кавказских торговых связей. Материалы дают нам возможность воссоздать картину активного русско-дагестанского экономического взаимодействия, которое осуществлялось с помощью крепости Святого Креста.

Литература

1. Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д. Комендант Дербента: права и полномочия как представителя российской императорской власти в Дагестане (1722–1735 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-2. С. 13–18.

2. Кидирниязов Д. С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013. 456 с.

3. Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 271 с.

4. Гриценко Н. П. Города Северо-восточного Кавказа и производительные силы края. V – сер. XIX в. / отв. ред. В. А. Золотов. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1984. 159 с.

5. Иноземцева Е. И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. 226 с.

6. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе / под ред. В. А. Потто. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1906. Вып. 1. 182 с.

7. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3-х ч. СПб.: Типография Императорской АН, 1869. Ч. I. 548 с.

8. Потто В. А. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. 332 с.

9. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 60–120.

10. Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Эльбрус, 1982. 253 с.

11. Кидирниязов Д. С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 488 с.

12. Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д., Муртазаев А. О. Военное судопроизводство в Бакинском гарнизоне (1723–1735 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-2. С. 13–16.

13. Лысцов В. П. Персидский поход Петра I: 1722–1723 гг. М.: Издательство МГУ, 1951. 247 с.

14. Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик: Эльбрус, 1996. 352 с.

15. Абдусаламов М.-П. Б. Кумыкские государственные образования в стратегических планах России на Северном Кавказе в XVII – первой четверти XVIII в. М.: Парнас, 2017. 264 с.

THE FORTRESS OF THE HOLY CROSS: FOUNDATION AND CONSTRUCTION (1722–1735)*

Magomed-Pasha B. Abdusalamov [a, @, ID]***; Nikolay D. Chekulayev*** [b]

[a] *Dagestan state university of the national economy, 5, Atayev St., Makhachkala, Russia, 367008*
[b] *Institute of history, archeology and ethnography of the Dagestan scientific center of the Russian Academy of Sciences, 75, Yaragsky St., Makhachkala, Russia, 367030*
[@] *vikingpasha@mail.ru*
[ID] *https://orcid.com/0000-0001-5239-6690*

Received 25.07.2018. Accepted 03.09.2018.

Keywords: Russian Empire, Peter the Great, North Caucasus, Tersky city, Sacred Cross, Local case, generals, fortress, garrison.

Abstract: The current research is based on archival documents and works by domestic specialists in Caucasian studies. It features the foundation and construction of the Fortress of the Sacred Cross. Its history began during the famous Persian, or Caspian, Campaign of Peter the Great (1722–1723). As a result, the Caspian provinces of Iran and the entire Seaside Dagestan entered the Russian Empire. To protect the new territories, a system of military fortifications was built. The Fortress of the Holy Cross was founded by Peter the Great in September, 1722, in the estuary of the Sulak River. It gradually became one of the economic, administrative and political centers of the Caucasus.

Owing to its strategic location, the Fortress of the Holy Cross played an important historical role in the Caucasian policy of Russia: it was Russia's pillar of support in the region and shielded the southern boundaries of the Empire. The article focuses on the history of the garrison, which has long remained understudied by domestic historiographers. Some Russian researches devoted to the Caucasian policy in general mention the political and economic role of the Fortress. However, there have been no separate studies devoted to the history of the Fortress – a lacuna the authors of the article attempt to bridge.

For citation: Abdusalamov M.-P. B., Chekulayev N. D. Iz istorii osnovaniia i stroitel′stva kreposti Sviatogo Kresta (1722–1735) [The Fortress of the Holy Cross: Foundation and Construction (1722–1735)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 5–11. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-5-11.

References

1. Abdusalamov M.-P. B., Chekulayev N. D. Komendant Derbenta: prava i polnomochiia kak predstavitelia rossiiskoi imperatorskoi vlasti v Dagestane (1722–1735 gg.) [Commandant of Derbent: rights and authorities as representative of Russian imperial power in Dagestan (1722–1735)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice*, no. 2-2 (2014): 13–18.

2. Kidirniiazov D. S. *Dagestan i Severnyi Kavkaz v politike Rossii v XVIII – 20-e gg. XIX v.* [Dagestan and the North Caucasus in the politics of Russia in 1700–1820s]. Makhachkala: IIAE DNTS RAN, 2013, 456.

3. Gadzhiev V. G. Sochinenie I. *Gerbera «Opisanie stran i narodov mezhdu Astrakhan'iu i rekoiu Kuroi nakhodiashchikhsia» kak istoricheskii istochnik po istorii narodov Kavkaza* [The work of I. Gerber "Description of countries and peoples between Astrakhan and the River Kura" as a historical source about the peoples of the Caucasus]. Moscow: Nauka, 1979, 271.

* The paper was funded by of the Russian Foundation of Basic Research, project No. 16-31-01067/17-DHSS "Integration of Dagestan and Russia. The end of the XVI – the first half of the XIX century".

4. Gritsenko N. P. *Goroda Severo-vostochnogo Kavkaza i proizvoditel'nye sily kraia. V – ser. XIX v.* [Cities of the North East Caucasus and productive forces of the region. V – middle of the XIX centuries]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1984, 159.

5. Inozemtseva E. I. *Dagestan i Rossiia v XVIII – pervoi polovine XIX v.: problemy torgovo-ekonomicheskikh vzaimootnoshenii* [Dagestan and Russia in XVIII – the first half of the XIX century: problems of trade and economic relationship]. Makhachkala: DNTS RAN, 2001, 226.

6. *Pamiatniki vremen utverzhdeniia russkogo vladychestva na Kavkaze* [Monuments from the early period of the Russian dominion in the Caucasus]. Ed. Potto V. A. Tiflis: Tipografiia Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, Iss. 1 (1906): 182.

7. Butkov P. G. *Materialy dlia novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god* [Materials for the modern history of the Caucasus from 1722–1803]. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi AN, part 1 (1869): 548.

8. Potto V. A. I*storicheskii ocherk kavkazskikh voin ot ikh nachala do prisoedineniia Gruzii* [A historical sketch of the Caucasian wars from their beginning to the annexation of Georgia]. Tiflis: Tip. Kantseliarii Glavnonachal′stvuiushchego grazhdanskoi chast′iu na Kavkaze, 1899, 332.

9. Gerber I.-G. Opisanie stran i narodov vdol′ zapadnogo berega Kaspiiskogo moria. 1728 g. [The description of the countries and the people along the west bank of the Caspian Sea. 1728]. *Istoriia, geografiia i etnografiia Dagestana* [History, geography and ethnography of Dagestan]. Moscow: Izdatel′stvo vostochnoi literatury, 1958, 60–120.

10. Vilinbakhov V. B. *Iz istorii russko-kabardinskogo boevogo sodruzhestva* [From the history of the Russian-Kabardian military commonwealth]. Nalchik: El′brus, 1982, 253.

11. Kidirniiazov D. S. *Vzaimootnosheniia narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza v XVIII – seredine XIX v.: politicheskie, torgovo-ekonomicheskie i etnokul'turnye aspekty* [Mutual relations of the peoples of Dagestan and the North Caucasus in the XVIII – the middle of the XIX century: political, trade, economic and ethnocultural aspects]. Makhachkala: ALEF, 2016, 488.

12. Abdusalamov M.-P. B., Chekulayev N. D., Murtazayev A. O. Voennoe sudoproizvodstvo v Bakinskom garnizone (1723–1735 gg.) [Military legal proceedings in the Baku garrison (1723–1735)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice*, no. 1-2 (2015): 13–16.

13. Lystsov V. P. *Persidskii pokhod Petra I: 1722–1723 gg.* [Persian campaign of Peter I in 1722–1723]. Moscow: MGU, 1951, 247.

14. Mal′bakhov B. K., Dzamikhov K. F. *Kabarda vo vzaimootnosheniiakh Rossii s Kavkazom, Povolzh'em i Krymskim khanstvom (seredina XVI – konets XVIII v.)* [Kabarda in relationship between Russia and the Caucasus, the Volga region and the Crimean Khanate (the middle of XVI – the end of the XVIII century)]. Nalchik: El′brus, 1996, 352.

15. Abdusalamov M.-P. B. *Kumykskie gosudarstvennye obrazovaniia v strategicheskikh planakh Rossii na Severnom Kavkaze v XVII – pervoi chetverti XVIII v.* [The Kumyk state institutions in the strategic plans of Russia in the North Caucasus in XVII – the first quarter of the XVIII century]. Moscow: Parnas, 2017, 264.

УДК 94(571.17):614.2"194/195"

СОСТОЯНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – 1950-Е ГГ.

Злата В. Боровикова [a, @, ID]

[a] *Кемеровский государственный медицинский университет, 650029, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22а*
[@] *bzlata2008@rambler.ru*
[ID] *http://www.researcherid.com/rid/R-2085-2018*

Поступила в редакцию 15.11.2017. Принята к печати 28.08.2018.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинская помощь, население, заболеваемость, смертность, Кемеровская область.

Аннотация: После окончания Великой Отечественной войны лечебные учреждения Кемеровской области нуждались в ремонте, расширении и оснащении, в регионе остро ощущался недостаток медицинских кадров. Обычным явлением для области были повторяющиеся эпидемии желудочно-кишечных инфекций, высокая смертность всего населения и особенно детская. Для обслуживания рабочих были созданы медико-санитарные части, где уровень медицинского обслуживания был выше, чем в остальных учреждениях здравоохранения.
Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. в регионе расширилась сеть медицинских учреждений, увеличилось количество больничных коек, выросло число врачей, улучшилось медицинское обслуживание населения. Удалось ликвидировать опасные инфекции и сократить смертность. Вместе с тем из-за остаточного финансирования на нужды социальной сферы и стремительного роста городского населения в конце 1950-х гг. Кемеровская область не достигла общесоюзных показателей в сфере здравоохранения.

Для цитирования: Боровикова З. В. Состояние здравоохранения в Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 12–19. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-12-19.

Начиная с 1990-х гг. и до настоящего момента отечественное здравоохранение пребывает в состоянии реорганизации и реформирования, что негативно сказывается на показателях эффективности работы медицинских учреждений и на уровне здоровья населения. Изучение состояния здравоохранения представляет научный интерес как одна из важнейших составляющих жизненного уровня населения, которая в свою очередь оказывает серьезное воздействие на демографическую ситуацию в целом. Обращение к историческому прошлому позволяет в современных условиях использовать опыт становления и развития системы здравоохранения Кемеровской области в тяжелые послевоенные годы.

До конца 1980-х гг. изучением социальных вопросов занимались в контексте развития народного хозяйства страны [1; 2]. При анализе материалов отмечались только успехи в социальной сфере. Ученые строго следовали курсу и оценкам партийных документов, опуская «неудобные» моменты. В последующие годы вопросы социального развития Кемеровской области и здравоохранения в исследуемый период поднимались либо фрагментарно, либо упоминались сибирскими учеными в качестве иллюстративного материала без учета региональной специфики [3–5]. Ранее автором статьи была рассмотрена проблема развития населения в Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг., проанализированы механизмы взаимосвязи социально-экономических и демографических процессов в регионе, отмечена роль здравоохранения в борьбе с высокой заболеваемостью и смертностью населения от инфекционных заболеваний [6], описана ситуация с обеспечением региона врачами [7]. Однако на сегодняшний день отсутствует целостное, системное исследование по состоянию и развитию здравоохранения Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг.

Цель данной статьи – проанализировать состояние здравоохранения на территории Кемеровской области, выявить закономерности и особенности в развитии регионального здравоохранения в первые послевоенные годы.

После окончания Великой Отечественной войны перед здравоохранением Кузбасса стояло множество сложных задач, требующих скорейшего решения. Продолжал существовать огромный разрыв между развитием сети здравоохранения и ростом населения в регионе, имевшийся еще до войны. Сеть медицинских учреждений не удовлетворяла спроса увеличивающегося населения ни количе-

ственно, ни качественно. За время войны имеющаяся сеть не ремонтировалась и мало расширялась.

На конец 1945 г. здравоохранение области представляли 160 больничных учреждений на 11,1 тыс. мест, 416 учреждений фельдшерско-амбулаторной помощи, 83 женских и детских консультации, 22 санитарно-эпидемиологических станции[1]. Имевшаяся в регионе больничная сеть на конец 1946 г. была представлена 10171 койкой. Из них в городской местности было расположено 8950 коек, а в сельской – 1221 (на 1 тыс. человек приходилось 7,2 и 2,0 койки соответственно). Больницы не справлялись с потоком пациентов. Так, в детской больнице Ленинска-Кузнецкого было развернуто 70 коек вместо 30, матери помещались вместе с детьми на одних койках. Основная причина детской смертности во второй половине 1940-х гг. – поздняя госпитализация или вовсе ее отсутствие. Ощущался недостаток поликлиник и амбулаторий. На одного горожанина в среднем приходилось в 1946 г. 5 врачебных посещений поликлиник и амбулаторий, тогда как на сельского жителя – всего 0,5 посещений за год[2].

Недостаточное развитие сети здравоохранения области, низкий санитарный уровень городов и районов вместе с нерешенным жилищным вопросом создавали благоприятный фон для развития и распространения болезней органов дыхания, туберкулеза, инфекционных болезней, желудочно-кишечных заболеваний, которые являлись основными причинами смерти в эти годы [6, с. 92].

Во второй половине 1940-х гг. обычными явлениями в учреждениях здравоохранения были отсутствие или недостаток транспорта, перебои с бумагой, отсутствие средств и стройматериалов на ремонт. Среди основных причин смертности заведующий хирургическим отделением Кемеровской областной больницы М. А. Подгорбунский указывал несвоевременную диагностику, неправильное оперативное вмешательство, холод в помещении, который вызывал простуду больных и уносил жизни. Имел место катастрофический дефицит медикаментов. Для обслуживания хирургических больных в области не хватало даже йода и спирта. Недостаток медицинских препаратов сохранялся в Кемеровской области и в начале 1950-х гг[3].

В поликлиниках и амбулаториях были огромные очереди. Рабочие, чтобы попасть на прием по нервным болезням, должны были ожидать очереди по 2–3 недели, а остальное население находилось в еще более сложном положении. Больничная помощь оказывалась только в тяжелых случаях. Из больниц часто выписывали недолеченными. В 1948 г. в Прокопьевской больнице, рассчитанной на 200 коек, лежало 500 человек. В травматологических отделениях люди лежали прямо на полу. Качество медицинской помощи было низким из-за острого недостатка медикаментов. Состояние госпитализированных усугублялось плохим питанием: в больницах не было ни молока, ни крупы – больных кормили только овсянкой[4].

В целях улучшения лечебно-профилактического обслуживания населения с 1947 г. началось объединение амбулаторий и поликлиник с соответствующими больницами. В Кузбассе эта работа в основном была завершена к 1953 г. В результате более полно и своевременно стали осуществляться госпитализация и лечение больных, улучшилось качество обслуживания населения участковыми врачами, сложились благоприятные условия для проведения профилактических мероприятий.

Развитию здравоохранения и оздоровлению населения в регионе способствовало создание сети медико-санитарных частей. В послевоенные годы они были наиболее эффективной формой обслуживания рабочих. Выделявшихся на них средств было заметно больше, чем для других лечебных учреждений. В Кузбассе в начале 1950-х гг. действовало 33 медико-санитарных части. В их состав входило 18 поликлиник, 15 амбулаторий, 82 здравпункта, 27 физиотерапевтических кабинета. В стационарах имелось около 2 тыс. коек. Подобная форма обслуживания обеспечивала рабочим более быструю и качественную лечебную помощь. Госпитализация больных в первые сутки заболевания по медсанчастям составляла 92,1 % [3, с. 170–171].

В конце 1940-х гг. получил распространение цеховой метод обслуживания рабочих. Непосредственно на предприятия приходили врачи самых разнообразных специальностей и осматривали рабочих. Это позволило распознавать заболевания на ранних стадиях, повысило эффективность профилактической работы.

В борьбе с высокой детской смертностью и для своевременного выявления заболевших детей и последующего их направления на лечение в области улучшилось медицинское обслуживание детских садов. В 1947 г. врачи и медицинские сестры были прикреплены к детским садам и регулярно посещали дошкольные учреждения. Три раза в год осуществлялся медицинский осмотр. Проводились мероприятия, направленные на закаливание детей[5].

[1] 50 лет Кемеровской области (1943–1993). Юбилейный статистический сборник. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. С. 33.

[2] Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2, 40, 41.

[3] Там же, л. 44–46, 60.

[4] ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 9. Л. 58.

[5] ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 194. Л. 65, 125–126.

Теснота и сырость в жилищах на фоне неблагоприятных природно-экологических факторов способствовали распространению среди населения Кузбасса таких заболеваний, как воспаление легких и туберкулез. Для профилактики детского туберкулеза с 1942 г. по всему Советскому Союзу стала обязательной вакцинация БЦЖ всех новорожденных детей. Однако из-за недостатка прививок в 1948 г. во всех роддомах городов и поселков городского типа Кемеровской области были привиты только около 27 % новорожденных[6]. Постепенно производство вакцины увеличилось. В 1950 г. на территории Кемеровской области были привиты 53,3 % новорожденных, в 1951 г. – 79,6 %. Вместе с тем не все новорожденные региона появились на свет в роддомах, следовательно, удельный вес вакцинированных детей снизился в 1950 г. до 30,3 % и в 1951 г. – до 42,6 %[7].

Несмотря на высокую заболеваемость и смертность населения региона от туберкулеза, сеть туберкулезных учреждений и наличие квалифицированных кадров по туберкулезу резко отставали от общего роста населения Кузбасса. В области было всего 8 противотуберкулезных диспансеров, расположенных только в городах региона (в Кемерово – 3, в Сталинске (Новокузнецке), Прокопьевске, Анжеро-Судженске, Ленинске-Кузнецком и Салаире – по 1)[8].

Плохо было организовано в области родовспоможение (особенно это касалось сельской местности). Не все женщины Кузбасса во время родов могли получить квалифицированную медицинскую помощь, что приводило к большому количеству гинекологических осложнений и появлению на свет мертворожденных. В 1952 г. 18,5 % родов в городской местности и 32,7 % в сельской местности оставались без медицинского обслуживания[9].

На точности диагнозов и качестве работы медицинских учреждений Кемеровской области сказывались недостаточная оснащенность лечебно-профилактических учреждений рентген-кабинетами и вспомогательными видами помощи. В 1952 г. на 220 лечебно-профилактических учреждений в городской местности приходилось всего 73 рентген-кабинета, 78 физиотерапевтических кабинетов, 14 кабинетов переливания крови, 110 химико-диагностических лабораторий и 13 патологоанатомических кабинетов. Патологоанатомические кабинеты не являлись видом специализированной помощи, но оказывали существенное влияние на качество диагностики, а значит и лечения. Сельская местность была оснащена подобными видами медицинской помощи еще хуже: на 78 учреждений приходилось только 3 рентген-кабинета, 6 физиотерапевтических кабинета и 22 лаборатории[10].

Финансирование на нужды здравоохранения Кемеровской области во второй половине 1940-х – первой четверти 1950-х гг., как и всей остальной социальной сферы, было минимальным. В стране в первую очередь решались вопросы по восстановлению оккупированных территорий в целом и медицинской сети в частности. Сеть учреждений здравоохранения в Кемеровской области развивалась медленно (таблица 1[11]). На селе врачебные амбулатории реорганизовывались в участковые больницы, а фельдшерско-акушерские пункты – в амбулатории. За 1946–1950 гг. в области было открыто 37 больниц, 29 амбулаторий и поликлиник, 108 фельдшерских пунктов, 5 санаториев и 6 домов отдыха. За 1946–1950 гг. на капитальное строительство в области здравоохранения было выделено 18,5 млн рублей и построено 2 больничных учреждения на 87 коек. В 1950 г. количество больничных коек в Кузбассе увеличилось до 13,2 тыс., что в расчете на 10 тыс. человек населения составляло 60,3 койки[12] [8, с. 116; 9, с. 170]. В 1950 г. по местному бюджету на здравоохранение области

Таблица 1. Больничная сеть в Кемеровской области в 1940–1959 гг. (данные приведены на конец года)
Table 1. Hospital network in the Kemerovo region in 1940–1959 (end of year)

	1940	1946	1950	1955	1958	1959
Число врачей (без зубных)	1097		2362	2877	3560	3973
Число больничных коек (тыс.)	7,8	10,2	13,2	18,2	23,5	25,4
Число врачей на 10 тыс. человек	6,4		10,3	11,1	12,8	13,8
Число больничных коек на 10 тыс. человек	45,6		60,3	70,4	84,4	88,1

[6] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 329. Л. 9.

[7] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 331. Л. 36–43.

[8] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 329. Л. 72–73.

[9] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 347. Л. 15–20.

[10] Там же.

[11] сост. по ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 361. Л. 96.

[12] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 361. Л. 96; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 15. Д. 117. Л. 189.

было израсходовано 248,4 тыс. рублей, а в 1951 г. – 254,6 тыс. рублей. Открытие нескольких учреждений не решало в полной мере проблем неразвитости медицинской сети на территории области, перебоев с медикаментами, отсутствия медицинского оборудования и недостатка кадров. Между тем средства, отпущенные на приобретение необходимого оборудования и строительство в 1951 г. в сумме 5244 тыс. рублей, остались недоиспользованными на 902 тыс. Капиталовложения на строительство новых медицинских учреждений в 1951 г. использовались лишь на 82,9 %[13].

В этих условиях не допустить массовой смертности населения от желудочно-кишечных и инфекционных заболеваний, от туберкулеза и воспаления легких во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. удалось благодаря широкому применению новейших лекарственных препаратов и самоотверженному труду медиков. С массовой смертностью населения от заразных заболеваний справиться удалось, а улучшить состояние здоровья населения – нет. В Кемеровской области сохранялась высокая заболеваемость. Так, в отчете о естественномдвижении населения за май 1951 г. сообщалось, что с населением проводятся профилактические мероприятия (прививки, беседы и т. д.), однако захламленность городов и рабочих поселков нечистотами и их антисанитарное состояние способствует распространению желудочно-кишечных заболеваний в летний период. В Кузбассе необходимо было развивать жилищно-бытовую инфраструктуру, которая в начале 1950-х гг. находилась практически в зачаточном состоянии, и повышать жизненный уровень населения.

Помимо перечисленных проблем в области очень остро стоял кадровый вопрос. В поликлиниках региона многие должности врачей были замещены фельдшерами. Не хватало узких специалистов. При огромной детской летальности в регионе практически не было педиатров.

В связи с дальнейшим развитием промышленного региона потребность в квалифицированных врачебных кадрах сохранялась, что явилось одной из причин перевода в 1951 г. из Новосибирска в Сталинск Института усовершенствования врачей. Коллектив института активно включился в учебную и научную деятельность, занимался лечебно-профилактической и санитарно-противоэпидемической работой, оказывал помощь органам здравоохранения Кемеровской области, вел санитарно-просветительную работу [10].

Вместе с тем перевод Института для усовершенствования врачей в Кузбасс не решил проблемы хронического недостатка медицинских кадров в целом и врачей в частности. Основная масса молодых докторов, прибывших в Кузбасс по распределению, покидала регион. И хотя социальная сфера Кемеровской области в 1950-е гг. начинала интенсивно развиваться, по уровню жизни регион уступал многим районам страны, что не способствовало закреплению прибывших в область специалистов [7].

Кузбасс был недостаточно обеспечен врачами по сравнению с соседними или близкими по объемам промышленности областями. На 1 января 1959 г. на 10 тыс. человек населения в Сталинской (Донецкой) области приходилось 17,6 врачей, в Челябинской – 15,3, в Новосибирской – 16,7, в Красноярском крае – 13,6, тогда как в Кемеровской области – только 12,8 врачей. Значительное число врачей в регионе работало по совместительству, полностью отсутствовали такие специалисты, как эндокринологи, анестезиологи, нейрохирурги[14] [11, с. 118–119]. В Кузбассе с нетерпением ожидали первого выпуска специалистов Кемеровского медицинского института.

Только в 1950-е гг. заметно увеличивается финансирование на нужды здравоохранения Кузбасса. За период 1951–1955 гг. на строительство медицинских учреждений было выделено 81,7 млн рублей. В 1952 г. в Кемеровской области было открыто 5 новых больниц, оснащенных современным оборудованием: крупная травматологическая больница в Прокопьевске, большая больница на 800 коек в Сталинске, а также больницы в Анжеро-Судженске, Киселевске и Кемерово. В сельской местности число участковых больниц увеличилось на две: в Юргинском и Тяжинском районах. В семи диспансерах были развернуты стационары[15]. За 1951–1955 гг. было введено в действие 25 учреждений на 1183 больничных места. Однако темпы строительства медучреждений по-прежнему были недостаточными. Эти 25 лечебных объектов планировалось ввести в эксплуатацию еще в 1952 г. вместо 5 сданных в действительности. С выделением больших средств система здравоохранения в Кузбассе стала развиваться быстрее (таблица 2). В 1956–1960 гг. было введено в эксплуатацию больниц и поликлиник уже на 3834 койки. За 1950–1959 гг. число больниц в Кемеровской области возросло с 197 до 286 (число мест в них – с 13,2 до 25,4 тыс. соответственно), поликлиник и амбулаторий – с 292 до 440. Однако отпускаемые правительством ассигнования не использовались в полной мере, т. к. строительные организации не выполняли план строительно-монтажных работ (постоянно не хватало техники и материалов, которые в первую

[13] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 331. Л. 36–43.

[14] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 361. Л. 96, 135–138.

[15] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 347. Л. 15–20.

Таблица 2. Больничные и амбулаторно-поликлинические учреждения в Кемеровской области в 1945–1959-е гг. (данные приведены на конец года) [11, с. 118–119; 12, с. 548–557]
Table 2. Hospital network in the Kemerovo region in 1945–1959 (end of year) [11, p. 118–119; 12, p. 548–557]

	1945	1950	1955	1959
Число больничных учреждений	160	197	260	286
Число больничных мест, тыс. мест	11,1	13,2	18,2	25,4
Число врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений	278	292	266	440
Число фельдшерских и акушерских пунктов	416	425	521	587
Число женских, детских консультаций и детских поликлиник	83	128	168	217

очередь направлялись на строительство в отрасли тяжелой промышленности)[16].

В послевоенные годы широкое распространение получает отдых в санаториях и домах отдыха. В 1959 г. в области функционировали 31 санаторий и 12 домов отдыха. За 1955–1959 гг. число мест в санаториях и домах отдыха увеличилось с 1835 до 2387 и с 2587 до 2743 соответственно, чего при существующем спросе у населения было недостаточно. К тому же в первую очередь путевки в санатории и дома отдыха получали рабочие тяжелой промышленности[17].

Укрепление материальной базы здравоохранения страны привело к улучшению оснащения больниц и поликлиник современным оборудованием и инструментами, появились новые лечебные препараты. Если в 1948 г. в СССР работало три завода по производству пенициллина, то к концу 1950-х гг. было введено еще пять крупных заводов, вырабатывающих антибиотики. Развитие медицинской промышленности позволило значительно улучшить обеспечение больничных учреждений диагностической и лечебной аппаратурой, инструментами и медикаментами. Химико-фармацевтическая промышленность к концу 1950-х гг. освоила около 200 новых препаратов и лекарственных форм [13, с. 76]. Широкое распространение получили клинико-диагностические и санитарно-биологические лаборатории, улучшилась оснащенность больничными инструментами, приборами и аппаратами. В 1946 г. в Кемеровской области было всего 42 рентген-аппарата, которые располагались только в крупных промышленных центрах. Во второй половине 1950-х гг. рентгеноаппаратура появилась уже во многих больницах и поликлиниках области, количество которых достигло к концу 1958 г. 297 [2, с. 176]. В 1958 г. в области функционировало 25 станций скорой помощи, 2 станции переливания крови, 1 отряд санитарной авиации, 53 санэпидемстанции, 3 дома санитарного просвещения [14, с. 17].

В результате расширения сети здравоохранения, повышения жизненного уровня людей, улучшения профилактики заболеваний и внедрения новых препаратов к концу 1958 г. в Кузбассе значительно снизилась заболеваемость населения ревматизмом, кардиосклерозом, желчнокаменной болезнью, трахеобронхитами, острыми и хроническими бронхитами. До минимума была сведена смертность от крупозного воспаления легких и язвенной болезни. Ликвидирована натуральная оспа [2, с. 176]. Повысилась средняя продолжительность жизни [15].

Однако с высокой заболеваемостью населения в Кузбассе долгое время не удавалось справиться, т. к. это требовало серьезных финансовых вложений в социальную сферу региона. Здоровье населения стало улучшаться только в 1950-е гг. Народное хозяйство страны было уже восстановлено после войны, и финансирование на социальные нужды со стороны государства увеличилось, что в свою очередь привело к повышению жизненного уровня людей. Рацион питания изменился в лучшую сторону и стал более разнообразным. Повысился уровень потребления непродовольственных товаров. Расширился выпуск предметов гигиены – мыла, белья, полотенец, зубного порошка. В Кемеровской области широко развернулось жилищно-коммунальное строительство и благоустройство населенных пунктов. Серьезное влияние на образ жизни людей оказали рост грамотности и повышение образовательного уровня населения региона, что способствовало правильному уходу за младенцами, соблюдению гигиенических норм, оздоровлению быта и снижению среди всего населения желудочно-кишечных заболеваний. И если в первые послевоенные годы на территории региона не прекращались эпидемии инфекционных заболеваний, то во второй половине 1950-х гг. в результате улучшения санитарного состояния населенных пунктов области наблюдались лишь единичные случаи эпидемических заболеваний.

[16] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 15. Д. 117. Л. 4, 14; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 17. Д. 193. Л. 4, 20.

[17] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 361. Л. 96, 135–138.

В исследуемый период система здравоохранения в Кемеровской области развивалась динамично: расширилась сеть медицинских учреждений, увеличилось количество больничных коек, выросло число врачей и среднего медицинского персонала. Благодаря развитию системы здравоохранения и самоотверженной работе тысяч медицинских сотрудников удалось ликвидировать опасные инфекции и значительно сократить смертность населения с 15,1 ‰ в 1947 г. (как в наиболее неблагополучном в исследуемый период) до 7,0 ‰ в 1959 г. и смертность детей до года на 1000 родившихся с 133,2 ‰ до 43,0 ‰ соответственно, снизив коэффициенты смертности до общесоюзных показателей [6, с. 190].

Вместе с тем в Кузбассе оставался нерешенным еще целый комплекс проблем: недостаток больниц и недостаточная оснащенность материально-технической базы здравоохранения, нехватка врачей узких специальностей, переполненность городских больниц и поликлиник, состояние здравоохранения на селе. Строительство медицинских учреждений по-прежнему велось медленно, а расширение коечной сети и поликлинических учреждений в ряде случаев осуществлялось за счет приспособления зданий и перегрузки уже существовавших.

Лучше всего медицинское обслуживание населения в Кемеровской области было организовано в крупных промышленных городах региона, а там в свою очередь на предприятиях, относящихся к отраслям тяжелой промышленности. Медицинские учреждения в городских поселениях были лучше укомплектованы кадрами и обеспечены оборудованием, чем в сельской местности. В городах лучше были поставлены госпитализация больных, посещаемость больных на дому, проведение профилактических мероприятий, родовспоможение, диагностика заболеваний. Хуже всего с медицинской помощью дела обстояли в небольших сельских поселениях. Невозможность получить доступную и квалифицированную медицинскую помощь на селе (наряду с другими социальными факторами) приводила к массовому оттоку крестьян в городские поселения региона и не способствовала закреплению новоселов в сельской местности.

Для системы здравоохранения Кемеровской области в исследуемый период были характерны те же процессы и проблемы, что и для здравоохранения всей страны. В Советском Союзе финансирование здравоохранения, как и всей социальной сферы, осуществлялось по остаточному принципу после первоочередного финансирования военно-промышленного комплекса. В Кузбассе форсированная индустриализация предопределила ускоренный процесс урбанизации и отставание всей социальной инфраструктуры региона, включая и систему здравоохранения, от показателей по стране. Увеличение финансирования на нужды здравоохранения Кемеровской области в 1950-е гг. способствовало более динамичному развитию системы здравоохранения и повышению качества медицинского обслуживания населения, однако достигнуть общесоюзных показателей в этой сфере в конце 1950-х гг. в регионе так и не удалось.

Литература

1. Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / под ред. И. А. Гладкова. М.: Наука, 1965. 600 с.

2. Дуплякина Е. Развитие здравоохранения в Кузбассе в 1946–1958 гг. // Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917–1965): материалы к научной конференции / отв. ред. З. Г. Карпенко. Кемерово, 1966. Вып. 2. С. 169–180.

3. Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. 271 с.

4. Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) / отв. ред. А. С. Московский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 288 с.

5. Гущин Н. Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск: СО РАН, 1995. 82 с.

6. Боровикова З. В. Население Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг.: дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2011. 196 с.

7. Боровикова З. В. Численность врачей в послевоенном Кузбассе // Медицина в Кузбассе. 2010. № S3. С. 17–19.

8. История Кузбасса. Ч. III. История Кузбасса в период строительства социализма и коммунизма / гл. ред. А. П. Окладников. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. 221 с.

9. Кемеровская область в цифрах / отв. ред. С. Н. Витковский. Новосибирск: Статистика, 1966. 263 с.

10. Генина Е. С., Каймашникова Е. Б. Начало становления Сталинского (Новокузнецкого) государственного института для усовершенствования врачей (1951–1953 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-3. С. 206–211.

11. Кемеровская орденоносная: статистический сборник / общ. ред. С. Н. Витковский. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1968. 122 с.

12. Народное хозяйство РСФСР в 1959 году / под ред. Б. Т. Колпаковой. М.: Статистика, 1960. 600 с.

13. Воспроизводство населения СССР / под ред. А. Г. Вишневского, А. Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983. 303 с.

14. Здравоохранение в Кемеровской области: статистический сборник / общ. ред. С. Н. Витковский. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1960. 247 с.

15. Исупов В. А. Западная Сибирь в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 36–42.

HEALTHCARE SERVICE IN THE KEMEROVO REGION IN 1945–1959

Zlata V. Borovikova [a, @, ID]

[a] *Kemerovo State Medical University, 22a, Voroshilov St., Kemerovo, Russia, 650029*
[@] *bzlata2008@rambler.ru*
[ID] *http://www.researcherid.com/rid/R-2085-2018*

Received 15.11.2017. Accepted 28.08.2018.

Keywords: healthcare, medical care, population, disease incidence, death rate, Kemerovo region.

Abstract: After the end of World War II, medical institutions of the Kemerovo region needed repair, new buildings, modern equipment, and medical personnel. The region suffered from recurrent gastrointestinal epidemics and high mortality rate, especially among children. There were special medical-sanitary units that treated industrial workers; their level of healthcare care was higher than in other medical institutions. In 1945–1959, the local healthcare saw a significant improvement; the network of medical institutions expanded, the number of doctors and hospital beds increased, epidemiological situation improved and mortality decreased. Still, poor social financing and the rapid growth of urban population prevented the region from reaching the all-Union level.

For citation: Borovikova Z. V. Sostoianie zdravookhraneniia v Kemerovskoi oblasti vo vtoroi polovine 1940-kh – 1950-e gg. [Healthcare Service in the Kemerovo Region in 1945–1959]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 12–19. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-12-19.

References

1. *Razvitie sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR v poslevoennyi period* [Development of the socialist economy of the USSR in the postwar period]. Ed. Gladkov I. A. Moscow: Nauka, 1965, 600.

2. Dupliakina E. Razvitie zdravookhraneniia v Kuzbasse v 1946–1958 gg. [Development of health in the Kuzbass in 1946–1958]. *Iz istorii rabochego klassa v Kuzbasse (1917–1965): materialy k nauchnoi konferentsii* [From the history of the working class in the Kuzbass (1917–1965): Proc. Sc. Conf.]. Ed. Karpenko Z. G. Kemerovo, Iss. 2 (1966): 169–180.

3. Bukin S. S. *Zhiznennyi uroven' rabochei sem'i v Sibiri (1946–1960 gg.)* [The living standard of the working family in Siberia (1946–1960 gg.)]. Novosibirsk: Nauka, 1984, 271.

4. Isupov V. A. *Gorodskoe naselenie Sibiri: ot katastrofy k vozrozhdeniiu (konets 30-kh – konets 50-kh gg.)* [Urban population of Siberia: from disaster to revival (late 30 – late 50s)]. Ed. Moskovskii A. S. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1991, 288.

5. Gushchin N. Ia. *Naselenie Sibiri v XX veke: osnovnye tendentsii i kataklizmy v razvitii* [The population of Siberia in the XX century: the main trends and cataclysms in development]. Novosibirsk: SO RAN, 1995, 82.

6. Borovikova Z. V. *Naselenie Kemerovskoi oblasti vo vtoroi polovine 1940-kh – 1950-e gg.* Diss. kand. ist. nauk [The population of the Kemerovo region in the second half of the 1940s – 1950s. Cand. Histor. Sci. Diss.]. Kemerovo, 2011, 196.

7. Borovikova Z. V. Chislennost′ vrachei v poslevoennom Kuzbasse [Number of doctors in the post-war Kuzbass]. *Meditsina v Kuzbasse = Medicine in Kuzbass*, no. S3 (2010): 17–19.

8. *Istoriia Kuzbassa. Ch. III. Istoriia Kuzbassa v period stroitel'stva sotsializma i kommunizma* [History of Kuzbass. Part III. History of Kuzbass in the period of building socialism and communism]. Ed. Okladnikov A. P. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970, 221.

9. *Kemerovskaia oblast' v tsifrakh* [Kemerovo Region in figures]. Ed. Vitkovskii S. N. Novosibirsk: Statistika, 1966, 263.

10. Genina E. S., Kaymashnikova E. B. Nachalo stanovleniia Stalinskogo (Novokuznetskogo) gosudarstvennogo instituta dlia usovershenstvovaniia vrachei (1951–1953 gg.) [The start of establishing Stalinsk (Novokuznetsk) state medical refresher institute (1951–1953)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2-3 (2013): 206–211.

11. *Kemerovskaia ordenonosnaia: statisticheskii sbornik* [The Kemerovo Order-bearing: statistical digest]. Ed. Vitkovskii S. N. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968, 122.

12. *Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1959 godu* [The national economy of the RSFSR in 1959]. Ed. Kolpakova B. T. Moscow: Statistika, 1960, 600.

13. *Vosproizvodstvo naseleniia SSSR* [Reproduction of the population of the USSR]. Eds. Vishnevskii A. G., Volkov A. G. Moscow: Finansy i statistika, 1983, 303.

14. *Zdravookhranenie v Kemerovskoi oblasti: statisticheskii sbornik* [Health care in the Kemerovo region: statistical digest]. Ed. Vitkovskii S. N. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960, 247.

15. Isupov V. A. Zapadnaia Sibir′ v kontekste demograficheskoi modernizatsii: pervaia polovina XX stoletiia [Western Siberia in the context of demographic modernization: first half of the XX century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian sciences in Siberia*, no. 2 (2013): 36–42.

УДК 94:37.07(571.5)"1914/1918"

СОВЕЩАНИЕ 21–22 НОЯБРЯ 1915 Г. О ПРИЕМЕ И РАЗМЕЩЕНИИ БЕЖЕНЦЕВ В ПРЕДЕЛАХ ИРКУТСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

Олеся М. Долидович [a, @, ID]

[a] *Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79*
[@] *dolidovich@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0003-3364-1528*

Поступила в редакцию 17.06.2018. Принята к печати 20.07.2018.

Ключевые слова: беженцы, Восточная Сибирь, Иркутское генерал-губернаторство, комитеты помощи беженцам, Первая мировая война.

Аннотация: Статья посвящена совещанию, состоявшемуся 21–22 ноября 1915 г., на котором представители власти, городов и общественных организаций обсуждали вопросы приема и организации помощи беженцам Первой мировой войны в пределах Иркутского генерал-губернаторства. Исследование основано на протоколах совещания и материалах периодической печати, которые введены в научный оборот впервые. Охарактеризованы участники, главные темы, результаты обсуждения. Показано, что власти первоначально не планировали размещать беженцев в столь отдаленном регионе, но из-за переполненности западных областей были вынуждены направлять их далее на восток. Города Восточной Сибири не успели подготовиться к такому массовому переселению. Людей спешно расселяли, организовывали питательные, медицинские пункты, налаживали пайковое обеспечение. На эти цели использовали правительственные субсидии (хотя помощь от казны была минимальной, поступала несвоевременно), ресурсы переселенческого ведомства, Всероссийского союза городов, местных благотворительных организаций. Участники совещания предлагали создать общесибирский комитет помощи беженцам, организовать систему поддержки беженцев на территории уездов, все расходы по содержанию беженцев и выселенцев возложить исключительно на государство.

Для цитирования: Долидович О. М. Совещание 21–22 ноября 1915 г. о приеме и размещении беженцев в пределах Иркутского генерал-губернаторства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 20–26. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-20-26.

Усилившийся приток беженцев в губернии Восточной Сибири осенью 1915 г. стал причиной созыва специального совещания 21–22 ноября того же года в Иркутске. На встрече представители местной администрации, городов и общественных организаций обсуждали проблемы, касавшиеся приема и размещения вынужденных переселенцев в пределах Иркутского генерал-губернаторства. Этому совещанию посвящена настоящая статья, поскольку региональный анализ позволяет реконструировать деятельность правительственных учреждений и гражданских ассоциаций по оказанию помощи беженцам в масштабах Российской империи.

В современной отечественной историографии продолжаются дискуссии об общей численности беженцев в Российской империи в 1914–1917 гг., динамике беженских потоков в тыловые регионы [1; 2]. Предметом системного анализа историков стали организационные и правовые мероприятия по организации помощи беженцам [3–5], влияние беженского фактора на продовольственную ситуацию в стране [6]. За последние годы вышел ряд работ о положении беженцев в Сибири [7–11]. Специалисты довольно подробно освещают подходы к решению беженского вопроса в Западной Сибири. Однако вопрос о положении беженцев в восточносибирских губерниях относится к числу малоисследованных. Можно назвать лишь несколько публикаций, выполненных в русле истории благотворительности [12–15].

Статья базируется на комплексе опубликованных источников. Прежде всего это протоколы иркутского совещания, которые отражают круг участников, обсуждавшиеся вопросы, спорные моменты, общую резолюцию[1]. Кроме того, привлечены материалы периодической печати (Иркутские губернские ведомости, Вестник иркутского городского общественного управления, Иркутская жизнь, Сибирская мысль). В годы войны положение беженцев привлекало по-

[1] Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916.

вышенное внимание населения и прессы, поскольку появление здесь значительного числа вынужденных переселенцев вело к росту цен на продовольствие и товары первой необходимости, жилье, распространению эпидемий.

Точная численность беженцев в Российской империи в годы Первой мировой войны до сих пор не установлена. Их учет вели Центральное всероссийское бюро при Татьянинском комитете и Всероссийский земский и городской союзы. Однако эти структуры регистрировали лишь тех, кто получал пособие. Никто не фиксировал более благополучных в имущественном отношении, а также находившихся в прифронтовой полосе и в дороге, погибших от болезней и голода, выселенцев из западных областей. По данным различных исследователей, общая численность вынужденных переселенцев к октябрю 1917 г. составляла от 5 до 7,5 млн человек [4, с. 50–51].

От начала военных действий до середины 1915 г. беженство было стихийным, большинство беженцев оставалось в прифронтовой полосе. Летом-осенью 1915 г. в связи с отступлением российской армии из Польши, Литвы, Галиции их приток в тыловые губернии значительно увеличился: «Основным регионом, принявшим беженцев, стала Европейская Россия, где было сосредоточено около 85 % всех вынужденных мигрантов, <…> на территории Урала разместилось 6,2 % всех беженцев, на Кавказе – 5,5, в Сибири – 2,2, в Средней Азии – 1,3» [2, с. 102]. Беженцы не стремились переселяться в глубь страны, предпочитая оставаться поближе к родным местам, куда рассчитывали в скором времени вернуться.

При Министерстве внутренних дел 30 августа 1915 г. было создано Особое совещание по устройству беженцев, в регионах непосредственным попечением о беженцах занимались земства и городские думы. Помощь им также оказывали общественные и благотворительные организации: Всероссийские земский и городской союзы, Татьянинский комитет, Всероссийское общество попечения о беженцах, национальные ассоциации (польские, еврейские, литовские и др.) [4, с. 51–56]. Государственное казначейство отпускало кредиты на расходы на обеспечение беженцев по запросам должностных лиц и организаций[2].

Согласно различным исследованиям Азиатская Россия (включая Сибирь, Дальний Восток и Среднюю Азию) до начала 1917 г. приняла до 114637 человек, причем большая часть их осела в Западной Сибири [1]. Более точные данные привести сложно, поскольку «учет прибывающих в Сибирь беженцев на всех этапах вызывал немало трудностей. Первоначально главной проблемой было огромное и невиданное ранее количество беженцев, и местные власти просто физически не успевали зарегистрировать всех прибывающих. До конца августа 1915 г. беженцы частично учитывались вместе с другими переселенцами, <…> работы по регистрации и учету беженцев стали носить систематический характер только с осени 1915 г.» [9, с. 179].

В Восточную Сибирь крупные партии беженцев поступали в сентябре-декабре 1915 г. Они отказывались расселяться в сельской местности, поскольку знали, что в городах с сосредоточенными в них административной властью и общественными организациями помощь была поставлена гораздо лучше, чем в уездах[3]. Местные города сразу столкнулись с рядом серьезных проблем – отсутствием средств на оплату питания и проживания людей, дефицитом жилых помещений, столовых, бань, сложностями организации медицинской помощи в условиях острейшего дефицита врачей в регионе и др.

Для обсуждения всех вопросов, связанных с приемом и размещением беженцев, по инициативе Иркутского комитета Всероссийского союза городов 21–22 ноября 1915 г. состоялось специальное совещание. Присутствовали представители администрации иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева, иркутского губернатора А. Н. Югана, городов – Красноярска, Ачинска, Канска, Енисейска, Иркутска, Нижнеудинска, Усолья, Читы, Нерчинска, уполномоченные от губернского комитета помощи беженцам, врачи переселенческого ведомства, чиновники Восточного переселенческого района, ведомства переселения и землеустройства, иркутского комитета Красного креста, а также польской, латышской национальных организаций помощи беженцам[4].

Участники совещания начали с докладов о том, сколько беженцев вместил регион, из каких источников местные власти изыскивали средства на их прием и размещение, об основных проблемах, с которыми пришлось столкнуться. Делегаты от городов Енисейской губернии рассказали, что в Красноярске остановились 3617 человек, Канске – 4295, Ачинске – 1000, Ачинском уезде – 500, в Красноярский уезд выехали 1767 человек, т. е. всего в губернии 11179 человек. Помощь им вначале оказывали местные комитеты Всероссийского союза городов, Общество помощи больным и раненым воинам, затем были созданы комитеты помощи беженцам при городских управах. Города смогли получить субсидий от казны

[2] Правила отчетности по расходам на мероприятия по обеспечению нужд беженцев, утвержденные министром внутренних дел 27 ноября 1915 года // Иркутские губернские ведомости. 1916. 3 января. С. 1.

[3] Беженцы в уездах // Сибирская мысль. 1915. № 88. С. 5.

[4] Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916. С. 1–2.

на 80000 руб., поступило частных пожертвований 9760 руб. и от Татьянинского комитета – 6000 руб., была получена ссуда в банке на 10657 руб.[5]

В Иркутской губернии первые беженцы появились в конце июля 1915 г., с августа по ноябрь того же года через иркутский переселенческий пункт прошли 15611 человек. Из них в Иркутской губернии остались 7711, проследовали далее в Забайкалье – 1812, и еще 6088 – в Приамурье и Маньчжурию. Переселенческий пункт снабжал беженцев хлебом, чаем, сахаром, горячей пищей и выдавал продукты с собой в дорогу, оказывал медицинскую помощь, работала баня. Чиновник иркутского переселенческого района И. Н. Баранкевич доложил, что помощь беженцам оказывалась за счет переселенческих кредитов. Согласно его расчетам Иркутская губерния могла принять еще не более 2500 человек[6].

Представители всех городов указывали на тот факт, что власти первоначально не планировали направлять беженцев в Восточную Сибирь, поэтому городские самоуправления оказались не готовыми к ситуации, которая приобрела для них характер чрезвычайного бедствия. Ни один город не располагал достаточным количеством средств: «Как общее правило, организации помощи беженцам начинали дело на исключительно местные, весьма скромные средства и нередко этими средствами должны были долго обходиться, потому что ассигнования извне поступали с большими запозданиями и нерегулярно»[7].

Прежде всего, было необходимо решить вопрос о размещении беженцев. Когда прибывали небольшие партии, людей расселяли по квартирам, но после того, как они хлынули буквально потоком, подыскивать подходящее жилье не успевали. Их селили на переселенческих пунктах, в бараках, общественных зданиях, кинотеатрах и т. п. Скученность и антисанитарные условия способствовали эпидемическим заболеваниям. Разгрузить бараки за счет расселения беженцев по квартирам в условиях восточносибирских городов не было возможности из-за отсутствия фонда свободного жилья[8].

На предложение выехать в уезды приглашенные на заседание представители беженцев выражали отказ. Они боялись замерзнуть там без дров предстоящей зимой. К тому же в городе они получали пособия, была доступна медицинская помощь, дети могли ходить в школу. В результате участники совещания постановили переселять беженцев в сельскую местность только добровольно, в городах построить несколько дополнительных бараков на случай нового наплыва людей.

При организации питания в одних городах (например, в Иркутске, Красноярске) предоставляли пищу в готовом виде, в других (Чите, Верхнеудинске) – выдавали деньги. Вначале стоимость обеда одного человека составляла 20–22 коп., позднее – 10–15 коп. Большинство участников совещания высказались против раздачи денег на руки беженцам – многие из них начинали экономить, питались крайне скудно. В результате постановили продовольственную помощь оказывать только пищей в готовом виде или продуктами[9].

Крайне сложным был признан вопрос об организации трудовой помощи. Опыт работы городских бюро труда показал, что большинство прибывших были крестьянами, их трудоустройство в городе осложнялось отсутствием подходящих профессиональных навыков. Кроме того, работодатели использовали тяжелую жизненную ситуацию беженцев и при найме назначали им жалованье гораздо ниже, чем обычно. В результате общее мнение склонилось к выводу о том, что нельзя принуждать людей к труду, иначе они будут вынуждены браться за работу на любых условиях[10].

Местные власти не могли в полной мере удовлетворить потребности беженцев в медико-санитарной помощи. Первоначально в течение нескольких недель люди находились на переселенческих пунктах, выдерживался карантин. Но когда хлынула волна переселенцев, у врачей не было возможности проводить даже поверхностное медицинское освидетельствование. Начались эпидемии (корь, скарлатина, дифтерит, тиф и др.), больницы были переполнены. Врачебно-санитарные комиссии посещали убежища и осматривали больных, однако существовала необходимость содержать штат врачей для постоянной работы с беженцами. Представители городов констатировали, что на это не было средств, как и на организацию санитарных заслонов, строительство новых больниц.

Значительный процент беженцев составляли дети. Согласно циркуляру министра народного просвещения, они должны были продолжать обучение на новом месте поселения. Однако власти констатировали, что устроить в школы и ясли всех детей

[5] Там же, с. 2.

[6] Совещание о беженцах // Иркутская жизнь. 1915. 23 ноября. С. 2.

[7] Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916. С. 3.

[8] В. С. Беженцы в Иркутске // Вестник иркутского городского общественного управления. 1915. № 10–12. С. 32–33.

[9] Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916. С. 9.

[10] Совещание о беженцах // Иркутская жизнь. 1915. 25 ноября. С. 3.

беженцев не получится из-за отсутствия финансов. Для решения этой проблемы были необходимы общегосударственные меры.

Беженцам требовалась также юридическая помощь, поскольку правительство обещало им выплаты за реквизированное имущество. В спешке перед отъездом многие не успевали получить специальные квитанции и описи, однако очевидцы могли засвидетельствовать факт изъятия у них имущества. Местные юридические комиссии записывали их показания и оформляли документально – это давало беженцам надежду, что в будущем они смогут рассчитывать хоть на какую-то компенсацию от властей[11].

Особый вопрос – тяжелое положение выселенцев. Так называли жителей прифронтовой полосы и оккупированных русской армией территорий, которые, по мнению военного командования, могли предпринимать диверсионные действия в пользу противника и выходцев из враждебных России государств. Их выселяли в наиболее отдаленные местности Томской, Енисейской, Иркутской губерний. До апреля 1916 г. в Сибирь прибыло более 14000 выселенцев [16, с. 206].

Пособия от казны они не получали, могли рассчитывать только на помощь благотворительных организаций. Делегат от Енисейска, представитель еврейского общества Б. Е. Гольдман рассказал, что они были совершенно не приспособлены к суровым сибирским условиям – прибывали в одной летней одежде, помощь оказывать им чрезвычайно трудно ввиду огромных расстояний[12]. В Енисейске еврейская община помогала только выселенцам-евреям. В Иркутске первых выселенцев вначале поместили в тюрьму, но затем пришло распоряжение считать их беженцами. Заботу о них также взяла на себя местная еврейская организация, поскольку почти все они были евреями[13].

По итогам совещания его участники констатировали необходимость создания общесибирского регионального комитета помощи беженцам для объединения усилий городов, усиления помощи беженцам в уездах. Кроме того, пришли к выводу, что в деле помощи беженцам «прошло время частной благотворительности», население практически не откликалось на призывы о пожертвованиях. Все расходы по содержанию беженцев и выселенцев правительство должно взять на себя: «Ясно, что это бедствие, с которым должно бороться само государство не только потому, что одно лишь государственное казначейство может вынести те колоссальные расходы, которые требуются для оказания беженцам самой элементарной помощи, но и потому, что государство морально ответственно за все то, что сделано правительством с беженцами»[14].

Таким образом, результаты совещания со всей очевидностью продемонстрировали, что бюджеты восточносибирских городов не выдерживали расходов по содержанию беженцев. Проблему решали, используя правительственные субсидии, ресурсы переселенческого ведомства, Всероссийского союза городов, местных благотворительных организаций. Тем не менее региональная инфраструктура (жилищная, транспортная, медицинская, образовательная, социальная) была настолько неразвита, что не позволяла принять значительное число беженцев, обеспечить им возможности для обустройства и жизни. Единственный выход местные власти видели в том, чтобы переложить все расходы на правительство.

Литература

1. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.

2. Михалев Н. А., Пьянков С. А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 95–105.

3. Гетрелл П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4. С. 46–72.

4. Туманова А. С. Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 50–59.

5. Белова И. Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // Вестник балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 12. С. 51–62.

[11] Совещание о беженцах // Иркутская жизнь. 1915. 24 ноября. С. 3.

[12] Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916. С. 27.

[13] Совещание о беженцах // Иркутская жизнь. 1915. 25 ноября. С. 3.

[14] Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916. С. 65.

6. Оськин М. В. Беженцы Первой мировой войны (1915 – февраль 1917 г.): гуманитарно-продовольственная проблема российской провинции // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. № 25. С. 199–203.

7. Еремин И. А. Деятельность органов власти и общественных организаций Алтайского округа по размещению беженцев и оказанию им помощи в годы Первой мировой войны // Проблемы исторической науки и социогуманитарное образование. Научно-методический альманах. Барнаул: Издательство БГПУ, 2002. Вып. 1. С. 74–83.

8. Нам И. В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Четвертые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2003. С. 276–278.

9. Щетинина А. С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-2. С. 177–182.

10. Рынков В. М. Социальная мобильность в годы Первой мировой войны: специфика Азиатской России // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 27–32.

11. Кузьменко А. С. Сибирский тыл и «недобровольные» мигранты в годы Первой мировой войны // Сибирь в войнах начала XX века: материалы Сибирского исторического форума (3–6 декабря 2013 г.). Красноярск, 2014. С. 119–122.

12. Мантурова С. Ч. Социальная помощь и поддержка беженцев в Забайкалье в годы Первой мировой войны // Сибирь в годы Великой российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ, 2017. С. 14–28.

13. Катцина Т. А. Социальная помощь беженцам Восточной Сибири в период Первой мировой войны // Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность: IV Международная научно-практическая конференция (1–30 апреля 2008 г.). Пенза, 2008. С. 114–117.

14. Ростов Н. Д., Горелов Ю. П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 4. С. 86–89.

15. Dvoretskaya A. P., Zhulaeva A. S., Luschaeva G. M. Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State) // Былые годы. 2016. № 42. С. 1360–1367.

16. Катцина Т. А. «Нуждаемся во всем»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 4. С. 204–207.

THE MEETING OF 21–22 NOVEMBER, 1915, ABOUT THE RECEPTION AND ACCOMMODATION OF REFUGEES IN THE IRKUTSK GOVERNORATE GENERAL

Olesya M. Dolidovich [a, @, ID]

[a] *Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041*
[@] *dolidovich@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0003-3364-1528*

Received 17.06.2018. Accepted 20.07.2018.

Keywords: refugees, Eastern Siberia, Irkutsk governor-general, refugee assistance committees, First World War.

Abstract: The article features the meeting held on November 21–22, 1915, where representatives of the authorities, municipal and public organizations discussed the issues of assistance to World War I refugees on the territory of the Irkutsk Governorate General. The study is based on the previously unstudied meeting minutes and the newspaper reports and describes the participants, the main issues, and the results of the discussion. The research made it obvious that initially the authorities did not plan to accommodate the refugees in such a remote region but were forced to redirect them farther east because the western regions were overcrowded. The cities of Eastern Siberia did not have time to prepare for such a massive resettlement. The migrants were hastily resettled, provided with rations and medical assistance. The money, however minimal and irregular, came mostly from the government, the department of migration, the All-Russian Union of

Cities, and local charitable organizations. At the meeting, it was proposed to set up a general Siberian Committee for Assistance to Refugees, to organize local refugee departments, and assign all expenses to the state.

For citation: Dolidovich O. M. Soveshchanie 21–22 noiabria 1915 g. o prieme i razmeshchenii bezhentsev v predelakh Irkutskogo general-gubernatorstva [The Meeting of 21–22 November, 1915, about the Reception and Accommodation of Refugees in the Irkutsk Governorate General]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 20–26. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-20-26.

References

1. Kurtsev A. N. Bezhentsy Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.) [Refugees of the First World War (1914–1917)]. *Voprosy istorii = Questions of history*, no. 8 (1999): 98–113.

2. Mikhalev N. A., Pyankov S. A. Bezhentsy Pervoi mirovoi voiny v Rossiiskoi imperii: chislennost', razmeshchenie, sostav [World War I Refugees in the Russian Empire: number, placement, composition]. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural Historical Journal*, no. 4 (2015): 95–105.

3. Getrell P. Bezhentsy v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [Refugees in Russia during the First World War]. *Istoricheskie zapiski = Historical Notes*, no. 4 (2001): 46–72.

4. Tumanova A. S. Organizatsionno-pravovoe obespechenie bezhenstva v gody Pervoi mirovoi voiny [Organizational and legal support for refugee during the First World War]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia: Iuridicheskie nauki = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Juridical sciences*, no. 1 (2013): 50–59.

5. Belova I. B. Bezhentsy Pervoi mirovoi voiny iz zapadnykh raionov Rossiiskoi imperii: obespechenie zhiznedeiatel'nosti v mestakh vremennogo prozhivaniia [World War I refugees from the western regions of the Russian Empire: Sustaining life in the places of temporary residence]. *Vestnik baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta = Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*, no. 12 (2013): 51–62.

6. Os'kin M. V. Bezhentsy Pervoi mirovoi voiny (1915 – fevral' 1917 g.): gumanitarno-prodovol'stvennaia problema rossiiskoi provintsii [Refugees of the First World War (1915 – February 1917): humanitarian and food problem of the Russian province]. *Ezhegodnaia bogoslovskaia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta = Annual theological conference of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University*, no. 25 (2015): 199–203.

7. Eremin I. A. Deiatel'nost' organov vlasti i obshchestvennykh organizatsii Altaiskogo okruga po razmeshcheniiu bezhentsev i okazaniiu im pomoshchi v gody Pervoi mirovoi voiny [Activity of authorities and public organizations of Altai region on accommodation of refugees and rendering assistance to them during the First World War]. *Problemy istoricheskoi nauki i sotsiogumanitarnoe obrazovanie. Nauchno-metodicheskii al'manakh* [Problems of historical science and social and humanitarian education. Scientific and methodological almanac]. Barnaul: Izdatel'stvo BGPU, Iss. 1 (2002): 74–83.

8. Nam I. V. Chislennost' i natsional'nyi sostav bezhentsev v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny [Number and national composition of refugees in Siberia during the First World War]. *Istoricheskii opyt khoziaistvennogo i kul'turnogo osvoeniia Zapadnoi Sibiri. Chetvertye nauchnye chteniia pamiati prof. A. P. Borodavkina* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia. The fourth scientific readings of the memory of prof. A. P. Borodavkin]. Barnaul, 2003, 276–278.

9. Shchetinina A. S. Bezhentsy i grazhdanskie internirovannye na iuge Zapadnoi Sibiri (1915–1920-e gg.) [Refugees and the civil internees on the south of Western Siberia (1915–1920)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University Journal*, no. 4-2 (2007): 177–182.

10. Rynkov V. M. Sotsial'naia mobil'nost' v gody Pervoi mirovoi voiny: spetsifika Aziatskoi Rossii [Social mobility during World War I: specific features of Asian Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian sciences in Siberia*, no. 3 (2014): 27–32.

11. Kuz'menko A. S. Sibirskii tyl i "nedobrovol'nye" migranty v gody Pervoi mirovoi voiny [Siberian rear and "involuntary" migrants during the First World War]. *Sibir' v voinakh nachala XX veka: materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma (3–6 dekabria 2013 g.)* [Siberia in wars of the early XX century: Proc. Siberian Hist. Forum (December 3–6 2013)]. Krasnoyarsk, 2014, 119–122.

12. Manturova S. Ch. Sotsial'naia pomoshch' i podderzhka bezhentsev v Zabaikal'e v gody Pervoi mirovoi voiny [Social assistance and support of refugees in Transbaikalia during the First World War]. *Sibir' v gody Velikoi rossiiskoi revoliutsii (k 100-letiiu revoliutsionnykh sobytii v Rossii i periodu Grazhdanskoi voiny i inostranno interventsii): materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Siberia during the Great Russian Revolution (to the 100th anniversary of the revolutionary events in Russia and the period of the Civil War and foreign intervention): Proc. All-Russian Sc.-Prac. Conf. with Intern. participation]. Ulan-Ude, 2017, 14–28.

13. Kattsina T. A. Sotsial'naia pomoshch' bezhentsam Vostochnoi Sibiri v period Pervoi mirovoi voiny [Social Assistance to the Refugees of Eastern Siberia during the First World War]. *Rossiia v mirovom soobshchestve tsivilizatsii: istoriia i sovremennost': IV Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia (1–30 aprelia 2008 g.)* [Russia in the World Community of Civilizations: History and Modernity: IV Intern. Sc.-Prac. Conf. (1–30 April 2008)]. Penza, 2008, 114–117.

14. Rostov N. D., Gorelov Yu. P. Priem bezhentsev v g. Irkutske i Irkutskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [Admission of Refugees in Irkutsk and Irkutskya Guberniya in World War I]. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of ancient technologies*, no. 4 (2015): 86–89.

15. Dvoretskaya A. P., Zhulaeva A. S., Luschaeva G. M. Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State). *Bylye Gody*, no. 42 (2016): 1360–1367.

16. Kattsina T. A. "Nuzhdaemsia vo vsem": polozhenie vyselentsev Pervoi mirovoi voiny v Vostochnoi Sibiri ["Need everything": position of deportees of World War I in Eastern Siberia]. *Vestnik Krasnoiarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*, no. 4 (2013): 204–207.

УДК 93/94+622.333:55(1/9)"17/19"

ИССЛЕДОВАНИЯ КУЗНЕЦКОГО УГОЛЬНОГО БАССЕЙНА В XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ. В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Людмила А. Кравцова [a, @, ID]

[a] *Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, 650000, Россия, г. Кемерово, пр-т Советский, 18*
[@] *kravtcovala@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-5477-4640*

Поступила в редакцию 26.02.2018. Принята к печати 09.08.2018.

Ключевые слова: Кузбасс, геологические исследования Кузнецкого бассейна, исследователи Кузнецкого бассейна, Кузбасс в XVIII – первой трети XX вв., развитие геологических знаний о Кузбассе.

Аннотация: Статья посвящена анализу процесса формирования научных представлений о Кузнецком угольном бассейне в контексте развития геологических знаний. Историко-генетический, сравнительно-исторический методы и обобщение позволили автору рассмотреть процесс накопления знаний по угольной геологии Кузбасса во взаимосвязи с социально-экономическими факторами. Терминологический анализ дефиниций необходим в данной работе в связи с использованием понятийного аппарата геологии. Проанализировано значение результатов геологических изысканий, посвященных задачам изучения угленосной территории бассейна в период XVIII – первой трети XX вв., как создание научной основы для развития угольной промышленности региона. Первые отрывочные сообщения о наличии пластов угля появляются вследствие предпринятых масштабных экспедиций по изучению Сибири в XVIII в. Начальные значимые для угольной геологии сведения о пластах угля относятся к первой половине XIX в. С середины XIX в. поисково-геологические исследования, осуществляемые в интересах Кабинета Его Императорского Величества, привели к накоплению фрагментарных данных о некоторых угленосных районах Кузбасса, что способствовало формированию предположения о значительных угольных запасах, слагающих толщу бассейна. Активизированные запросом экономики страны, частного интереса промышленников, развитием геологической науки последующие геологические исследования бассейна в начале XX в. были впервые дополнены обоснованными результатами, давшими ответы на некоторые практические вопросы промышленной оценки запасов угля, его качественного разнообразия и региональных особенностей залегания пластов по отношению к наиболее важным, востребованным угледобычей месторождениям. К концу третьего десятилетия XX в. геологические исследования дают близкое к современному, целостное представление о геологическом строении и угольных ресурсах Кузнецкого бассейна, окончательно определившее его стратегическое значение для государства в качестве углепромышленной территории.

Для цитирования: Кравцова Л. А. Исследования Кузнецкого угольного бассейна в XVIII – первой трети XX вв. в динамике развития геологических знаний // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 27–35. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-27-35.

Кузнецкий угольный бассейн, расположенный в Кемеровской области, является крупнейшим углепромышленным центром современной России. Его становление тесно связано с развитием геологических знаний о Кузбассе, его природных богатствах. Процесс изучения бассейна с различной степенью глубины неоднократно становился предметом рассмотрения геологов, горняков, историков, экономистов, краеведов. Однако некоторые исторические аспекты, научные факты, имена исследователей, внесших значимый вклад в формирование научных знаний об угольных недрах, продолжают оставаться малозаметными, не вписанными в общую канву хода развития истории региона, занижая значимую роль геологических изысканий в становлении его угольной промышленности.

Для данной работы важно подчеркнуть следующее: ряд употребляемых автором терминов используется строго в геологическом контексте. Так, термин «Кузбасс» не используется автором как топоним для обозначения Кемеровской области. Данный подход представляется целесообразным

и необходимым, поскольку геологическое знание оперирует понятиями «Кузбасс» и «Кемеровская область» в разных содержательных смыслах, территориальных границах и хронологических периодах. Включение в исследование геологических терминов обусловлено использованием научных источников по геологии бассейна, обеспечивающих раскрытие темы.

Обращаясь к истории изучения Кузнецкого угольного бассейна, следует начать с факта, который утвердился как точка отсчета открытия здесь угля. В разработанной крупным ученым в области угольных месторождений В. И. Яворским периодизации геологического исследования бассейна начало этого процесса было положено исследователем и путешественником Д. Г. Мессершмидтом и «совпало с донесением М. Волкова об открытии каменного угля» [1, с. 3]. Согласно сложившимся представлениям первооткрывателем кузнецкого угля считается М. Волков (1721) [2, с. 187; 3, с. 78–80; 4, с. 70; 5, с. 66; 6 с. 102]. С развитием исторической науки актуализируются новые факты, тема открытия угля остается в поле зрения современных историков. В своих исследованиях доктор исторических наук И. В. Ковтун пришел к выводу, что «идентифицировал каменный уголь, первым обнаружив его не только на берегах Томи, но и на Нижней Тунгуске» [7, с. 106] ученый в области естественной истории, географии, археологии Д. Г. Мессершмидт. Важные свидетельства приводят в своих трудах И. Ю. Усков [6, с. 246], М. Г. Новлянская [8, с. 171]: в 1745 г. М. В. Ломоносов отметил в Минеральном каталоге Кунсткамеры несколько образцов углей, отобранных Мессершмидтом 10 августа 1721 г. Именно благодаря М. Волкову в Берг-коллегии появился «уголь каменный ис Томска доносителя Михайла Волкова» [4, с. 70], что расценивается современными историками как начало процедуры геологического открытия [6, с. 246].

Для геологического знания открытие каменного угля в 1721 г. имело важное информационное значение, но длительное время оставалось невостребованным объектом пристального исследования в связи с отсутствием потребности экономического характера, отсталостью освоения Сибири. Экспедиция Д. Г. Мессершмидта, имевшая большое значение в получении общих знаний о Сибири, с позиции развития геологических представлений о бассейне не стала ключевым событием, т. к. угольным месторождениям в ней не было уделено специального изучения. Масштабное путешествие академика И. Г. Гмелина также оставило большой след в истории изучения Сибирского края, но обошло вниманием его угольные недра. Так, по мнению Н. Я. Нестеровского, ученый ошибочно описал процесс подземного горения пласта угля как явление вулканического происхождения, описывая «горящую гору», «остерегся назвать ее каменным углем. <…> Трудно допустить, чтобы Гмелину в то время не был известен каменный уголь!» [3, с. 81]. Схожее мнение в оценке экспедиции И. Г. Гмелина высказывал известный исследователь угольных ресурсов Кузбасса В. И. Яворский: «В своем труде Гмелин уделил много внимания описанию рудных богатств Алтая и очень мало Кузнецкому бассейну» [1, с. 9].

Вместе с тем отмеченные экспедицией ученого-натуралиста П. С. Палласа (1768–1774) в описаниях ее участника академика И. П. Фалька заметки о наличии «местами» угольных пластов [3, с. 81] внесли некоторый вклад в формирование начальных сведений о бассейне. Интересными с точки зрения угольной геологии данными были дневники партии Линденталя (1786), занимавшейся поиском поделочных пород и минералов. В записях отмечался пласт угля с определенной до 16 м мощностью в обнажении правого берега р. Мрассу. Исследовавший в 1792 г. рудные месторождения Алтая и Салаира обер-бергмейстер И. М. Ренованц также зафиксировал наличие каменного угля хорошего качества для кузнечного дела. Не остались незамеченными геологией сообщения академика Б. Ф.-И. Германа в конце XVIII в. о нескольких пластах угля мощностью от 1,5 м до 3,6 м с описанием вмещающих пород, их почвы и кровли в местах выхода на поверхность [1, с. 10–12; 3, с. 81–83]. Тем не менее следует подчеркнуть, что предпринятые в XVIII в. масштабные экспедиции по изучению территории Сибири, не имевшие своей прямой целью изучение угольных недр и не давшие кроме информации о некоторых выходах пластов в районах их обнажений, представляли собой лишь регистрацию крайне скупых фактов геологического характера, отмеченных в путевых записках и отчетах.

Геологические исследования первой половины XIX в. характеризуются более пристальным вниманием к проявлениям угля, встречающимся на территории Кузнецкой котловины, они дополнили геологическое знание качественно новыми научными сведениями. Так, изыскания штабс-капитана Гернгросса 2-го (А. Р. Гернгросс) впервые привнесли близкие к истине предположения о возрасте угля, отнесенного им к каменноугольному периоду [9, с. 335–336]. Значительные результаты представила в 1842 г. публикация Соколовского 2-го (Н. А. Соколовский) в Горном журнале. Им впервые был дан целостный анализ качества каменного угля Афонинского месторождения, приведены систематизированные лабораторные данные о выходе летучих веществ, спекаемости, содержании золы, влаги, выделены «разности угля» [10, с. 27; 4, с. 105], которые позднее утвердились в углепетрографии за научным термином «литотипы угля», характеризующие и демонстрирующие изменения

условий накопления и первичного превращения растительного материала в процессе углеобразования [11, с. 62]. Кроме того, на основе полученных им сведений и с учетом материалов разведочных партий 1825 и 1827 годов он обобщил информацию о выходах пластов, известных к 1842 г. месторождений угля, в ряде случаев описал условия их залегания. Важным результатом труда Н. А. Соколовского стало заключение о наличии значительной каменноугольной формации, имеющей промышленную перспективу: «Принимая в расчет обширность каменноугольной Формации Алтайского округа и мощность угольных пластов, не трудно убедиться, какой обильный запас этого горючего материала сокрыт в недрах этой части Сибири для будущей промышленной ея деятельности. <…> Каменноугольная Формация заводского округа представляет площадь, не менее 40 тысяч квадратных верст» [10, с. 42]. Опубликованная тогда статья обратила на себя внимание ученых, чиновников, что послужило предпосылкой дальнейших геологических исследований. Изыскания Соколовского 2-го академик В. А. Обручев оценил как «первое подробное изучение угленосных отложений котловины» [12, с. 94].

В контексте изучения угольных богатств Кузнецкого края экспедиция, осуществленная в 1842 г. известным путешественником, географом, геологом П. А. Чихачевым в Алтайский горный округ, по своему значению стала официальным открытием Кузбасса. Заслугой ученого является то, что он смог на основе уже имеющихся сведений и собственных наблюдений в соответствии с развитием геологического знания дать правильную научную оценку угленосных отложений, определив их бассейном и присвоив ему название. Итоговый труд о состоявшемся научном путешествии, содержащий ценные топографические, геологические, зоологические сведения, был опубликован в 1845 г. на французском языке в Париже, где впервые названа рассматриваемая угленосная площадь Кузнецким бассейном [13, p. 378]. П. А. Чихачев оконтурил предположительные границы бассейна, представив первую геологическую карту в масштабе 1:1000000 [14, с. 5]; сделал выводы о размерах Кузнецкого бассейна, «длинная сторона которого может быть принята в 250 километров, при 100 километрах средней ширины» [15, с. 25]. Введение в геологическое знание середины XIX в. термина «Кузнецкий бассейн» обозначило перспективу углепромышленного развития территории. Несмотря на отсутствие спроса на уголь, появляющиеся нерегулярные научные сообщения о расположении в районе г. Кузнецка угольных месторождений постепенно формируют интерес промышленников, чиновников и специалистов геологических служб. Итак, первая половина XIX в., характеризующаяся началом геологических изысканий угленосной площади, была отмечена событием фундаментального значения – выявлением и определением границ Кузнецкого каменноугольного бассейна (1842).

Вторая половина XIX в. в истории изучения Кузбасса отличается приращением более глубоких сведений об отдельных угленосных районах, полученных инженер-подполковником А. Г. Бояршиновым и штабс-капитаном Ф. Ф. Корженевским. В подробно изложенной Объяснительной записке Бояршинова [16] и Отчете Корженевского, опубликованных в Горном журнале в 1858 г., авторы представили материалы по южной и юго-западной окраинам бассейна, осуществив первую попытку параллелизации угольных пластов различных месторождений. Составленную ими геологическую карту последующие исследователи признавали «первой и для того времени довольно правильной» [17, с. 5].

Фактором интенсификации развития геологических знаний о бассейне стали поисково-геологические работы (1894–1897), связанные с Транссибирской железной дорогой, которая пролегала по северной части угленосного района и являлась главным потребителем угля. Участниками разведочных работ были А. Н. Державин, А. М. Зайцев, А. А. Краснопольский, П. К. Яворовский. Следует отметить полученный прикладной результат данных изысканий: выявлен Судженский угленосный район, благодаря чему с 1897 г. там началась добыча угля для нужд железной дороги. На основе полученных сведений уточняются контуры угленосной площади, в границы бассейна включается новый Судженский район [18, с. 431].

К середине 1890-х гг. стали предприниматься попытки систематических исследований бассейна. Так, с 1893 г. Геологическим Комитетом было начато «исследование в геологическом отношении железнодорожной полосы, главнейше в отношении нахождения таких полезных ископаемых, как каменный и бурый уголь, железные руды, золото и пр.» [19, с. 9]. Заслуженно широкой известности Кузнецкого бассейна, по мнению П. И. Бутова и В. И. Яворского, способствовали опубликованные «Труды геологической части Кабинета Е.И.В.», которые представляли «сводку всего известного до того времени фактического и литературного материала по геологии Кузнецкого бассейна» [17, с. 5, 6].

Оживление инфраструктуры вдоль транссибирской железной дороги и закладка угольных шахт на основе результатов исследований геологов в новых угленосных районах (Анжерский район, Судженское, Щегловское, Кольчугинское, Прокопьевское месторождения) обеспечили прогресс в экономическом развитии края. К концу XIX в., несмотря на крайне низкую геологическую изученность Кузбасса по сравнению с европейскими бассейнами, происходит постепенное накопление

данных, которые в дальнейшем способствуют развитию территории, недавно считавшейся «дикой неразработанной местностью» [16, с. 35]. Н. Я. Нестеровским было представлено подробное описание состава слагающих угленосные отложения пород; А. Н. Державиным детально изучены «как границы угленосного Кузнецкого бассейна, так и породы, слагающие и подстилающие его» [20, с. 340]; Ф. П. Брусницыным открыты несколько месторождений вблизи деревень Беловой, Коневой, Бабанаковой; Д. П. Богдановым впервые установлена юго-западная граница распространения угленосных отложений по р. Чумыш [21, с. 57–58].

К началу XX в. в геологии назрела потребность получения точных сведений об имеющихся на Земле запасах угля. В связи с этим в 1913 г. XII сессия Международного геологического конгресса впервые вынесла в повестку рассматриваемых вопросов проблему подсчета запасов угля на планете. Академик П. И. Степанов позднее (1946) подчеркивал значимость поставленной тогда задачи: «В России общий подсчет геологических запасов еще никем не был произведен» [22, с. 73]. На подготовленных к XII сессии конгресса материалах был издан «Очерк месторождений ископаемых углей России», где в общем массиве информации *X* и *Xa* главы представляют известные к этому времени данные о Кузнецком бассейне [18, с. III].

В целом стало очевидно, что геологическое знание начала XX в. продолжало располагать крайне недостаточными сведениями об угольных недрах бассейна, что не соответствовало нарастающему спросу развивающейся науки, экономики страны и даже частного интереса промышленников. Данное положение находит подтверждение в вышеназванном итоговом труде, где фактически выражается мысль о том, что все предшествующие исследования фрагментарны, «не дают определенных данных для числового выражения запасов в нем угля» [18, с. VII] и не формируют определенной системы сведений об их химико-технологических свойствах. К тому же совокупность известной о Кузбассе информации уже позволяла геологической науке предположить, «что количество угля в Кузнецком бассейне громадно и едва ли уступает таковому в Донецком бассейне» [18, с. VII], наиболее изведанному и освоенному к этому периоду. Запасы угля оценивались очень приблизительно: «вероятный» – 1,125 млрд т и «возможный» – 12,5 млрд т [18, с. 430]. Говоря о качественных характеристиках угля, «с достаточной уверенностью» предполагалось наличие «коксовых», «кузнечных», «пламенных жирных» и «сухих» углей [18, с. XI].

Исследователи бассейна В. И. Яворский и П. И. Бутов характеризуют его углепромышленное развитие в начале XX в. как «младенческий период, <…> какой наблюдался в Донецком бассейне лет 40–50 тому назад» [23, с. 6]. Среди причин отставания немалую роль сыграл длительный запрет Кабинета, наложенный на Алтайский горный округ в отношении частной промышленности.

Динамика развития геологических знаний о Кузбассе в последующий период приобретала более интенсивный характер и определялась экономическими задачами регионального уровня. Благодаря коммерческому интересу созданного в 1912 г. Акционерного общества «Копикуз» активизировалась деятельность по детальному изучению Кузбасса, которая предполагала получение точных сведений о выходах пластов, геологических особенностях их залегания и запасах, свойствах углей различных месторождений, выбор полей для промышленной разработки и др. [24, с. 83].

Новые исследования, связанные с локальными промышленно-экономическими процессами, были начаты в 1914 г. группой геологов, организованной «лучшим знатоком угольных месторождений России» Л. И. Лутугиным [25, с. 54; 26, с. 143]. По мере их продолжения в изучение бассейна включаются дополнительные коллективы геологов, привлекается техника, закладываются новые шахты. В разное время разведочные партии возглавляли П. И. Бутов, А. А. Гапеев, В. М. Козловский, В. С. Панкратов, А. А. Снятков, В. И. Яворский, И. С. Яговкин, с 1923 г. – С. В. Кумпан и В. Н. Зверев; участвовали горные инженеры В. М. Бажанов, В. В. Вебер, М. К. Елиашевич, Н. К. Разумовский, А. В. Ласточкин, В. Н. Мальцев, В. А. Орестов, В. Н. Покровский, Б. В. Угилович, П. М. Фейгин, М. А. Ющенко, В. Н. Абрамов, Е. В. Доенин, В. И. Лутугин; с начала 1920-х гг. в качестве консультанта привлекался проф. М. А. Усов [23, с. 3].

Следует подчеркнуть, что уже первые результаты «геологов-лутугинцев» получили высокую оценку Геологического Комитета и изменили представление о Кузбассе. Его запасы, оцененные к концу второго десятилетия XX в., предположительно уже «раз в пять превышают запасы Донецкого бассейна» [25, с. 54–55]. По мере получения результатов геологических исследований достоянием научной общественности становились публикации В. И. Яворского, П. И. Бутова, А. А. Гапеева, М. А. Усова, В. Н. Вебера, М. Д. Залесского, отчеты Геологического Комитета, которые вносили принципиальные дополнения и коррективы к известным о бассейне сведениям, восполняли назревший запрос, практически сразу вводились в научный оборот и использовались на рудниках Кузнецкого бассейна. Итоговыми трудами масштабных исследований 1914–1925 гг. стали новая геологическая карта бассейна в масштабе 1:500000 (1925) и монография «Кузнецкий каменноугольный бассейн» В. И. Яворского, П. И. Бутова (1927) [27, с. 57]. В 1929 г. выдающийся геолог-угольщик М. А. Усов

охарактеризовал этот труд как «окончательный отчет по геологической съемке бассейна», обобщающий «список всей литературы по бассейну до 1927 года» [28, с. 2].

Итак, к концу 20-х гг. XX в. стало очевидно, что Кузбасс уникален и заключает в недрах «все типы углей, начиная с тощих (тип полуантрацитов) и до сухих длиннопламенных включительно» [23, с. 167]. Впервые геология получила близкие к современным «границы распространения угленосных отложений по всем окраинам бассейна», общая площадь которого составила 26180 км^2 (совр. оценка площади бассейна 27000 км^2) [27, с. 58]. Подсчитанные запасы до глубины 1500 м В. И. Яворский и П. И. Бутов определили равными 400 млрд т, что почти в 8 раз превышало данный показатель в Донбассе [23, с. 190–191]. Доказательное обоснование получила промышленно-экономическая привлекательность Кузбасса, которая была обусловлена наличием мощных пластов, их концентрированностью в небольших толщах вмещающих пород, указывающей на высокий коэффициент угленосности, а также редким природным сочетанием достаточности коксующихся углей с близостью железорудных месторождений [23, с. 221–222].

Таким образом, изучение территории Сибири в XVIII в. способствовало открытию угля в 1721 г. и появлению первых сообщений о наличии пластов, выходящих на поверхность, что стало основанием дальнейших геологических изысканий угольных ресурсов Кузнецкого края. В первой половине XIX в. геологические исследования становятся заметно результативными и дают важную исходную информацию о количестве, мощности пластов угля, его качестве в отдельных месторождениях и пригодности к практическому использованию в кузнечном деле. Событием фундаментального значения стало сделанное в 1842 г. П. А. Чихачевым заключение о характере угленосных проявлений, научно осмысленных им и выделенных в угольный бассейн. Его дальнейшее исследование во второй половине XIX в., осуществляемое на средства Кабинета Его Императорского Величества, способствовало получению новых данных об отдельных угленосных районах и формированию обоснованных предположений о значительности угольных запасов. В конце XIX в. в связи с интенсификацией геологических работ, осуществляемых по запросам строящейся Транссибирской железной дороги, границы угольного бассейна уточняются и расширяются на север. Промышленно-экономические процессы регионального уровня, инициированные деятельностью Акционерного общества «Копикуз» в начале XX в., обозначили начало масштабного детального изучения Кузбасса в 1914–1927 гг. В формировании геологических знаний о бассейне эти исследования кардинально изменили представления о нем: впервые дали близкую к современной оценку его ресурсов; выявили общегосударственное значение Кузбасса; заложили основу и предопределили вектор развития крупнейшего углепромышленного региона России.

Литература

1. Яворский В. И. Очерк по истории геологического исследования Кузнецкого бассейна / под ред. В. В. Мокринского. М.: Госгеолтехиздат, 1962. 144 с.

2. Нестеровскій Н. Я. Геогностическій очеркъ Кузнецкаго угленоснаго бассейна (окончаніе) // Горный журналъ. 1896. № 11. С. 184–226. Режим доступа: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6095 (дата обращения: 15.08.2017).

3. Нестеровскій Н. Я. Къ исторіи открытия каменнаго угля въ Кузнецкомъ бассейнѣ Алтайскаго горнаго округа // Горный журналъ. 1915. Т. III. № 7–9. С. 78–87. Режим доступа: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/1968 (дата обращения: 10.06.2017).

4. Усков И. Ю. Кемерово: рождение города. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. 351 с.

5. История Кузбасса / отв. ред. Н. П. Шуранов. Кемерово: Кузбасс: Скиф, 2006. 360 с.

6. Усков И. Ю. Открытие и освоение рудных месторождений и каменного угля в Кузнецком крае в 1710–1760-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2. С. 244–249.

7. Ковтун И. В. Первооткрыватели кузнецкого угля в истории горного дела России // Горный журнал. 2015. № 5. С. 105–107.

8. Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. Л.: Наука, 1970. 184 с.

9. Гернгросс 2-й. Краткій геогностическій обзоръ верхней поисковой дистанціи въ Алтайскихъ горахъ. Горный журналъ. 1835. Ч. 2. Кн. 5. С. 326–337. Режим доступа: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6492 (дата обращения: 23.07.2018).

10. Соколовскій 2-й. О каменномъ углѣ, найденномъ близъ деревни Афонино и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Алтайского округа // Горный журналъ. 1842. Ч. II. Кн. 4. С. 22–43. Режим доступа: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6572 (дата обращения: 06.10.2017).

11. Кравцова Л. А. Теоретическое обоснование принципов систематизации угольных образцов Института угля ФИЦ УУХ СО РАН в коллекции // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2017. № 2. С. 60–65.

12. Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период второй (1801–1850). Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 282 с.

13. Pierre de Tchihatcheff. Voyage scientifique dans L'altai oriental et les parties adjacentes de la frontière da Chine. Paris, 1845. 466 p. Режим доступа: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10366764_00001.html (дата обращения: 25.09.2017).

14. Фомичев В. Д. Очерки по геологии Сибири. Кузнецкий каменноугольный бассейн. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Вып. 11. 186 с.

15. О сочиненіи Г. Чихачева под заглавием: Voyage scientifique dans L'altai oriental et les parties adjacentes de la frontière da Chine 1845 года; пер. Г. Капитана Носкова // Горный журналъ. 1845. Ч. IV. Кн. X. С. 1–26. Режим доступа: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6860 (дата обращения: 23.10.2017).

16. Изслѣдованія, произведенныя въ Кузнецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ // Горный журналъ. 1858. Ч. I. С. 1–35. Режим доступа: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6272 (дата обращения: 12.07.2017).

17. Бутов П. И., Яворский В. И. Материалы для геологии Кузнецкого каменноугольного бассейна. Юго-Западная окраина бассейна. Петроград: Типография имени Ивана Федорова, 1922. 58 с.

18. Очерк месторождений ископаемых углей России. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. 576 с.

19. Краснопольский А. А. Краткий очерк деятельности Геологического Комитета за 38 лет его существования // Открытое заседание Присутствия Геологического Комитета 1 февраля 1920 г. Петроград: 1-я Госуд. тип., 1920. С. 5–28. Режим доступа: http://resolver.gpntb.ru/purl?docushare/dsweb/Get/Resource-5940/Otkrytoe_zasedanie_prisutstviya_Geologicheskogo_komiteta_1,02,1920(1).pdf (дата обращения: 12.02.2018).

20. Нестеровскій Н. Я. Геогностическій очеркъ Кузнецкаго угленоснаго бассейна // Горный журналъ. 1896. № 9. С. 298–351. Режим доступа: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6093 (дата обращения: 17.09.2017).

21. Крылов Г. В., Завалишин В. В., Козакова Н. Ф. Исследователи Кузбасса. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1983. 168 с.

22. Степанов П. И. Воспоминания геолога // Памяти академика П. И. Степанова / отв. ред. И. И. Горский. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 7–118.

23. Яворский В. И., Бутов П. И. Кузнецкий каменноугольный бассейн. Л.: Издание Геологического Комитета, 1927. 244 с.

24. Кравцова Л. А. Из истории научных исследований Кузнецкого каменноугольного бассейна // Музеи Российской академии наук / отв. ред. А. П. Бужилова, С. М. Демкина. М.: ТАУС, 2010. Т. 8. С. 81–91.

25. Степанов П. И. Богатство России ископаемым углем // Открытое заседание Присутствия Геологического Комитета 1 февраля 1920 г. Петроград, 1920. С. 43–64. Режим доступа: http://resolver.gpntb.ru/purl?docushare/dsweb/Get/Resource-5940/Otkrytoe_zasedanie_prisutstviya_Geologicheskogo_komiteta_1,02,1920(1).pdf (дата обращения: 12.02.2018).

26. Кравцова Л. А., Сокол Е. В. Научное наследие Л. И. Лутугина и Кузбасс: историко-культурный анализ // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2016. № 4. С. 143–148.

27. Кравцова Л. А. Научный потенциал коллекции Музея угля по истории геологических исследований Кузнецкого бассейна // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: материалы Междунар. науч. конф. Кемерово, 2011. С. 54–60.

28. Усов М. А. Геолого-промышленный очерк Кузнецкого каменноугольного бассейна. Томск: Красное знамя, 1929. 108 с.

EXPLORATION OF THE KUZNETSK COAL FIELD IN THE XVIII – EARLY XX CENTURIES WITHIN THE DYNAMICS OF GEOLOGICAL KNOWLEDGE DEVELOPMENT

Lyudmila A. Kravtsova [a, @, ID]

[a] *The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *kravtcovala@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-5477-4640*

Received 26.02.2018. Accepted 09.08.2018.

Keywords: Kuzbass, geological research of the Kuznetsk field, researchers of the Kuznetsk field, Kuzbass in the XVIII – early XXcenturies,development of geological knowledge about Kuzbass.

Abstract: The paper analyzes the process of scientific knowledge formation regarding the Kuznetsk Coal Basin in the context of the dynamics of geological knowledge development. The author employed historical-genetical and comparative-historical analyses, as well as generalization method to study the process of accumulation of knowledge about the Kuzbass region in conjunction with various socio-economic factors. The author conducted a terminological analysis of definitions in line with the conceptual framework of geology. Results of geological explorations of the region in XVIII – early XX centuries have been analyzed as a part of scientific foundation for the local mining development. The first fragmented mentions of coal deposits were part of the large-scale Siberian expeditions in the XVIII century. The early geologically significant mentions of coal-bearing layers near certain villages date back to the first half of the XIX century. From the middle of the XIX century, the geological exploratory research sponsored by the Cabinet of His Royal Majesty the Emperor, accumulates fragmented data on several coal-bearing regions of Kuzbass, which brought about the understanding that there are significant coal deposits making up the depth of the field. Intensified due to the growing economic demands of the country, the commercial interest of individual industrialists and the development of geological science, further geological findings of the coal deposits of the area were for the first time complemented by substantiated results, which answered practical questions regarding industrial evaluation of coal reserves, their qualitative diversity and regional peculiarities of coal fields. Near the end of the third decade of the XX century, geological research revealed a close-to-modern and well-rounded understanding regarding the geological build-up and the coal resources of the Kuznetsk Basin, which finally revealed its strategic significance for the state.

For citation: Kravtsova L. A. Issledovaniia Kuznetskogo ugol′nogo basseina v XVIII – pervo treti XX vv. v dinamike razvitiia geologicheskikh znanii [Exploration of the Kuznetsk Coal Field in the XVIII – Early XX Centuries within the Dynamics of Geological Knowledge Development]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 27–35. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-27-35.

References

1. Iavorskii V. I. *Ocherk po istorii geologicheskogo issledovaniia Kuznetskogo basseina* [Essay on the history of geological research of the Kuznetsk Basin]. Ed. Mokrinskii V. V. Moscow: Gosgeoltekhizdat, 1962, 144.

2. Nesterovskii N. Ia. Geognosticheskii ocherk" Kuznetskago uglenosnago basseina (okonchanie) [Geological review of the Kuznetsk coal-bearing field]. *Gornyi zhurnal" = Mining Journal*, no. 11 (1896): 181–226. Available at: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6095 (accessed 15.08.2017).

3. Nesterovskii N. Ia. K" istorii otkrytiia kamennago uglia v" Kuznetskom" basseine Altaiskago gornago okruga [To the history of the discovery of coal in the Kuznetsk Basin of the Altai Mountain District]. *Gornyi zhurnal" = Mining Journal,* III, no. 7–9 (1915): 78–87. Available at: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/1968 (accessed 10.06.2017).

4. Uskov I. Iu. *Kemerovo: rozhdenie goroda* [Kemerovo: The birth of the city]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 351.

5. *Istoriia Kuzbassa* [History of Kuzbass: multi-author monograph]. Ed. Shuranov N. P. Kemerovo: Kuzbass: Skif, 2006, 360.

6. Uskov I. Yu. Otkrytie i osvoenie rudnykh mestorozhdenii i kamennogo uglia v Kuznetskom krae v 1710–1760-kh gg. [Discovery and development of ore deposits and coal in Kuznetsk region in the 1710s–1760s]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3-2 (2014): 244–249.

7. Kovtun I. V. Pervootkryvateli kuznetskogo uglia v istorii gornogo dela Rossii [Discoverers of Kuznetsk coal in the history of Russian mining]. *Gornyi zhurnal" = Mining Journal*, no. 5 (2015): 105–107.

8. Novlianskaia M. G. *Daniil Gotlib Messershmidt* [Daniel Gotlib Messershmidt]. Leningrad: Nauka, 1970, 184.

9. Gerngross 2-i. Kratkii geognosticheskii obzor" verkhnei poiskovoi distantsii v" Altaiskikh" gorakh" [A brief geological survey of the upper search distance in the Altai Mountains]. *Gornyi zhurnal" = Mining Journal*, part 2, book 5 (1835): 326–337. Available at: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6492 (accessed 23.07.2018).

10. Sokolovskii 2-i. O kamennom" ugle, naidennom" bliz" derevni Afonino i v" nekotorykh" drugikh" mestakh" Altaiskogo okruga [On hard coal found near the village of Afonino and other places of the Altay Region]. *Gornyi zhurnal" = Mining Journal*, part II, book 4 (1842): 22–43. Available at: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6572 (accessed 06.10.2017).

11. Kravtsova L. A. Teoreticheskoe obosnovanie printsipov sistematizatsii ugol'nykh obraztsov Instituta uglia FITs UUKh SO RAN v kollektsii [Theoretical bases of principles of systematization of coal samples in coal collections at Institute of Coal FRC CCC SB RAS]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, no. 2 (2017): 60–65.

12. Obruchev V. A. *Istoriia geologicheskogo issledovaniia Sibiri. Period vtoroi (1801–1850)* [The history of geological research in Siberia. Period 2 (1801–1850)]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1933, 282.

13. Pierre de Tchihatcheff. *Voyage scientifique dans L'altai oriental et les parties adjacentes de la frontiére da Chine*. Paris, 1845, 466. Available at: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10366764_00001.html (accessed 25.09.2017).

14. Fomichev V. D. *Ocherki po geologii Sibiri. Kuznetskii kamennougol'nyi bassein* [Sketches on Siberian Geology. Kuznetsk Coal Field]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, Iss. 11 (1940): 186.

15. O sochinenii G. Chikhacheva pod zaglaviem: Voyage scientifique dans L'altai oriental et les parties adjacentes de la frontiére da Chine 1845 goda. Perevod G. Kapitana Noskova [On the work of Mr. Chikhachev entitled: Voyage scientifique dans L'Altai Oriental et les parties adjacentes de la frontiére da Chine, Dated 1845: translated by Captain Noskov]. *Gornyi zhurnal" = Mining Journal*, part IV, book X (1896): 1–26. Available at: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6860 (accessed 23.10.2017).

16. Izsledovaniia, proizvedennyia v" Kuznetskom" kamennougol′nom" basseine [Research done in the Kuznetsk Coal Field]. *Gornyi zhurnal" = Mining Journal*, part I (1858): 1–35. Available at: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6272 (accessed 12.07.2017).

17. Butov P. I., Iavorskii V. I. *Materialy dlia geologii Kuznetskogo kamennougol'nogo basseina. Iugo-Zapadnaia okraina basseina* [Materials on the Geology of the Kuznetsk Hard Coal Field. The South-Western End of the Field]. Petrograd: Tipografiia imeni Ivana Fedorova, 1922, 58.

18. *Ocherk mestorozhdenii iskopaemykh uglei Rossii* [A Note on the fields of fossil coals of Russia]. Saint-Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1913, 576.

19. Krasnopol'skii A. A. Kratkii ocherk deiatel'nosti Geologicheskogo Komiteta za 38 let ego sushhestvovaniia [A Short Description of the Work of the Geological Committee in Its 38 Years of Existence]. *Otkrytoe zasedanie Prisutstviia Geologicheskogo Komiteta 1 fevralia 1920 g.* [Open Meeting of the Geological Committee on 1 February 1920]. Petrograd: 1-ia Gosud. tip., 1920, 5–28. Available at: http://resolver.gpntb.ru/purl?docushare/dsweb/Get/Resource-5940/Otkrytoe_zasedanie_prisutstviya_Geologicheskogo_komiteta_1,02,1920(1).pdf (accessed 12.02.2018).

20. Nesterovskii N. Ia. Geognosticheskii ocherk" Kuznetskago uglenosnago basseina [Geological Sketch of the Kuznetsk Coal Field]. *Gornyi zhurnal" = Mining Journal*, no. 9 (1896): 298–351. Available at: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/6093 (accessed 17.09.2017).

21. Krylov G. V., Zavalishin V. V., Kozakova N. F. *Issledovateli Kuzbassa* [Kuzbass Researchers]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izd-vo, 1983, 168.

22. Stepanov P. I. Vospominaniia geologa [A Geologist's Memoirs]. *Pamiati akademika P. I. Stepanova* [Dedication to Academician P. I. Stepanov]. Ed. Gorskii I. I. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952, 7–118.

23. Iavorskii V. I., Butov P. I. *Kuznetskii kamennougol'nyi bassein* [Kuznetsk Coal Mining Field]. Leningrad: Izdanie Geologicheskogo Komiteta, 1927, 244.

24. Kravtsova L. A. Iz istorii nauchnykh issledovanii Kuznetskogo kamennougol′nogo basseina [On the History of Scientific Research of the Kuznetsk Coal Mining Field]. *Muzei Rossiiskoi akademii nauk* [Museums of the Russian Academy of Sciences: Almanac]. Ed. Buzhilova A. P., Demkina S. M. Moscow: TAUS, vol. 8 (2010): 81–91.

25. Stepanov P. I. Bogatstvo Rossii iskopaemym uglem [Russia's Riches in Fossil Coal]. *Otkrytoe zasedanie Prisutstviia Geologicheskogo Komiteta 1 fevralia 1920 g.* [Open Meeting of the Geological Committee on 1 February 1920]. Petrograd, 1920, 43–64. Available at: http://resolver.gpntb.ru/purl?docushare/dsweb/Get/Resource-5940/Otkrytoe_zasedanie_prisutstviya_Geologicheskogo_komiteta_1,02,1920(1).pdf (accessed 12.02.2018).

26. Kravtsova L. A., Sokol E. V. Nauchnoe nasledie L. I. Lutugina i Kuzbass: istoriko-kul'turnyi analiz [Scientific heritage of L. I. Lutugin and Kuzbass: a historical-cultural analysis]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, no. 4 (2016): 143–148.

27. Kravtsova L. A. Nauchnyi potentsial kollektsii Muzeia uglia po istorii geologicheskikh issledovanii Kuznetskogo basseina [The exhibition activity of Coal Museum FRS CCC SB RAS in realization of integration strategy in socio-cultural space of the region]. *Muzei i nauka: k 35-letiiu muzeia «Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Museum and Science: On 35th Anniversary of the "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" Museum of Kemerovo State University: Proc. Intern. Sc. Conf.]. Kemerovo, 2011, 54–60.

28. Usov M. A. *Geologo-promyshlennyi ocherk Kuznetskogo kamennougol'nogo basseina* [Geological and Industrial Notes on the Kuznetsk Coal Field]. Tomsk: Krasnoe znamia, 1929, 108.

УДК 930.2(1-21):329 "1900/1917"

АРХИВНАЯ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПОДПОЛЬЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Сергей В. Макарчук [a, @, ID]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *makarchuk-sv@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-3932-9757*

Поступила в редакцию 28.04.2017. Принята к печати 20.09.2017.

Ключевые слова: документальная информация, нелегальные издания, листовки, прокламации, политическое подполье, социал-демократические организации, Дальний Восток.

Аннотация: Изучаются архивные документы социал-демократических организаций Дальнего Востока России, хранящиеся в коллекции нелегальных изданий отдела редкой книги Центра социально-политической истории. В коллекции содержится архивная документальная информация, исходящая от двух крупнейших социал-демократических групп Дальнего Востока – Благовещенской (Амурской) и Владивостокской. Документальная информация представлена в листовках в виде кассовых отчётов организаций, отчётов об их состоянии и деятельности, организационных уставов, резолюций партийных собраний, наказов депутатам, малоформатных газет. Анализируемые издания дальневосточных организаций Российской социал-демократической рабочей партии представляют собой листовки, напечатанные на машинке или изданные посредством малой полиграфии – на гектографе или мимеографе. Часть листовок издана типографским способом – в типографиях частных издательств или в собственных кустарных нелегальных типографиях. Большинство рассматриваемых листовок вводится в научный оборот впервые. Они относятся к разряду особо ценных и уникальных исторических документов, т. к. не имеют себе подобных и представляют непреходящую культурно-историческую и научную ценность при изучении общественно-политического движения на востоке России. В статье сделан вывод, что документальная информация Центра социально-политической истории в сочетании с другими архивными данными позволяет сделать доказательные заключения о состоянии социал-демократического подполья на Дальнем Востоке, выявить закономерности и особенности его становления и развития.

Для цитирования: Макарчук С. В. Архивная документальная информация ЦСПИ о социал-демократическом подполье на Дальнем Востоке в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 36–42. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-36-42.

Изучение архивных и библиотечных коллекций – одна из важнейших задач исторического документоведения, архивоведения и библиотековедения. Целью данной статьи является исследование документальной информации, содержащейся в коллекции листовок отдела редкой книги (ОРК) Центра социально-политической истории (ЦСПИ). Центр был образован 1 апреля 2014 г. на базе Государственной общественно-политической библиотеки (ГОПБ) и с этого времени является структурным подразделением Государственной публичной исторической библиотеки России. Коллекция российской революционной литературы ЦСПИ насчитывает 4 тыс. легальных и нелегальных книг и брошюр и 72 тыс. листовок различных политических партий и организаций, из которых 42 тыс. – прокламации и листовки Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), в т. ч. её местных организаций[1].

Коллекция листовок революционных организаций начала складываться в 1921 г. одновременно с созданием Института К. Маркса и Ф. Энгельса и библиотеки при нём. Создателем библиотеки считается директор института, известный социал-демократ Д. Б. Рязанов. Этот факт отмечается в материалах посвящённой ему научной конференции [1] и его биографом Я. Г. Рокитянским [2]. В 1931 г. созданный Д. Б. Рязановым институт объединился с Институтом В. И. Ленина в единый Институт Маркса-Энгельса-Ленина, который в 1956 г. был переименован в Институт марксизма-ленинизма

[1] Центр социально-политической истории: сайт. Режим доступа: www.shpl.ru/readers/centr_sotcialino_politicheskoy_istorii/ (дата обращения: 11.02.2016).

при ЦК КПСС. Вплоть до закрытия института в 1991 г. Библиотека ИМЛ при ЦК КПСС активно пополняла свою коллекцию листовок, часто изымая их оригиналы из центральных и региональных архивохранилищ, пользуясь особым положением учреждения, находящегося «при ЦК КПСС».

15 июня 1992 г. библиотека получила самостоятельный статус, стала называться ГОПБ и подчиняться Министерству культуры РФ. Это спасло фонды библиотеки от разорения в «смутные» 90-е гг. В последующее время фонды библиотеки, в т. ч. коллекция нелегальных изданий, стали серьёзно изучаться [3]. Сами сотрудники библиотеки работали над систематизацией произведений нелегальной печати – периодических изданий [4] и листовок [5].

Коллекция нелегальных изданий размещалась в фонде архивного хранения (ФАХ) ГОПБ. А затем была передана в отдел редкой книги (ОРК), который сохранился и в ЦСПИ.

Находящиеся в коллекции нелегальных изданий ОРК ЦСПИ издания дальневосточных организаций РСДРП представляют собой листовки, напечатанные на машинке или изданные посредством малой полиграфии – на гектографе или мимеографе. Часть листовок издана типографским способом – в типографиях частных издательств или в собственных кустарных нелегальных типографиях. Способ издания можно различить по качеству печати, хотя все тексты листовок хорошо сохранились и легко читаются. Текст располагается на одной или обеих сторонах листа. Достоверность документа подтверждается печатью с наименованием организации, из которой он исходит, к примеру – «Владивостокский комитет РСДРП», или просто наименованием организации, без печати.

В коллекции нами обнаружена архивная документальная информация, исходящая от двух крупнейших социал-демократических групп Дальнего Востока – Благовещенской (Амурской) и Владивостокской. Документальная информация содержится в листовках в виде кассовых отчётов организаций, отчётов об их состоянии и деятельности, организационных уставов, резолюций партийных собраний, наказов депутатам, малоформатных газет. Часть листовок представляет собой прокламации, обращённые к определённым слоям населения с политическими призывами. Все листовки имеют дату выпуска, а многие – и сведения о тиражности издания. Тираж колеблется от 300 до 5000 экземпляров, но необходимо представлять, что подпольные организации часто преднамеренно ставили на листовке преувеличенный тираж с целью создать впечатление о размахе своей агитационной работы. Нельзя безоговорочно доверять и нумерации листовок, т. к. она могла с той же целью многократно завышаться или ставиться «наобум» из-за трудности учёта листковой работы в подпольных условиях. Содержательная же достоверность листковой информации вне сомнений – она проверяется документацией центральных и региональных архивов. Несомненна также подлинность листковых документов и отсутствие в их ряду фальсификаций.

Наиболее ранние листовки дальневосточной части коллекции ЦСПИ относятся к 1906 г. В это время уже существовала социал-демократическая организация в Благовещенске – Амурская группа РСДРП во главе с оформленным в октябре 1905 г. комитетом. Некоторое время Амурская группа социал-демократов действовала в едином составе с местной группой эсеров. Но в январе 1906 г. межпартийный союз перестал существовать и укрепилась самостоятельная Амурская группа РСДРП – первая эсдековская организация на Дальнем Востоке [6, с. 124–125].

Группа приступила к изданию собственного подпольного издания в форме листовки под названием «Летучий листок Амурской группы Сибирского союза РСДРП». Подлинники всех 3-х вышедших в декабре 1906, январе и марте 1907 годов «листков» сохранились в ЦСПИ[2]. В летучем листке № 1 центральное место занимала редакционная статья «Современное положение и тактика социал-демократии», в которой заявлялось, что социал-демократическая партия является «идейной представительницей пролетариата» и ставит своей главной целью «достижение полного народовластия» путём вооружённого восстания. Этой цели была подчинена и предвыборная кампания по выборам во 2-ю Государственную Думу: «Следовательно, Социал-Демократическая Партия пошлёт своих представителей в Государственную Думу с одной целью: систематической оппозицией уничтожить авторитет правительства, организовать пролетариат и тем сделать возможным народное восстание».

В содержащемся в этом же «листке» обращении «Граждане и товарищи» заявлялось, что после разгона 1-й Государственной думы народ добьётся свободы и учредительного собрания не соглашениями с царизмом, но прямой и решительной борьбой с ним лишь вооружённым восстанием». Листок сообщал о расстреле в Красноярске 3-х солдат за поддержку революции. Здесь же в разделе «Хроника» приводились фамилии офицеров, входящих в военно-полевые суды и приговаривающих к расстрелу революционеров.

«Летучий листок Амурской группы Сибирского союза РСДРП» № 2 заявленным тиражом 3000 экземпляров публиковал «Проект избирательной платформы, предложенной ЦК РСДРП».

«Летучий листок Благовещенского комитета Сибирского союза РСДРП» № 3 содержал информацию о выборах в германский рейхстаг. Потеря

[2] Центр социально-политической истории (ЦСПИ). ОРК. ЦУГ. Л. 514.

многих мандатов социал-демократами Германии объяснялась присутствием в их среде «попутчиков из буржуазии», которые, боясь роста рабочего движения, отворачиваются от партии. «Вот почему социал-демократия всегда рекомендует настойчиво пролетариату бороться одному, не надеяться на постороннюю помощь», – заявлялось в листке. Статья заключалась словами: «И социал-демократия должна блюсти завет своего учителя К. Маркса, что дело освобождения рабочих должно быть делом рук самих рабочих».

Листок критиковал бывших союзников – социал-революционеров – за то, что они не подчинились решению своего ЦК не участвовать в выборах во 2-ю Государственную думу и выставили от своего имени «заведомого кадета». Публиковалось Постановление Комитета Амурской группы РСДРП: «Не признавать существование в Благовещенске Партии Социалистов-Революционеров как таковой, ввиду того, что тактика местных её членов совершенно не согласуется с общей физиономией Партии и действиями её руководящего центра». В разделе «Хроника» сообщалось о забастовках и стачках, деятельности профессиональных союзов, ведущихся в городе обысках и арестах, разоблачались шпики и сыщики, обращалось внимание на безобразия, творящиеся на заводах и фабриках.

В целом хранящиеся в коллекции нелегальных изданий ОРК ЦСПИ «летучие листки» представляют собой ценный исторический источник, позволяющий оценить идейное и организационное состояние Амурской группы РСДРП и при опоре также на другие источники сделать общий вывод о том, что группа представляла собой единую организацию, в которой на момент выхода «листков» заметно преобладали большевистская идеология и тактика, направленные на признание лишь за фабрично-заводским пролетариатом ведущей роли в революционном движении, стремление к партийному изоляционизму, политический радикализм и призывы к немедленному вооружённому восстанию.

Сохранённый в ЦСПИ «Кассовый отчёт с 1 января по 7 февраля 1907 г.», изданный отдельной листовкой и заверенный печатью «Амурской группы Сибирского союза РСДРП», даёт представление о направлениях работы группы, её организации и финансовом состоянии[3]. Организационно группа дробилась на «десятки», через которые и поступали членские взносы. В отчётный период действовали 9 «десятков», через которые поступило 120 руб. 10 коп. взносов. Неравномерность денежных поступлений от каждого из десятков (от 1 руб. 11 коп. до 35 руб. 94 коп.) может свидетельствовать не только о зависимости взноса от дохода, но и о неравномерности численности «десятков», в которых могло быть как меньше, так и больше 10 человек. Поэтому данный документ не позволяет сделать точный вывод о численности организации, хотя, исходя из средней статистики, можно предположить, что в неё входило около 100 человек.

С учётом предыдущих сумм в разделе «прихода» числилась значительная по тому времени сумма – 702 руб. 54 коп. Расход организации за отчётное время составил 427 руб. 42 коп. К расходной части профицитного бюджета организации отнесены расходы по посылке делегата, почтовые расходы, расходы на издание литературы и содержание «большой техники», процентное отчисление в Сибирский союз, покупка литературы. Кассовый отчёт – ценнейший документ, исходящий из партийной организации и характеризующий её состояние, численность и работу. Но к сожалению, приведённый документ является единственным по Амурской организации в коллекции ЦСПИ. Кассовый отчёт с 7 марта по 7 апреля 1907 г. и «Кассовый отчёт в суммах, собранных организацией для специального назначения» сохранились в Российском государственном архиве Дальнего Востока[4].

Важнейшим историческим документом, содержащим ретроспективную информацию, обладающую регулятивной функцией, является сохранившийся в ЦСПИ «Устав Амурской группы Благовещенской организации», изданный в формате листовки под № 8 в феврале 1907 г. тиражом 1000 экземпляров[5]. Первый параграф Устава гласил, что каждый её член обязан признавать Программу РСДРП и платить установленный взнос – одну сотую процента ежемесячного заработка. Отдавая дань большевистским уставным правилам, § 1 обязывал каждого члена «повиноваться решениям партийных учреждений», хотя обязательство членства в одной из партийных организаций отсутствовало.

Верховным учреждением Благовещенской организации являлось общее собрание её членов. В примечании § 2 уточнялось: «Общее собрание считается действительным при наличии не менее чем две трети всех членов организации. При вторичном же созыве Общее собрание считается действительным при всяком числе». Таким образом, организация учитывала трудности соблюдения кворума в условиях нелегального существования. Только для решения вопросов о досрочном переизбрании комитета и изменении Устава на собрании должно присутствовать и проголосовать не менее 2/3 организации. Все остальные вопросы решались простым большинством собравшихся.

[3] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-4. Ц. 14177.

[4] Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 495. Оп. 1. Д. 2. Л. 140–142.

[5] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-4. Ц. 14180.

Общее собрание созывалось Комитетом, которое избирало его сроком на 3 месяца. Способ выборов и число членов Комитета согласно приложениям к § 3 определялся каждый раз Общим собранием. Права кооптации Комитет не имел, что, конечно, затрудняло его пополнение в случае арестов. Только если число выборных членов Комитета окажется менее 3-х, то полномочия его считались истекшими и должно быть собрано Общее собрание для избрания нового руководящего органа организации. Комитет являлся верховным её учреждением между общими собраниями. Он был уполномочен решать все вопросы, кроме вопросов изменения Устава, о посылке делегатов на общепартийные и областные съезды, о назначении партийных кандидатов при выборах в государственные и общественные учреждения и об исключении членов. Всё это являлось прерогативой Общего собрания. Комитет обязан был по истечении срока его полномочий представить Общему собранию подробный отчёт, а также ежемесячно выпускать отчёты о расходе и приходе поступающих денежных средств.

Заключительные восьмой и девятый параграфы Устава регламентировали принципы построения организации, которая делилась на десятки во главе со старшинами. Собрание старшин могло выбрать одного представителя в Комитет с правом решающего голоса. В обязанности старшин входило собрание в своих десятках членских взносов, снабжение десятка партийной литературой, ознакомление Комитета при посредстве выбранного представителя старшин с настроениями и желаниями своего десятка, сообщение десятке обо всех постановлениях и решениях Комитета. Приём новых членов организации производился через десятки и утверждался Собранием старейшин.

В собрании нелегальных изданий амурских социал-демократов ЦСПИ больше не содержится документов, обладающих регулятивной функцией или функцией учёта. Однако подобного рода документация представлена в архивах, и по ней можно судить о дальнейшей истории Амурской группы. В конце 1907 г. из неё выделился Комитет социал-демократической группы рабочих, который за фальшивомонетничество и экспроприации Центральным комитетом РСДРП был объявлен «не социал-демократической организацией»[6]. После воссоединения группы рабочих с основной организацией в апреле 1908 г. прошло общее собрание Благовещенской организации, резолюция которого была опубликована в центральном печатном органе меньшевистской фракции – «Голос социал-демократа»[7]. В коллекции же ЦСПИ из документов Благовещенской организации сохранилась документация с выраженной идеологической функцией, представляющая собой прокламации, исходящие от её Комитета.

Самая ранняя прокламация коллекции «Товарищи казаки и солдаты» датирована февралём 1908 г. Она имеет порядковый № 3 и отпечатана на ротапринте в количестве 800 экземпляров[8]. В прокламации содержится призыв к солдатам и казакам не участвовать в подавлении народных выступлений. В заключении прокламации звучит лозунг: «Да здравствует единение народа с армией».

Изданная 12 марта 1908 г. прокламация «Граждане» (400 экз.) имеет порядковый № 15 и призывает население материально поддержать оставшихся без работы депутатов социал-демократической фракции 1-й и 2-й Государственных дум: «наша материальная поддержка будет материальной поддержкой для тех, кто с неимоверным трудом продолжает дела представителей первых Дум – членов социал-демократической фракции третьей Государственной Думы»[9]. Ещё одна мартовская прокламация – «Товарищи плотники» была издана Благовещенским комитетом РСДРП от имени профессионального союза плотников. Плотникам города предлагалось выйти на забастовку после увольнения пароходовладельцем Мальцевым двух плотницких артелей, производивших работы на пароходе «Владимир», «Кондратенко» и «Успех»[10].

В рассматриваемой коллекции содержится 4 апрельских прокламации амурских социал-демократов. Одна из них – «Товарищи судовые рабочие» (№ 26, 24 апреля 1908 г., 1000 экз.) – подробно разбирала закончившуюся поражением стачку рабочих Игнатьевского затона: «К сожалению время для забастовки было выбрано крайне неудачно. Ремонт[11] был уже окончен и забастовка не грозила обществу большими убытками. Бастовали только палубные команды и рабочие мастерских, но машинисты к забастовке не присоединились… Кроме того, многие рулевые и боцманы примкнули к забастовке не искренно и не гнушались помогать администрации в неотложных работах по затону». Для успешного противодействия капиталистам и чиновникам эсдеки призывали рабочих к объединению в профессиональный союз судовых команд. Однако они предупреждали, что сразу после поражения забастовки «нельзя немедленно приступать к организации союза». К тому же с организацией профсоюза нельзя

[6] Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. П-2617. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

[7] Голос социал-демократа. 1908. № 6-7. С. 30.

[8] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-4. Ц. 68477.

[9] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-4. Ц. 68473.

[10] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-4. Ц. 68478.

[11] судов.

спешить вследствие предстоящего «разъезда на пароходах в разные стороны». «Но не забывайте, что только в единении сила», – заключала листовка[12].

Оставшиеся 3 прокламации посвящены первомайской агитации. Их порядковые номера – 22, 27, 28. Подпись везде одна: «Благовещенский комитет РСДРП». Тираж указан только на одной листовке – № 22 «Первое мая – Всемирный пролетарский праздник» (5000 экз.). В ней в гипертрофированной форме описывается тяжёлое положение пролетариата Австро-Венгрии, Франции, Германии, Англии, Америки, России. В отношении России сказано: «И теперь в день нашего Великого Праздника – мелькнут перед глазами тысячи теней наших братьев и сестёр расстрелянных, повешенных, изрубленных, измученных… И всё же мы бодры! Вы видите эти виселицы, остриями своими опирающиеся в небеса? – На них братья наши геройски расстались с жизнью. Вы видите огонь и дым? – То горят наши убогие лачуги. Вы слышите эти душераздирающие крики? – То кричат наши обесчещенные жёны, матери и сёстры». Прокламация призывает «готовиться к битве» – «Вы ещё нас услышите»[13].

Идеологическая функция документальной информации резко выражена и в других первомайских листовках. В прокламации «Товарищи» концентрированно выражены требования социал-демократии: «Восьмичасовой рабочий день, уничтожение постоянных армий, мир между народами и политическая свобода – вот те требования, которые раздаются в день всемирного майского праздника пролетариата… Товарищи, готовьтесь достойным образом встретить этот день. Пусть Первого мая увидят ваши заводы и мастерские пустыми, а вас, товарищи, вместе с нами»[14]. Прокламация «Ко всем приказчикам гор. Благовещенска», изданная Благовещенским комитетом РСДРП, имеет подпись: «Группа приказчиков-социал-демократов». Она объясняет значение празднования 1 мая, указывает на близость положения рабочих и приказчиков и призывает: «Товарищи приказчики. В светлый праздник первого мая присоединим свой голос к голосу всех рабочих г. Благовещенска, будем праздновать своё грядущее пробуждение, свой выход из рабского положения»[15].

Листовки за май-декабрь 1908 г. не присутствуют в коллекции. Это объясняется тем, что в связи с произведёнными арестами членов комитета они просто не издавались в указанное время. Выпуск возобновился в январе 1909 г. выходом прокламации № 1 «Товарищи рабочие» за подписью «Амурская группа социал-демократической рабочей партии». Сама подпись говорила о том, что комитет организации не был восстановлен к этому времени. Прокламация посвящалась 4-летию событий 9 января 1905 г. Проанализировав причины поражения революции, прокламация призывала прекратить работы и почтить память погибших, готовиться к новой революционной борьбе – «революция, которая, хотя и раздавлена сейчас, не окончилась, так как не устранены причины её вызвавшие»[16].

Представленная листовка является последней в коллекции ЦСПИ. Её выход спровоцировал новые аресты в руководстве Амурской организации, в т. ч. в тюрьму был заточён Г. И. Шпилев, осуждённый по делу типографии местной социал-демократической группы. После этого в документах архива упоминается только одна листовка, выпущенная к 1 мая 1909 г., но она отсутствует в коллекции. В мае были заключены в тюрьму руководители организации РСДРП в Благовещенске – Г. Г. Лапердин, А. А. Руфин, Л. Ю. Людевик[17]. В дальнейшем организация не выпускала листовок и прокламаций, а сосредоточила свои усилия на пропагандистской работе в легальной печати.

Коллекция нелегальных изданий ОРК ЦСПИ включает также листовки и прокламации, содержащие документальную информацию, исходящую от другой крупной социал-демократической организации Дальнего Востока – Владивостокской группы РСДРП. Она согласно центральной партийной прессе возникла несколько позже Благовещенской – в апреле 1906 г.[18] Но первая по времени листовка, сохранённая в ЦСПИ, датирована ноябрём 1906 г. и представляет собой «Отчёт о состоянии и деятельности Владивостокской организации РСДРП за ноябрь 1906 года»[19]. К этому же времени относится другой документ коллекции, обладающий чётко выраженной регулятивной функцией – «Устав Владивостокской организации РСДРП, утверждённый общим собранием 19 ноября 1906 года»[20].

Отчёты организации публиковались и в дальнейшем. В них преобладает учётная функция документа, представляющая собой ретроспективную информацию, ценную как важнейший исторический источник. В коллекции имеются отчёты о состоянии

[12] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-4. Ц. 68479.
[13] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-4. Ц. 68476.
[14] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-4. Ц. 14188.
[15] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-4. Ц. 14186.
[16] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-4. Ц. 14189.
[17] РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 6. Д. 1626. Л. 54.
[18] Социал-демократ. № 7. 1906. 18 ноября.
[19] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-17. Ц. 30453.
[20] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-17. Ц. 30450.

и деятельности Владивостокской организации РСДРП за декабрь 1906 г. январь и февраль 1907 г.[21] Особую ценность как исторический источник представляет подробнейший «Отчёт о состоянии и деятельности Владивостокской организации, сообщённый на I Конференции Приморского района 27/II-07г.»[22]. В ОРК ЦСПИ сохранились «Резолюции первой конференции Приморского района Российской Социал-Демократической Рабочий Партии»[23]. Из них видно, что Приморский район РСДРП составили Владивостокская, Никольск-Уссурийская и Хабаровская социал-демократические организации.

В марте 1907 г. была выпущена рукописная листовка «Ко всем членам Приморского района». На ней имелась печать Владивостокского комитета РСДРП и подпись – «Первая конференция Приморского района Росс.Соц.-Дем.Рабочей партии». Листовка призывала всех сочувствующих партии жертвовать средства на «усиление издательской и другой деятельности», а также содержала подробный кассовый отчёт Владивостокской группы РСДРП с 1 февраля по 1 марта 1907 г. с профицитом денежных средств в количестве 134 руб. 09 коп.[24] В коллекции ЦСПИ хранятся кассовые отчёты организации за январь[25] и май 1907 г.[26]

Идеологическую, агитационно-пропагандистскую функцию несут имеющиеся в коллекции документы, представляющие собой прокламации. Одна из них – «К избирателям» (1 сентября 1907 г.) – написана от имени Приморского областного избирательного комитета РСДРП[27], другая – «Граждане» – издана к 9 января 1909 г. типографским способом в количестве 1 000 экз. за подписью «Владивостокская группа РСДРП»[28]. Ещё одна прокламация издана от имени нижних чинов Спасского гарнизона в июне 1907 г. тиражом 2 500 экз. Она имеет заголовок – «Наказ депутатам Российской Социал-Демократической Рабочей партии принятый нижними чинами Спасского гарнизона в числе 150 человек по предложению Спасской военной организации при Владивостокской группе РСДРП»[29]. Прокламации и другие виды листовок из коллекции нелегальных изданий ЦСПИ несут в себе подлинную первоначальную информацию, характеризующую численность, состав, организационное и идейное состояние, деятельность, финансовое положение Владивостокской группы РСДРП и тесно связанных с ней социал-демократических организаций Приморья. Подробный анализ содержательной стороны приведённых документов – задача другой статьи. Однако по своей ценности они не уступают подвергшимся более детальному анализу документам Амурской социал-демократической группы.

В целом документальная информация ЦСПИ в сочетании с данными других федеральных и региональных архивов позволяет сделать доказательные заключения о состоянии социал-демократического подполья на Дальнем Востоке России, выявить закономерности и особенности его становления и развития. В этой связи большинство рассмотренных документов по архивной классификации относятся к разряду особо ценных и уникальных. Они не имеют себе подобных и представляют непреходящую культурно-историческую и научную ценность при изучении общественно-политического движения на востоке России.

Литература

1. Известный и неизвестный Давид Борисович Рязанов (1870–1938): к 140-летию со дня рождения. М.: ГОПБ, 2011. 252 с.

2. Рокитянский Я. Г. Гуманист октябрьской эпохи: академик Д. Б. Рязанов – социал-демократ, правозащитник, учёный. М.: Собрание, 2009. 576 с.

3. Государственная общественно-политическая библиотека: материалы научной конференции и торжественного заседания, посвящённого 80-летию основания ГОПБ / отв. ред. Л. И. Львова, И. Ю. Новиченко. М.: ГОПБ, 2001. 129 с.

4. Сводный каталог русской нелегальной и запрещённой печати XIX века. Книги и периодические издания. М.: ГОПБ, 1971. Вып. 1–9.

5. Сводный каталог русской нелегальной и запрещённой печати XIX века. Листовки. М.: ГОПБ, 1977. Т. 1–3.

6. Макарчук С. В. Амурская организация российской социал-демократической рабочей партии в начале XX в. // Политическая культура в истории Германии и России. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. С. 124–129.

[21] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-17. Ц. 30452.

[22] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-17. Ц. 623135.

[23] ЦСПИ. ОРК. 4ЦА185-16. Р. 837. Ц. 64622.

[24] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-111. Ц. 18701.

[25] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-17. Ц. 30457.

[26] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-17. Ц. 30466.

[27] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-17. Ц. 30472.

[28] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-17. Ц. 30476.

[29] ЦСПИ. ОРК. Цл 1-17. Ц. 30468.

SOCIAL-DEMOCRATIC UNDERGROUND OF THE FAR EAST IN THE EARLY XX CENTURY: PUBLIC RECORDS OF THE CENTER FOR SOCIAL AND POLITICAL HISTORY

Sergey V. Makarchuk [a, @, ID]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *makarchuk-sv@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-3932-9757*

Received 28.04.2017. Accepted 20.09.2017.

Keywords: documentary information, illegal publications, leaflets, proclamations, political underground social-democratic organizations and the Far East.

Abstract: The research features public records concerning the Social-Democratic organizations of the Far East (Russia), stored in the collection of illegal publications at the Center for Social and Political History, the rare book section. The collection contains archival documents originating from the two largest Social-Democratic groups of the Far East located in Blagoveshchensk and Vladivostok. The records include: various reports, corporate charters, resolutions of party meetings, mandates to elected officials, and small newspapers. Publications issued by the Far Eastern social democratic organizations were mostly leaflets printed on a typewriter or published on a hectograph or mimeograph. Some leaflets were printed in actual print shops of private publishing houses or in handicraft illegal print shops. Most of the documents were previously unstudied. However, they belong to the category of particularly valuable and unique historical documents of cultural, historical and scientific value for the study of the Socio-Political movement of the Russian East. The author believes that the public records stored at the Center for Social and Political History, in combination with other archival data, may cast light on the state of the history of Social-Democratic underground in the Far East, its formation and development.

For citation: Makarchuk S. V. Arkhivnaia dokumental′naia informatsiia TsSPI o sotsial-demokraticheskom podpol′e na Dal′nem Vostoke v nachale XX v. [Social-Democratic Underground of the Far East in the early XX Century: Public Records of the Center for Social and Political History]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 36–42. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-36-42.

References

1. *Izvestnyi i neizvestnyi David Borisovich Riazanov (1870–1938): k 140-letiiu so dnia rozhdeniia* [The famous and unknown David Borisovich Ryazanov (1870–1938): to the 140th anniversary of the Birthday]. Moscow: GOPB, 2011, 252.

2. Rokitianskii Ya. G. *Gumanist oktiabr'skoi epokhi: akademik D. B. Ryazanov – sotsial-demokrat, pravo-zashchitnik, uchonyi* [Humanist of the October era: academician Ryazanov D. B. – Social- Democrat, human rights activist, scientist]. Moscow: Sobranie, 2009, 576.

3. *Gosudarstvennaia obshchestvenno-politicheskaia biblioteka: materialy nauchnoi konferentsii i torzhest-vennogo zasedaniia, posviashchonnogo 80-letiiu osnovaniia GOPB* [The State Social and Political Library: Proc. Sci. Conf. and solemn meeting dedicated to the 80th anniversary of the foundation of the GOPB]. Ed. L′vova L. I., Novichenko I. Iu. Moscow: GOPB, 2001, 129.

4. *Svodnyi katalog russkoi nelegal'noi i zapreshchonnoi pechati XIX veka. Knigi i periodicheskie izdaniia* [Consolidated catalog of Russian illegal and banned print of the XIX century. Books and Periodicals]. Moscow: GOPB, Iss. 1–9 (1971).

5. *Svodnyi katalog russkoi nelegal'noi i zapreshchonnoi pechati XIX veka. Listovki* [Consolidated catalog of Russian illegal and banned printing of the XIX century. Leaflets]. Moscow: GOPB, vol. 1–3 (1977).

6. Makarchuk S. V. Amurskaia organizatsiia rossiiskoi sotsial-demokraticheskoi rabochei partii v nachale XX v. [The Amur organization of the Russian Social-Democratic Party Workers' Party at the beginning of the 20th century]. *Politicheskaia kultura v istorii Germanii i Rossii* [Political culture in the history of Germany and Russia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2009, 124–129.

УДК 93/94+631.145(571.53)

РОСТ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В НИЖНЕУДИНСКОМ УЕЗДЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Анастасия Л. Матвеенко [a, @]

[a] *Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83*
[@] *nastya.matveenko.1984@mail.ru*

Поступила в редакцию 15.03.2018. Принята к печати 02.07.2018.

Ключевые слова:
Иркутская губерния, Нижнеудинский уезд, аграрное развитие, переселение, субрегион.

Аннотация: Статья посвящена процессу аграрного развития Нижнеудинского уезда Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв., влияния на его развитие массового переселения и сооружения Транссибирской магистрали, отражены вопросы введения территории в сельскохозяйственный оборот для получения кормов и продуктов растениеводства. Автором выявлены региональные тенденции в развитии аграрного производства. Приводится подробное описание местного аграрного производства, рассмотрена система землепользования. Особое внимание уделено динамике посевных площадей субрегиона, анализируются причины сокращения сбора хлебов и динамика увеличения посевных площадей с учетом региональной специфики. Установлена тесная связь описываемых явлений с социально-экономическими и природными факторами.

Описываемый хронологический период интересен тем, что именно тогда субрегион в переводе на современные термины являлся настоящей «территорией опережающего развития». Анализ аграрного развития субрегиона свидетельствует об эволюции аграрного производства Нижнеудинского уезда Иркутской губернии на протяжении всего исследуемого периода.

В основу написания статьи был положен принцип историзма, в соответствии которым аграрное развитие субрегиона рассматривается в историческом контексте социально-экономических и природных явлений. При анализе аграрного развития использовались методы анализа, синтеза, также применялся статистический метод исторического исследования. Материалы статьи могут быть использованы при выработке стратегии социально-экономического развития, позволяя сформулировать рекомендации для программ экономического развития и освоения.

Для цитирования: Матвеенко А. Л. Рост аграрного производства в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 43–48. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-43-48.

В данной статье мы рассматриваем анализ проблемы введения Нижнеудинского уезда (далее по тексту «субрегион») Иркутской губернии в сельскохозяйственный оборот для получения продукции растениеводства и кормов. При этом основной упор хотелось бы сделать именно на местной специфике, не повторяя хорошо разработанные в отечественной историографии оценки переселения в Сибирь в целом. Также стоит отметить, что в статье не проводится сопоставление задействованных источников, поскольку мы не сталкивались со значимыми противоречиями и расхождениями в них.

Субрегион в переводе на современные термины являлся настоящей «территорией опережающего развития». В абсолютных цифрах посевы в границах субрегиона увеличились с 1912 по 1919 годы с 70000 десятин до 89900, т. е. на 20 %. Сооружение Транссибирской магистрали позволило увеличить масштабы аграрного переселения. За счет труда новоселов и старожилов посевные площади увеличились, с вовлечением в хозяйственный оборот земельных территорий процесс аграрного развития Нижнеудинского уезда Иркутской губернии значительно ускорился.

В 1896 г. в Иркутской губернии сформировалась и начала работу партия по образованию переселенческих участков. Партия готовила участки преимущественно в Нижнеудинском уезде, в меньшей степени – в Балаганском и Иркутском. В 1896 г. было образовано 47 участков на 10813 долей (душ мужского пола) общей площадью в 177321 десятину. В 1897 и 1899 годы – 28 и 5 участков на 7621 и 920 долей площадью 127467 и 16248 десятин. В 1898 г., 1900–1902 гг. участки не образовывались.

С 1903 г. работы возобновились, и в общей сложности к 1916 г. в Иркутской губернии было образовано 2836 участков на 167146 долей и 2735956 десятин, т. е. почти 3 млн десятин. По свидетельству М. П. Соколова, до 1920 г. «сгущение населения происходило главным образом путем иммиграции и притом в полосе влияния железной дороги» [1, с. 28].

Вышеприведенные цифры характеризуют заготовленные для приема переселенцев участки, заселение которых происходило с существенным лагом: к 1899 г. лишь один участок заселен полностью, три заняты более чем на 75 %, пять – менее чем на 75 %, четыре – до половины, девять – до 25 % и 29 % совершенно не заселены, а на всех участках водворилось 2638 душ мужского пола. В конце XIX – начале XX вв. переселенческая волна в основном ограничивалась Западной Сибирью, что и оставляло заготовленные в Приангарье участки в основном свободными. Образование новых участков возобновилось только с 1903 г. и опять почти исключительно в Нижнеудинском уезде. А. В. Успенский отмечает, что земельный фонд Нижнеудинского уезда, свободный для колонизации, оценивался в 3 млн десятин на 150000 душ. Производимые в уезде исследования «подтверждают полную пригодность этих земель для заселения и констатируют наличность среди них обширных еланей и открытых мест» [2].

На 1920 г. колонизационный фонд Нижнеудинского уезда оценивался следующим образом: вполне готов для заселения – 193441 десятины на 27152 едока; пригоден к заселению, но не обводнен – 11636 десятин на 1777 едоков; не обеспечен дорогами – 140448 десятин на 9124 едока; в стадии обследования – 8173 десятины на 1437 едоков; итого – около 350000 десятин на 49612 едоков [1, с. 33].

Таким образом, сооружение Транссибирской магистрали способствовало увеличению аграрного переселения. К началу XX в. население субрегиона увеличилось на 80 %, в Нижнеудинском уезде в 1897 г. насчитывалось 80 тыс. человек, за 1897–1906 гг. сюда переселилось около 60 тыс. человек [3, с. 251; 4]. Итоги переселенческой политики были следующими: был осуществлен громадный скачок в экономическом и социальном развитии, выросла волостная сеть (с 6 до 24 волостей), качественно и количественно увеличилось население субрегиона, быстрыми темпами развивалось его аграрное производство. Переселенческое движение заметно изменило способы обработки земли. Частные фирмы и переселенческие склады привозили улучшенные земледельческие орудия, в том числе такие сложные машины, как жатки-сноповязки. Переселенческое управление создало агрономические отделы с опытными станциями и полями, организовывало мелиоративные и гидротехнические работы.

Земледелие субрегиона нуждалось в скороспелых, хорошо приспособленных к местным условиям и дающих высокий урожай сортах, такие сорта можно было получить только путем селекции. Практическую помощь развитию местного земледелия могло оказать опытное сельскохозяйственное учреждение, каким являлась опытная ферма. В 1907 г. переселенческим управлением была организована Тулунская опытная ферма, ставшая родоначальницей Тулунской государственной станции. Тулунская опытная ферма была задумана для того, чтобы показать крестьянам лучшие приемы ведения сельского хозяйства как в животноводстве, так и в растениеводстве.

Необходимо было выявить наиболее пригодные сорта, изучить различные виды удобрений, вредителей и болезни сельскохозяйственных растений, меры защиты от них. Особенно остро встал вопрос о посевных семенах у местного населения после 1912 г., когда большая часть посевов пострадала от заморозков, многие крестьяне остались без хлеба.

На первых этапах работа Тулунской опытной фермы была неэффективной. Новый этап в работе фермы наступил с приходом в 1913 г. молодого агронома переселенческого управления Иркутской губернии Виктора Евграфовича Писарева – Тулунская опытная ферма была переименована в опытное поле. Для развития опытного поля было выделено с 1915 по 1917 годы 50 тыс. рублей. В короткий срок В. Е. Писарев вывел ценные сорта сельскохозяйственных культур: пшеницу Балаганку, ячмень Червонец, горох Тулунский гибрид, озимую рожь Тулунская зеленоглазая, овес Тулунский 86/5, картофель Снежинка. За счет ссудных кредитов переселенцам выдавались плуги, серпы, косы и топоры. Кроме ржи переселенцы выращивали овес, пшеницу, просо, коноплю, лен и кормовые травы.

Исследования 1888 г. Иркутской губернии, захватившие Нижнеудинский уезд, установили, что главной формой землепользования в субрегионе являлась залежно-паровая система. Распространенность этой системы была связана с тем, что проходящий через Нижнеудинский уезд Московский тракт предъявлял большой спрос на овес и сено. Субрегион отличался повышенной лесистостью, естественных лугов было немного, недостаток компенсировали залежью, дававшей хорошее «тяжелое» сено, которое ценилось дороже лесного. Процент лесистости в Нижнеудинском уезде к концу XIX в. составлял 53 % (по Иркутской губернии – 59 %). На одного жителя удобной лесистой пашни приходилось 67,02 десятин (по Иркутской губернии – 65,49) [5, с. 13; 6].

Одна из причин распространения в субрегионе залежи – это смыв почвы с пашен или размыв их. Процентное соотношение площади залежи к общей площади пашни Тулунской волости Нижнеудинского уезда

составляло: в 1888 г. – 24,0 %, в 1911 – 3,5 %, в 1917 – 29,9 %, процент залежи оказался даже выше, чем это было в 1888 г. Очевидно, как отмечал А. В. Черных, процент залежи к 1917 г. начал падать. По данным К. И. Миротворцева, на 100 десятин пашни было залежи по Нижнеудинскому уезду в 1887–1889 гг. – 21 десятина, на 1917 г. – 9,3.

Кроме залежей применялась еще одна система земледелия – «чертежи». При выборе места «расчистники» – старожилое население – выработали свои навыки, выбирая более выгодное место, обращенное на юг «на солнцепеке». Главное внимание уделялось тому, чтобы предохранить урожай от инеев, места с усиленной влажностью также избегались. Расчистка леса в Иркутской губернии велась постепенно: выбирали определенную территорию (лесную поляну), расчищали от леса. Сначала она служила сенокосом, затем эту лесную поляну распахивали, после расчистки «новины» первым хлебом на ней сеяли озимую рожь, которая являлась более «выносливом» хлебом, быстрее созревала и была менее чувствительна к заморозкам.

Распространение расчисток и «чертежей» являлось показателем экстенсивности системы полеводства. Укажем изменение процентного соотношения «чертежей» к общей площади пашни Тулуновской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии: на 1888 г. – 19,0 %, на 1911 г. – 8,3 %. Сокращение чертежей является показателем интенсификации системы полеводства. Согласно исследованиям 1888 г., занятая площадь пара в Иркутской губернии в среднем везде была близка к половине количества мягкой пашни. Таким образом, главенствующую роль в земледельческом хозяйстве играла двухпольная система полеводства, которая, с одной стороны, комбинировала в себе остатки залежной системы полеводства, а с другой – соединяла в себе более интенсивную системы полеводства – трехполья.

Приведем данные А. В. Черных об изменении пара с 1887 по 1917 гг. по Нижнеудинскому уезду Иркутской губернии: 1887 г. – 48,0 %, 1911 г. – 35,9 %, 1917 г. – 28,9 %. Площадь под полевыми посевами в десятинах по Нижнеудинскому уезду составляла на 1888 г. 46395 десятин, на 1917 г. – 94363. Таким образом, площадь посева увеличилась на 47968 десятин, увеличение площади посевов шло в том числе за счет сокращения площади паров, это подтверждается следующими данными: на 100 десятин запашки приходилось пара по Нижнеудинскому уезду на 1887–1889 гг. 48,0 %, на 1917 г. – 38,0 %.

Данные 1887 и 1917 годов показывают, что аграрное хозяйство переживало период интенсификации. На смену старого двуполья приходило трехполье. Культурные растения, которые часто сеяли в рассматриваемый период, это: из озимых хлебов – озимую рожь (озимая пшеница в очень ограниченном количестве встречается у переселенцев, завезших ее из юго-западной России и сеющих ее с переменным успехом); из яровых – яровую рожь (по местному – ярицу), овес, пшеницу, ячмень, гречиху, просо, горох, полбу, картофель, коноплю и лен. По данным 1911 г. в Нижнеудинском уезде было посеяно на 100 десятин хлебов – 67,8 % на 100 десятин всего засеяно: озимой ржи – 40,3 %; овса – 21,9 %, ярицы – 13,1 %; пшеницы – 13,2 %; ячменя – 6,0 %; прочих хлебов – 4,4 %.

Приведем сводку из «Обзора сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 г. по данным переселенческой текущей статистики». Согласно данным А. В. Черных в распределении посевной площади между отдельными культурами в Нижнеудинском уезде озимая рожь составляла 43 %; яровая рожь – 14,9 %; пшеница – 14,6 %; ячмень – 6,6 %; овес – 16,9 %; картофель – 2,4 %; прочие хлеба – 1,4 %; в Иркутской губернии озимая рожь составляла 28,1 %; яровая рожь – 25,2 %; пшеница – 12,5 %; ячмень – 6,5 %; овес – 22,5 %; картофель – 2,5 %; прочие хлеба – 2,7 % [7, с. 20].

Озимая рожь была преобладающей хлебной культурой. Именно рожь и была первой культурой у переселенцев. В среднем на десятину озимой ржи высеивали 6 пудов, собирали 60 пудов; яровой высеивали 12 пудов, собирали до 55; пшеницы, овса высеивали 15 пудов, собирали до 66 (таким был в среднем и сибирский урожай).

Сравним данные состояния посевной площади между отдельными культурами за 1887 и 1911 годы. На 1887 г. на 100 десятин мягкой пашни озимого хлеба приходилось 52,3; озимой ржи – 39,1; ярицы – 14,7; овса – 22,4; пшеницы – 14,6; ячменя – 6,3; прочих растений – 2,9. На 1911 г. на 100 десятин мягкой пашни озимого хлеба приходилось 67,8; озимой ржи – 40,3; ярицы – 13,1; овса – 21,9; пшеницы – 13,2; ячменя – 6,3; прочих растений – 2,9. Данный анализ позволяет сделать вывод об увеличении площади озимого хлеба за 1887–1911 гг. на 15,5 десятин, озимой ржи – на 1,2, прочих растений – на 1,5. Средний сбор зерновых хлебов в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии за 1914–1922 гг. составил: озимая рожь – 2,082 % (по губернии – 5,820), ярица – 816 % (4,534), пшеница – 863 % (3,088), овес – 919 % (4,103), ячмень – 383 % (1,650). Наибольший урожай среди прочих зерновых хлебов давала озимая рожь, затем следовали овес, пшеница, ярица и ячмень.

Следующая группа волостей Тулунского уезда по преобладающим трем полевым культурам может дать представление о встречающемся в этом отношении разнообразии.

– Волости ржано-овсяно-пшеничные: Шерагульская, Тангуйская, Перфильевская, Куйтунская, Барлукская.

– Волости ржано-пшенично-овсяные: Шамановская.
– Волости ржано-овсяно-ячменные: Тулунская.
– Волости ржано-овсяно-гречишные: Катарбейская.
– Волости пшенично-ржано-овсяные: Братская.
– Волости пшенично-овсяно-ржаные: Больше-Мамырская.
– Волости пшенично-ржано-ячменные: Илимская, Карапчанская [8, с. 9–10; 9].

Из приведенных данных таблицы видно, что несмотря на увеличение посевных площадей с 1901 по 1928 годы в сборе хлебов из года в год наблюдаются значительные колебания. Так, с 1914 по 1920 годы отмечается сокращение сбора хлебов и в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии, что объясняется природно-климатическими условиями субрегиона.

Таблица. Сбор хлебов в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии за 1914–1920 гг., десятины
Table. Harvest in the Nizhneudinsk district of Irkutsk province in 1914–1920, tithes

Годы	Рожь озимая	Ярица	Пшеница	Овес	Ячмень	Итого
1914	3351894	1877904	1076006	970,816	570459	6877234
1915	2096631	567325	535602	599830	250444	4049832
1916	2182152	988250	1215729	1062990	475893	5925014
1917	1584135	355627	634904	971732	303365	3849763
1918	1503250	659048	805152	958797	495880	4422127
1919	1881000	672000	992000	1155500	343000	5043500
1920	1969500	584400	778400	709700	240000	4282000
Средний	2081223	815936	862542	918409	382720	5060830
Средний по губернии	5138805	4179585	2606227	2879103	1429360	16233080
1914–1920	5819867	4534537	3087074	4103163	1650026	19194667

Валовый сбор с 1 казенной десятины в пудах в 1922 г. по Тулунскому уезду в частности и Иркутской губернии в целом составил: рожь – 57 (по губернии – 48,9); ярица – 51 (46,9); пшеница – 60,6 (53,6); ячмень – 53,8 (38,5); овес – 55,0 (54,7); лен – 25,5 (23,3); просо – 60,8 (54,7); гречиха – 38,8 (34,2); картофель – 674,6 (770,4) [5, с. 22].

Согласно данным А. В. Черных, посевы в субрегионе выросли с 63900 десятин в 1901 г. до 165727 десятин в 1928 г., или в 2,6 раза (на 160 %). Причем заметный рост был отмечен с 1912 г., когда было посеяно 70000 десятин, в 1913 г. – 74000, в 1914 г. – 80500, в 1915 г. – 81900, в 1916 г. – 87200, в 1917 г. – 82000, в 1918 г. – 86200, в 1919 г. – 89900 и т. д. [7, с. 15].

Таким образом, между собственно водворением переселенцев и достигнутым ими производственным рывком отчетливо наблюдается интервал, потраченный на расчистку пашни и обустройство. После такой подготовки аграрная сфера показала невероятный рост. Например, с 1919 по 1929 годы посевы в субрегионе увеличились в 2,03 раза, или в среднем на 18,5 % в год. Доля территории в посевах Иркутской губернии с 1901 по 1928 годы возросла с 17,9 % до 29,9 %, т. е. больше чем в 1,5 раза. При этом увеличение посевов с 1901 по 1906 годы составило 11 %, с 1906 по 1917 годы – 14 %, с 1917 по 1928 годы – 20 %. Приведем данные по сбору хлебов в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии за 1914–1920 гг. (таблица).

Отметим, что климат Иркутской губернии отличался значительными годовыми колебаниями температуры. Весной бывали поздние, а осенью ранние заморозки, от которых посевы страдали как на пашне, так и в огородах. Различия в климате на данной территории зависели, в частности, от различия на высоте над уровнем моря той или иной местности, степени лесистости района и близости Байкала. Вблизи больших рек, в открытых долинах климат был мягче, чем на покрытых сырой тайгой водоразделах. Особо подчеркнем, что более пригодной для занятия земледелием является западная часть губернии, где линия средней температуры за вегетационный период в 13°С проходит значительно севернее, чем на востоке [10, с. 3].

Таким образом, анализ аграрного производства свидетельствует о поступательных тенденциях развития аграрного производства в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии на протяжении всего исследуемого периода. Во-первых, площадь посевов в 1888 г. составляла 46395 десятин, в 1917 г. – 94363. Таким образом, площадь посева увеличилась на 47968 десятин за счет сокращения паров. Данные 1888 и 1917 годов показывают, что аграрное хозяйство переживало период идентификации. Во-вторых, посевы с 1912 по 1919 годы увеличились с 70000 десятин до 89900, т. е. на 20 %. между аграрным переселением и достигнутым переселением производственным рывком отчетливо наблюдается интервал, потраченный на расчистку пашни

и обустройство. После такой подготовки аграрная сфера субрегиона показала невероятный рост.

На фоне Иркутской губернии в целом западные районы отчетливо выделялись опережающим ростом аграрного производства, явным скачком в поступательном развитии административной и поселенческой сети. Крестьянство творчески осваивалось на новой территории, адаптируя и комбинируя различные сельскохозяйственные культуры к географическим условиям субрегиона и текущей рыночной конъюнктуре.

Литература

1. Соколов М. П. Иркутская губерния в цифрах. Статистические этюды. Иркутск, 1924. 87 с.

2. Успенский А. В. Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. 1907. № 2. С. 16–19.

3. Справочник по Иркутской губернии с приложениями календаря, системы метрических мер, извлечений из действующего законодательства, сведений о СССР и важнейших иностранных государствах, карт Иркутской губернии и СССР. Иркутск, 1925. 359 с.

4. Миротворцев К. Н. Сельское хозяйство в Иркутской губернии в связи с естественно-географическими условиями. Краткий географический и статистический экономический очерк. Иркутск, 1923. 40 с.

5. Миротворцев К. Н. Сельское хозяйство Средне-Сибирского края и его перспективы // Предварительные материалы по районированию Средне-Сибирского (Лено-Байкальского) края. Иркутск, 1925. Вып. 6. 23 с.

6. Миротворцев К. Н. Географический очерк губернии // Спутник по городу Иркутску и Иркутской губернии. Иркутск, 1926. С. 2–8.

7. Черных А. В. Земледелие и зерновое хозяйство Иркутской губернии и обеспеченности населения хлебом. Материалы Иркутского губернского статистического бюро. Иркутск, 1923. Вып. XIII. 35 с.

8. Зарубин Н. К. Без села России не бывать. Красноярск: Сибирские промыслы, 2011. 248 с.

9. Зуляр Ю. А. К истории аграрного освоения Байкальской Сибири в советский период // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2001. С. 22–32.

10. Рынков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск: Сибпринт, 2013. 244 с.

AGRARIAN PRODUCTION GROWTH IN THE NIZHNEUDINSK DISTRICT OF THE IRKUTSK PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Anastasia L. Matveenko [a, @]

[a] *Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk, Russia, 664074*
[@] *nastya.matveenko.1984@mail.ru*

Received 15.03.2018. Accepted 02.07.2018.

Keywords: Irkutsk province, Nizhneudinsky district, agrarian development, resettlement, sub region.

Abstract: The research features the process of agrarian development in the Nizhneudinsk area of the Irkutsk province in the late XIX – early XX centuries, its agricultural industry, as well as the influence of mass migration and the construction of the Trans-Siberian Railway on the local agrarian development. The author identified regional tendencies in the development of agrarian production in the Nizhneudinsk district in the period described. The paper gives a detailed description of the local agricultural production and the land use system. Particular attention is paid to the dynamics of the cultivated areas and the causes of crop failure. The author has managed to establish a close connection of the phenomena with the socio-economic and natural factors.

In the late XIX – early XX centuries the subregion was a real "territory of advanced development", in modern terms. The analysis of the agrarian development of the Nizhneudinsk district shows a progressive development of the agrarian production.

The methodology is based on the principles and methods of scientific knowledge, including the principle of historicism, according to which the agrarian development of the subregion is considered in the historical context of the local socio-economic and natural phenomena. The author used some general scientific methods of research, i.e. the method of analysis, synthesis, as well as special methods of historical research, such as statistic analysis.

For citation: Matveenko A. L. Rost agrarnogo proizvodstva v Nizhneudinskom uezde Irkutskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Agrarian Production Growth in the Nizhneudinsk District of the Irkutsk Province in the Late XIX – Early XX Centuries]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 43–48. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-43-48.

References

1. Sokolov M. P. *Irkutskaia guberniia v tsifrakh. Statisticheskie etiudy* [Irkutsk province in figures. Statistical studies]. Irkutsk, 1924, 87.

2. Uspenskii A. V. Deistvitel′nost′, a ne mechty [Reality, not dreams]. *Voprosy kolonizatsii = Colonization issues*, no. 2 (1907): 16–19.

3. *Spravochnik po Irkutskoi gubernii s prilozheniiami kalendaria, sistemy metricheskikh mer, izvlechenii iz deistvuiushchego zakonodatel'stva, svedenii o SSSR i vazhneishikh inostrannykh gosudarstvakh, kart Irkutskoi gubernii i SSSR* [Handbook on Irkutsk province with applications of the calendar, a system of metric measures, extracts from the current legislation, information about the USSR and the most important foreign states, maps of the Irkutsk province and the USSR]. Irkutsk, 1925, 359.

4. Mirotvortsev K. N. *Sel'skoe khoziaistvo v Irkutskoi gubernii v sviazi s estestvenno-geograficheskimi usloviiami. Kratkii geograficheskii i statisticheskii ekonomicheskii ocherk* [Agriculture in the Irkutsk province in connection with natural and geographical conditions. A brief geographic and statistical economic essay]. Irkutsk, 1923, 40.

5. *Irkutskaia guberniia v osveshchenii sel'skokhoziaistvennoi perepisi 1920 g. Materialy Irkutskogo statisticheskogo biuro* [Irkutsk province in the coverage of the agricultural census of 1920. Materials of the Irkutsk Statistical Bureau]. Irkutsk, Iss. XXIII (1924): 33.

6. Mirotvortsev K. N. *Geograficheskii ocherk gubernii [Geographical sketch of the province]. Sputnik po gorodu Irkutsku i Irkutskoi gubernii* [Sputnik on the city of Irkutsk and Irkutsk province]. Irkutsk, 1926, 2–8.

7. Chernykh A. V. *Zemledelie i zernovoe khoziaistvo Irkutskoi gubernii i obespechennosti naseleniia khlebom. Materialy Irkutskogo gubernskogo statisticheskogo biuro* [Agriculture and grain management of the Irkutsk province and provision of the population with bread. Materials Irkutsk provincial statistical Bureau]. Irkutsk, Iss. XIII (1923): 35.

8. Vorob′ev V. V. Zarubin N. K. *Bez sela Rossii ne byvat'* [Without the village there is no Russia]. Krasnoyarsk: Sibirskie promysly, 2011, 248.

9. Zuluar Yu. A. K istorii agrarnogo osvoeniia Baikal′skoi Sibiri v sovetskii period [On the history of the agricultural development of Baikal Siberia in the Soviet period]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik = Irkutsk Historical and Economic Yearbook*, (2001): 22–32.

10. Rynkov V. M., Ilyinikh V. A. *Desiatiletie potriasenii: sel'skoe khoziaistvo Sibiri v 1914–1924 gg*. [Decade of shocks: the agriculture of Siberia in 1914–1924]. Novosibirsk: Sibprint, 2013, 244.

УДК 94(57)

ИСТОРИЯ АВТОНОМНОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ КОЛОНИИ «КУЗБАСС» В РАБОТАХ ИНОСТРАННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: МОНОГРАФИЯ ДЖУЛИИ Л. МИКЕНБЕРГ «AMERICAN GIRLS IN RED RUSSIA: CHASING THE SOVIET DREAM» (2017)

Надежда В. Рабкина [a, @, ID]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *nrabkina@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-6623-6679*

Поступила в редакцию 23.10.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова:
Автономная Индустриальная Колония Кузбасс, Дж. Микенберг, история феминизма, американцы в России, история Сибири, история Кемерово, Рут Кеннел

Аннотация: В данной статье рассматривается монография профессора американистики университета штата Техас (США) «Американки в Красной России: в поисках советской мечты», изданная в 2017 г. Автор подробно исследует причины, побуждавшие американских женщин в 1920–1930 гг. отправляться жить и работать в Советскую Россию. Одна из глав посвящена американской писательнице и журналистке Рут Эпперсон Кеннелл (1889–1977), которая с 1922 по 1924 гг. работала в Автономной Индустриальной Колонии «Кузбасс», став участницей уникального в своем роде эксперимента по международному сотрудничеству в области промышленности. Рут Кеннелл трудилась секретарем и библиотекарем Колонии, а после окончания контракта еще некоторое время работала в Библиотеке Коминтерна в Москве, где ей выпало сопровождать в путешествии по России самого Теодора Драйзера, который сделал ее прототипом одного из собирательных образов своей книги «Галерея женщин». Опираясь на архивы самой Кеннелл, а также письма и публикации других участников АИК «Кузбасс», Дж. Микенберг приходит к выводу, что для современниц Кеннелл особой привлекательностью обладал коммунальный быт подобных АИК организаций, позволявший женщине избавиться от части своих традиционных обязанностей и реализовать себя творчески и профессионально, что приводило к своеобразному парадоксу: женщины ехали в Советский Союз в поисках того, что принято называть «американской мечтой». Профессор Микенберг объясняет радикальные феминистские взгляды своих героинь с позиций психоанализа и показывает, как среда и социальные изменения влияли на личную жизнь «русских американок». Можно сказать, что данная монография – хороший пример того, что интерес к опыту и наследию АИК «Кузбасс» не утихает не только в научном сообществе Кемерово, но и за рубежом.

Для цитирования: Рабкина Н. В. История Автономной Индустриальной Колонии «Кузбасс» в работах иностранных исследователей: монография Джулии Л. Микенберг «American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream» (2017) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 49–56. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-49-56.

Автономная Индустриальная Колония «Кузбасс» функционировала в Кемерово с 1921 по 1926 гг., но этот уникальный опыт международного сотрудничества до сих пор вызывает интерес зарубежных исследователей в самых разных областях гуманитарного знания.

Большой вклад в изучение биографий членов АИК внесли сотрудники музея-заповедника «Красная горка» З. Ф. Волкова [1] и О. С. Предеина [2], историки Е. А. Кривошеева [3], Л. Ю. Галкина [4] и М. М. Кушникова [5]; архитекторы Ю. С. Зюзьков [6] и И. В. Захарова [7] публикуют научно-исследовательские работы о наследии трудившегося в АИК архитектора Йоханнеса Ван Лохема, чьи дома входят в список голландского архитектурного наследия за рубежом; уникальные документы по истории Колонии анализируются и публикуются в выпусках журнала «Красная горка». Деятельность АИК становится предметом диссертационных исследований выпускников КемГУ (к примеру, кандидатская диссертация Ю. А. Агеевой «Развитие культурного сотрудничества Кемеровской области и Королевства Нидерландов», 2012) [8]. Этому периоду истории Кузбасса посвящены телепередачи известного кемеровского журналиста В. Сухацкого и телеканала «Культура».

Но история АИК привлекает и зарубежных исследователей. Так, еще в 1977 г. в университете Майями Уильям Томас Смит [9] защитил диссертацию под названием «Кузбасская колония, Советская Россия, 1921–1926: участие Америки в построении советского государства». Голландские историки искусства Рудольфина Эггинк [10] и Вим Де Вагт [11] заново познакомили своих соотечественников с творчеством харлемского архитектора Й. Ван Лохема, который за свой краткий период пребывания в Кемерово успел многое сделать для города и области. Заметки о сибирских домах голландского архитектора появляются в иностранной печати [12], снимаются документальные фильмы: в 2014–2015 гг. голландский режиссер Петер Ауд снимал о нем документальный фильм по заказу Нидерландского архитектурного сообщества, а осенью 2017 г. другой голландский режиссер Пим Звир на основе семейной переписки Й. Ван Лохема смонтировал кинозарисовку в стиле арт-хаус под названием «Строительство посреди одиночества»[1].

История Колонии привлекает и тех, кто столкнулся с ней, исследуя свою семейную историю. Летом 2017 г. В.-М. Лахти написал книгу о своем отце, одном из многих финнов, работавших в АИК «Кузбасс» [13].

Однако феномен АИК «Кузбасс» многогранен, и в 2017 г. он стал предметом научного труда по истории американского феминизма: в издательстве *University of Chicago Press* была опубликована книга *American Girls in Red Russia*: *Chasing the Soviet Dream* Джулии Л. Микенберг [14], профессора американистики в университете Техаса (г. Остин). В ней исследуется «коллективная биография» американок периода интербеллума, связавших свою жизнь с советским государством – от такого известного исторического персонажа, как Айседора Дункан, до всеми забытых активисток движения за права женщин.

Одно из таких имен – Рут Эпперсон Кеннелл (1889–1977) – журналистка, писательница и общественная активистка, добросовестно отработавшая свой двухгодичный контракт в АИК «Кузбасс» с 1922 по 1924 гг. Если Рут Кеннелл и осталась в истории, то, пожалуй, только как Эрнита – именно так звали героиню одноименного рассказа Теодора Драйзера, прообразом которой она стала: во время турне писателя по Советскому Союзу Кеннелл, уже отработавшая свой контракт в Сибири, стала его секретарем и гидом. Литературное творчество Кеннелл на ее родине сейчас вызывает только узкоспециальный интерес историков феминизма, американского социализма и советско-американских отношений. В Кемерово же ее детская книга «Товарищ костыль», повествующая о приключениях американского мальчика в Сибири, была переведена и издана в 2008 г.; в 2012 г. она была переработана В. Сухацким в пьесу «Товарищ Курьер», которую поставил к юбилею области «Театр для детей и молодежи».

Джулия Л. Микенберг посвятила сибирскому периоду жизни Рут Кеннелл главу *A New Pennsylvania*: *Seeking Home in Siberia* (Новая Пенсильвания: в поисках дома в Сибири) раздела *Living and Working in the New Russia*: *From Kuzbas to Moscow* (Живя и работая в Новой России: от Кузбасса до Москвы).

Интересно, что именно история жизни Кеннелл и побудила Дж. Микенберг на создание полноценного масштабного исследования судеб «русских американок». Натолкнувшись во время работы над совершенно другим научным проектом на прозу Кеннелл о жизни детей в советской стране, Микенберг заинтересовалась биографией самого автора: что побудило молодую жену и мать в 1922 г. отправиться в голодную Россию, еще не успевшую оправиться от революции и гражданской войны? Как это путешествие изменило жизнь американки?

Книга Джулии Микенберг (в переводе на российские научные реалии ее вполне можно назвать монографией) неслучайно вышла в год столетия Октябрьской революции. По мнению критиков, работа способствует более сбалансированной переоценке событий 1917 г.: западные историки всегда концентрируются на «темной стороне» революции и ее последствий, полностью забывая те благие намерения, которые к ней привели: стремление покончить с эксплуатацией рабочего класса и создать свободный мир и общество равных возможностей [14]. Любое историко-биографическое исследование о тех днях неизбежно превращается в «историю разочарования», как пишет сама Дж. Микенберг, в то время как «история очарования» остается за кадром: весь тот интерес, идеализм, все те надежды и восхищение, которые олицетворял Советский Союз для многих иностранцев, которых не смущала пропасть, отделявшая советскую реальность от советских идеалов.

В двадцатые годы прошлого века само существование общества, целенаправленно посвятившего себя достижению всеобщего блага, а не частной выгоды, было для многих источником надежды, пишет Микенберг-историк. А Микенберг-преподаватель не перестает удивляться тому факту, что ее студенты никогда не слышали о том, каким влиянием и популярностью в США обладали в первой трети XX в. всевозможные движения социалистического толка: эта часть американской истории, по ее мнению, сознательно замалчивается. И пусть

[1] Bouwen te midden van eenzaamheid: Van Loghem in Siberië. Режим доступа: https://www.eyefilm.nl/film/bouwen-te-midden-van-eenzaamheid-van-loghem-in-siberi%C3%AB?program_id=11818854 (дата обращения: 20.10.2017).

среди своих студенток Микенберг видит много молодых женщин, похожих на героинь своей книги (тех, кто отправляется с гуманитарными миссиями в различные горячие точки планеты), в целом же современная молодежь, на ее взгляд, более цинична[2].

Пытаясь понять причину, по которой ее соотечественницы пускались в опасное путешествие, Дж. Микенберг приходит к следующему выводу: «Потерянное поколение» женщин, отправившихся в 20–30-е гг. в Советскую Россию, видело в «Капитале» Маркса путь к освобождению от «домашнего рабства»[3]. В их дневниках и письмах Дж. Микенберг обнаруживала постоянные упоминания тех благ, которые подарила советским женщинам и детям революция: исчезло само понятие «незаконнорожденного ребенка», образование стало общедоступно, максимально упростилась процедура развода, женский труд стал оплачиваться наравне с мужским, появился отпуск по беременности и уходу за ребенком, организованы общественные столовые, молочные кухни, прачечные, ясли и детские сады, – одним словом, было сделано все, чтобы домашние обязанности, которые еще виделись обществом как неотделимые от женщины, не мешали ее профессиональной реализации.

Интересно, что директор АИК «Кузбасс», голландский инженер Себальд Рутгерс с неменьшим восхищением отзывался о той работе по «освобождению женщины», которая была проделана в Советской России уже в первые годы после революции. В своей брошюре «Из советской России», изданной в Нидерландах в 1920 г., он с воодушевлением пишет о том же оплачиваемом декретном отпуске и дополнительном пайке для кормящих, о роддомах и мероприятиях по просвещению молодых матерей; о том, что в Москве до революции было только два детсада для детей пролетариев, а уже в середине 1919 г. их насчитывалось сто двадцать пять, а женских консультаций – двадцать, против дореволюционных семи» [15].

В целом Дж. Микенберг делит американцев, отправившихся в Страну Советов в 20–30-е гг., на три категории: «возвращенцы» русского происхождения, искренне преданные идее «советского эксперимента», энтузиасты и те, кто искал стабильную работу за достойную оплату, т. к. Великая депрессия и массовая безработица в США совпали с Первой пятилеткой и нехваткой рабочей силы в России. Микенберг цитирует статью Рут Кеннелл «Новые простаки за границей»: «Самые разные бунтари против американского общества – начинающие коммунисты, ветераны-социалисты, члены Индустриальных Рабочих Мира, пропагандисты, мечтатели, неудачники, невротики и просто искатели приключений – все они косяком потянулись в Россию после войны». Проект АИК «Кузбасс», по мнению Кеннелл, был самым претенциозным из всех проектов колоний. Агитационные публикации в *Kuzbas Bulletin* были направлены не на бывших «экспатов», а прежде всего на квалифицированных рабочих, которые жаждали «продемонстрировать, на что они способны, вырвавшись из-под гнета капитализма» [16].

Соответственно и Кеннелл в своих статьях описывала Кузбасс без присущего агитационному дискурсу пафоса – в терминах американского промышленного и политического развития как «новую Пенсильванию», а не как «новую Атлантиду» или «новый Иерусалим». Саму же Кеннелл и ее супруга на участие в проекте АИК вдохновила статья Майка Голда в газете «Либерейтор», целевой аудиторией которой были американцы, «которые отрицают несостоятельное общество бизнеса и потребления и которые хотят сделать нечто большее, чем просто вариться в соку нигилистического отрицания современного общества: «те молодые интеллектуалы, которые не разбежались по уличным кафе Парижа, чтобы потягивать там коктейли в благородном протесте против американского пуританизма» [17].

Рут Кеннелл и других американских женщин весьма привлекал утопизм советского эксперимента, который обещал пересмотреть традиционный уклад семейной жизни, карьеры, материнства и даже интимных отношений. Проанализировав биографию Кеннелл до ее приезда в Россию, Микенберг приходит к выводу, что все стремления Кеннелл приносить обществу пользу разбивались о быт и предрассудки буржуазного общества, в котором место женщины было четко определено. Поэтому в коммунальном устройстве АИК она видела единственную на тот момент возможность реализации общества будущего, где не будет гендерных различий: женщина трудится на благо общества, а общество берет на себя большую часть ее так называемых «традиционных обязанностей».

Надо сказать, что явный избыток «сибирских красавиц» и сам характер работы подразумевали, что организаторам Колонии не было смысла рекрутировать много «женщин-пионеров», достаточно будет и пары десятков таких, чье присутствие помогло бы поддержать атмосферу домашнего очага. При этом нью-йоркский офис АИК допускал к рассмотрению кандидатуры незамужних женщин: от них требовалось, чтобы они имели опыт

[2] Douds-Cook L. Review of American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream, by Julia Mickenberg // Times Higher Education. Режим доступа: https://www.timeshighereducation.com/books/review-american-girls-in-red-russia-julia-mickenberg-university-of-chicago-press (дата обращения: 20.10.2017).

[3] Not Even Past: Review of American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream, by Julia L. Mickenberg. Режим доступа: http://notevenpast.org/american-girls-in-red-russia-chasing-the-soviet-dream/ (дата обращения: 20.10.2017).

в промышленности, были физически здоровы и политически надежны.

И все равно Колония привлекала женщин, которые надеялись, что эгалитарная жизнь в коммуне освободит их от тягот быта, того «мелкого домашнего хозяйства», которое «душит, отупляет, принижает» женщину, «приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительной, мелочной, изнервляющей, отупляющей, забивающей» [18, с. 24]. В этой формулировке нелегкой женской судьбы, сделанной В. И. Лениным, будущие колонистки узнавали свою собственную жизнь.

Под маской нового революционного общества Колония предлагала женщинам приносящий удовлетворение и пользу труд, душеполезный и полноценный отдых, изменения самой сути ведения домашнего хозяйства, а также домашнюю атмосферу, которая охватывала бы всю коммуну целиком. Как пишет Микенберг, хотя Ленин уже в 1919 г. хвалился тем, что советское государство сделало для женщин больше, чем какое-либо другое цивилизованное общество, он все же признавал, что без полного достижения социализма женщина «продолжает оставаться домашней рабыней» [18, с. 24]. А Кузбасская Колония предлагала женщине немедленную локальную реализацию идей социализма в стране, где эта идеальная модель так и не была достигнута. АИК, таким образом, принимала образ некоей «машины времени», позволявшей своим сотрудникам некоторое время пожить и поработать в том самом «светлом будущем», которое когда-нибудь наступит во всем мире и за которое предстоит еще долго бороться.

При этом «освобождение женщины» от гнета семейного быта в послереволюционной России принимало формы, описание которых может шокировать современников. Так, Себальд Рутгерс в своей брошюре описывал радикальный способ превращения женщины в полноценную трудовую единицу: «Кроме детских садов и яслей, которые позволяют матерям работать и одновременно заботиться о детях, существует еще ряд учреждений для постоянного пребывания. Это касается не только сирот и подкидышей, но и тех детей, чьи родители так заняты работой, что не могут должным образом заботиться о них, – прежде всего, речь идет о тех, кто приносит свою жизнь на алтарь общественного служения и являются лучшими рабочими в советских учреждениях. <…> Те сладости, которые передают родители или друзья, делятся поровну между всеми детьми, и всех гостей они называют «папа» и «мама» [15]. Жизнь показывает, что такой вариант общественного устройства мог быть реализован только в научной фантастике советского периода.

Можно сказать, что где-то в основе идеи положить свой опыт и труд на алтарь страны победившего коммунизма лежит все та же колониальная идея мессианства – нести свет веры и разума туда, где они нужны [19].

Однако за всеми этими благородными стремлениями просвещенной женщины Микенберг видит вполне «фрейдистскую» подоплеку: Кузбасс освободил женщин не только от «мелкого домашнего хозяйства», но и от буржуазной морали. Появление первого социалистического государства обозначило для феминисток всего мира начало «новой эры возможностей для женщин, где женщины не просто будут обладать политическим влиянием или экономической независимостью, а станут равноправными партнерами в любви». По мнению Микенберг, утопическое социальное желание стать частью нового общества для Рут Кеннелл было ничем иным, как сублимацией глубоко интимного сексуального пробуждения. Рут работала секретарем и библиотекарем Колонии, организовывала общественный досуг (показательно, что она поставила пьесу Сьюзан Гласспел под названием «Подавляемые желания», фрейдистскую бытовую комедию). И когда молодая колонистка осознала, что вносит существенный вклад в жизнь Колонии и приносит пользу обществу, реализации потребовали базовые составляющие пирамиды потребностей Маслоу: Рут осознала, что имеет право на счастье в личной жизни. У нее завязалась нежная дружба с американским инженером Сэмом Шипменом, перешедшая в нечто большее, впрочем, только после того, как они с супругом решили развестись. К разводу их подтолкнули и политические разногласия: когда в 1923 г. Москва передала американцам полное руководство Колонией, предприятию пришлось уже с 1 февраля 1923 г. перейти на систему разрядов, чтобы соответствовать политике нэпа. Те члены колонии, которые относили себя к Индустриальным Рабочим Мира, так называемым уоббли, оказались недовольны таким состоянием дел, и многие из них покинули Колонию. Фрэнк Кеннел предлагал жене уехать вместе с ними, но она считала, что должна отработать свой срок до конца. По воспоминаниям Рут, их брак был расторгнут в присутствии толпы, с интересом наблюдавшей за американским разводом.

Некоторые колонисты, покинувшие Сибирь до истечения контракта, излили свое недовольство американской прессе. Так, Рут и Томас Дойлы из Батон-Руж, штат Луизиана, пошли еще дальше, обвинив организаторов Колонии не только в обмане и присвоении денег, но и постоянных оскорблениях миссис Дойл со стороны советских властей и всех тех, кто хотел навязать им принципы свободной любви.

Радикальная феминистская позиция Рут часто приводила к конфликтам с «иждивенками» колонии: она считала, что паек должны получать только те, кто работает, т. к. активные участники колонии не обязаны содержать чужих жен и детей. Рут

утверждала, что старая система делала из женихдивенок привилегированный класс, способствуя таким образом их деградации. Рут жаловалась в своем дневнике: «Зачем практиковать коммунизм в стаде скота?».

Она писала, что не может без отвращения думать о том, что рано или поздно ей придется возвращаться к семейной жизни, тогда как в Кемерово секретом ее счастья стала свобода от домашних обязанностей и шанс стать экономически независимой, как любой мужчина. Рут Кеннелл раздражала идея о том, что женщина должна требовать к себе какого-то особого внимания, и она ненавидела то, как традиционно предъявляемые к женщинам требования ограничивали ее свободу и возможности. И ее презрение к сибирячкам было еще сильнее, чем к тем колонисткам, которые сделали для себя другой выбор в жизни. Она высмеивала колонистов, бравших в жен русских женщин, считая, что последние преследуют только экономическую выгоду. Ее отвращение к материнству было чисто физическим: она с отвращением описывает «уродливых самок с обвисшими грудями» в общественной бане. По мнению Дж. Микенберг, за таким радикальным мировоззрением стоит не что иное, как невроз матери, расставшейся с ребенком: уехав в Сибирь, Рут оставила двухлетнего сына на попечение свекрови, и на протяжении долгого времени ее преследовали ночные кошмары, в которых она забывала ребенка в поезде или случайно причиняла ему физический вред.

В конечном итоге роман Кеннелл и вернувшегося в США Шипмена не выдержал испытания расстоянием. Забрав сына, она проработала в московской библиотеке иностранной литературы до 1928 г., после чего вернулась на родину. Вспоминая АИК, она заключала, что если рассматривать его только как план колонизации или социальный эксперимент, то Кузбасс был провалом. Но как промышленное предприятие он оказался весьма успешным, и его труд продолжает жить. Основную проблему Колонии она видела в том, что программа Кузбасса, как и вся советская программа, имела тенденцию жертвовать отдельными личностями ради больших абстрактных социальных идей.

Теодор Драйзер закончил свою «Эрниту» следующей прямой речью главного персонажа: «В годы моей юности и фанатизма мне казалось, что коммунизм может и должен изменить самую природу человека – сделать его лучше, добрее, развить в нем братские чувства к людям. Теперь я не уверена, что это так. Но, во всяком случае, коммунистическое учение может привести к созданию более совершенного общественного строя, и ради такой цели я всегда готова работать» [20]. Джулия Микенберг приводит в своей монографии весьма схожую цитату из писем прототипа Эрниты: «Я думаю, самым прекрасным опытом в моей жизни навсегда останутся те несколько месяцев полной свободы от денежного проклятия и частной собственности, когда я честно трудилась рядом с мужчинами, ела в общественной столовой, сдавала грязную одежду в общественную прачечную, чинила туфли в общественной ремонтной мастерской, получала ежемесячно свой кусок мыла, и не потратила ни рубля на удовлетворение своих нужд» [21].

Микенберг завершает посвященную Кеннелл главу следующим выводом: уникальная в некоторых деталях, но очень похожая на истории других американок в других русских коммунах, кузбасская история Рут Кеннелл показывает, как женщины того времени пытались примирить органически присущее своему роду стремление обрести дом (*heimweh*, тоска по родине) с желанием покинуть родину (*fernweh*), которая сводила на нет все их профессиональные амбиции, жестоко клеймила их сексуальные желания и приговаривала их к вечной «домашней каторге». В последующие годы все больше американок будут приезжать в Советский Союз, все так же в поисках более свежего и нового видения американской мечты.

Можно соглашаться или не соглашаться с авторской интерпретацией поступков Рут Кеннелл и других ее соотечественниц с похожей судьбой. Важно, что исследование Дж. Микенберг – хороший пример того, что история АИК «Кузбасс» не исчерпала свой потенциал. Благодаря своей уникальности и многогранности она представляет собой неисчерпаемый источник для научных исследований в самых разных областях, от архитектуры до гендерной социологии, и каждое поколение исследователей будет рассматривать эти события и судьбы через призму своего времени.

Литература

1. Волкова З. Ф. Документы рассказывают // Красная горка: Окно в Нидерланды. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. Вып. 2. С. 66–75.

2. Предеина О. Н. Семья Шермергорнов // Окно в Нидерланды: Красная горка. Кузбассвузиздат, 2001. Вып. 2. С. 76–80.

3. Кривошеева Е. Через годы… // Разыскания: Историко-краеведческий альманах. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1993. Вып. 3. С. 113–118.

4. Галкина Л. Ю. Создание и деятельность автономной индустриальной колонии иностранных рабочих и специалистов (АИК) в Кузбассе, 1921–1926 гг.: дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 1997. 268 с.

5. Кушникова М. М., Тогулев В. В. Красная Горка: очерки истории «американской» коммуны в Щегловске, провинциальных нравов, быта и психологии 1920–1930-х гг. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 833 с.

6. Зюзьков Ю. С. Западноевропейские мотивы в архитектуре Кемерова // Разыскания: Историко-краеведческий альманах. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1992. Вып. 2. С. 87–92.

7. Захарова И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910–1930-х гг.: материалы к Своду памятников архитектуры Кемеровской области. Кемерово: Агентство рекламных форм, 2005. 104 с.

8. Агеева Ю. А. Развитие культурного сотрудничества Кемеровской области и Королевства Нидерландов: дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2012. 199 с.

9. Smith W. T. The Kuzbas colony, Soviet Russia, 1921–1926. An American contribution to the building of a communist state. D. A.; University of Miami, 1977. 331 p.

10. Eggink R. A. J. B. van Loghem: Architect van een optimistische generatie, proefschrift. Delft: Technische Universiteit Delft, 1998. 356 p.

11. Wagt W. de. J. B. Van Loghem, 1881–1940: Landhuizen, stadswoonhuizen en woningbouwprojecten: beelding van levenshouding. Nederland, Haarlem: Schuyt & Company, 1995. 363 p.

12. Vermeulen J. Amsterdamse school in Siberie. Het Parool. 2013. Maart 6. P. 8–9.

13. Lahti V.-M. Siperia Kutsuu! Kansainvälisen Kuzbas-Siirtokunnan Ja Sen Suomalaisten Tarina 1921–1927. 2017. 240 p.

14. Mickenberg J. L. American girls in Red Russia: chasing the Soviet dream. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 432 p.

15. Rutgers S. Uit Sovjet-Rusland 25/IX – 1918 – 15/X – 1919. Amsterdam, 1920. 32 p.

16. Kennell R. New innocents abroad // American Mercury. 1929. XVII. P. 10–18.

17. Gold M. Wanted: Pioneers for Siberia! // Liberator. 1922. Iss. 48. P. 5–8.

18. Ленин В. И. Великий почин // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 39. С. 1–29.

19. Рабкина Н. В., Вильчикова Е. В. Колонисты XX века: «голландский след» в Сибири // Россия и Нидерланды в XVII–XX вв.: новые исследования и актуальные проблемы: материалы Междунар. науч. конф. (Институт всеобщей истории РАН, 15–16 мая 2013 г.) / отв. ред. Г. А. Шатохина-Мордвинцева. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 358–381.

20. Драйзер Т. Эрнита // Драйзер Т. Собрание сочинений. М., 1953. Т. 10. С. 613–654.

21. Kennell R. Lenin called us: A Kuzbass chronicle // The American at Kuzbass, 1922–1924: a story of internationalism // New World Review. 1971. Vol. 39. № 4. P. 86–98.

HISTORY OF THE AUTONOMOUS INDUSTRIAL COLONY "KUZBASS" IN FOREIGN RESEARCH: REVIEW OF JULIA L. MICKENBERG'S "AMERICAN GIRLS IN RED RUSSIA: CHASING THE SOVIET DREAM" (2017)

Nadezda V. Rabkina [a, @, ID]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *nrabkina@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-6623-6679*

Received 23.10.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: Autonomous Industrial Colony *Kuzbass*, Julia Mickenberg, history of feminism, Americans in Russia, history of Siberia, history of Kemerovo, Ruth Kennell.

Abstract: The current paper features "American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream" (2017) by Julia L. Mickenberg, PhD in American Studies from the University of Texas. The author gives a thorough account of reasons that led American women in 1920–1930 to Soviet Russia. One of the chapters is dedicated to American author and journalist Ruth Epperson Kennell (1889–1977), who worked for the Autonomous Industrial Colony Kuzbass in 1922–1924, which makes her part of a unique industrial experiment in international partnership. She fulfilled duties of a secretary and librarian and continued to work at the library of Comintern in Moscow after her contract with Kuzbass expired. In 1928 she accompanied Theodore Dreiser in his Russian tour; he chose her as a prototype

for one of the novellas in his "Gallery of women". Relying on Kennell's archive and written accounts of other Colony members, J. L. Mickenberg suggests that American women were attracted by the communal lifestyle ofsuch organizations as AIC "Kuzbass", as long as it offered them a relief from what was considered a woman's traditional duties and a professional and artistic fulfillment, which led to a paradox: American women left for Soviet Russia in pursuit of the so-called American dream. Professor Mickenberg explains some of the radical feminism in her research subjects from the point of view of psychoanalysis and shows how environment and social changes influenced private life of the "Russian Americans". The monograph proves that the constant interest for the history and heritage of the Autonomous Industrial Colony "Kuzbass" is not only local but international.

For citation: Rabkina N. V. Obzor monografii Dzhulii L. Mikenberg "American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream" (2017) [History of The Autonomous Industrial Colony "Kuzbass" in Foreign Research: Review of Julia L. Mickenberg's "American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream" (2017)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 49–56. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-49-56.

References

1. Volkova Z. F. Dokumenty rasskazyvaiut [What the Documents Have to Tell]. *Krasnaia gorka: Okno v Niderlandy* [The Red Hill: the Window to the Netherlands]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, Iss. 2 (2001): 66–75.

2. Predeina O. N. Sem′ia Shermergornov [The Schermerhorns]. *Krasnaia gorka: Okno v Niderlandy* [The Red Hill: the Window to the Netherlands]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, Iss. 2 (2001): 76–80.

3. Krivosheeva E. Cherez gody… [Over the Years]. *Razyskaniia: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [Research: Historical and local history almanac]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel′stvo, Iss. 3 (1993): 113–118.

4. Galkina L. Iu. *Sozdanie i deiatel'nost' avtonomnoi industrial'noi kolonii inostrannykh rabochikh i spetsialistov (AIK) v Kuzbasse, 1921–1926 gg.* Diss. kand. ist. nauk [Foundation and Functioning of the Autonomous Industrial Colony of Foreign Workers and Specialists in Kuzbass (1921–1926). Cand. Hist. Sci. Diss.]. Kemerovo State Univ. Kemerovo, 1997, 268.

5. Kushnikova M. M., Togulev V. V. *Krasnaia Gorka: ocherki istorii «amerikanskoi» kommuny v Shcheglovske, provintsial'nykh nravov, byta i psikhologii 1920–1930-kh gg.* [On the History of the "American" Colony in Sheglosvk, provincial lore, everyday life and psychology (1920–1930)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, 833.

6. Ziuz′kov Iu. S. Zapadnoevropeiskie motivy v arkhitekture Kemerova [Western European Motives in the Architecture of Kemerovo]. *Razyskaniia: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [Research: Historical and local history almanac]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel′stvo, Iss. 2 (1992): 87–92.

7. Zakharova I. V. *Arkhitekturnoe nasledie Kuzbassa 1910–1930-kh gg.: materialy k Svodu pamiatnikov arkhitektury Kemerovskoi oblasti* [The Architectural Heritage of Kuzbass from 1910–1930: materials to the Vault of monuments of architecture of the Kemerovo area]. Kemerovo: Agentstvo reklamnykh form, 2005, 104.

8. Ageeva Iu. A. *Razvitie kul'turnogo sotrudnichestva Kemerovskoi oblasti i Korolevstva Niderlandov. Diss. kand. ist. nauk* [Development of Cultural Relations between the Kemerovo Region and the Netherlands in 1980–2011. Cand. Hist. Sci. Diss.]. Kemerovo State Univ. Kemerovo, 2012, 199.

9. Smith W. T. *The Kuzbas colony, Soviet Russia, 1921–1926. An American contribution to the building of a communist state.* D. A. University of Miami, 1977, 331.

10. Eggink R. A. J. *B. van Loghem: Architect van een optimistische generatie, proefschrift*. Delft: Technische Universiteit Delft, 1998, 356.

11. Wagt W. de. J. *B. Van Loghem, 1881–1940: Landhuizen, stadswoonhuizen en woningbouwprojecten: beelding van levenshouding*. Nederland, Haarlem: Schuyt & Company, 1995, 363.

12. Vermeulen J. Amsterdamse school in Siberie. *Het Parool*, Maart 6 (2013): 8–9.

13. Lahti V.-M. *Siperia Kutsuu! Kansainvälisen Kuzbas-Siirtokunnan Ja Sen Suomalaisten Tarina 1921–1927*. 2017, 240.

14. Mickenberg J. L. *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream.* Chicago: University of Chicago Press, 2017, 432.

15. Rutgers S. *Uit Sovjet-Rusland 25/IX 1918 – 15/X 1919*. Amsterdam, 1920, 32.

16. Kennell R. New innocents abroad. *American Mercury*, XVII (1929): 10–18.

17. Gold M. Wanted: Pioneers for Siberia! *Liberator*, Iss. 48 (1922): 5–8.

18. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works by Lenin V. I.]. Moscow: Izdatel′stvo politicheskoi literatury, vol. 39 (1970): 1–29.

19. Rabkina N. V., E. V. Vilchikova. Kolonisty XX veka: "gollandskii sled" v Sibiri [Colonists of the XXth Century: The Dutch Trace in Siberia]. *Rossiia i Niderlandy v XVII–XX vv.: novye issledovaniia i aktualnye problem: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Institut vseobshhei istorii RAN, 15–16 maia 2013 g.)* [Russia and the Netherlands in XVII–XX: new research and relevant Issues: Proc. Intern. Sc. Conf. (Institute of General History, RAS, May 15–16 2013)]. Ed. Shatokhina-Mordvintseva G. A. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2014, 358–381.

20. *Dreizer T. Sobranie sochinenii* [Complete Works by Dreiser T.]. Moscow, vol. 10 (1953): 613–654.

21. Kennell R. Lenin called us: A Kuzbass Chronicle. The American at Kuzbass, 1922–1924: a story of internationalism. *New World Review*, 39, no. 4 (1971): 86–98.

УДК 94 (57)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГГ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Анна В. Радонова [a, @, ID]

[a] *Алтайский государственный институт культуры, 656055, Россия, г. Барнаул, ул. Юрина, 277*
[@] *radonova@barnaul.muh.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-6080-5087*

Поступила в редакцию 07.06.2018. Принята к печати 07.08.2018.

Ключевые слова: производительные силы, инфляция, уровень жизни населения, либерализация цен, демографическая политика, социальная инфраструктура, экономическая реформа.

Аннотация: Россия в первой половине 90-х гг. XX в. переживала переходный период от тоталитаризма к демократической общественно-политической системе, формировала гражданское общество, основанное на свободе народа и новой роли государства, признающей приоритет прав человека. Переход к рыночным отношениям поставил перед обществом множество сложных задач, среди которых важное место занимало социальное обеспечение населения. Поэтому в ходе реализации экономической реформы ставилась задача приоритетного развития социальной сферы.

Современное социально-экономическое развитие Алтайского края во многом обосновано проблемами реализации экономической реформы на его территории в первой половине 90-х гг. XX в. Установлено, что обобщённые статистические показатели отдельных отраслей экономики края в постсоветский период являются основой затруднений, возникших на этапе преодоления сложностей переходного периода, их основными причинами и последствиями. Выявлено, что изменение экономических показателей развития производительных сил Алтайского края в первой половине 1990-х гг. связано с глобализацией социально-экономических отношений и благоприятными изменениями в социальной сфере. Происходившие в Алтайском регионе изменения конца XX в., ориентированные на нормализацию жизнедеятельности народонаселения, на всестороннюю помощь жителям, способствовали решению их социальных проблем.

Для цитирования: Радонова А. В. Трансформация отечественной экономики в первой половине 90-х гг. XX века (на примере Алтайского края) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 57–63. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-57-63.

Первая половина 90-х гг. XX в. стала для России периодом тяжёлых испытаний. С конца 1991 г. на международной политической арене появилось новое государство – Российская Федерация, включившее 89 регионов. Российскому руководству предстояло продолжить курс на демократическое преобразование общества, создание правового государства, решение первоочередных задач по выходу страны из экономического и политического кризиса, создать новые органы управления народным хозяйством, сформировать российскую государственность.

Происходившее в первой половине 90-х гг. экономическое изменение в Российской Федерации было ориентировано на преодоление усугубившейся дисгармонии между общественным производством и социальными отношениями. Это предполагалось на основе увеличения результативности производства, перехода к рыночным отношениям и новым способам реализации социальной политики [1, с. 8].

Реформирование осуществлялось в сложной ситуации, на которую влияли отрицательные воздействия долгосрочного административно-командного развития народного хозяйства в СССР. В 1990-х гг. экономика СССР, а затем и России, пережила глубокий спад, сопровождавшийся всплеском инфляции, снижением инвестиций, нарастанием внешнего долга, бартеризацией экономики, уменьшением доходов населения и многими другими негативными явлениями. В этот период проводился ряд экономических реформ, в том числе либерализация цен и внешней торговли, массовая приватизация. Одним из результатов реформ стал переход экономики страны от плановой к рыночной. В 1990-е гг. определился и рост разрыва в экономическом развитии регионов страны [2].

Основной задачей экономического реформирования являлось первостепенное развитие социальной области. Трансформация экономики с целью повышения качества жизни требовала усовершенствования сложившихся методов, норм, приёмов и т. п.

В первую очередь было необходимо отступить от «остаточного принципа» финансирования социальной инфраструктуры, при планировании новых предприятий закладывать достаточно материальных средств в строительство социальных объектов. Аналогичные требования должны были предъявляться к уже действующим производственным предприятиям. При их реконструкции и переоснащении следовало создавать условия, отвечающие современным нормативам по социальной обеспеченности.

Глобальными на тот момент были демографические проблемы, решение которых требовало повышения качества жизни, благосостояния населения в целом. Богатые сырьевые районы, развитые индустриально, особенно европейская часть страны, Дальний Восток и Сибирь, испытывали острый недостаток квалифицированных специалистов, при этом основной приток трудовых ресурсов шёл из среднеазиатских регионов, где развитие производства затормаживалось трудностями с обеспечением топливом, водой и энергией. 80 % производительных ресурсов Российской Федерации было сконцентрировано в европейской части, где проживало более 70 % народонаселения, а базовые природные энергоресурсы находились на территории восточных регионов.

Хронический недостаток квалифицированных специалистов испытывался и в Алтайском крае. Темпы прироста населения в Алтайском регионе оставались значительно ниже, чем в среднем по СССР и России. Если в СССР в 1970–1987 гг. они составляли 16,1 %, в России – 11,1 %, то в Алтайском регионе данный показатель составлял 10,4 %[1]. Причиной этого была негативная демографическая ситуация и активное переселение жителей. На фоне высокого коэффициента рождаемости (в 1987 г. – 17 родившихся на 100 человек, в России – 13) не уменьшалась смертность – 11,4 % (в России – 10 %). Такое состояние указывало прежде всего на плохие социальные условия[2].

Этой же причиной объясняется активная миграция населения. В связи с выездом граждан за пределы региона Алтайский край ежегодно терял 5 % населения, в том числе 4 % трудоспособного. В результате общая численность жителей, если учесть их естественное и механическое движение, практически не изменилась: в 1966 г. она составила 2 млн 755 тыс., в 1986 г. – 2 млн 759,6 тыс. человек[3].

Негативным эффектом переселения за счёт оттока людей трудоспособного возраста стало общее старение жителей, особенно неблагоприятная обстановка сложилась в сельских районах. В конце XX в. Алтай по праву являлся крупным аграрным центром страны, и нехватка рабочей силы усиливала общее отставание агропромышленного комплекса (АПК). За два последних десятилетия количество сельских жителей Алтайского региона уменьшилось с 1 млн 651 тыс. до 1 млн 215 тыс. человек. Значимость сельского народонаселения по сравнению с городским населением снизилась с 60 % до 44 %[4]. Для изменения сложившейся ситуации было необходимо параллельно с интенсификацией производства принять крупномасштабные меры по повышению благосостояния жителей.

В исследовании В. В. Мищенко доказано продолжение урбанизации населения края. Так, число уроженцев Барнаула в 1987 г. увеличилось относительно 1981 г. примерно на 9 %, в Бийске – на 10,7 %, в Рубцовске – на 10,6 %, в Алейске – на 2 %, в Змеиногорске и в Горняке население сократилось. В итоге на территории СССР быстрыми темпами росли крупные и особо крупные города. Их увеличение во многом шло за счёт сокращения сельских жителей, численность которых с 1970 по 1987 гг. уменьшилась в стране на 9,7 %, в России – на 12 %, в Алтайском крае – на 9,3 %[5].

Одним из обобщённых признаков социального положения общества являются, по нашему мнению, детская смертность и средняя продолжительность жизни человека. По первому показателю в конце XX в. Российская Федерация завершала пятый десяток стран мира, по второму – четвёртый десяток. Алтайский регион не был исключением. Здесь эти показатели были не выше средних по России.

Следует признать, что как в 1980-е, так и в 1990-е гг. главенствовал количественный подход. Его следствием стало более активное строительство жилья, но населённые пункты по-прежнему оставались неблагоустроенными и малозаселёнными. В деревнях дома, как правило, вводились без необходимых коммунальных удобств, усилилась проблема обеспечения продуктами питания. В имеющихся продуктах ввиду излишнего использования удобрений, пестицидов возросло содержание ядовитых веществ [3, с. 38].

Решение этих задач предполагалось благодаря переводу предприятий на полный хозрасчёт, самостоятельный менеджмент и материальное обеспечение, усилению регионального компонента именно в территориальной сфере. Приоритет в воспроизведении трудовых ресурсов, естественных энергоресурсов необходимо было передать субъектам федерации.

Регионы выступали как «относительно обособленные территориальные и социально-экономические

[1] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 223. Оп. 3. Д. 508, 532–534, 547, 556–558, 564.

[2] Там же.

[3] ГААК. Ф. 223. Оп. 3. Д. 653–656, 663–668, 671–678, 683–689.

[4] Там же.

[5] ГААК. Ф. 223. Оп. 3. Д. 653–656, 663–668, 671–678, 683–689.

комплексы, включающие систему городов и административных районов, характеризующиеся многоотраслевым хозяйством, системой устойчивых внутри- и межотраслевых связей, обладали единством государственного, политического и хозяйственного руководства», поэтому должны были в состоянии справиться с решением социальных вопросов [4, с. 112].

С этой целью в первой половине 90-х гг. происходил перевод субъектов федерации и муниципальных образований на принципы самоуправления и хозрасчётные отношения, что и предполагал переход к рынку. В Алтайском крае результативная практика разработки и реализации региональных социальных программ, отличалась по своим масштабам, значению и уровню разрешавшихся проблем[6]. Однако широкий круг задач, стоявших перед социальными региональными программами, требовал, чтобы их разработке предшествовали подготовительные экономические исследования. Благодаря подготовительным исследованиям были сформулированы первоочередные задачи разрешения экономических и социальных проблем, что должно было способствовать разработке многоцелевых проектов по основным ориентирам развития края. Необходимость таких исследований состояла в том, чтобы оценить объективный потенциал субъекта федерации, на котором базировались хозяйственный расчёт и самоуправление.

В конце XX в. Алтайский регион, являясь важным производителем сельхозпродукции, занимал заметное место в хозяйственном комплексе Российской Федерации; довольно развитой была здесь и производственная сфера. Первоочередные позиции в структуре промышленности края занимали перерабатывающие отрасли: химическая и нефтехимическая, лёгкая, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Это объяснялось особыми природно-климатическими условиями региона, близостью таких значительных поставщиков металла, угля, химической продукции, хлопка, какими являются Кузбасс, Урал, Караганда, Средняя Азия [5, с. 83].

Большая часть предприятий края создавалась под протекторатом союзных министерств, и к началу 90-х гг. XX в. эти предприятия объединились в региональные конгломераты. В частности, «тракторное и сельскохозяйственное машиностроение в регионе было представлено крупными промышленными объединениями, выпускающими трактора, моторы, почвообрабатывающие машины, тракторное электрооборудование. Это создавало базис для внутриотраслевой кооперации, позволяло иметь единые обслуживающие предприятия и научно-исследовательские организации. Так, отраслевыми являлись: Алтайское научно-производственное объединение технологии сельхозмашиностроения (АНИТИМ) и Сибирский проектно-конструкторский технологический институт сельхозмашиностроения в Барнауле (Сибгипросельхозмаш), научно-технологический институт сельхозмашиностроения в Барнауле (Сибгипросельхозмаш), научно-технологический институт в Рубцовске. Все производственные предприятия в отрасли обслуживал один ремонтно-строительный трест, функционировал единый центр научно-технической информации, сложилась чёткая система подготовки кадров. Специалистов высшей квалификации готовил Алтайский технический университет в Барнауле и его филиал в Рубцовске» [5, с. 117].

Для подготовки квалифицированных рабочих на производственных предприятиях были созданы профессионально-технические училища. В середине 1990-х гг. в Алтайском крае получило развитие котлостроение. Так, в Барнауле объединение «Сибэнергомаш» изготавливало установки большой мощности, в Бийске – средней мощности. Кроме того, машиностроительные предприятия Алтайского региона выпускали кузнечно-прессовые машины, буровые установки, радиотехнические изделия, газосварочную аппаратуру, грузовые вагоны, дизельные двигатели и передвижные электростанции и ряд другой продукции.

Ещё одним значительным объединением являлись шестнадцать предприятий химической и нефтяной промышленности, которые типизировались на производстве химических и синтетических волокон, моющих средств, сульфата, шин, резино- и асбестотехнических изделий.

По мнению С. А. Айвазян, «большая часть предприятий лёгкой и пищевой промышленности находились в старых зданиях, в которых 10-летиями не обновлялось оборудование. Нерешённые социальные вопросы, тяжёлые условия труда вели к низкой эффективности производства и частой сменяемости кадров. А это, в свою очередь, оборачивалось большими убытками для предприятия» [6, с. 53]. По причине ненадлежащего качества много претензий было к местным швейным изделиям, трикотажу, обуви.

Безусловным достижением Алтайского края является его отнесение к пятёрке самых значительных в Российской Федерации производителей мяса, молока, мёда, крупяных культур, шерсти, пуха. Но для переработки этого сырья не была создана соответствующая база, так, соотношение между основными возможностями перерабатывающих предприятий и основными фондами сельского хозяйства сложилось как 1:10.

К сожалению, отсутствие перерабатывающей базы не могло отрицательно не сказаться на покупательских интересах и ограниченном профиле

[6] Показатели, аналитический обзор, записки социально-экономического отдела об экономическом и социальном развитии Алтайского края (1985–1990 гг.) // ГААК. Ф. 1. Оп. 151. Д. 3128.

большей части производственных предприятий региона. В итоге стремление сохранить монопрофиль привело к тому, что «несмотря на десятки официальных актов, регламентирующих расширение выпуска продукции широкого спроса, в первой половине 90-х гг. оказались недоступны даже товары первой необходимости. Собственными промтоварами регион обеспечивал себя всего лишь на 30 %. При этом Алтай располагал самыми большими в России площадями пашни (7 млн 264 тыс. га), сельскохозугодий (12747 тыс. га). В связи со сложными погодно-климатическими условиями растениеводство региона специализировалось в основном на производстве зерна, кормовых культур для животноводства. Микроклимат отдельных территориальных районов края позволял выращивать также сахарную свеклу, подсолнечники, хмель, лён, в достаточных объёмах – картофель, различные овощи, ягоды, некоторые фрукты»[7].

Резкие перепады температур, длительный осенне-зимний период, характерный для Сибири, замедляли производство сельскохозяйственной продукции в крае. Более 60 % посевных площадей по причине периодических засух входили в зону рискованного земледелия, третья часть – к районам, где из-за недостатка высоких температур не всегда вызревали хлеба. И это при том, что эти зоны находились в разных районах края. В первом случае – южные и западные степные, а во втором – восточные предгорные районы.

Состояние почвенно-земельного фонда Алтайского края, к сожалению, было далеко от идеального. В результате чрезмерной распашки целины, нарушения севооборота, повышения результативности земледелия в первой половине 90-х гг. XX в. АПК региона столкнулся со многими негативными явлениями, вызывающими либо разрушение почв, либо понижение их плодородия. Примерами таких процессов были эрозия, дегумификация, дефляция, переуплотнение, вторичное подтопление и т. п.[8]

Необходимо отметить, что в 80-е гг. XX в. делались неоднократные попытки исправить создавшееся положение: применялись почвозащитные технологии, динамично практиковались научно-обоснованные региональные системы земледелия. Следствием стали положительные изменения: среднегодовая урожайность зерновых в 1986–1989 гг. составила в среднем 14,5 ц/га. Однако земледельцы Алтайского края так и не смогли выйти на запланированный уровень, не выполнили государственного задания Российской Федерации по продаже зерна в российский фонд.

Наравне с производством зерновых не менее сложной проблемой растениеводства было снабжение животноводства кормами. В крае на 1 января 1988 г. было 2 млн 341 тыс. голов крупного рогатого скота (это только 4 % от поголовья СССР и почти треть – Западной Сибири.), 3 млн коз и овец (4,8 % и половина соответственно), 870 тыс. свиней (4,4 %), большое количество птицы (22,4 %)[9].

В 90-х гг. XX в. наметился определённый прирост производства молока, мяса, но в целом продуктивность отрасли оставалась низкой. Первопричиной этого была постоянная нехватка кормов. Из года в год сена, силоса, корнеплодов, даже с учётом соломы, изготовлялось на 30 % меньше необходимого. Основанием была сложившаяся десятилетиями система планирования от ранее достигнутого уровня. Алтайский край ежегодно понемногу увеличивал производство кормов, но это было значительно меньше, чем требовалось. До середины 1990-х гг. продолжалась пагубная практика «выгребания зерна» в колхозах в счёт государственных поставок. Благом считалось, если у них оставалось 50–60 % от потребности[10].

Низкая эффективность государственного сельскохозяйственного сектора подтверждалась следующими показателями. В общем объёме сельхозпроизводства его часть составляла: по мясу и шерсти – 70 %, молоку – 30 %; картофеля колхозы и совхозы выращивали всего лишь 1/5 часть, овощей – 1/3. Остальное обеспечивали личные подсобные хозяйства и садоводства.

С точки зрения С. Ю. Глазьева, «удельный вес продукции, производимой в личных и подсобных хозяйствах в 1990-е гг., был весьма существенным. Однако эти хозяйства нельзя было считать полностью частными, основой единоличных, тем более фермерских хозяйств. В большинстве своём их существование и развитие определялось степенью помощи колхозов, совхозов. Такие хозяйства назывались подсобными, потому что владельцы их работали в общественном производстве, либо это были пенсионеры. Зернофураж они покупали в хозяйствах или у кооперации, сено заготавливали на угодьях, отведённых колхозами, совхозами. Последние выделяли молодняк скота, птицы, семена, минеральные удобрения, тракторы, другую технику для обработки земельных участков» [7, с. 86]. Трудолюбие и личная заинтересованность позволяли большинству частных производителей обеспечивать за счёт собственного подворья первостепенным

[7] ГААК. Ф. 223. Оп. 3. Д. 508, 532–534, 547, 556–558, 564.

[8] ГААК. Ф. 223. Оп. 3. Д. 653–656, 663–668, 671–678, 683–689.

[9] Показатели, аналитический обзор, записки социально-экономического отдела об экономическом и социальном развитии Алтайского края (1985–1990 гг.) // ГААК. Ф. 1. Оп. 151. Д. 3128.

[10] ГААК. Ф. 223. Оп. 3. Д. 508, 532–534, 547, 556–558, 564.

продовольствием не только свою семью, но часть его реализовывать на рынке [8, с. 92].

Непродуманная политика по размещению производительных сил, стремление ускоренными темпами создавать средства производства пагубно сказались на социальном развитии Алтайского края. Отрицательную роль сыграло и то, что ещё в 1950–1960 гг. две трети населения проживало в сельской местности. Союзные министерства и ведомства, конечно, привлекали в производственный процесс сельскую молодёжь, предоставляя минимальные социальные условия, зачастую в виде слабо оборудованных общежитий, вагончиков и бараков.

Строительство как самостоятельная отрасль в Алтайском регионе стала динамично развиваться только в 1960-х гг. В результате при активном росте промышленного производства местное строительное объединение не справлялось с госзаданиями по запланированному вводу площадей. Так, недостаток выпуска железобетона до начала 1980-х гг. установился на уровне трети, кирпича – 40 %, щебня и песка – 35 %[11].

В результате к началу экономической реформы первой половины 90-х гг. XX в. народное хозяйство Алтайского региона подошло с тяжёлым бременем нерешённых задач. Наиболее непростые из них заключались в пространственном ограничении размещения производственных резервов, необходимости реализации новой политики в агропромышленном комплексе, социальной и экономической сферах, острой потребности активизации непроизводственной инфраструктуры. Хотя в размещении промышленных предприятий Алтайский регион к началу 1990-х гг. имел сравнительно неплохо сложившуюся пространственную структуру. Так, большая часть объектов крупной промышленности была размещена в шести равномерно расположенных по территории края городах: в трёх крупных – Барнауле, Рубцовске и Бийске и трёх средних – Новоалтайске, Заринске и Славгороде.

Большая часть предприятий аграрного сектора была расположена в малых городах: Алейске, Горно-Алтайске, Змеиногорске, Камне-на-Оби, Горняке, а также в ряде крупных рабочих посёлков, таких как Кулунда, Благовещенка, Тальменка, Шипуново, Поспелиха[12]. Краевой центр в связи с повышенной концентрацией экологически вредных производств был отнесён к городам, где была запрещена дислокация новых предприятий. Исключение составляли предприятия жизнеобеспечения: пищевые, коммунальные, бытовые и т. п.

Специальные правила в первой половине 90-х гг. XX в. были установлены и для расширения промышленности Бийска и Рубцовска. Причиной ограничений послужил недостаток вакантных мест под промышленную застройку, а также сложная экологическая ситуация. Как следствие в этих городах даже в перспективе не планировалось сооружение новых промпредприятий, а предполагалось реконструировать имеющиеся, обновлять местное производство.

В сложившейся ситуации перспективным становилось развитие малых городов Алтайского края, в которых предполагалось активное размещение пищекомбинатов, цехов и заводов по переработке сельскохозяйственной продукции, и небольших предприятий, работающих в кооперации с крупными. В связи с этим должно было возрасти значение малых городов как межрайонных центров по обслуживанию сельского населения, особенно в социальной сфере (торговые базы, холодильники, специализированные больницы и т. п.) [6].

Совершенствование сельского хозяйства Алтайского края тесно связано с необходимостью развития всего агросектора, принимая во внимание при этом отличие самостоятельных форм хозяйствования – от совхозов, колхозов до кооперативов и личных подсобных хозяйств. Основными направлениями здесь должны были стать дальнейший рост производства сельскохозяйственной продукции в результате применения передовых технологий, гидролесомелиорации и эффективного использования земель, наращивание продуктивности животноводства; увеличение темпов работы перерабатывающих предприятий, цехов; усиление уровня электромеханизации труда во всех сферах агропромышленного комплекса. Планировалось за короткий срок почти удвоить площадь орошаемых земель. Параллельно с внедрением современной технологии необходимо было активно внедрять зональные научно обоснованные системы земледелия[13].

С целью повышения результативности агропроизводства важное значение приобрели сохранение и переработка сырья. Именно на этих стадиях Алтайский регион ежегодно терял до четверти произведённой в сельском хозяйстве продукции. В этой связи планировались крупные мероприятия по восстановлению и совершенствованию материально-технической базы хранения и переработки сельхозпродукции. К 2000 г. «предусматривалось провести техническое перевооружение Барнаульского и Бийского мясокомбинатов, а в последующие годы – Славгородского и Рубцовского» [6, с. 53].

[11] ГААК. Ф. 223. Оп. 3. Д. 653–656, 663–668, 671–678, 683–689.

[12] Показатели, аналитический обзор, записки социально-экономического отдела об экономическом и социальном развитии Алтайского края (1985–1990 гг.) // ГААК. Ф. 1. Оп. 151. Д. 3128.

[13] ГААК. Ф. 223. Оп. 3. Д. 653–656, 663–668, 671–678, 683–689.

В итоге можно с полной уверенностью заявить, что недостаточное понимание значимости социальной политики в исследуемый период стало причиной возникновения сегодняшних сложностей. Это проявилось в темпах роста благосостояния народонаселения и привело к снижению личной заинтересованности у работников в результатах своего труда, падению труддисциплины, торможению темпов развития экономики и другим отрицательным явлениям [9, с. 95]. К середине 90-х гг. XX в. в условиях интенсивного производства всё большее влияние на развитие экономики оказывала социальная и производственная инфраструктура.

К отрицательным тенденциям следует отнести следующие факты. В первой половине 90-х гг. XX в. при общем подъёме производства часть капвложений от их общей суммы на непроизводственное строительство опустилось с 31,2 % в 1970 г. до 29,3 % в 1988 г. Количество квартир, строящихся за год на 1 тысячу человек населения, сократилось с 9,3 в 1970 г. до 7,8 в 1995 г. В результате можно утверждать, что к началу экономической реформы 90-х гг. XX в. народное хозяйство региона пришло с тяжёлым грузом проблем [10].

Из этого следует, что к началу 90-х гг. XX в. в Российской Федерации стала вполне очевидной потребность экономической реформы для разрешения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Реформа реализовывалась в сложных условиях в связи с отрицательными воздействиями созданной в 1980-е гг. командно-административной системы управления народным хозяйством. В процессе осуществления экономической реформы ставилось несколько задач по первостепенному развитию социальной сферы, разрешению таких насущных проблем, как жилищная, образования, здравоохранения, улучшение питания, насыщение рынка товарами первой необходимости. Разрешение этих проблемных вопросов в целом должно было повысить уровень благосостояния народонаселения. А для этого следовало пересмотреть существовавшие подходы, нормативы, пропорции и т. п. И, в первую очередь, отступить от «остаточного принципа» финансирования социальной инфраструктуры, активизировать человеческий фактор.

Для их разрешения в Алтайском регионе были приобретены внушительные полезные знания в области социально-экономических, территориально-отраслевых, территориально-целевых программ. Однако их разработку должны были предварять специальные экономические исследования.

Непродуманная локализация производительных резервов, желание ускоренными темпами сформировать производство средств производства отрицательно сказались на социальной инфраструктуре региона. Всё это стало следствием отнесения Алтайского края к началу 2000-х гг. к категории дотационных и депрессивных регионов с высоким уровнем бюджетного дефицита.

Литература

1. Игнатовский П. А. Экономика, человек и государство. М.: Русь, 1998. 215 с.

2. Лапин И. И. Социальные ценности и реформы кризисной России // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 17–28.

3. И время собирать камни: Сильное государство – реальная гарантия прав человека, прав народов / под ред. Ю. В. Скокова. М.: Белый парус, 1996. 268 с.

4. Радонова А. В. Социальная политика Алтайского края в первой половине 20 века. Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH &Co/ KG, 2012. 273 с.

5. Мищенко В. В. Социальное и экономическое развитие региона на примере Алтайского края. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1990. 309 с.

6. Айвазян С. А. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях. М.: ЦЭМИ РАН, 2000. 117 с.

7. Глазьев С. Ю. Экономика и политика: эпизоды борьбы. Статьи, выступления, интервью. М.: Гнозис, 1994. 416 с.

8. Пушкарёв В. М. Социальные проблемы развития региона. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета, 1988. 147 с.

9. Руднева Е. В. Целевые комплексные программы: организационно-экономический механизм. М.: Наука, 1989. 214 с.

10. Пантелеева Т. С., Червякова Г. А. Экономические основы социальной работы. М.: Академия, 2012. 192 с.

TRANSFORMATION OF THE DOMESTIC ECONOMY IN 1990–1995 IN ALTAI REGION

Anna V. Radonova [a, @, ID]

[a] *Altai State Institute of Culture, 277, Yurin St., Barnaul, Russia, 656055*
[@] *radonova@barnaul.muh.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-6080-5087*

Received 07.06.2018. Accepted 07.08.2018.

Keywords: productive forces, inflation, living standards, price liberalization, demographic policy, social infrastructure, economic reform.

Abstract: In 1990–1995, Russia experienced a transition period from totalitarianism to democratic social and political system, formed a civil society based on the freedom of the people and the recognition of the priority of human rights by the state. The transition to market relations set a lot of challenges, including social security issues. Hence, the development of the social sphere maintained its priority during the whole period of economic reform.

The current state of the socio-economic development of Altai region was shaped by the failure to implement the reforms on its territory in1990–1995.

The author found out that the main difficulties of the transition period were caused by the generalized statistical indicators of certain sectors of the economy of the region in the post-soviet period.

The change in economic development indicators of the local productive forces in 1990–1995 was connected with the globalization of socio-economic relations and favorable changes in the social sphere. The reforms focused on the normalization of the residents really contributed to the solution of their social problems.

For citation: Radonova A. V. Transformatsiia otechestvennoi ekonomiki v pervoi polovine 90-kh gg. XX v. (na primere Altaiskogo kraia) [Transformation of the Domestic Economy in 1990–1995 in Altai Region]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 57–63. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-57-63.

References

1. Ignatovskii P. A. *Ekonomika, chelovek i gosudarstvo* [Economics, man and the state]. Moscow: Rus′, 1998, 215.

2. Lapin I. I. Sotsial′nye tsennosti i reformy krizisnoi Rossii [Social values and reforms of crisis Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological Studies*, no. 9 (1993): 17–28.

3. *I vremia sobirat' kamni: Sil'noe gosudarstvo – real'naia garantiia prav cheloveka, prav narodov* [Time to gather stones: A strong state is a real guarantee of human rights, the rights of peoples]. Ed. Skokov Iu. V. Moscow: Belyi parus, 1996, 268.

4. Radonova A. V. *Sotsial'naia politika Altaiskogo kraia v pervoi polovine 20 veka* [Social policy of the Altai Territory in the first half of the XX century]. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH &Co/ KG, 2012, 273.

5. Mishchenko V. V. *Sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie regiona na primere Altaiskogo kraia* [Social and economic development of the Altai Territory]. Barnaul: Izdatel′stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 1990, 309.

6. Aivazian S. A. *Integral'nye indikatory kachestva zhizni naseleniia: ikh postroenie i ispol'zovanie v sotsial'no-ekonomicheskom upravlenii i mezhregional'nykh sopostavleniiakh* [Integral indicators of the quality of life of the population: construction and use in socio-economic management and interregional comparisons]. Moscow: TSEMI RAN, 2000, 117.

7. Glaz′ev S. Iu. *Ekonomika i politika: epizody bor'by. Stat'i, vystupleniia, interv'iu* [Economy and politics: episodes of struggle. Articles, speeches, interviews]. Moscow: Gnozis, 1994, 416.

8. Pushkarev V. M. *Sotsial'nye problemy razvitiia regiona* [Social problems of regional development]. Novosibirsk: Izdatel′stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, 1988, 147.

9. Rudneva E. V. *Tselevye kompleksnye programmy: organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm* [Targeted integrated programs: the organizational and economic mechanism]. Moscow: Nauka, 1989, 214.

10. Panteleeva T. S., Cherviakova G. A. *Ekonomicheskie osnovy sotsial'noi raboty* [Economic bases of social work]. Moscow: Akademiia, 2012, 192.

УДК 94(470+571)+28+322

ПРОЦЕССЫ РЕИСЛАМИЗАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1990-Х ГГ.)*

Ольга Б. Халидова [a, @, ID1]***; Руслан И. Сефербеков*** [a, ID2]

[a] *Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75*
[@] *o.khalidova2011@mail.ru*
[ID1] *http://orcid.org/0000-0002-3454-9427*
[ID2] *http://orcid.org/0000-0002-0901-8499*

Поступила в редакцию 13.06.2018. Принята к печати 28.08.2018.

Ключевые слова:
Дагестан, ислам, исламское возрождение, ваххабизм, дагестанское общество.

Аннотация: В перестроечный и постперестроечный периоды процесс возрождения ислама в Дагестане был связан с процессом политизации религии в обществе. Этот процесс имел свои особенности и был связан с упадком позиций традиционного ислама в республике на фоне трансформации российского общества. Результатом явилась активизация альтернативного нетрадиционного направления, так называемого «нового ислама» (ваххабизм), во многом не характерного для практики местных религиозных сообществ.

Активность адептов нового движения проявила себя не столько в конфессиональной сфере, сколько в социально-политической. Это ярко проявилось в дагестанском обществе в начале 1990-х гг. на фоне социально-экономического и общественно-политического коллапса и противоречий между государством и обществом.

Цель статьи – показать место и роль социального конфликта, возникшего на почве идеологических разногласий. Акторами конфликта выступали отдельные личности со своими религиозными нетрадиционалистскими взглядами и социально-политическими ориентациями, противостоящие официальным структурам в борьбе за доминирующее положение в обществе, где краеугольным камнем стала новая религиозная идея. Авторы статьи опираются на тезис, что разрастание подобного рода конфликта априори оказывает заметное влияние на характер социальных (политических, социально-экономических, национальных) отношений в обществе, примером которого служит раскол Духовного управления мусульман Дагестана по этническому признаку.

Для цитирования: Халидова О. Б., Сефербеков Р. И. Процессы реисламизации в постсоветском Дагестане: проблемы и особенности (первая половина 1990-х гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 64–69. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-64-69.

Введение

Рост влияния религиозного фактора исторически имеет тенденцию совпадать с переломными этапами общественного развития. Перемены в ранее существовавшем укладе образа жизни и появление нового, как правило, сопровождаются социальными потрясениями и духовным кризисом. В такой ситуации усиление позиции религии является закономерным процессом на фоне роста ожиданий от религиозных организаций.

Заявленный в статье хронологический период являлся этапом глубокой трансформации общества, охватывающей как материальные, так и духовные стороны жизни. По нашему авторов, свое отражение этот процесс наиболее интенсивно протекал в России: разрушение с конца 1980-х гг. социалистической системы, ее социально-экономических, политических, идеологических основ обусловило появление своеобразного мировоззренческого вакуума. Следствием данного факта явилось расширение ареала влияния и усиление роли религии и религиозных институтов в российском обществе после долгих лет советской антирелигиозной политики. Религия стала играть не только ключевую роль в общественном развитии постсоветской России, но также стала активным актором политического

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Антропология дагестанского города: влияние глобализации на трансформацию культуры и быта горожан Дагестана в постсоветский период». Проект № 18-09-00420.

процесса. Так, П. Бергер, определяя публичное место и роль религии в современную эпоху, закономерно связывал ее с процессом *политизации* [1].

Довольно отчетливо и выпукло этот процесс проявил себя на локальном уровне в период реисламизации в постсоветский период в национальных регионах, в частности в Республике Дагестан, где начальная фаза развернувшегося исламского постсоветского дискурса имела в перспективе неожиданные последствия для всего российского сообщества. Исходя из этого в рамках данной статьи авторами ставится цель показать место и роль социального конфликта в дагестанском обществе, возникшего на почве идеологических разногласий, а также умение отдельных личностей посредством религиозных и социально-политических ориентаций использовать его в мобилизационных процессах общества.

Были установлены акторы этих процессов, в частности религиозные нетрадиционалы, противостоящие официальным структурам в борьбе за доминирующее положение в обществе, где краеугольным камнем выступала новая религиозная идея. Мы опираемся на тезис, что разрастание подобного рода конфликта априори оказывает заметное влияние на характер социальных (политических, социально-экономических, национальных) отношений в обществе, примером которого служит раскол Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) по этническому признаку.

Религиозно-политическое проявление «нового ислама»: состояние и тенденции

Одной из особенностей так называемого «исламского возрождения» постсоветского времени стало не только увеличение числа исламских организаций, но и проявление активности тех, которые ранее были запрещенными или действовали полулегально.

Еще в годы перестройки в республике имелось большое количество незарегистрированных служителей, численность которых достигала 299[1]. В их руках была сосредоточена вся религиозно-обрядовая практика. К 1989 г. численность мюридских братств возросла от 5 до 7[2].

В дальнейшем процессы переходного периода, связанные с расширением международных связей СССР, в том числе и с исламским миром, предоставили возможность верующим выезжать на учебу в ближневосточные учебные заведения, что позволило глубже проникнуться основами исламской религии. Это в свою очередь привело не только к лучшей профессиональной подготовленности выпускников этих учебных заведений, но и послужило причиной расхождения в трактовках некоторых канонов исламского вероучения. Появились так называемые активисты исламского социально-политического проекта, требующие перевода всей жизни верующих на принципы ислама, но без священнической «касты жрецов». Для них традиционный ислам и его практики были искаженными, несовременными, малограмотными, а его служители – муллы, имамы и шейхи – эксплуататорами, приверженцами всего отсталого и отжившего среди мусульман [2, с. 111]. По мнению «новых мусульман», такой ислам был не программой правильной жизни человека и общества, а выгодной профессией, паразитированием на невзгодах и страхах людей, перспективным способом заработка. Служители такой веры, по мнению новых исламистов, следуя за отсталостью и предрассудками непросвещенных, превратили религию Истины в нагромождение народных суеверий и иррациональных мистических «знаний» [2, с. 111].

Уже тогда Уполномоченный Совета по Дагестанской АССР С.-А. Б. Девришбеков относил мюридские группы к течениям экстремистского толка. Он отмечал, что подобные группировки представляют определенную опасность, поскольку пытаются навязать верующим свою волю и составить сильную оппозицию не только зарегистрированным служителям культа, но и активу зарегистрированных мечетей[3]. В республике имелось примерно 2000 мюридов в 13 районах. В обществе шел процесс ферментации. Происходили случаи самовольного захвата мечетей[4].

Однако официальные круги первоначально не замечали никакой угрозы в начавшемся процессе реисламизации Дагестана, поскольку все это происходило в недрах общества и не затрагивало власть [3, с. 51]. На фоне активного развития событий на мусульманском Востоке весьма заметным становился дефицит внимания российского руководства к исламу в стране. Российские исламоведы отмечали оттягивание выработки стратегии и тактики этого направления российскими политиками и предсказывали, что недоучет исламского фактора в будущем мог неизбежно привести к самым непредсказуемым последствиям [4, с. 1].

И даже первая конфликтная ситуация при активном участии салафитов в мае 1989 г. в Дагестанской АССР не вызвала должного внимания со стороны советского руководства[5]. Высказываясь

[1] Центральный Государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. р-1234. Оп. 5. Д. 14. Л. 51–52.

[2] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

[3] ГАРФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

[4] ГАРФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

[5] ГАРФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.

о причинах, которые вызывали нездоровые настроения в обществе, Председатель Совета Министров по делам религий Л. Ф. Колесников указал лишь на формальный, бюрократический подход должностных лиц республики при рассмотрении писем, жалоб и заявлений верующих[6].

Однако ситуация была показательной. В результате был смещен муфтий. В Дагестане образовался свой ДУМД, главой которого в начале 1990 г. был избран кумык Б. Исаев. Это означало, что в обществе назрели проблемы, которые требовали безотлагательного разрешения. Созрели все предпосылки для начала выстраивания новой модели взаимоотношений власти с исламом. Несмотря на это, власти ограничились лишь введением в действие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (октябрь 1990 г.) и Закона РД «О свободе совести и религиозных организаций» (1991).

«Яблоко раздора»: попытки этнической монополизации ДУМД

Последовавший кризис в стране, повлекший за собой социально-экономические и политические преобразования, закономерно нашел отражение в духовной сфере общества. Глубокое социальное расслоение общества, миграционные процессы среди сельского населения, рост количества безработных, инфляция и ряд других факторов способствовали дестабилизации общества. Подтверждением являются события в городах республики: Махачкале, Буйнакске, Кизилюрте, Хасавюрте, в которых проходили митинги, собрания верующих (и неверующих) с требованиями решения экономических, социальных, территориальных и религиозных вопросов. В частности прозвучали просьбы о регистрации религиозных обществ, отведения земельных участков под строительство зданий мечетей и возвращения верующим бывших культовых помещений и т. д.[7].

Своего рода защитной реакцией на кардинальные перемены в обществе явилось появление ряда исламских партий и движений, в программных документах которых были обозначены тезисы политического характера[8]. Основной целью вновь образованных политических структур было сохранение и укрепление этнорелигиозной идентичности народов Дагестана на фоне происходящих трансформационных, с одной стороны, и глобализационных, с другой, процессов. Однако на деле вынашивались планы по созданию конфедерации исламских республик Кавказа, перестройки общественного строя и законодательства Дагестана на основе шариата. На ислам возлагались надежды как на средство политического освобождения и национального самоопределения советских мусульман в республике, тем более что к подобного рода перестройке общественное сознание было подготовлено.

Кроме того, распад Советского Союза, падение однопартийной системы, рост национального самосознания и множество других социальных факторов обусловили нарушение существовавшего баланса в политическом пространстве республики, в котором ключевые позиции во властных структурах занимали аварцы, кумыки (Компартия и ДУМД) и даргинцы (Верховный Совет республики). Складывались предпосылки для будущей борьбы за национальное лидерство в социально-политической системе, прежде всего в ДУМД. Это очень ярко проявилось в период проведения первого съезда мусульман Дагестана. В результате соперничества между аварцами и кумыками, где желанием дагестанских властей в лице заместителя председателя Совета Министров Республики Дагестана и главного куратора религиозных вопросов Хапсат Гамзатовой, стало избрание 27 января 1990 г. на пост муфтия кумыка Багаутдина Исаева [5, с. 13–14].

Однако была еще одна подоплека этого конфликта – экономическая. Контроль над ДУМД, к которому стремились лидеры, открывал доступ к огромным денежным ресурсам, прежде всего к доходам от организации хаджа. Предтечей этой конкуренции стала ситуация, связанная с обстановкой вокруг хаджа, приобретшая широкий резонанс в республике и свидетельствовавшая о попытке государственного переворота группой верующих во главе с последователем ваххабизма Х. Хасбулатовым[9].

Беспрецедентная ситуация с организацией хаджа ярко сигнализировала о наличии глубокого кризиса в самом обществе и, соответственно, во властной структуре. Об отсутствии четкой позиции во взаимодействии власти с религиозными структурами свидетельствовала готовность официальной власти в противоречии с Конституцией и Трудовым кодексом пойти на уступки, объявив пятницу нерабочим днем в республике. При этом следует иметь в виду, что республиканская власть поддерживала ДУМД в противовес представителям неофициального ислама (в данном контексте салафиты). Религиозный конфликт выразился в требовании митингующих образовать на территории Дагестана мусульманскую республику и водружении над зданием Верховного Совета республики исламского знамени. Подобный демарш являлся подтверждением нежелания лидеров

[6] ГАРФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

[7] ЦГА РД. Ф. р-1586. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

[8] ЦГА РД. Ф. р-1585. Оп. 2. Д. 11. Л. 1, 2, 4, 6.

[9] Правда о хадже // Дагестанская правда. 1991. 2 августа. Л. 1.

неофициального ислама вступать в диалог с официальной властью, а стремлением к кардинальному перевороту всего общественного устройства республики. Будущее предполагалось обличить новыми религиозными идеями т. н. «новой исламизации», на тот момент «не характерной для образа жизни местных религиозных сообществ и их представлений о порядке мироустройства» [6, с. 83].

Таким образом, дезинтеграционные процессы в обществе и активное участие религиозных лидеров т. н. «нового ислама» в политической жизни республики позволили воспринять это как призыв перенять «пальму первенства» у государства в установлении своей религиозной идеи и захватить контроль над ДУМД. Результатом конфликтов стали межэтнические расколы, послужившие причиной появления сразу нескольких конфликтующих между собой мусульманских структур, в том числе и в самом ДУМД. Первым сигналом послужило проведение конференции в п. Тарки в октябре 1991 г. Прозвучали заявления о попытках ущемления прав кумыкского народа в лице муфтия Б. Исаева со стороны председателя и большинства членов Совета алимов ДУМД – аварцев по национальности – и стремления образовать кумыкский ДУМД. Большинство из выступавших на конференции отвергли эту идею, сославшись на аяты из Корана. Ситуация обострилась в конце января 1992 г., когда появились разногласия между Председателем Совета алимов ДУМД Магомедхаджи Алиевым (аварцем по национальности) и муфтием Багаутдинхаджи Исаевым. Причиной конфликта стал отказ муфтия отчитаться за проделанную работу в 1991 г. перед Советом алимов. Разногласия по данной ситуации приняли резонансный характер, которые стали отправной точкой для раскола ДУМД на оппозиционные этнические муфтияты.

В результате в республике оказались действующими три Духовных управления – ДУМД, Кумыкское Духовное управление (КДУМД) и Духовное возрождение лакского народа. Попытки объединить ДУМД и КДУМД в феврале 1993 г. были сорваны руководителями ДУМД вместе с депутатом Верховного Совета Г. Н. Махачевым. В апреле 1993 г. в результате созыва съезда мусульман даргинского народа стало утверждение устава ДУМД (даргинское) и избрание муфтием Абдуллахаджи Алигаджиева, внука шейха Алигаджи Акушинского. В этом же был созван съезд мусульман Южного Дагестана, где избран муфтием имам мечети г. Дагестанские Огни Мовледин. Только 8 сентября 1994 г. на совещании под руководством С. Д. Амирова было достигнуто принципиальное соглашение об объединении всех ДУМДов в одно и назначение остальных муфтиев заместителями вновь избранного самими же муфтиями единого муфтия ДУМД[10].

С этого времени исламские институты все активнее начали вовлекаться в общественно-политическую жизнь Дагестана, постепенно превращаясь в серьезного политического игрока и пытаясь влиять на принятие политических решений руководством республики. Такая тенденция, к сожалению, проявилась и в выборах в Народное собрание Дагестана 2016 г.

Заключение

Таким образом, процесс реисламизации на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, неизбежно привел к политизации ислама, в недрах которого неуклонно разрасталось радикальное исламское движение. Постсоветский исламский феномен был вызван целым комплексом причин, корни в большинстве случаев кроются в латентных и явных социальных, экономических и политических недугах, а не в патологии психологических качеств отдельных людей [7, с. 234].

Однако как недооценка исламского фактора советским руководством страны с отсутствием четкой государственной идеологии светского типа, которая учитывала бы интересы верующих и неверующих, так и лояльность в деятельности республиканской власти в самом начале 1990-х гг. привели к ошибкам, имеющим необратимые последствия для республики. Попытка республиканских властей разрешить эту проблему не увенчалась успехом, а лишь «сгладила» ситуацию. С другой стороны, повышение национального самосознания у дагестанских народов стало одной из причин кризиса духовного управления мусульман. Междоусобные склоки и неэффективная борьба со своими оппонентами привели к политизации духовного управления, отдалив его от верующих и лишив своего авторитета.

Литература

1. Berger P. Religious Pluralism for a Pluralist Age // Culture & Society. 2005. April 25. Режим доступа: http://www.project-syndicate.org/commentary/religious-pluralism-for-a-pluralist-age (дата обращения: 14.02.2018).

2. Кисриев Э. Ф. Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе // Религия и конфликт / под общ. ред. А. В. Малашенко, С. Б. Филатова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 107–129.

[10] ЦГА РД. Ф. р-1585. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–3.

3. Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане / отв. ред. А. В. Малашенко. М.: ОГИ, 2004. 224 с.
4. Малашенко А. В. Россия и ислам. Гром уже грянул. Успеем ли перекреститься? // Независимая газета. 1992. 22 февраля.
5. Мацузато К., Ибрагимов М.-Р. Тарикат, этничность и политика в Дагестане // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 10–23.
6. Буттаева А. Ислам в поликонфессиональном пространстве современного Дагестана // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. № 1. С. 79–92.
7. Шахбанова М. М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 385 с.

THE ISSUES OF REISLAMIZATION IN POST-SOVIET DAGESTAN IN 1990–1995*

Olga B. Khalidova [a, @, ID1]***; Ruslan I. Seferbekov*** [a, ID2]

[a] *Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 75, Yaragsky St., Makhachkala, Russia, 367030*
[@] *o.khalidova2011@mail.ru*
[ID1] *http://orcid.org/0000-0002-3454-9427*
[ID2] *http://orcid.org/0000-0002-0901-8499*

Received 13.06.2018. Accepted 28.08.2018.

Keywords: Dagestan, Islam, Islamic revival, Wahhabism, Dagestan society.

Abstract: The process of the Islam revival in Dagestan was associated with the politicization of religion in society during perestroika and post-perestroika periods. The process had its own peculiarities associated with the general transformation of Russian society, active work of international organizations, and the decline of traditional Islam in the republic. As a result, there appeared alternative and unconventional directions in the process of revival of the Islamic component, e. g. the so-called "new Islam" (Wahhabism), foreign to local religious communities.
The activity of the adherents of the new movement showed itself not so much in the confessional sphere as in the socio-political sphere. This was clearly manifested in Dagestan society in the early 1990s against the backdrop of the socio-economic and socio-political collapse and contradictions between the state and society.
The research investigates the place and role of the social conflict that arose on the basis of ideological differences. The actors of the conflict were individuals with their religious non-traditional views and socio-political orientations, who opposed official structures in the struggle for domination in the society, desperately searching for a new religious idea. The authors proceed from the thesis that the escalation of this kind of conflict has a significant impact on the nature of social (political, socio-economic, national) relations in any society, the way it happened when the Spiritual Administration of Muslims of Dagestan split according to ethnicity.

For citation: Khalidova O. B., Seferbekov R. I. Protsessy reislamizatsii v postsovetskom Dagestane: problemy i osobennosti (pervaia polovina 1990-kh gg.) [The Issues of Reislamization in Post-Soviet Dagestan in 1990–1995]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 64–69. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-64-69.

References

1. Berger P. Religious Pluralism for a Pluralist Age. *Culture & Society*. 2005. April 25. Available at: http://www.project-syndicate.org/commentary/religious-pluralism-for-a-pluralist-age (accessed 14.02.2018).
2. Kisriev E. F. Islam i sotsial′nye konflikty na Severnom Kavkaze [Islam and social conflicts in the North Caucasus]. *Religiia i konflikt* [Religion and Conflict]. Eds. Malashenko A. V., Filatov S. B. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSPPEN), 2007: 107–129.

* The publication is supported by the Russian Federation for Basic Research, project No. 18-09-00420 "Anthropology of the Dagestan city: the impact of globalization on the transformation of culture and life of Dagestan city-dwellers in the post-Soviet period".

3. Kisriev E. F. *Islam i vlast' v Dagestane* [Islam and power in Dagestan]. Ed. Malashenko A. V. Moscow: OGI, 2004, 224.

4. Malashenko A. V. Rossiia i islam. Grom uzhe grianul. Uspeem li perekrestit′sia? [Russia and Islam. The thunder had already burst. Will we have time to cross ourselves?]. *Nezavisimaia gazeta = Independent newspaper*, 1992, February 22.

5. Matsuzato K., Ibragimov M.-R. Tarikat, etnichnost′ i politika v Dagestane [Tarikat, ethnicity and politics in Dagestan]. *Ehtnograficheskoe obozrenie = Ethnographical review*, no. 2 (2006): 10–23.

6. Buttaeva A. Islam v polikonfessional'nom prostranstve sovremennogo Dagestana [Islam in the multiconfessional space of modern Dagestan]. *Central'naia Aziia i Kavkaz = Central Asia and the Caucasus*, 15, no. 1 (2012): 79–92.

7. Shakhbanova M. M. *Etnicheskaia, religioznaia i gosudarstvenno-grazhdanskaia identichnosti dagestanskikh narodov v usloviiakh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [Ethnic, religious and state-civic identity of the Dagestan peoples in the context of the transformation of Russian society]. Makhachkala: ALEF, 2016, 385.

УДК 94 (470,41)

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭКСКУРСИОННО-ТУРИСТИЧЕСКОГО ДЕЛА КАЗАНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Людмила Н. Шоронина [a, b, @]

[a] *Гильдия экскурсоводов г. Казани, 420111, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 15/25*
[b] *Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18*
[@] *ekssho@mail.ru*

Поступила в редакцию 16.07.2018. Принята к печати 14.09.2018.

Ключевые слова: экскурсия, туризм, путеводители, экскурсионный маршрут, достопримечательности, туристские организации, экскурсионные объекты.

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы развития экскурсионно-туристического дела в Казани в первой половине XX в. Раскрываются вопросы появления первых учебных экскурсий и их организации, составления первых путеводителей и сборников достопримечательностей по Казани. Автор приводит примеры появления первых методических разработок экскурсионных маршрутов по городу, Кремлю, тематических и обзорных экскурсий с описанием экскурсионных объектов.

Определены цели и задачи первых экскурсионно-туристических обществ и организаций в Казани. Раскрываются основные направления экскурсионно-туристического дела. Анализируется литература данного периода, в которой освещаются вопросы развития туризма и экскурсионного дела в Казани. Для раскрытия темы использовались первые справочники, путеводители по Казани, первые методические разработки, изданные в 20–30-е гг. XX в.

Автором изучена теоретическая база экскурсионной и туристической деятельности в Казани. Рассматриваются вопросы зарождения массового туризма, развития экскурсионного дела, раскрываются пропагандистская и содержательная стороны туристского движения. Обращается внимание на свойственную идеологическую направленность экскурсионно-туристического дела, основанную на пропаганде задач и достижений СССР.

Предпринята попытка показать, что экскурсионно-туристическая сфера стала важным направлением социально-культурной деятельности в первой половине XX в. Туристические путешествия и экскурсии решали задачи, связанные с повышением культурного уровня трудящихся. Прослеживается история развития туризма и экскурсионного дела в Казани в первой половине XX в. Экскурсионно-туристические организации прошли ряд этапов. В 20–30-е гг. XX в. начинался организационно-централизованный этап туристского движения в Казани, к началу 1950-х гг. начала формироваться система экскурсионно-туристического обслуживания.

Обращается внимание на появление новых форм туристского движения, например исследовательского движения по исследованию новых маршрутов и изучению новых объектов. Туристы из Казани участвовали в турпоходах по местам боевой и революционной славы, во Всесоюзных поисковых походах. Затронут вопрос о воспитательном значении туризма и экскурсий для школьников и молодежи. Именно в первой половине XX в. появлялись туристические секции в Домах пионеров, детские станции туристов, экскурсии для школьников и молодежи. Анализируются и недостатки в туристско-экскурсионной сфере данного периода. Несмотря на определенные недостатки, указанный период явился важным этапом в развитии туризма в Казани и в целом в республике Татарстан. Содержание и результаты данной статьи могут быть использованы в лекционных курсах по истории России и туризма.

Для цитирования: Шоронина Л. Н. Из истории развития экскурсионно-туристического дела Казани в первой половине XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 70–76. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-70-76.

Первые пешеходные экскурсии в Казани появились в XIX в. Это были большей частью природные и географические прогулки, которые проводились преподавателями Казанского университета [1]. Они составлялись с целью изучения окрестностей Казани[1].

С начала XIX в. предпринимались попытки изучения достопримечательных мест Казани. Описание этих мест мы находим у профессора Казанского университета, краеведа Карла Фукса в книге «Краткая история Казани» [2]. Более обширные сведения о казанских достопримечательностях и памятниках можно встретить в книгах по истории Казани, написанных краеведами М. Рыбушкиным [3] и Н. Баженовым [4]. В конце XIX в. появляются посвященные описанию улиц и памятников города сочинения историков Н. Я. Агафонова [5] и Н. П. Загоскина [6].

Необходимо отметить, что в этих работах не содержалось никаких экскурсионных программ и маршрутов, но были первые попытки систематизировать памятники истории и архитектуры Казани, которые впоследствии легли в основу многих современных экскурсионных справочников [7], путеводителей [8], энциклопедий [9], каталогов [10], учебных пособий по истории города Казани и Республики Татарстан [11].

Теоретическую базу экскурсионная и туристическая деятельность в Казани получила в 20–30-е гг. XX в. В 1926 г. был составлен первый справочник-путеводитель по Казани с планом города, описанием памятников и летних садов города[2].

В этот период зародилось массовое туристическое движение в стране. Многие вопросы развития туристского дела того времени освещались на страницах специализированных изданий, в которых можно было найти описание видов туризма. В книге П. Некрасова «Фильмы по туризму» (1930) дан краткий обзор 43 фильмов, посвященных практике туризма, где раскрывается пропагандистская и содержательная сторона туристского движения [12]. Для этого периода была свойственна идеологическая направленность экскурсионно-туристского движения, основанная на пропаганде задач и достижений СССР.

С середины 1920-х гг. начался организационно-централизованный этап туристского движения в Казани. Формирование туристско-экскурсионного обслуживания, а также условий для развития туризма, стали важным направлением социально-культурного развития страны в 20–30-е гг. XX в.

В 1926 г. в Казани была создана экскурсионная база. В 1928 г. она была переименована в экскурсионно-лекционную. Одним из зачинателей этого дела был Василий Иванович Адо, выдающийся ученый, историк. Им были составлены первые экскурсионные маршруты по Казани.

Так, например, интересным мы находим маршрут по Казанскому Кремлю по исторической части Казани. Этот маршрут включал ряд объектов, в которых раскрывается история Кремля, рассматривается методика экскурсионного показа. Можно предположить, что это была первая методическая разработка по Кремлю. Этим же автором предлагались и тематические экскурсии. Интересными разработками являются экскурсии по темам «Дворянская Казань», «Купеческая Казань». В них раскрывается жизнь, быт казанского дворянства и купечества, предлагается краткая историческая справка по теме с указанием на объекты показа[3].

Разнообразием отличаются и производственные экскурсии, составленные краеведом Е. Н. Осиповой[4]. Маршруты были разработаны на мыловаренное предприятие им. М. Вахитова, деревообрабатывающее производство фабрики «Коммунар» в Казани, кожевенное производство обувной фабрики «Спартак», металлообрабатывающее производство Казанского завода «Серп и Молот» и др. Знакомство с производством было важно, особенно для молодежи того времени. Эта информация носила не только познавательный характер, но и пропагандистский. В тот период велась пропаганда советского образа жизни и достижений производства. Наряду с экскурсионным делом развивалось и туристическое движение.

В 30-е гг. XX в. туризм стал одним из важных направлений в социально-культурном развитии страны. К этому времени произошла реорганизация туристских организаций. В 1929 г. в Татарской республике было открыто Отделение общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), которое занималось вопросами туристско-экскурсионного дела в Казани и республике. Во главе этого общества стоял Центральный Совет с президиумом. В республиках, областях были учреждены оргбюро и советы. Туристские путешествия и экскурсии решали в тот период задачу «повышения культурного уровня трудящихся», что нашло отражение в таких лозунгах, как «пролетарский туризм творит грани нового человека» [13, с. 36]. В тот период в стране проходила культурная революция, и туристско-экскурсионное дело было направлено на политическое просвещение трудящихся. Так называемый «пролетарский туризм» должен был охватывать различ-

[1] Окрестности и дачные места Казани // Казань. Казань, 1805. С. 664–669.

[2] Справочник-путеводитель по г. Казани. Казань. 1926. С. 75–78.

[3] Экскурсионные маршруты по Татреспублике. Казань: Тип. «Красный печатник» Татполиграфа, 1927. С. 5–10.

[4] Там же. С. 24–28.

ные слои трудящихся, молодежи и способствовать «культурному просвещению масс».

В 1936 г. Общество пролетарского туризма и экскурсий было упразднено и создан Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС). В республиках, областях создавались туристско-экскурсионные управления. В этот период расширялся спектр их деятельности и появлялись новые направления.

В 1930-е гг. возникло направление исследовательского движения туристов, в котором проводилась определенная работа по изучению новых маршрутов, исследованию новых объектов и материалов. В том числе из Казани организовывались турпоходы по местам боевой славы, по революционным местам. Туристы из Казани участвовали во Всесоюзных походах, проходили по местам ударных строек, отправлялись в походы и вели там поисковую работу.

В этот период начинало развиваться не только туристическое движение, но и экскурсионное. Основные направления экскурсионного и туристического движения в 1920–1930-е гг. в ТАССР и Казани исследованы казанскими учеными-краеведами С. П. Сингалевичем, Р. Ш. Тагировым. Рекомендации, которые даются этими авторами, нацелены на организаторов экскурсий и работников просвещения. Вместе с тем их можно определить как первые методические разработки по составлению экскурсионных маршрутов и проведения экскурсий по городу и окрестностям Казани. Так, в 1929 г. вышли «Методические предпосылки экскурсионного изучения Татарской Казани» под редакцией Р. Ш. Тагирова, где ставились вопросы проведения школьных учебных экскурсий, целью которых было изучение родного края. Наряду с этим предлагалось изучить национальный колорит и особенности Татарской Казани. Ставился вопрос об изучении истории Татарской Казани на уроках истории и обществоведения. Дополнительно к работе даны некоторые рекомендации по проведению экскурсий исходя из контингента слушателей. Также рассмотрены особенности проведения школьных экскурсий и экскурсий для взрослых [14].

Различные экскурсионные маршруты для туристов разрабатывались Обществом изучения Татарстана и Казанского отделения общества пролетарского туризма. В 1930 г. под эгидой этого общества вышел сборник под редакцией М. Н. Ляхова, рассказывающий о маршрутах для туристов по Татарии. В этом сборнике описаны разные варианты маршрутов из Казани. Сюда относятся короткие пешеходные и длительные экскурсии по окрестностям города Казани и Татарии. Например, интересными являются загородные экскурсии, в которых рассмотрены Арский, Спасский, Лаишевский районы, маршруты до других городов Татарии – Свияжска, Елабуги, Чистополя. Многие объекты этих экскурсий легли в основу составления современных экскурсионных программ. В этих маршрутах определялся начальный пункт от Казани и до пункта назначения с остановками для отдыха и осмотра. По окончании каждой экскурсии составлялись отчеты о прошедших турпоходах, которые представлялись в Центральный Совет Общества изучения Татарстана и Казанского отделения общества пролетарского туризма.

Маршруты, разработанные Обществом изучения Татарстана в 1930-е гг., актуальны по сегодняшний день. Сюда относятся экскурсии по городу Казани, Казанскому Кремлю, в города Татарии – Чистополь, Свияжск и Болгар. Интересной особенностью загородных экскурсий того времени являлось проведение маршрутов на лошадях, на велосипедах и пешеходным путем. К таким программам даются рекомендации по их следованию и остановкам.

Многие экскурсии предлагались с исследовательским уклоном в силу того, что они были еще недостаточно изучены. Например, в Болгары – с археологическим уклоном, в Чистополь – с историческим, по рекам Волге и Свияге – с географическим. Интересными вариантами, на наш взгляд, являются лодочный и велосипедный маршруты. Они составлены Обществом истории Татарстана совместно с краеведами. Сюда относятся экскурсии по рекам Волге, Каме, Свияге и Вятке, которые предлагались в качестве отдыха для туристов. Предлагались и велосипедные экскурсии в ближайшие окрестности Казани с осмотром интересных мест и достопримечательностей. В ходе таких экскурсий также предлагались остановки для отдыха[5]. В этих маршрутах можно увидеть сочетание отдыха и знакомства с окрестностями. Необходимо отметить, что многие турпоходы, пешеходные экскурсии требовали подготовленных физически и морально туристов. Поэтому можно сказать, что в 20–30-е гг. XX в. туризм и экскурсионное дело не носили массового характера, но уже зародились в организованных формах.

Об организации массовых экскурсий для трудящихся можно узнать из экскурсионного справочника по Казани, вышедшем в 1936 г., в котором предлагались различные экскурсии по городу Казани на производство, а также культурно-образовательные и загородные экскурсии[6]. Экскурсии организовывались в экскурсбюро Татпрофсовета, и там же заключались договоры на экскурсионное обслуживание для групп. Это же бюро через свои секции

[5] Маршруты экскурсий для туристов по Татарии / под ред. М. Н. Ляхова. Казань: Татиздат, 1930. 65 с.

[6] Экскурсионный справочник по г. Казани и окрестностям. Казань: Татгосиздат, 1936. 10 с.

организовывало туристические походы и путешествия по СССР. Определенной целью этих секций являлось вовлечение в туризм молодежи и разных слоев трудящихся.

Особенностью так называемого «пролетарского» туризма 20–30-х гг. XX в. явилось соединение элементов отдыха с исследовательской, познавательной и общественно-полезной работой.

В 1940-е гг. были продолжены тенденции развития туризма прошлых годов. Продолжена была и экскурсионная работа. В 1940 г. было издано пособие историков, географов и краеведов В. П. Сементовского и Н. И. Воробьева «Физико-географические экскурсии в окрестностях г. Казани». Это издание можно назвать первым методическим и исследовательским комплексом, в котором выявлены методические практики в проведении разных экскурсий, даны рекомендации и указания в проведении экскурсионных маршрутов [15, с. 64–80]. Также в пособии представлен практический материал и исторические справки. В работе рассматриваются объекты показа и объясняются их особенности. Здесь же представлена классификация экскурсий на учебные и познавательные, дается классификация видов экскурсий по длительности и разновидности аудитории. Авторы представляют 12 разных маршрутов, в том числе разработку маршрута городской экскурсии по историческому центру Казани [15, с. 129–130].

Необходимо отметить, что это были первые разработанные маршруты по городу и окрестностям Казани с методическими указаниями по организации экскурсий. Мы находим здесь попытки объяснения экскурсий как виду туристической работы. «Плохо организованная экскурсия, в лучшем случае, превращается в хорошую прогулку и, в общем, не получает того значения, на которое она рассчитана. Каждая экскурсия должна быть тщательно подготовлена, проведена по ранее разработанному плану» [15, с. 86]. В пособии краеведы делают акцент на развитии массового туризма в республике и Казани. Авторы сообщают о больших возможностях туристического движения, туристического потенциала республики и раскрывают большие исторические и географические возможности края.

Туризм и экскурсии в первой половине XX в. были важным воспитательным направлением для трудящихся и молодежи. Проводилась воспитательная работа среди школьников. Почти в каждом районе города и села существовали Дома пионеров и школьников, в которых действовали туристические кружки, краеведческие секции. В 1930–1940-е гг. уделялось особенное значение школьному и детскому туризму. Развитию школьного туризма способствовали Министерство просвещения СССР и Центральная детская туристическая станция, которая была создана в 1932 г. для экскурсионно-туристической работы с учащимися.

Активно начала работать Республиканская детская экскурсионно-туристическая станция и в Казани. На этой станции проводились экскурсии и организовывались походы для школьников. Экскурсионные мероприятия проводились и в Центральной внешкольной детской станции, организованной в Казани в 1929 г. На станции работали методический кабинет по внешкольной работе и детская экскурсионная база. Здесь проводились натуралистические и природоведческие экскурсии. В 1944 г. эта организация была преобразована в Республиканскую станцию юных натуралистов. Станция юных натуралистов была создана с целью содействия повышению социалистического и патриотического воспитания школьников, любви к родному краю, природе. При Детской станции работали кружки юннатов, лаборатории и проводились учебные, натуралистические экскурсии[7].

В 1930–1940-е гг. школьники также начали активно участвовать в турпоходах, экскурсиях. Некоторые экскурсии носили исследовательский характер. Во время таких походов дети вступали в беседы с героями войны и труда, встречались с руководителями предприятий, Героями социалистического труда. Эти беседы способствовали более тщательному изучению истории края. Целью таких экскурсий и походов являлось показать, как изменилось лицо многих городов страны за годы Советской власти. Детский туризм ставил своей главной задачей воспитание советского патриотизма. «Путешествия воспитывают в человеке ценнейшие качества – силу воли, целеустремленность, чувство долга. В то же время путешествия – прекрасный отдых для детей» [16, с. 3]. Детский и молодежный туризм, туризм для трудящихся постепенно становились частью жизни советских людей.

Путешествия, туризм, экскурсии входили в быт советских людей. Они становились не только формой отдыха и досуга, но и носили культурно-воспитательный характер. Особенно это имело большое значение для молодежи. В 1930–1940-е гг. путешествия и экскурсии рассматривались как одно из средств коммунистического воспитания молодежи и школьников. В связи с этим Детская экскурсионно-туристическая станция в Казани разрабатывала экскурсии, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина и его соратников, имевшие на тот период воспитательное значение. Это были путешествия и экскурсии по ленинским местам Казани и Поволжья. Сюда относились также экскурсии на предприятия города и встречи с передовиками производства [17, с. 4–6].

[7] Национальный архив Республики Татарстан. Ф. р7462. Оп. 6. Д. 1, 2.

Во второй половине 1940-х гг. все большее значение уделялось изучению родного края и Казани. Так, Институтом истории, языка и литературы Казанского филиала Академии наук, который был образован в 1945 г. с целью изучения истории и исследования родного края, разрабатывались новые интересные экскурсионные маршруты по окрестностям Казани. Сюда относятся экскурсии в Верхний Услон, Красновидово, Камское Устье, село Камаево Высокогорского района, село Билярск. К маршрутам прилагался перечень историко-археологических объектов. Институтом истории были разработаны специальные программы и задания для юных туристов, подразумевающие составление ими экскурсионных маршрутов в изучении окрестностей города и Казани.

В 1940–1950-е гг. начало уделяться внимание отдыху трудящихся. На основании постановления секретариата ВЦСПС от 11 сентября 1945 г., в целях организации санаторно-курортного лечения и отдыха трудящихся, развития сети санаториев и домов отдыха на территории ТАССР был образован Татарский областной Совет по управлению курортами профсоюзов. С этого времени организация начала предоставлять путевки для трудящихся в санатории и дома отдыха с организацией отдыха и экскурсионных услуг. В эти же годы был дан толчок появлению самодеятельного туризма.

В конце 1930-х – 1940-е гг. в Казани создавались первые секции туризма, которые занимались турпоходами по родному краю [14]. Они занимались пешеходным туризмом и вели методическую помощь для организаторов с целью привлечения туристов. Необходимо отметить, что в этот период туристические секции были немногочисленны и не носили массового характера.

Анализируя источники, материалы и литературу, относящуюся к первой половине XX в., посвященную теме развития туризма в Казани, можно утверждать, что в этот период начинало развиваться туристическое движение, появлялись первые туристско-экскурсионные учреждения, экскурсионные методические разработки, разрабатывались первые экскурсионные маршруты по городку и окрестностям, в том числе и для школьных групп. Выбор Казани в качестве предмета исследования неслучаен. Казань издавна имела научный, культурный и природный потенциал. Благодаря научному обществу Казанского Университета, самодеятельным организациям развивалось экскурсионно-туристическое дело в Казани в первой половине XX в. В связи с этим указанный период явился подготовительным этапом в истории развития экскурсионно-туристического дела Казани. Вместе с тем мы не можем говорить о массовом развитии туризма в полной мере в республике. В указанный нами период недостаточной была организация туристических учреждений и отсутствовала их материальная база. Не развита была сама система и методология в области туризма и экскурсий. Туризм и экскурсионное дело в Казани и республике носили большей частью исследовательский, агитационно-пропагандистский и познавательный характер, как в целом по стране в первой половине XX в.

Литература

1. Кротов П. Географические экскурсии по Волге. Казань // Ученые записки Императорского Университета. 1892. Т. 59. Кн. 2. С. 11–15.

2. Фукс К. Краткая история Казани. Казань, 1805.

3. Рыбушкин М. Краткая история Казани. Казань, 1834. Ч. 1–3.

4. Баженов Н. Казанские истории. Казань, 1847. Ч. 1–3. 480 с.

5. Агафонов Н. Я. Историческая объяснительная записка о наименовании улиц. Казань, 1899. 224 с.

6. Загоскин Н. П. Спутник по Казани. Казань, 1895. 713 с.

7. Исчезнувшие населенные пункты Республики Татарстан / под ред. Р. В. Шайдуллина. Казань: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. 2016, 479 с.

8. Церкви республики Татарстан / под ред. Ю. А. Егорушкина. Казань: Фолиант, 2015. 284 с.

9. Татарская энциклопедия / под ред. М. Х. Хасанова. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2014. 720 с.

10. Мечети Республики Татарстан / под ред. Ю. А. Егорушкина. Казань: Фолиант, 2016. 200 с.

11. Фахрутдинов Р. Г., Фахрутдинов Р. Р. История татарского народа. Казань: Татарское книжное издательство, 2015. 407 с.

12. Ахатова Л. И. Развитие туризма как особой формы массовой культуры: автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2008. 21 с.

13. Долженко Г. П. Экскурсионное дело. М.; Ростов н/Д: Март, 2006. 299 с.

14. Тагиров Р. Ш. Методические предпосылки экскурсионного изучения Татарской Казани. Казань, 1929. 51 с.

15. Сементовский В. Н., Воробьев Н. И. Физико-географические экскурсии в окрестностях Казани. Казань: Татгосиздат, 1940. 176 с.

16. Краснов И. Г., Жемчугова П. И. Экскурсионно-туристические объекты Татарской республики. Казань, 1951. 34 с.
17. Садыков Т. По родному краю. Казань: Татгосиздат, 1950. 132 с.

THE DEVELOPMENT OF THE TOURIST-EXCURSION SPHERE IN KAZAN IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Ludmila N. Shoronina [a, b, @]

[a] *Guild of Guides of Kazan, 15/25, Kremlevskaya St., Kazan, Russia, 420111*
[b] *Kazan Federal University, 18, Kremliovskaya St., Kazan, Russia, 420008*
[@] *ekssho@mail.ru*

Received 16.07.2018. Accepted 14.09.2018.

Keywords: excursion, tourism, guidebooks, excursion route, sights, tourist organization, excursion venues.

Abstract: The study features the main stages of the tourist-excursion sphere development in Kazan in the first half of the XX century. The research is focused on the issues of the first educational excursions and their organization, compiling the first guidebooks and collections of Kazan sites. The author presents examples of the first methodological works on tours around the city, the Kremlin, thematic and panoramic tours with descriptions of sights. The article features the objectives and tasks of the first Kazan tourist-excursion societies and organizations. The author describes the main directions of the tourist-excursion business, analyzes the sources and literature of the period in question, and dwells upon the issues of tourist-excursion business development in Kazan. The research involves the sources from the Republic of Tatarstan National Archive, the first reference books and guidebooks around Kazan, as well as methodological works published in the 1920s–1930s.

The author studied the theoretical basis of tourist-excursion activity in Kazan, the issues of mass tourism origin and excursion business development and the propagandist and conceptual aspects of tourist movement. Special attention is paid to the inherent ideological orientation of the tourist-excursion sphere, based on the propaganda of ideas and achievements of the USSR.

The research attempts to show that the tourist-excursion sphere became a significant part of socio-cultural activity in the first half of the XX century. Tourist trips and excursions helped to solve the tasks related to increasing the cultural level of the population.

The development of tourist-excursion organizations included several stages. In the 1920s–1930s, the organizational-centralization stage of tourism development began in Kazan; the system of tourist-excursion service started to form.

The article highlights the appearance of the new forms of tourist movement, for instance, research of new routes and study of new venues. Kazan tourists participated in trips to the sites of military and revolutionary glory, in All-Russia search trips. The article also touches upon the issue of educational significance of tourism and excursions for schoolchildren and youth.

It was in the first half of the XX century that tourist sections in Pioneers' Houses appeared, as well as children's tourist stations, excursions for schoolchildren and youth. The work also analyzes the drawbacks in the tourist-excursion sphere in the studied period. However, that period was an important stage of tourism development in Kazan and the Republic as a whole.

The content and results of this article can be used in history of Russia and tourism courses.

For citation: Shoronina L. N. Iz istorii razvitiia ekskursionno-turisticheskogo dela Kazani v pervoi polovine XX v. [The Development of the Tourist-Excursion Sphere in Kazan in the First Half of the XX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 70–76. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-70-76.

References

1. Krotov P. Geograficheskie ekskursii po Volge. Kazan′ [Geographical excursions along the Volga. Kazan]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Universiteta* [Scientific notes of the Imperial University]. Book 2, vol. 59 (1892): 11–15.
2. Fuks K. *Kratkaia istoriia Kazani* [The brief history of Kazan]. Kazan, 1805.
3. Rybushkin M. *Kratkaia istoriia Kazani* [The brief history of Kazan]. Kazan, part 1–3, 1834.
4. Bazhenov N. *Kazanskie istorii* [Kazan history]. Kazan, part 1–3 (1847): 480.
5. Agafonov N. Ia. *Istoricheskaia ob"iasnitel'naia zapiska o naimenovanii ulits* [Historical explanatory note on the name of streets]. Kazan, 1899, 244.
6. Zagoskin N. P. *Sputnik po Kazani* [The satellite in Kazan]. Kazan, 1895, 713.
7. *Ischeznuvshie naselennye punkty Respubliki Tatarstan* [The disappeared settlements of the Republic of Tatarstan]. Ed. Shaidullin R. V. Kazan: Institut Tatarskoi entsiklopedii i regionovedeniia AN RT, 2016, 479.
8. *Tserkvi respubliki Tatarstan* [Churches of the Republik of Tatarstan]. Ed. Egorushkin Iu. A. Kazan: Foliant, 2015, 284.
9. *Tatarskaia entsiklopediia* [Tatar's encyclopedia]. Ed. Khasanov M. Kh. Kazan: Institut Tatarskoi entsiklopedii AN RT, 2014, 720.
10. *Mecheti Respubliki Tatarstan* [Mosques Republic of Tatarstan]. Ed. Egorushkin Iu. A. Kazan: Foliant, 2016, 200.
11. Fakhrutdinov R. G., Fakhrutdinov R. R. *Istoriia tatarskogo naroda* [The history of Tatar people]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel′stvo, 2015, 407.
12. Akhatova L. I. *Razvitie turizma kak osoboi formy massovoi kul'tury*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Development of tourism as a mass culture. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Kazan, 2008, 21.
13. Dolzhenko G. P. Ekskursionnoe delo [Excursion business]. Moscow; Rostov-on-Don: Mart, 2006, 299.
14. Tagirov R. Sh. *Metodicheskie predposylki ekskursionnogo izucheniia Tatarskoi Kazani* [Methodical prerequisites for excursion study of the Tatarian Kazan]. Kazan, 1929, 51.
15. Sementovskii V. N., Vorob′ev N. I. *Fiziko-geograficheskie ekskursii v okrestnostiakh Kazani* [Physical and geographical excursion in the vicinity of Kazan]. Kazan: Tatgosizdat, 1940, 176.
16. Krasnov I. G., Zhemchugova P. I. *Ekskursionno-turisticheskie ob"ekty Tatarskoi respubliki* [Excursion and tourist facilities of the Tatar republic]. Kazan, 1951, 34.
17. Sadykov T. *Po rodnomu kraiu* [Across the homeland]. Kazan, 1950, 132.

УДК 159.922

ОТНОШЕНИЕ К ВЗРОСЛЕНИЮ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И СМОЛЕНСКА В КОНТЕКСТЕ ИХ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Светлана А. Безгодова [a, ID1]***; Анастасия В. Микляева*** [a, ID2]***; Владимир В. Терещенко*** [b, @, ID3]

[a] *Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. наб. реки Мойки, 48*
[b] *Смоленский государственный университет, 214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4*
[@] *terechenko2007@yandex.ru*
[ID1] *https://orcid.org/ 0000-0001-5425-7838*
[ID2] *https://orcid.org/ 0000-0001-8389-2275*
[ID3] *https://orcid.org/0000-0003-4189-3901*

Поступила в редакцию 17.08.2018. Принята к печати 18.09.2018.

Ключевые слова:
старший подросток, взросление, личностная зрелость, жизнестойкость, социокультурные условия.

Аннотация: В статье приведены данные эмпирического исследования отношения старших подростков к взрослению в контексте их жизнестойкости. Цель исследования определяется необходимостью изучения отношения к взрослению у старших подростков с разным уровнем жизнестойкости, проживающих в Санкт-Петербурге и Смоленске. Для исследования отношения к взрослению использовалась методика изучения самооценки Дембо-Рубинштейн, модифицированная в соответствии с целью исследования, с помощью которой определялась актуальная и идеальная самооценка по параметрам «взрослость», «готовность быть взрослым» и «желание взрослеть». Для оценки жизнестойкости подростков использовалась скрининговая версия Теста жизнестойкости. Характеристики регуляторной, нравственной и рефлексивной сферы оценивались с помощью Шкалы самооценки личностной зрелости. Показано, что при одинаковом уровне актуальной и идеальной самооценки взрослости подростки из Смоленска оценивают свое желание взрослеть достоверно выше, чем подростки из Санкт-Петербурга. Определено, что подростки из Санкт-Петербурга демонстрируют более низкие показатели волевой, рефлексивной и особенно нравственной зрелости, а также жизнестойкости, прежде всего по параметрам вовлеченности и контроля, в сравнении с подростками из Смоленска. В зависимости от стратегии взросления жизнестойкость является ресурсом (для внутренне согласованной стратегии взросления) или личностным условием осуществления контроля над своей жизнью (для внутренне конфликтной стратегии взросления). Полученные данные учтены в психолого-педагогическом сопровождении старших подростков, развивающихся в разных социокультурных условиях. Отмечена тенденция к дальнейшим исследованиям о влиянии социокультурных факторов на реализацию той или иной стратегии взросления и отношению к ней растущих детей на дистанции подросткового возраста.

Для цитирования: Безгодова С. А., Микляева А. В., Терещенко В. В. Отношение к взрослению у старших подростков Санкт-Петербурга и Смоленска в контексте их жизнестойкости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 77–84. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-77-84.

Введение

Жизнестойкость как совокупность установок, позволяющая субъекту сохранять уверенность в трудных жизненных ситуациях и успешно преодолевать их, по мнению А. Н. Фоминовой [1], рассматривается сегодня как один из важнейших личностных ресурсов, определяющих траектории взросления подростков. Так, важная роль жизнестойкости личности в процессе взросления выявлена в исследовании А. С. Романчук [2], результаты которого позволяют рассматривать жизнестойкость как предпосылку успешного взросления, придающую силы для преодоления неизбежно возникающих трудностей, способствующую формированию уверенной позиции в отношениях с миром, другими людьми и самим собой. Согласно результатам,

полученным К. А. Каленовой [3], жизнестойкость является своеобразным инструментом для разрешения противоречий, сопряженных с взрослением подростка, и способствуют росту самостоятельности, самоконтроля, ответственности за происходящие события – качеств, которые традиционно атрибутируются взрослому человеку.

Отметим, что проблема взросления в психологии чаще всего обсуждается в контексте анализа закономерностей психического онтогенеза, в силу чего в исследованиях взросления в качестве его основных предпосылок зачастую рассматриваются закономерности становления психического потенциала человека в детстве, подростковом, юношеском возрасте и ранней взрослости. Между тем исследования взросления в парадигме культурной антропологии и социологии демонстрируют важность учета социального контекста взросления, в частности социальных представлений о том, каким образом происходит нормативное взросление и каковы его социокультурные маркеры [4; 5]. В социогуманитарных науках сегодня констатируется изменение подхода к изучению процесса взросления. Распространяется тенденция трактовать период взросления как лиминальный период в жизни человека, период «между» детством и взрослостью, неопределенность содержания которого неизбежно приводит к неустойчивости смысловых структур, на основе которых взрослеющий человек проектирует и осуществляет свои действия, строит и воплощает жизненные планы [6].

В психологической науке такая трактовка взросления в наибольшей степени отражена в положениях культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, основанной на понимании взросления как диалектики процессов экстериоризации и интериоризации в пространстве взаимодействия ребенка и взрослого, в котором формируется основополагающий вектор развития личности ребенка – образ взрослости. В русле культурно-исторической концепции рассматриваются феномены, интегрирующие достижения психического и социального развития человека в детстве и подростковом возрасте (чувство взрослости, готовность к взрослости), а также механизмы взросления – построение идеального образа взрослости, попытки реализации этого образа, столкновение с противостоянием социального окружения, рефлексия опыта и построение «уточненного», приближенного к реальности взрослости, что и представляет собой «готовность быть взрослым».

Анализ имеющихся особенностей развития ребенка в онтогенезе дает нам возможность увидеть современные процессы как разрушающие традиционные представления о детстве, детях, условиях взросления и развития. Главные каналы взросления детей, такие как семья и школа, на сегодняшний день «креолизируются» (интенсивно впитывают ценности других культур), и их роль в социализации изменяется и уменьшается. Вместо них все большее влияние приобретают разные формы культуры сверстников (молодежные субкультуры, масс-медиа, Интернет) (по К. Н. Поливановой). В наши дни мы все чаще акцентируем внимание на развитии инфантилизации поколения, трансформации образа взрослости в обществе. Имеющие место изменения в социально-культурной сфере оказывают существенное влияние и на систему образования, и на весь спектр условий возрастного развития детей. Стираются внешние границы между возрастами, ухудшается качественное содержание психического развития растущих детей. Дети и подростки испытывают трудности социализации и риски взросления в условиях ограниченности влияния детских и молодежных просоциальных групп и их замещения деструктивными группами, порождающими вандализм, буллинг, противоправность действий, усиление детской и подростковой преступности. Отмечается рост психических и поведенческих расстройств в детском и подростково-юношеском возрастах.

В психолого-педагогических публикациях сегодня все чаще отмечается, что готовность подростков к взрослению в последние годы неуклонно снижается. «Нежелание взрослеть» отмечается у подростков начиная со второй половины 1990-х гг. [7]. Так, по данным Т. А. Гавриловой и Ф. А. Швец, у подростков в 1989 г. индекс осознаваемого «чувства взрослости» достоверно выше, чем у их ровесников в 2014 г. [8]. Изменение отношения подростков к взрослению зафиксированы и К. Н. Поливановой и А. А. Бочавер, которые на материале сравнения взросления пятиклассников в 1960-х и 2010-х гг. пришли к выводу о том, что достижение взрослости для современного подростка не представляет ценности [9].

Кросскультурные исследования показывают, что данная тенденция в большей степени характерна для экономически развитых стран, в которых условия социализации, в частности уровень жизни, предоставляют ребенку больше возможностей «отложить взросление» [10]. Социокультурная специфика взросления прослеживается и при анализе различий в характеристиках взросления подростков, проживающих в городе и в сельской местности [11], в различных регионах страны [12] и т. д. Однако психологические исследования, посвященные сравнительному анализу взросления в различных социокультурных контекстах, на сегодняшний день носят фрагментарный характер. Исследования отношения подростков к взрослению в связи с их жизнестойкостью в литературе практически не представлены. В этой связи целью нашего исследования стало изучение отношения к взрослению у старших подростков с разным уровнем жизнестойкости, проживающих в разных регионах (на примере Санкт-Петербурга и Смоленска).

Материалы и методы

Выборку составили 263 старших подростка, проживающие в Санкт-Петербурге и Смоленске (таблица 1).

Для изучения отношения к взрослению использовалась Методика изучения самооценки Дембо-Рубинштейн, модифицированная в соответствии с целью исследования, с помощью которой определялась актуальная (АС) и идеальная (ИС) самооценка по параметрам «взрослость», «готовность быть взрослым» и «желание взрослеть». Для оценки жизнестойкости подростков использовалась скрининговая версия Теста жизнестойкости [13]. Характеристики регуляторной, нравственной и рефлексивной сферы оценивались с помощью Шкалы самооценки личностной зрелости [14].

Обработка результатов осуществлялась с помощью пакета статистических программ «Statistica 10.0», применялся расчет описательных статистик, критериев различий (критерий Манна-Уитни), а также корреляционный анализ (коэффициент Спирмена) и факторный анализ (метод главных компонент с varimax-вращением).

Результаты исследования

Согласно полученным данным при одинаковом уровне актуальной и идеальной самооценки взрослости подростки из Смоленска оценивают свое желание взрослеть достоверно выше, чем подростки из Санкт-Петербурга. Для них характерна меньшая разница между актуальными и идеальными оценками готовности к взрослению, что указывает на более реалистичный уровень притязаний в процессе освоения роли взрослого (таблица 2).

Помимо этого, подростки из Санкт-Петербурга демонстрируют более низкие показатели волевой, рефлексивной и особенно нравственной зрелости, а также жизнестойкости, прежде всего по параметрам вовлеченности и контроля, в сравнении с подростками из Смоленска (таблица 3).

Таблица 1. Характеристика выборки
Table.1. Sample description

Город	Количество респондентов, человек			Возраст, лет
	Всего	Девочек	Мальчиков	
Санкт-Петербург (СПб)	150	77	73	14,98±1,18
Смоленск (См)	113	44	69	15,19±1,11

Таблица 2. Сравнительный анализ характеристик отношения к взрослению
Table 2. Comparative analysis of the characteristics of attitudes toward coming-of-age

Параметры	Средние значения в выборках		Z/p<
	СПб	См	
Взрослость (АС)	56,77±22,07	56,30±22,63	–
Желание взрослеть (АС)	49,61±29,18	54,89±26,09	1,97/0,05
Готовность быть взрослым (АС)	55,88±29,32	58,83±25,17	–
Взрослость (ИС)	68,40±25,41	67,66±21,46	–
Готовность быть взрослым (ИС)	73,05±±24,97	72,02±22,74	–

Таблица 3. Сравнительный анализ личностных характеристик
Table 3. Comparative analysis of personal characteristics

Параметры	Средние значения в выборках		Z/p<
	СПб	См	
Волевая зрелость	20,88±3,92	21,16±4,23	–
Нравственная зрелость	13,02±3,38	13,92±3,72	1,99/0,05
Рефлексивная зрелость	18,24±4,60	18,50±4,68	–
Вовлеченность	6,38±3,36	7,22±3,56	1,97/0,05
Контроль	6,63±2,89	7,29±2,79	1,99/0,05
Принятие риска	6,37±2,86	6,56±2,98	–
Жизнестойкость	19,31±8,20	21,29±8,38	2,01/0,05

Результаты корреляционного анализа (рис. 1–2) свидетельствуют о том, что показатели, характеризующие готовность к взрослению, в обеих выборках положительно связаны с показателем волевой зрелости (rs=0,41, p<0,01 для выборки подростков из Смоленска и rs=0,37, p<0,01 для выборки подростков из Санкт-Петербурга соответственно) и, опосредованно, жизнестойкости. Принципиальное различие между структурами корреляционных связей заключается в том, что в выборке подростков-петербуржцев выявлены множественные отрицательные корреляции показателей, характеризующих готовность к взрослению, и волевую зрелость с показателем нравственной зрелости (rs>-0,32, p<0,05), которые не обнаружились при анализе данных, полученных на материале выборки подростков – жителей Смоленска.

С помощью факторного анализа были обнаружены и другие различия во взаимосвязях изучаемых показателей. Так, на материале опроса подростков-петербуржцев (таблица 4) были выделены три фактора с суммарной дисперсией 58,7 %: 1) фактор «жизнестойкость», объединивший все параметры Теста жизнестойкости; 2) фактор «желание взрослеть», в который помимо показателей мотивации к взрослению и актуальной самооценки взрослости вошел параметр «рефлексивная зрелость»; 3) фактор «готовность быть взрослым», в который помимо прочего вошли показатели волевой и нравственной зрелости с отрицательным знаком.

Факторная структура, полученная на материале опроса подростков-жителей Смоленска (таблица 5), описывает 57,8 % суммарной дисперсии и также включает три фактора: 1) фактор «Жизнестойкость», в который, помимо показателей жизнестойкости, вошел параметр «волевая зрелость»; 2) фактор «Желание взрослеть», объединивший показатель мотивации к взрослению только с актуальной и идеальной самооценкой взрослости; 3) фактор «Готовность быть взрослым», включивший в себя в том числе параметр «рефлексивная зрелость».

Обсуждение результатов

На основании результатов проведенного исследования можно утверждать, что подростки – жители Смоленска демонстрируют более позитивное отношение к взрослению и роли взрослого, чем подростки – жители Санкт-Петербурга. При этом, исходя из структуры корреляционных плеяд, можно сделать вывод о том, что процесс взросления для подростков – жителей Санкт-Петербурга является с психологической точки зрения конфликтным. Они понимают, что процесс взросления необратим как в биологическом, так и социальном плане. Вместе с тем для них ситуация взросления не является желательной. В этой связи можно прогнозировать сопротивление взрослению, выражающееся

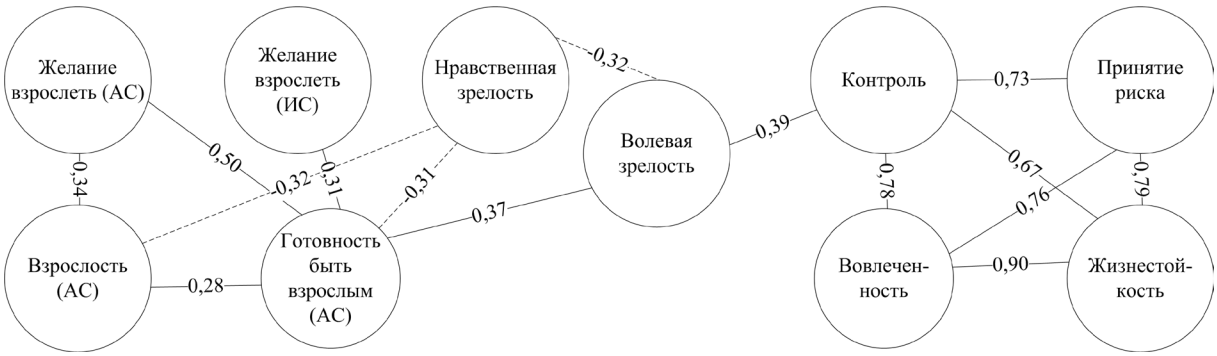


Рис. 1. Взаимосвязи показателей (СПб, p<0,05)
Fig. 1. Interrelations of indicators (Saint-Petersburg, p<0,05)

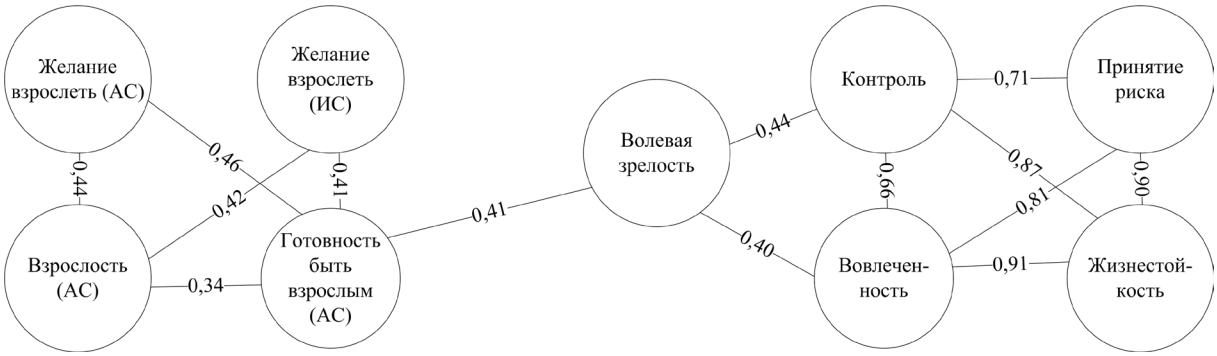


Рис. 2. Взаимосвязи показателей (См, p<0,05)
Fig. 2. Interrelations of indicators (Smolensk, p<0,05)

Таблица 4. Результаты факторного анализа (подростки из Санкт-Петербурга)
Table 4. The results of the factor analysis (teenagers from Saint-Petersburg)

Фактор 1. Жизнестойкость	Фактор 2. Желание взрослеть	Фактор 3. Готовность быть взрослым
0,91 Вовлеченность 0,86 Контроль 0,87 Принятие риска 0,92 Жизнестойкость	0,55 Взрослость АС 0,77 Желание взрослеть АС 0,62 Желание взрослеть ИС 0,49 Рефлексивная зрелость	0,71 Готовность быть взрослым АС 0,79 Волевая зрелость -0,67 Нравственная зрелость
23,9 %	18,1 %	16,7 %

Таблица 5. Результаты факторного анализа (подростки из Смоленска)
Table 5. Results of the factorial analysis (teenagers from Smolensk)

Фактор 1. Жизнестойкость	Фактор 2. Желание взрослеть	Фактор 3. Готовность быть взрослым
0,59 Волевая зрелость 0,88 Вовлеченность 0,87 Контроль 0,92 Принятие риска 0,93 Жизнестойкость	0,55 Взрослость АС 0,81 Взрослость ИС 0,77 Желание взрослеть АС	0,68 Готовность быть взрослым АС 0,67 Рефлексивная зрелость
26,7 %	18,2 %	12,9 %

в инфантильных проявлениях на поведенческом уровне, как это происходит в ряде экономически развитых стран. Многие исследователи гуманитарных направлений научного знания говорят о возросшей ценности детства в мировой культуре, прежде всего западной, что корреспондируется в современное российское общество. Данная социокультурная ситуация не может не сказываться на предпочтении подростками социальной роли ребенка, которая является более ценной и значимой, чем роль взрослого. Подростки – жители Санкт-Петербурга, ассимилировавшие ценностные ориентиры современного общества и считающие себя нравственно зрелыми, не готовы взрослеть и принимать на себя роль взрослого. Кроме социальной значимости, можно предполагать, что роль ребенка привлекает подростков отсутствием обязательств и ответственности, прежде всего в профессиональном и экономическом плане. Косвенно это подтверждается другими исследованиями [15], где студенты вузов идентифицируют себя с детьми, а их работающие сверстники – с взрослыми.

В сравнении с подростками – жителями Санкт-Петербурга подростки – жители Смоленска демонстрируют более согласованное отношение к взрослению, они хотят и готовы взрослеть. Роль взрослого является для них привлекательной предположительно в контексте реализации возможностей и перспектив. В нормативных моделях взросления, описанных в научной литературе, взрослость воспринимается подростком как перспектива самоосуществления во всех аспектах жизнедеятельности. Взросление воспринимается подростком как получение права на самоопределение, свободного выбор своего жизненного пути. Очевидно, что реализация этого права сопряжена с осознанием своего места в жизни, потребностей, склонностей и способностей. В этой связи ведущую роль в этом процессе должно выполнять самосознание, что и показано в нашем исследовании. Самооценка рефлексивной зрелости, т. е. осознанности происходящих личностных изменений, соотносится с готовностью подростка к роли взрослого. Это также доказывает нормативность процесса взросления подростков – жителей Смоленска, поскольку рефлексивность является новообразованием подросткового возраста, что неоднократно отмечалось в различных теориях возрастной психологии.

Исходя из полученных данных мы можем предположить, что в современном обществе существуют по крайней мере две тенденции взросления – внутренне согласованная и внутренне конфликтная. Вероятно, определяющим для отношения к взрослению может являться социокультурный фактор, который включает в себя не только условия жизнедеятельности, статусно-ролевое позиционирование в обществе, но и отношение к ним в мегаполисе и сравнительно небольшом городе. Очевидно, различный социальный уклад способствует трансляции различных социальных моделей взросления. Тенденции к традиционным общественным моделям наблюдаются в небольшом городе, где сильны поколенческие и межличностные социальные связи, что способствует передаче традиционных социальных моделей. В мегаполисе, в свою очередь, в большей степени проявляются признаки префигуративной и «детоцентричной» культуры. Кроме того, в мегаполисе одной из ключевых является проблема безопасности детства,

что ведет к гиперопеке детей и подростков со стороны взрослых и социума в целом. Это противостоит процессу взросления и приводит к снижению жизнестойкости подростков в данном случае.

Данный факт подтверждается и в нашем исследовании, где подростки – жители Санкт-Петербурга оказываются значимо менее жизнестойкими в сравнении с подростками – жителями Смоленска. Единственным показателем жизнестойкости, не имеющим различий по выборкам, является «принятие риска», который в своей психологической сущности индифферентен к взрослости, поскольку не несет в себе составляющей ответственности за последствия рискованных действий. В целом жизнестойкость выступает отдельным фактором в структуре представлений подростков о себе в контексте взросления и связана с параметрами «зрелости» через волевую составляющую, что вполне соответствует пониманию жизнестойкости как личностной характеристики, предполагающей способность к устойчивости по отношению к сложным внутренним и внешним жизненным обстоятельствам и их преодолению, и соотносится с определением воли и волевых качеств личности, принятом в отечественной психологии.

Показано, что в сознании подростков – жителей Санкт-Петербурга их взросление и жизнестойкость – не вполне связанные характеристики. Предположительно, жизнестойкость воспринимается как свойство личности вне ролевого контекста, в первую очередь проявляющееся у зрелого человека в способности влиять на свою жизнь и выбирать свой путь, при этом без возможности получения удовольствия от последствий принятых жизненно важных решений. Таким образом, подростки – жители Санкт-Петербурга не связывают роль взрослого с получением удовольствия от жизни, что объясняет их нежелание взрослеть. Подростки – жители Смоленска связывают жизнестойкость не только с контролем над собственной жизнью, но и с удовольствием от процесса самоосуществления, что подтверждает выдвинутые нами ранее предположения о восприятии ими взрослости как возможности реализации своего потенциала.

Очевидно, характер взаимосвязи жизнестойкости и отношения к взрослению различен в двух выборках, что соотносится с нашим предположением об отличных друг от друга стратегиях взросления. Из полученных результатов довольно сложно сделать вывод о том, является ли жизнестойкость предпосылкой взросления, и вместе с тем можно говорить о том, что нормативная и внутренне согласованная стратегия взросления имеет больше связей с жизнестойкостью, чем внутренне конфликтная стратегия взросления.

Выводы

Таким образом, на основании результатов исследования можно говорить о двух стратегиях взросления: внутренне согласованной (подростки – жители Смоленска) и внутренне конфликтной (подростки – жители Санкт-Петербурга). Ключевым отличием этих двух моделей является отсутствие / наличие у подростков желания взрослеть и восприятие роли взрослого как желательной / нежелательной. Основным внутренним стимулом к принятию роли «взрослого» является представление подростка о возможности получения взрослым удовольствия от жизни и самореализации. В зависимости от стратегии взросления жизнестойкость является ресурсом (для внутренне согласованной стратегии взросления) или личностным условием осуществления контроля над своей жизнью (для внутренне конфликтной стратегии взросления). Гипотеза о социокультурных факторах, влияющих на реализацию той или иной стратегии взросления и отношение к ней у подростков, остается на уровне допущения, и ее доказательство требует дополнительного исследования. Полученные данные будут учтены специалистами социально-психологических служб образовательных организаций в психолого-педагогическом сопровождении старших подростков, развивающихся в разных социокультурных условиях.

Литература

1. Фоминова А. Н. Жизнестойкость личности. М.: Прометей, 2012. 152 с.

2. Романчук А. С. Анализ представлений подростков о взрослении, жизнестойкости и переживании одиночества // Научные тенденции: педагогика и психология: сборник науч. трудов по материалам VIII Междунар. науч. конф. М.: Общественная наука, 2017. С. 37–40.

3. Каленова К. А. Жизнестойкость как одно из важных личностных характеристик в период подросткового кризиса // УРОК.РФ. 16.04.2018. Режим доступа: https://урок.рф/library/zhiznestojkost_kak_odno_iz_vazhnih_lichnostnih_harak_110045.html (дата обращения: 05.08.2018).

4. Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988. 270 с.

5. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.

6. Павленко Е. С. Взросление как процесс формирования идентичности: возможности анализа нарративов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 258–269.

7. Карабанова О. А. Социальное конструирование детства // Образовательная политика. 2010. № 5-6. С. 52–61.

8. Гаврилова Т. А., Швец Ф. А. Самооценка взрослости у школьников 1980-х и 2010-х гг. // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 13–21.

9. Поливанова К. Н., Бочавер А. А., Нисская А. К. Взросление пятиклассников: 1960-е vs 2010-е // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 185–205.

10. Толстых Н. Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4. С. 7–24.

11. Терещенко В. В. Психологическое исследование специфики понимания взросления городскими и сельскими школьниками // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2016. № 3. С. 112–122.

12. Обухов А. С. Мировоззрение подростков провинций России // На пороге взросления / ред. Л. Ф. Обухова, И. А. Корепанова. М.: МГППУ, 2011. С. 147–161.

13. Осин Е. И. Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 42–60.

14. Микляева А. В. Шкала самооценки личностной зрелости: опыт разработки и апробации // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 2-1. С. 52–68. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-2-52-68.

15. Микляева А. В. Психология межвозрастных отношений. М.: Перо, 2014. 159 с.

ATTITUDE TO COMING-OF-AGE IN ADOLESCENTS OF SAINT-PETERSBURG AND SMOLENSK IN CONTEXT OF THEIR RESILIENCY

Svetlana A. Bezgodova [a, ID1]***; Anastasia V. Miklyaeva*** [a, ID2]***; Vladimir V. Tereshchenko*** [b, @, ID3]

[a] *Russian State Pedagogical University A. I. Herzen, 48, Moika River Quay St., St. Petersburg, Russia, 191186*
[b] *Smolensk State University, 4, Przhevalskii St., Smolensk, Russia, 214000*
[@] *terechenko2007@yandex.ru*
[ID1] *https://orcid.org/ 0000-0001-5425-7838*
[ID2] *https://orcid.org/ 0000-0001-8389-2275*
[ID3] *https://orcid.org/0000-0003-4189-3901*

Received 17.08.2018. Accepted 18.09.2018.

Keywords: adolescents, coming-of-age, personal maturity, resiliency, sociocultural conditions.

Abstract: The article features an empirical study of the attitude of adolescents to coming-of-age with various resiliency in St. Petersburg and Smolensk. The research employed a modified version of the Dembo-Rubinshtein self-evaluation methodology. The actual and ideal self-esteem of the teenagers was measured in terms of «adulthood», «willingness to be an adult» and «desire to grow up»; their resilience was assessed with the help of a screening version of the Resiliency. The characteristics of the regulatory, moral and reflexive spheres were assessed according to the Self-Assessment Scale of Personal Maturity. The research demonstrated that adolescents from Smolensk assessed their desire to grow up significantly higher than those from St. Petersburg, while their level of actual and ideal self esteem of adulthood remained the same. The adolescents from St. Petersburg showed lower rates of conative, reflexive and moral maturity, as well as resiliency, primarily in terms of involvement and control. Depending on the strategy of growing up, resiliency is a resource (for an internally coordinated strategy of coming-of-age) or a personal condition for exercising control over one's own life (for an internally conflicting strategy of coming-of-age). The data obtained are used in the psychological and pedagogical accompaniment of adolescents growing up in different sociocultural conditions. There is a tendency to further research on the influence of socio-cultural factors on the implementation of a particular coming-of-age strategy and teenagers' attitude.

For citation: Bezgodova S. A., Miklyaeva A. V., Tereshchenko V. V. Otnoshenie k vzrosleniiu u starshikh podrostkov Sankt-Peterburga i Smolenska v kontekste ikh zhiznestoikosti [Attitude to Coming-of-Age in Adolescents of Saint-Petersburg and Smolensk in Context of their Resiliency]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 77–84. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-77-84.

References

1. Fominova A. N. *Zhiznestoikost' lichnosti* [Resiliency of the Personality]. Moscow: Prometei, 2012, 152.

2. Romanchuk A. S. Analiz predstavlenii podrostkov o vzroslenii, zhiznestoikosti i perezhivanii odinochestva [Analysis of teenagers' views on growing up, vitality and loneliness]. *Nauchnye tendentsii: pedagogika i psikhologiia: sbornik nauch. trudov po materialam VIII Mezhdunar. nauch. konf.* [Scientific trends: pedagogy and psychology: Proc. VIII Intern. Sc. Conf.]. Moscow: Obshchestvennaia nauka, 2017, 37–40.

3. Kalenova K. A. *Zhiznestoikost' kak odno iz vazhnykh lichnostnykh kharakteristik v period podrostkovogo krizisa* [Life-sustainability as one of the important personal characteristics during the teenage crisis]. Available at: https://урок.рф/library/zhiznestojkost_kak_odno_iz_vazhnih_lichnostnih_harak_110045.html (accessed 05.08.2018).

4. Kon I. S. *Rebenok i obshchestvo* [Child and society]. Moscow: Nauka, 1988, 270.

5. Mid M. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Moscow: Nauka, 1988, 429.

6. Pavlenko E. S. Vzroslenie kak protsess formirovaniia identichnosti: vozmozhnosti analiza narrativov [Life trajectory as a process of identity formation: The potential of narrative analysis]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Sotsiologiia = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Sociology*, 16, no. 2 (2016): 258–269.

7. Karabanova O. A. Sotsial′noe konstruirovanie detstva [Social construction of childhood]. *Obrazovatel'naia politika = Educational policy*, no. 5-6 (2010): 52–61.

8. Gavrilova T. A., Shvets F. A. Samootsenka vzroslosti u shkol′nikov 1980-kh i 2010-kh gg. [Self-esteem of adulthood in schoolchildren of the 1980s and 2010s]. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, no. 5 (2015): 13–21.

9. Polivanova K. N., Bochaver A. A., Nisskaya A. K. Vzroslenie piatiklassnikov: 1960-e vs 2010-e [Coming-of-age in 5th graders: 1960s vs 2010s]. *Voprosy obrazovaniia = Education studies*, no. 2 (2017):185–205.

10. Tolstykh N. N. Sovremennoe vzroslenie [Modern maturation]. *Konsul'tativnaia psikhologiia i psikhoterapiia = Counseling Psychology and Psychotherapy*, no. 4 (2015): 7–24.

11. Tereshchenko V. V. Psikhologicheskoe issledovanie spetsifiki ponimaniia vzrosleniia gorodskimi i sel′skimi shkol′nikami [Psychological research of the specific understanding of growing up by urban and rural schoolchildren]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia 4: Pedagogika. Psikhologiia = St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*, no. 3 (2016): 112–122.

12. Obukhov A. S. Mirovozzrenie podrostkov provintsii Rossii [World view of adolescents in Russian provinces]. *Na poroge vzrosleniia* [On the Threshold of Adulthood]. Ed. Obukhova L. F., Korepanova I. A. Moscow: MGPPU, 2011, 147–161.

13. Osin E. I. Faktornaia struktura kratkoi versii Testa zhiznestoikosti [The factor structure of the short version of the Resistance Test]. *Organizatsionnaia psikhologiia = Organizational Psychology*, 3, no. 3 (2013): 42–60.

14. Miklyaeva A. V. Shkala samootsenki lichnostnoi zrelosti: opyt razrabotki i aprobatsii [Scale of self-esteem of personal maturity: experience of development and approbation]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem = Modern research of social problems*, no. 2 (2017): 52–68. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-2-52-68.

15. Miklyaeva A. V. *Psikhologiia mezhvozrastnykh otnoshenii* [Psychology of intergrowth relations]. Moscow: Pero, 2014, 159.

УДК 159.922.8

САМООЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ*

Надежда Ф. Голованова [a, @, ID1]***; Ирина Б. Дерманова*** [a, ID2]

[a] *Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9*
[@] *nf_golovanova@mail.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-5932-0047*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0001-5742-4451*

Поступила в редакцию 22.08.2018. Принята к печати 18.09.2018.

Ключевые слова: самоосуществление, удовлетворённость жизнью, самовыражение, самореализация, самотрансценденция, направленность самоосуществления, мотивы, подросток, взрослый.

Аннотация: Процесс самоосуществления авторы статьи рассматривают как экстериоризацию внутреннего мира личности в масштабе жизни. Описаны способы самоосуществления личности: самовыражение (позиционирование себя), самореализация (реализация своего потенциала) и самотрансценденция (самоотдача), отмечен как конструктивный, так и неконструктивный характер их проявления с учётом направленности по шкале «Я» – «Другой», то есть в интересах собственной личности и в интересах других людей. Эффективность самоосуществления, выраженность вариантов и направленность измерялись с помощью авторской анкеты. Анализируются результаты эмпирического исследования самооценки эффективности самоосуществления у подростков и взрослых и её влияния на психологическое благополучие и эмоциональное состояние личности. Обнаружено, что и у подростков, и у взрослых позитивная оценка самоосуществления связана с выражением психологического благополучия, общей удовлетворённостью жизнью и сопровождается направленностью на другого. Обращено внимание на то, что у подростков переживание удовлетворённостью жизнью, эмоционального и психологического благополучия определяется, прежде всего, позитивной оценкой самореализации, а у взрослых – всех способов самоосуществления.

Для цитирования: Голованова Н. Ф., Дерманова И. Б. Самооценка эффективности самоосуществления как фактор психологического благополучия личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 85–92. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-85-92.

Введение

Исследование вопросов самоосуществления личности приобретает в последние десятилетия актуальное значение. Это связано с тем, что в условиях цифровизации социально-экономической и культурной жизни общества современный человек стоит перед проблемой ценностного осмысления новых жизненных реалий и вынужден серьёзно переоценивать смысл своего существования. Ещё К. Д. Ушинский обращал внимание на то, что человеку свойственны врождённые «стремления быть» (биологические потребности, потребность в безопасности) и «стремления жить» (потребность в сознательной деятельности, в развитии, в совершенствовании). «Оба эти стремления вместе составляют одно общее, всеобнимающее собой стремление *быть* и *жить*. Для тела важно – *быть*, для души же – *жить*» [1, с. 65]. Жить – значит предъявлять окружающим людям себя, свой внутренний мир, осуществлять себя.

Под самоосуществлением (СО) в данной работе будем подразумевать процесс объективации внутренней сущности личности в масштабе жизни [2]. Самоосуществлению предшествует длительная и напряженная внутренняя работа, которая направлена на понимание смысла жизни, т. е. процесс самоопределения. Его продуктом является индивидуальная концепция смысла жизни, которой руководствуется личность при построении жизненного пути. Чем глубже и адекватнее понимание человеком смысла и цели своей жизни, тем успешнее и продуктивнее процесс ее самоосуществления [3]. По сути, самоосуществление – это процесс экстериоризации внутреннего мира человека.

Эффективность самоосуществления оценивается самим человеком, т. е. является его субъективной, внутренней характеристикой. Она существует

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-06-00307.

во «внутренней системе отсчета» человека и, так же как и психологический возраст, не подлежит внешней оценке, т. е. измеряется как интраиндивидуальная переменная, а не путем интериндивидуальных сопоставлений [4, с. 172]. В то же время она в значительной степени зависима от актуальной жизненной ситуации и предыдущей истории развития личности. Оценка эффективности самоосуществления – это процесс, который происходит непрерывно. Но она является и промежуточным итогом жизни на данный момент времени. Если он позитивен, то можно ожидать устойчивого позитивного баланса эмоционального состояния, удовлетворенности жизнью в целом и более высокими показателями психологического благополучия.

Самоосуществление может проявляться различными вариантами, или способами. В частности, анализ литературных источников позволяет выделить по крайней мере три способа самоосуществления: самовыражение (как позиционирование себя), самореализация (реализация себя и своего потенциала) и самотрансценденция (самоотдача).

Самовыражение (СВ) – это способ, которым человек апробирует, или демонстрирует, предъявляет себя в разных сферах (общении, деятельности, искусстве, творчестве и т. п.). Сходными явлениями можно считать самопроявление и самопредъявление. По мнению К. А. Абульхановой-Славской, самовыражение (как активность) имеет разные степени зрелости, разные этапы сформированности: от демонстраций своего Я до адекватного и сущностного выражения [5].

Самореализация (СР) – продуктивное использование, применение, осуществление во внешней деятельности всех своих способностей, потенциалов, качеств, свойств (К. Гольдштейн, А. Маслоу, К. Роджерс, К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, Л. А. Коростылева и др.). Реализация чаще осуществляется с выгодой для себя и других. Но самореализуясь, человек может и не считаться с теми внешними последствиями, к которым этот процесс может привести. Так, например, К. Роджерс, рассуждая о самореализации, принципиально не разграничивает «хорошее» и «плохое» творчество, считая, что один человек может искать способ облегчения боли, а другой – изобретать новые, более изощренные способы пыток политических заключенных, что выводит на эгоцентричную модель личности и ее развития [Цит. по: 6].

Самотрансценденция (СТ) – направленность человеческого бытия на нечто, что не является им самим, на что-то или кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на человека, к которому мы тянемся любовью. Самотрансценденция – выход человека, смыслов его жизни за границы собственного существования, направленность на инобытие – будь то другой человек или дело. В. Франкл использовал термин «самотрансценденция», противопоставляя его содержание самоактуализации. «Подобно счастью, самоактуализация является лишь результатом, следствием осуществления смысла. Лишь в той мере, в какой человеку удается осуществить смысл, который он находит во внешнем мире, он осуществляет и себя. Если он намеревается актуализировать себя вместо осуществления смысла, смысл самоактуализации тут же теряется» [7, с. 59]. Однако исследователи отмечают и возможность деструктивной самотрансценденции, в частности, когда служение детерминировано исключительно чувством долга либо стремлением компенсировать свои проблемы с полным отказом от себя. Личность при этом не совершенствуется, происходит постепенная утрата своего Я, что ведет к саморазрушению. Примером такой неконструктивной самотрансценденции может служить исполнительный тип личности, описанный К. А. Абульхановой-Славской [5].

Таким образом, мы видим, что каждый из способов самоосуществления может иметь как конструктивный, так и неконструктивный характер в зависимости от общей направленности этого процесса, его мотивационной доминанты. Так, самовыражение может быть представлено как зрелой, так и незрелой формой. Самореализация может быть ориентирована исключительно на максимальную реализацию своей сущности (без учета последствий этого процесса) или с учетом своих действий для окружающих. Самотрансценденция как самоотверженное служение, но без учета потребностей собственной личности, может привести к полному отказу от себя и деформировать развитие личности.

Суммируя знаки различных способов самоосуществления, можно описать общую направленность данного процесса, обозначив его точкой на шкале Я – Другой (Дело). Чем ближе к полюсу Я, тем более представлены интересы собственной личности; чем ближе к полюсу Другой (Дело), тем больше доминируют внешние интересы. Первый вектор направленности самоосуществления обозначим как «индивидуалистический» (эгоцентрический); второй – как «самоотверженное служение».

Оценка важности той или иной формы самоосуществления, как и оценка ее эффективности, происходит уже в подростковом возрасте. Это период особенно интенсивной интериоризации ценностных норм социума, поиска ответа на вопрос о смысле жизни и освоения сложных механизмов внутренней регуляции собственного поведения. Подростковое самоосуществление берёт начало в досуговой деятельности, в проявлениях моды, жаргона. Младшее поколение всегда хочет заявить своё отличие от старших, а с помощью аксессуаров попкультуры это сделать легче всего. Но именно в таких, порой эпатажных и дерзких, формах подростки выражают нечто

сущностное, своё личностное своеобразие как значимость и пытаются привлечь внимание взрослых к своим жизненным поискам.

Современные подростки имеют значительно большую свободу индивидуального выбора (школы, досуговых занятий, будущей профессии), чем их родители. Кроме того, в реалиях цифрового общества с глобальным проникновением Интернета во все сферы жизни, с массовым распространением персональных коммуникативных устройств очевидно, что подростковая интерпретация современной жизненной ситуации оказывает влияние на взрослых, на их самоосуществление. Взрослые, пытаясь вписаться в прагматический контекст современного общества, нередко осознают, что находятся во власти привычки к постоянному социальному контролю, что им порой недостаёт опыта «здорового эгоизма», ориентации на свои собственные интересы, что жизнь требует большей активности, креативности, проявления индивидуальности.

Для взрослого разрыв между важностью и оценкой результатов самоосуществления становится в определенные периоды жизни особенно драматичным. Он может способствовать возникновению или обострению кризиса, прорываясь вопросами: Свою ли жизнь я проживаю? Так ли я живу? Удается ли мне моя жизнь? Отрицательный ответ на них может привести к потере самоидентичности, способствует разочарованию в себе и окружающих, вызывает общую неудовлетворенность жизнью.

Целью нашей работы было исследовать влияние собственной оценки эффективности самоосуществления на психологическое благополучие и эмоциональное состояние личности подростков и взрослых.

Гипотеза. Мы предположили, что 1) оценка эффективности самоосуществления тесно связана с удовлетворенностью жизнью, психологическим благополучием личности и устойчивым эмоциональным состоянием; 2) из трех способов самоосуществления наибольшее влияние на исследуемые характеристики оказывает оценка эффективности самореализации (реализации своего потенциала); 3) подростки в сравнении со взрослыми характеризуются более выраженными показателями самовыражения (позиционирования себя) и более выраженной общей направленностью на себя, в то время как у взрослых выше самотрансценденция (направленность на самоотдачу) и направленность на другого.

Выборка. Взрослые – 160 человек, среди них 99 женщин, 61 мужчина; возраст – от 18 до 56 лет; все – жители Санкт-Петербурга. Подростки – 55 человек (28 юношей и 27 девушек), учащиеся санкт-петербургских школ; возраст – от 14 до 17 лет.

Методики

Для измерения направленности на самоосуществление использовалась авторская анкета «Варианты и направленность самоосуществления» [8]. В данной методике испытуемого просили отметить значимость представленных форм поведения в баллах от 1 до 7, где балл 1 означает, что это совсем не важно, а 7 – очень важно, а также насколько им это удается (по той же 7-балльной шкале). После каждого вопроса предлагалось пояснить, почему это для него важно (или не важно), выбрав наиболее подходящую из предложенных объяснительных категорий, в которых фиксировалась направленность данного действия (на себя или на другого). Например, отмечалась важность «быть оригинальным во внешности (одежде, прическе, украшениях, манере поведения и т. д.)» по 7-балльной шкале, и предлагались пояснения к этому («чтобы меня заметили», «потому что это радует других», «утвердить свою индивидуальность», «чтобы нравиться себе»). Все пояснения предварительно были отобраны с помощью контент-анализа из ответов на открытые вопросы в пилотажной группе испытуемых.

Психологическое и эмоциональное благополучие измерялось с помощью методик: «Психологическое благополучие личности» К. Рифф [9], оценка психического состояния [10], Индекс жизненной удовлетворенности Э. Динера[1], «Шкала аффективного баланса» Р. М. Брэдбурна (у подростков) [11] и методика М. Фордис (у взрослых) [12].

Математико-статистический анализ полученных данных осуществлялся с использованием статистического пакета SPSS 23.

Результаты и обсуждение

И у подростков, и у взрослых наибольшая важность признается за самореализацией (что подтверждает нашу вторую гипотезу), важность самовыражения находится на второй позиции, а самотрансценденции – на третьей (таблица 1). Однако по показателю СР обнаруживаются значимые различия, свидетельствующие о том, что взрослые придают СР большую значимость, чем подростки.

С точки зрения оценки результатов СО и подростки, и взрослые считают, что в наибольшей степени им удается СР, но на втором месте у подростков – СТ, а у взрослых – СВ. Стандартные отклонения по оценке важности различных способов СО свидетельствуют о достаточной однородности по этим показателям обеих выборок, в то время как по показателям направленности СО стандартные отклонения довольно

[1] Тест индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ), адаптация Н. В. Паниной. Опросник общего психологического состояния человека. Режим доступа: http://psycabi.net/testy/506-test-indeks-zhiznennoj-udovletvorennosti-izhu-adaptatsiya-n-v-paninoj-oprosnik-obshchego-psikhologicheskogo-sostoyaniya-cheloveka (дата обращения: 27.02.2018).

Таблица 1. Средние, стандартные отклонения и значимость различий по показателям самоосуществления у подростков и взрослых
Table 1. Standard mean deviations and the significance of differences according to the indicators of self-fulfillment in teenagers and adults

	Подростки (55 человек)		Взрослые (160 человек)		p
	M	σ	M	σ	
СВ важно	14,38	3,95	14,08	3,96	–
СР важно	15,16	3,31	16,63	3,14	0,00
СТ важно	13,94	4,22	12,95	3,38	–
СВ удается	13,81	4,01	12,57	4,09	0,05
СР удается	14,54	3,41	13,36	3,65	0,03
СТ удается	14,52	3,99	11,55	3,61	0,00
На себя	7,51	3,41	8,35	3,05	–
На другого	6,18	3,31	6,70	3,03	–

большие, что свидетельствует о большом разбросе оценок в обеих возрастных выборках.

Признание за СТ меньшей важности по сравнению с другими формами СО и у подростков, и у взрослых, возможно, свидетельствует о доминировании в современном обществе установок на индивидуализм и рыночные отношения. А более низкие оценки по параметрам эффективности всех трех вариантов СО у взрослых можно объяснить большей критичностью взрослых в оценке своих достижений.

Ориентация на себя или на другого значимых различий между подростками и взрослыми не обнаружила. И у тех, и у других преобладает направленность на себя. Однако, интересно, что с возрастом у подростков снижается ориентация на другого (r=-0,266 при p=0,05), т. е. разрыв в направленности СО еще больше увеличивается в пользу себя. А у взрослых, наоборот, снижается ориентация на себя (r =-0,239 при p=0,002) и возрастает важность СТ (r=-0,227 при p=0,004), т. е. возрастает значимость другого. У взрослых уменьшается разность между оценкой важности и оценкой эффективности СР, т. е. происходит постепенная выравнивание ее значимости и результативности (r=-0,195 при p=0,014).

Полученные результаты в целом подтверждают наше предположение о том, что подростки более склонны к эгоцентрической позиции, в то время как у взрослых нарастает самоотдача. Но наше ожидание, что подростки придают большую значимость СВ в сравнении со взрослыми, не оправдалось, т. е. взрослым также важно демонстрировать себя, как и подросткам.

Для выяснения места СО в общей структуре показателей психологического и эмоционального благополучия человека проводился факторный анализ по показателям СО и по интегральным показателям психологического благополучия, удовлетворенности и некоторым характеристикам устойчивого эмоционального состояния. У подростков было получено 3 фактора с общей объясненной дисперсией 69,136 %. Первый фактор объединил позитивную оценку различных способов СО с общими показателями психологического благополучия и удовлетворенностью жизнью. Второй фактор включил оценку значимости СО в разных его вариантах с позитивной оценкой эффективности СР и СТ при направленности на другого, но отказе от себя. Общий уровень психологического благополучия – отрицательный. В третий фактор с наибольшим весом вошли показатели важности СВ и направленности на себя. Общий уровень психологического благополучия и уровень удовлетворенности жизнью вошли в него с отрицательными знаками. Т. е. позитивная оценка самоэффективности всех трех способов СО является важным условием психологического благополучия и удовлетворенности жизнью, а признание важности и позитивная оценка эффективности только СВ недостаточна для ощущения благополучия и общей удовлетворенности жизнью у подростков, также как и низкая оценка эффективности СВ и низкая оценка СР (таблица 2).

У взрослых было получено 3 фактора с общей объясненной дисперсией 61,845 %. Первый фактор, как и у подростков, объединил позитивную оценку различных способов СО (их важность и эффективность) с показателями психологического благополучия и удовлетворенности жизнью. Второй фактор объединил признание важности и эффективности СВ, важности СР, неважности и неэффективности СТ с направленностью на себя. Третий фактор объединил низкие показатели психологического благополучия и удовлетворенности с характеристиками значимости СВ, значимости и эффективности СТ, но неэффективной СР и направленностью от себя и на другого (таблица 3).

Таким образом, можно отметить, что и у подростков, и у взрослых позитивная оценка эффективности

Таблица 2. Результаты факторизации показателей самоосуществления, психологического благополучия и удовлетворенности у подростков
Table 2. The results of factorization of the indicators of self-fulfillment, psychological well-being and satisfaction in teenagers

Матрица компонентов			
Шкалы	**Компоненты***		
	1	**2**	**3**
Общий уровень психологического благополучия	0,521	-0,279	-0,525
Общий уровень удовлетворенности	0,688	–	-0,424
СВ важно	0,537	0,639	0,223
СР важно	0,721	0,341	0,287
СТ важно	0,648	-0,320	0,477
СВ удается	0,695	0,337	-0,357
СР удается	0,813	–	-0,220
СТ удается	0,657	-0,513	–
Направленность СО на себя	–	0,812	–
Направленность СО на другого	0,456	–	0,562
Вес фактора	**37,615**	**17,914**	**13,610**

Прим.: * – метод выделения факторов: метод главных компонент.

Таблица 3. Результаты факторизации показателей самоосуществления, психологического благополучия и удовлетворенности у взрослых
Table 3. The results of factorization of the indicators of self-fulfillment, psychological well-being and satisfaction in adults

Шкалы	**Компоненты***		
	1	**2**	**3**
Общий уровень психологического благополучия	0,735	–	-0,485
Общий уровень удовлетворенности	0,617	–	-0,493
СВ важно	0,479	0,622	0,387
СР важно	0,647	0,262	–
СТ важно	0,511	-0,560	0,435
СВ удается	0,622	0,495	–
СР удается	0,711	–	-0,335
СТ удается	0,600	-0,539	0,331
Направленность СО на себя	–	0,486	-0,236
Направленность СО на другого	0,298	–	0,445
Вес фактора	**31,927**	**16,471**	**13,446**

Прим.: * – метод выделения факторов: метод главных компонент.

СО во всех трех его вариантах связана с выраженным психологическим благополучием и общей удовлетворенностью жизнью, в то время как понижение оценки эффективности СО (хотя бы по одному из его вариантов) либо не образует этих связей, либо образует отрицательные. Общее благополучие и позитивная оценка эффективности при этом сопровождается направленностью на другого, а знак направленности в симптомокомплексах с низким уровнем благополучия и низкой оценкой эффективности (хотя бы одного из способов СО) может быть разным, т. е. существенной роли не играет.

У взрослых к тому же обнаруживается, что даже высокая оценка СТ при низкой оценке СР не компенсирует переживание неудовлетворенности жизнью и ощущение психологического неблагополучия.

Углубленное рассмотрение показателей СО в качестве предикторов психологического и эмоционального благополучия оценивалось с помощью регрессионного анализа. По его результатам было обнаружено, что коэффициенты множественной корреляции (КМК) для окончательных моделей статистически достоверны для большинства исследуемых показателей благополучия и у подростков,

и у взрослых (таблицы 4 и 5). Коэффициенты множественной дисперсии (КМД) также достаточно большие, и регрессионные модели у подростков объясняют от 28 % до 87 % дисперсий зависимых переменных (таблица 2), у взрослых – от 10 % до 35 %. Итак, результаты по данным факторам могут быть приняты во внимание.

У взрослых:

− общий уровень психологического благополучия = 41,496 + 1,135 (СР удается) + 0,336 (СВ удается) + 0,321 (СТ удается);

− удовлетворенность жизнью = 10,472 + 0,598 (СР удается);

− психическая активность = 15,626 – 0,168 (СР удается);

Таблица 4. Результаты оценки зависимых переменных от показателей эффективности различных вариантов самоосуществления у подростков

Table 4. The results of the assessment of the dependent variable from the indicators of efficiency for the different variants of self-fulfillment in teenagers

	КМК	КМД	F	P
1. Общий уровень благополучия	0,460	>21 %	4,584	0,007
2. Удовлетворенность	0,696	>48 %	15,945	0,000
3. Психическая активность	0,419	>17 %	3,557	0,021
4. Интерес	0,578	>33 %	8044	0,000
5. Эмоциональный тонус	0,477	>22 %	4,915	0,005
6. Аффективный баланс	0,938	>87 %	4,840	0,074

Таблица 5. Результаты оценки зависимых переменных от показателей эффективности различных вариантов самоосуществления у взрослых

Table 5. The results of the assessment of the dependent variable from the indicators of efficiency for the different variants of self-fulfillment in adults

	КМК	КМД	F	P
1. Общий уровень благополучия	0,582	>33 %	26,569	0,000
2. Удовлетворенность	0,410	>16 %	10,478	0,000
3. Психическая активность	0,226	>15 %	2,796	0,042
4. Интерес	0,370	>13 %	8268	0,000
5. Комфортность	0,341	>11 %	4.164	0,000
6. Время счастья	0,289	>8 %	4,736	0,003
7.Время несчастья	0,345	>11 %	7039	0,000

Уравнения регрессии по этим параметрам свидетельствуют о том, что позитивная оценка СР вносит значимый вклад в общее самочувствие человека. У подростков они имеют следующий вид:

− общий уровень психологического благополучия = 43,261 + 0,728 (СР удается);

− удовлетворенность жизнью = 5,417 + 0,735 (СР удается);

− психическая активность = 20,279 – 0,396 (СР удается);

− интерес = 17,378 – 0,514 (СР удается);

− эмоциональный тонус = 14,345 – 0,462 (СР удается);

− аффективный баланс = 7,668 + 0,432 (СР удается).

Остальные варианты самоосуществления и оценка их эффективности не имеют столь значимого влияния на исследуемые показатели у подростков.

− интерес = 15,685 – 0,235 (СР удается) – 0,125 (СТ удается);

− комфортность = 17.264 – 0,165 (СР удается) – 0,127 (СВ удается) – 0,136 (СТ удается);

− время счастья = 15,525 + 1,151 (СР удается);

− время несчастья = 43,194 – 1,917 (СР удается).

У взрослых же, как мы видим, СР оказывает наибольшее влияние на общее самочувствие человека, но наряду с СР существенное значение имеют и оценки других способов самоосуществления (СВ и СТ). В частности, общий уровень психологического благополучия и комфортность зависят от оценки всех трех вариантов СО.

Заключение

Итак, в исследовании было обнаружено, что в целом оценка эффективности самоосуществления (особенно самореализации), действительно, тесно связана с удовлетворенностью жизнью, психологическим благополучием личности и устойчивым

эмоциональным состоянием. Дополнительно по результатам исследования могут быть сформулированы следующие выводы, отражающие специфику этих связей у взрослых и подростков.

1. Подростки более склонны к эгоцентрической позиции, в то время как у взрослых нарастает самоотдача. Однако наше ожидание, что подростки придают большую значимость СВ в сравнении со взрослыми, не оправдалась, т. е. взрослым также важно демонстрировать себя, как и подросткам.

2. И у подростков, и у взрослых позитивная оценка эффективности СО во всех трех его вариантах связана с выраженным психологическим благополучием и общей удовлетворенностью жизнью и сопровождается направленностью на другого.

3. Снижение оценки эффективности СО (хотя бы по одному из его вариантов) может свидетельствовать об определенном неблагополучии и / или неудовлетворенности жизнью.

4. Знак направленности СО не обнаружил взаимосвязей со сниженными показателями благополучия и удовлетворенности.

5. Ведущий вклад в переживание удовлетворенности, эмоционального и психологического благополучия у подростков вносит позитивная оценка СР, у взрослых важную роль играет оценка и других вариантов СО.

Полученные результаты заставляют более внимательно отнестись к проблеме самоосуществления как взрослых, так и подростков. Они свидетельствуют о том, что процесс самоосуществления личности, независимо от возраста, предполагает наличие значимой для себя и направленной на другого деятельности, а самооценка его эффективности имеет непосредственное отношение к проблеме психоэмоционального благополучия личности.

Литература

1. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. В 6 т. М.: Педагогика, 1990. Т. 6. 528 с.
2. Щукина М. А. Психология саморазвития личности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 348 с.
3. Карпинский К. В. Психология жизненного пути личности. Гродно: ГрГУ, 2002. 167 с.
4. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. 267 с.
5. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
6. Кулюткин Ю. Н., Сухобская Г. С. Личность: внутренний мир и самореализация. Идеи, концепции, взгляды. СПб.: Тускарора, 1996. 175 с.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла М.: Прогресс, 1990. 368 с.
8. Голованова Н. Ф., Дерманова И. Б., Ануфриюк К. Ю. Теоретическое определение и опыт исследования самоосуществления подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52-7. С. 547–555.
9. Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. № 2. С. 82–93.
10. Курганский Н. А., Немчин Т. А. Оценка психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности // Практикум по экспериментальной и прикладной психологии / под ред. А. А. Крылова. Л.: ЛГУ, 1990. С. 44–51.
11. Bradburn N. M. The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine Publishing Company, 1969.
12. Fordyce M. W. A Review of Research on the Happiness Measures: A Sixty Second Index of Happiness and Mental Health // Social Indicators Research. 1988. Vol. 20. Iss. 4. P. 355–381.

THE SELF-ASSESSMENT OF SELF-FULFILLMENT EFFICIENCY AS A FACTOR OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING*

Nadezhda F. Golovanova [a, @, ID1]***; Irina B. Dermanova*** [a, ID2]

[a] *Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034*
[@] *nf_golovanova@mail.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-5932-0047*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0001-5742-4451*

Received 22.08.2018. Accepted 18.09.2018.

* The research was supported by the Russian Humanitarian Science Foundation, grant No. 16-06-00307.

Keywords: self-fulfillment, life satisfaction, self-expression, self-realization, self-transcendence, self-fulfillment directivity, motives, a teenager, an adult.

Abstract: The authors consider the process of self-fulfillment as an exteriorization of one's inner world on a life scale. The research features the following ways of self-fulfillment: self-expression (positioning oneself), self-realization (the realization of one's potential) and self-transcendence (commitment). The authors describe their constructive and non-constructive character, taking into consideration the "Oneself – the Other" axis, i.e. in the interest of one's personality, as well as for the sake of other people. The efficiency of the self-fulfillment, the manifestation of the variants and the directivity were measured by means of the authors' questionnaire. The authors conducted an empirical research of the self-assessment of self-fulfillment among teenagers and adults and its influence on the psychological well-being and emotional state. It was discovered that both the adults and the teenagers had a positive assessment of the self-fulfillment related with the expression of psychological well-being and general life satisfaction and was accompanied by the axis towards "the Other". The authors point out that life satisfaction, emotional and psychological well-being in teenagers was connected with a positive assessment of self-realization, while in the adults it was predetermined by all the ways of the self-fulfillment.

For citation: Golovanova N. F., Dermanova I. B. Samootsenka effektivnosti samoosushchestvleniia kak faktor psikhologicheskogo blagopoluchiia lichnosti [The Self-Assessment of Self-Fulfillment Efficiency as a Factor of Psychological Well-Being]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 85–92. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-85-92.

References

1. Ushinsky K. D. *Pedagogicheskie sochineniia* [The Pedagogical Works]. Moscow: Pedagogika, vol. 6 (1990): 528.

2. Shchukina M. A. *Psikhologiia samorazvitiia lichnosti* [The psychology of a person's self-development]. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2015, 348.

3. Karpinskii K. V. *Psikhologiia zhiznennogo puti lichnosti* [The psychology of a personality life path]. Grodno: GrGU, 2002, 167.

4. Golovakha E. I., Kronik A. A. *Psikhologicheskoe vremia lichnosti* [A personality's psychological time]. Moscow: Smysl, 2008, 267.

5. Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Strategiia zhizni* [The strategy of life]. Moscow: Mysl', 1991, 299.

6. Kulyutkin Yu. N., Sukhobskaya G. S. *Lichnost': vnutrennii mir i samorealizatsiia. Idei, kontseptsii, vzgliady* [A personality's inner world and self-realization. Ideas, concept, views]. Saint-Petersburg: Tuskarora, 1996, 175.

7. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for meaning]. Moscow: Progress, 1990, 368.

8. Golovanova N. F., Dermanova I. B., Anufriyuk K. Yu. Teoreticheskoe opredelenie i opyt issledovaniia samoosushchestvleniia podrostkov [Theoretical definition and research experience of the self-fulfillment of the adolescent]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia = The problems of the contemporary education*, no. 52-7 (2016): 547–555.

9. Zhukovskaya L.V.,Troshikhina E.G., Shkala psikhologicheskogo blagopoluchiya K. Riff [K. Ryff's scale of psychological well-being]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, no. 2 (2011): 82–93.

10. Kurganskii N. A., Nemchin T. A. Otsenka psikhicheskoi aktivatsii, interesa, emotsional'nogo tonusa, napryazheniia i komfortnosti [An assessment of psychological activation, emotional tonus, tension and comfort]. *Praktikum po eksperimental'noi i prikladnoi psikhologii* [A workshop on the experimental and applied psychology]. Ed. Krylov A. A. Leningrad: LGU, 1990, 44-51.

11. Bradburn N. M. *The structure of psychological well-being*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1969.

12. Fordyce M. W. A Review of Research on the Happiness Measures: A Sixty Second Index of Happiness and Mental Health. *Social Indicators Research*, 20, Iss. 4 (1988): 355–381.

УДК 159.91+316.6+378

ДИНАМИКА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СТУДЕНТОВ ВУЗА РАЗНЫХ ПРОФИЛЕЙ ОБУЧЕНИЯ

Владимир М. Климов [a, b, @, ID1]***; Нина И. Айзман*** [a, ID2]

[a] *Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28*
[b] *Новосибирский государственный технический университет, 630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20*
[@] *klvl77@yandex.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-2941-064X*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0002-4613-7753*

Поступила в редакцию 02.07.2018. Принята к печати 15.08.2018.

Ключевые слова:
студенты, психофизиологический статус, социально-психологические качества, гуманитарный профиль, технический профиль.

Аннотация: В статье представлена оценка психофизиологического статуса и социально-психологические характеристики студентов гуманитарного и технического профилей в динамике обучения на бакалавриате. В лонгитюдном исследовании приняли участие девушки и юноши разных специальностей технического университета гуманитарных и технических факультетов. Анализ нейродинамических, когнитивных и психодинамических показателей проводился с использованием методик оценки различных видов памяти (механическая, смысловая, образная), уровня концентрации внимания, продуктивности умственной работоспособности, скорости сенсомоторной реакции на световой раздражитель, подвижности нервных процессов, а также с помощью тестов «Оценка социально-психологической адаптации» (по А. К. Осницкому), «Оценка уровня реактивной и личностной тревожности» (по Ч. Д. Спилбергеру, Ю. Л. Ханину), «Определение уровня стрессоустойчивости», «Оценка темперамента» (по Г. Айзенку). В результате исследований обнаружено, что в процессе обучения в вузе по разным профилям обучения у студентов, как юношей, так и девушек, происходят некоторые психофизиологические и социально-психологические изменения, что обусловлено, с одной стороны, личностными особенностями уже при выборе профиля обучения, а с другой – влиянием характера обучения на их дальнейшее развитие.

Для цитирования: Климов В. М., Айзман Н. И. Динамика психофизиологических и социально-психологических характеристик студентов вуза разных профилей обучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 93–101. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-93-101.

Введение

Выбор профиля обучения выпускниками школ основывается на индивидуально-типологических особенностях, интересе, семейных традициях, перспективах дальнейшей профессии и т. д. [1–4]. Однако уже в процессе обучения в вузе начинает проявляться склонность к тем или иным видам деятельности и, соответственно, интерес к определенным дисциплинам. Поэтому влияние профиля обучения более отчетливо можно увидеть на старших курсах по сравнению с первыми годами обучения. Для благополучного овладения гуманитарными профессиями в высшем учебном заведении студенты должны обладать выраженным вербальным типом интеллекта, уметь точно сопоставлять конкретные и абстрактные понятия и иметь высокоразвитое абстрактное мышление. Выпускники школ, поступающие на технические специальности, должны обладать высокоразвитым логическим и абстрактным мышлением, логичностью суждений и высокой степенью концентрации внимания [5; 6]. Поэтому эффективность приспособительной деятельности и успешность образования при обучении по выбранному профилю во многом зависит от психофизиологического потенциала студента, составляющего основу интеллекта [7]. В свою очередь, образовательное пространство высшего учебного заведения, особенно профиль обучения, может оказывать существенное влияние на психофункциональное состояние и на развитие личности студентов [8; 9]. Разная учебная деятельность предъявляет особые требования к умственной работоспособности, функциональным возможностям организма, когнитивным процессам, в результате чего у обучающихся развиваются отдельные необходимые психофизиологические и психические

процессы в соответствии с врожденными качествами и возрастным периодом развития [6; 10; 11].

Данные исследований о влиянии различных видов учебной деятельности студентов на развитие свойств нервной системы в научной литературе представлены немногочисленными работами [12–16]. Поэтому актуальным становится изучение особенностей нейродинамических процессов, лежащих в основе психофизиологических функций, у студентов различных специальностей и их влияние на психофункциональное развитие.

Цель работы – оценить нейродинамические и психодинамические качества студентов 1–4 курсов вуза разного пола в зависимости от профиля обучения.

Методы исследования

Лонгитюдное исследование проводилось в 2014–2017 гг. уа базе Новосибирского государственного технического университета. Всего в обследовании приняли участие студенты гуманитарного (77 девушек, 73 юноши) и технического (76 девушек, 85 юношей) профилей обучения.

Анализ показателей психофизиологического статуса и психодинамических характеристик студентов проводили с помощью компьютерных программ [17], содержащих общеизвестные методики, позволяющие оценить различные виды памяти (механическую, смысловую, образную), уровень концентрации внимания (по таблицам Шульте), умственную работоспособность (по корректурным таблицам В. Я Анфимова), скорость сенсомоторной реакции на световой раздражитель, подвижность и уравновешенность нервных процессов (по методике определения реакции на движущийся объект (РДО)); а также тесты «Оценка социально-психологической адаптации» (по А. К. Осницкому), «Оценка уровня реактивной и личностной тревожности» (по Ч. Д. Спилбергеру, Ю. Л. Ханину), «Определение уровня стрессоустойчивости», «Оценка темперамента» (по Айзенку).

Интегральный уровень психофункционального состояния определяли по среднему значению 5-балльной оценки всех выполненных тестов (механическая память, смысловая память, образная память, простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР), концентрация внимания, РДО).

Результаты исследования обрабатывали методами математической статистики (t-критерий Стьюдента) с помощью пакета программ Statistica 6.0, результаты считали достоверными при $p<0,05$.

Результаты и обсуждение

Сравнительный анализ нейродинамических процессов у студентов гуманитарного и технического профилей обучения показал как сходство, так и различия по отдельным показателям. Подвижность нервных процессов у девушек и юношей разных специальностей не различалась в процессе всего обучения (таблица 1). По показателю простой зрительно-моторной реакции юноши технического профиля показали достоверное улучшение к четвертому курсу, а девушки технического профиля на протяжении обучения по скорости реакции были более стабильны, но при этом незначительно превосходили сокурсниц гуманитарного направления. Полученные данные совпадают с исследованиями Н. А. Ходак [6].

Изучение подвижности нервных процессов по РДО показало, что у студентов разных профилей обучения различий не выявлено. При этом независимо от пола и специализации обучения у студентов в среднем по группе на третьем и четвертом курсах баланс нервных процессов улучшался, особенно у юношей, что может быть обусловлено онтогенетическим созреванием организма.

Когнитивные функции памяти и внимания тесным образом связаны с процессом обучения. Студенты технического профиля обучения обоего пола незначительно превосходили гуманитариев по уровню механической памяти (МП) (таблица 2), к тому же во всех выборках абсолютные значения МП были ниже показателей смысловой и образной памяти, что обусловлено снижением роли механического запоминания в юношеском возрасте при обучении как менее продуктивного [7; 18].

Таблица 1. Оценка психофизиологических показателей у юношей и девушек, M±m
Table 1. Assessment of psycho-physiological parameters in male and female students, M±m

Показатели	Период	Юноши		Девушки	
		Гуманитарный профиль	Технический профиль	Гуманитарный профиль	Технический профиль
Коэффициент подвижности нервных процессов, у. е.	1 курс	1,82±0,02	1,77±0,02	1,80±0,03	1,77±0,01
	2 курс	1,78±0,03	1,76±0,02	1,76±0,02	1,74 ±0,02
	3 курс	1,89±0,09	1,79±0,04	1,76±0,04	1,82±0,08
	4 курс	1,77±0,04	1,77±0,03	1,77±0,03	1,78±0,05

Показатели		Период	Юноши		Девушки	
			Гуманитарный профиль	Технический профиль	Гуманитарный профиль	Технический профиль
ПЗМР, мс		1 курс	182,4±3,6	192,0±3,8	205,8±5,0	196,9±3,5
		2 курс	185,2±3,2	187,3±3,0	204,4±5,3	188,0±3,2•
		3 курс	183,5±3,6	184,1±3,7	201,2±5,1	193,9±3,9
		4 курс	175,5±3,1	180,0±3,4*	198,5±3,2	194,1±4,4
РДО	время опережений, мс	1 курс	448±57	417±43	637±5 5	491±56
		2 курс	431±53	391±45	559±58	512±55
		3 курс	287±44*	227±22*	411±61*	276±46*
		4 курс	256±34*	293±34*	434±52*	395±59
	время запаздываний, мс	1 курс	188±19	276,5±31,8•	263,4±26,6	281±24
		2 курс	193±21	212,2±16,2	273,1±21,8	249±21
		3 курс	155±11	192,4±13,3*•	285,8±20,7	249±24
		4 курс	194±21	180,2±11,8*	275,2±21,0	271±24
	сумма опережений и запаздываний, мс	1 курс	636±60	684±52	900±57	772±58
		2 курс	625±57	604±46	832±62	762±60
		3 курс	433±46*	419±25*	696±60*	525±53*•
		4 курс	451±37*	474±34*	709±54*	707±58

Прим.: * – достоверные различия между студентами 1 курса и студентами остальных курсов ($p<0,05$); • – достоверные различия между студентами одного курса разных профилей обучения ($p<0,05$).

Таблица 2. Оценка когнитивных показателей у юношей и девушек, M±m
Table 2. Assessment of cognitive parameters in male and female students, M±m

Показатели	Период	Юноши		Девушки	
		Гуманитарный профиль	Технический профиль	Гуманитарный профиль	Технический профиль
Механическая память, баллы	1 курс	4,33±0,20	4,61±0,19	3,97±0,22	4,23±0,22
	2 курс	4,49±0,25	4,52±0,20	4,14±0,18	4,44±0,19
	3 курс	4,24±0,29	4,82±0,22	4,20±0,21	4,54±0,26
	4 курс	4,32±0,27	4,85±0,19	4,34±0,24	4,45±0,24
Смысловая память, баллы	1 курс	6,78±0,26	7,82±0,22•	7,92±0,22	8,09±0,22
	2 курс	7,03±0,29	7,75±0,22•	7,69±0,23	8,02±0,21
	3 курс	7,79±0,26*	7,57±0,21	7,69±0,28	8,05±0,24
	4 курс	7,77±0,26*	7,48±0,22	8,19±0,22	8,10±0,22
Образная память, баллы	1 курс	8,53±0,15	8,49±0,18	8,33±0,17	8,45±0,19
	2 курс	8,83±0,08	8,68±0,14	8,23±0,21	8,27±0,22
	3 курс	8,78±0,09	8,68±0,16	8,19±0,21	8,64±0,18
	4 курс	8,68±0,14	8,90±0,17	8,29±0,21	8,44±0,21
Концентрация внимания, с	1 курс	53,75±2,4	54,0±2,4	55,4±1,9	54,2±2,3
	2 курс	54,62±2,0	49,3±1,7•	62,6±2,7	55,0±3,0
	3 курс	52,67±2,4	50,4±2,4	57,1±3,1	48,7±2,1•
	4 курс	56,09±2,3	49,9±2,0•	58,7±2,8	55,5±3,5

Показатели	Период	Юноши		Девушки	
		Гуманитарный профиль	Технический профиль	Гуманитарный профиль	Технический профиль
Коэффициент продуктивности умственной работоспособности, у. е.	1 курс	0,52±0,02	0,53±0,01	0,47±0,01	0,50±0,01•
	2 курс	0,52±0,01	0,53±0,01	0,49±0,01	0,50±0,01
	3 курс	0,54±0,02	0,56±0,01	0,52±0,01	0,54±0,01
	4 курс	0,53±0,02	0,54±0,01	0,49±0,01	0,47±0,01

Прим.: * – достоверные различия между студентами 1 курса и студентами остальных курсов ($p<0,05$); • – достоверные различия между студентами одного курса разных профилей обучения ($p<0,05$).

По уровню смысловой памяти (СМ) студенты разных специальностей значимых различий не имели, однако на первых курсах студенты технического профиля имели тенденцию или даже достоверно более высокие значения, тогда как в процессе обучения у юношей гуманитарного профиля СМ значительно улучшалась на старших курсах, что можно объяснить спецификой гуманитарного образовательного процесса [19]. Так, материал по предметам гуманитарного профиля вызывает необходимость усвоения студентами научных понятий, требующих выявления взаимосвязей и причинно-следственных зависимостей разных явлений действительности, обобщая их в соответствующие вербальные заключения [20; 21].

По уровню образной памяти (ОП) различий у студентов разного профиля обучения не обнаружено. Показатель ОП, как и смысловой, соответствовал высокому уровню, что, вероятно, объясняется большой ролью зрительно-образного восприятия в процессе учебной деятельности (восприятие геометрических фигур, графиков у студентов технического профиля, использование образной формы репрезентации при вербальном воспроизведении текстов у студентов гуманитарного профиля) [22].

Студенты технического профиля обучения, как юноши, так и девушки, выделялись в динамике обучения лучшими показателями концентрации внимания, по сравнению со студентами гуманитарного профиля. Можно предполагать, что это связано с использованием ими большого объема цифровой информации в процессе учебной деятельности [23].

Сравнительный анализ умственной работоспособности не выявил существенных различий между студентами технического и гуманитарного профилей.

По типу темперамента среди студентов гуманитарного профиля обоего пола преобладали сангвиники, а среди студентов технического профиля – флегматики (таблица 3). Возможно, рожденный тип нервной деятельности, определяющий темперамент личности, играет определенную роль в выборе профиля деятельности.

Таблица 3. Распределение студентов разных профилей обучения по типу темперамента, %
Table 3. Distribution of students of various specialties according to temperament type, %

Тип темперамента	Юноши			Девушки		
	Гуманитарный профиль	Технический профиль	P*	Гуманитарный профиль	Технический профиль	P*
Холерик	26	28	p>0,05	20	24	p>0,05
Сангвиник	28	17	p<0,01	39	26	p<0,01
Флегматик	27	35	p<0,01	14	24	p<0,01
Меланхолик	20	20	p=0	27	26	p>0,05

Прим.: * – достоверность различий по Фишеру.

По полученным данным о состоянии нейродинамических и когнитивных особенностей мы сопоставили общий уровень психофизиологического статуса бакалавров разных специальностей (таблица 4). Юноши и девушки технического направления в динамике обучения превосходили по интегральному уровню психофизиологического состояния своих сокурсников гуманитарного направления.

Такие особенности студентов технического профиля, по-видимому, объясняются углубленными занятиями точными науками, связанными с математическими вычислениями, предъявляющими повышенные требования к концентрации внимания и работоспособности клеток головного мозга [24].

Таблица 4. Интегральная оценка психофизиологических показателей у юношей и девушек, M±m
Table 4. Integrated assessment of psycho-physiological parameters in male and female students, M±m

Показатели	Период	Юноши		Девушки	
		Гуманитарный профиль	Технический профиль	Гуманитарный профиль	Технический профиль
Интегральный уровень, баллы	1 курс	3,70±0,06	3,65±0,06	3,50±0,05	3,63±0,03•
	2 курс	3,64±0,06	3,81±0,05*•	3,43±0,07	3,75±0,07•
	3 курс	3,89±0,06*	3,97±0,05*	3,61±0,07	3,89±0,07*•
	4 курс	3,82±0,07	4,03±0,06*•	3,66±0,07	3,79±0,08

Прим.: * – достоверные различия между студентами 1 курса и студентами остальных курсов ($p<0,05$); • – достоверные различия между студентами одного курса разных профилей обучения ($p<0,05$).

Выявленные различия в особенностях психофизиологического статуса студентов технического направления по сравнению со студентами гуманитарного профиля предопределили дальнейшее сравнение психоэмоциональных состояний и адаптивности этих студентов в динамике обучения.

Достоверных различий между студентами разных профилей обучения на всех курсах бакалавриата по показателям тревожности и стрессоустойчивости не выявлено. Также не было обнаружено различий психического состояния в оценке фрустрации, агрессивности и ригидности. Однако юноши гуманитарного профиля ко 2 курсу в отличие от первокурсников имели более высокий уровень тревожности, что, вероятно, связано со сложностью программ и повышением требований к объему изучаемого материала (таблица 5). На 3 курсе заметно выделялись юноши технического профиля повышением тревожности. Эти изменения, скорее всего, объясняются введением большого количества специальных технических предметов в учебный процесс. Девушки обоих направлений образования в процессе обучения были более стабильны по данным показателям психоэмоционального состояния. Это постоянство можно объяснить психофизиологическими и гендерными особенностями развития девушек, которые к моменту поступления в вуз уже практически завершают свое половое, физическое и психическое развитие [25].

Выявленные изменения психоэмоционального состояния повлияли на процессы адаптации студентов в динамике обучения на бакалавриате (таблица 6). У юношей в соответствии с повышением тревожности на разных курсах ухудшался уровень адаптации: у студентов гуманитарного профиля – на втором, у студентов технического профиля – на третьем. У девушек адаптивность не изменялась на протяжении всего обучения. Следует отметить, что все изменения нивелировались к четвертому курсу.

Таблица 5. Оценка психических состояний (по Г. Айзенку) студентов разных профилей обучения, M±m
Table 5. Assessment of mental status (according to G. Eysenck) of students of various specialties, M±m

Показатели	Период	Юноши		Девушки	
		Гуманитарный профиль	Технический профиль	Гуманитарный профиль	Технический профиль
Реактивная тревожность, баллы	1 курс	20,2±1,2	21,0±1,0	27,3±1,3	25,1±1,5
	2 курс	23,9±1,5*	21,8±1,0	26,2±1,1	25,4±1,3
	3 курс	21,6±1,4	24,3±1,0*	25,8±1,2	24,4±1,3
	4 курс	21,9±1,1	22,2±1,0	26,5±1,2	25,8±1,3
Личностная тревожность, баллы	1 курс	33,8±1,3	35,1±1,1	44,0±1,3	40,6±1,2
	2 курс	37,0±1,4	34,6±0,9	44,2±1,2	42,1±1,1
	3 курс	35,4±1,2	38,1±1,0*	44,9±1,1	41,9±1,2
	4 курс	36,3±1,0	36,2±1,1	41,9±1,0	43,6±1,3

Показатели	Период	Юноши		Девушки	
		Гуманитарный профиль	Технический профиль	Гуманитарный профиль	Технический профиль
Интегральный уровень тревожности, баллы	1 курс	1,97±0,12	1,96±0,11	2,75±0,12	2,49±0,12
	2 курс	2,24±0,14	1,96±0,10	2,65±0,10	2,56±0,12
	3 курс	2,00±0,14	2,26±0,10*	2,75±0,10	2,48±0,11
	4 курс	2,00±0,13	2,10±0,11	2,64±0,10	2,58±0,11
Стрессоустойчивость, баллы	1 курс	37,5±0,9	38,3±1,1	41,5±1,0	39,6±1,0
	2 курс	39,6±1,3	36,6±0,9	42,7±1,1	42,3±1,0
	3 курс	38,5±1,2	40,1±0,9	43,6±1,1	41,4±0,8
	4 курс	40,3±1,4	38,5±0,8	41,4±0,8	41,2±1,0

Прим.: * – достоверные различия между студентами 1 курса и студентами остальных курсов ($p<0,05$); • – достоверные различия между студентами одного курса разных профилей обучения ($p<0,05$).

Таблица 6. Оценка социально-психологической адаптации (по А. К. Осницкому) студентов разного профиля обучения, M±m

Table 6. Evaluation of socio-psychological adaptation (according to A. K. Osnitsky) of students of various specialties, M±m

Показатели	Период	Юноши		Девушки	
		Гуманитарный профиль	Технический профиль	Гуманитарный профиль	Технический профиль
Уровень адаптации, баллы	1 курс	4,02±0,07	3,95±0,07	3,70±0,09	3,72±0,09
	2 курс	3,78±0,08*	3,86±0,07	3,65±0,08	3,67±0,07
	3 курс	3,88±0,09	3,64±0,07*•	3,63±0,09	3,68±0,08
	4 курс	3,89±0,09	3,81±0,08	3,73±0,08	3,66±0,08

Прим.: * – достоверные различия между студентами 1 курса и студентами остальных курсов ($p<0,05$); • – достоверные различия между студентами одного курса разных профилей обучения ($p<0,05$).

Таким образом, в процессе обучения на бакалавриате по разному профилю обучения у студентов выявляются различия на уровне целого ряда психофизиологических и социально-психологических качеств, что может быть обусловлено, с одной стороны, личностными особенностями уже при выборе профиля обучения, а с другой – влиянием характера обучения на их дальнейшее развитие.

Литература

1. Разумникова О. М. Связь интеллекта и личностных черт с креативностью студентов математиков и гуманитариев // Психологический журнал. 2016. № 1. С. 69–78.

2. Карушева А. В., Урутина Т. М., Агеева Л. Г. Взаимодействие родителей со старшеклассниками в период выбора профессии // Молодой ученый. 2015. № 24. С. 1077–1081.

3. Farsides T., Woodfield R. Individual differences and undergraduate academic success: the roles of personality, intelligence, and application // Personality and Individual Differences. 2003. Vol. 34. № 7. P. 1225–1243.

4. Leeson P., Ciarrochi J., Heaven P. Cognitive ability, personality and academic performance in adolescence // Personality and Individual Differences. 2008. Vol. 45. № 7. P. 630–635.

5. Седова Е. А. Исследование ответственности девушек и юношей – студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 5. С. 280–289.

6. Ходак Н. А. Гендерные особенности психофизиологических функций студентов технических и гуманитарных специальностей: дис. … канд. биол. наук. Челябинск, 2010. 149 с.

7. Казин Э. М., Блинова Н. Г., Лесникова С. Л., Васина Е. В., Кошко Н. Н., Варич Л. А. Психофизиологические особенности студентов первого курса разных факультетов КемГУ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2009. № 4. С. 14–17.

8. Гапонова С. А. Функциональные психические состояния студентов в образовательном пространстве вуза: динамика, детерминанты, оптимизация: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Н. Новгород, 2005. 51 с.

9. Кирсанов В. М. Интегративный подход к оценке типологических особенностей студентов с различной учебно-профессиональной направленностью: дис. … д-ра биол. наук. Челябинск, 2015. 319 с.

10. Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. М.: Прогресс, 1993. 320 с.

11. Смирнов В. М. Нейрофизиология и высшая нервная деятельность детей и подростков. М.: Академия, 2000. 400 с.

12. Шведов Д. Н. Ранние признаки психофизиологических нарушений у студентов-бакалавров в процессе учебной деятельности: дис. … канд. биол. наук. Орел, 2015. 159 с.

13. Аверьянова Н. В. Особенности психофизиологической адаптации студентов в зависимости от профиля обучения в школе: дис. … канд. биол. наук. Кемерово, 2016. 132 с.

14. Brandão M. P., Pimentel F. L., Cardoso M. F. Impact of academic exposure on health status of university students // Revista de Saude Publica. 2011. Vol. 45. № 1. P. 49–58.

15. Clinciu A. I. Adaptation and Stress for the First Year University Students // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. № 78. P. 718–722.

16. Глебов В. В., Аракелов Г. Г. Психофизиологические особенности и процессы адаптации студентов первого курса разных факультетов РУДН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2014. № 2. С. 89–95.

17. Лебедев А. В., Айзман Р. И., Рубанович В. Б., Айзман Н. И. Программа комплексной оценки здоровья и развития студентов высших и средних учебных заведений. Новосибирск: НГПУ, 2013.

18. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 339 с.

19. Онтогенез. Адаптация. Здоровье. Образование. Книга II. Психолого-физиологические и социально-педагогические подходы к формированию здоровьесберегающей среды в основной и средней школе / под ред. Э. М. Казина. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2011. 695 с.

20. Кабардов М. К. Роль индивидуальных различий в успешности овладения иностранным языком: автореф. дис. канд. ... биол. наук. М., 1983. 20 с.

21. Филатов В. М., Филатова Г. Е. Теория и практика раннего обучения иностранным языкам: для пед. колледжей. Ростов н/Д: Anion, 1999. 383 с.

22. Изюмова С. А. Природа мнемических способностей и дифференциация обучения. М.: Наука, 1995. 383 с.

23. Макарова Л. Н., Шаршов И. А., Гапонова Т. К. Компьютерная культура будущих специалистов в контексте их личностного развития // Педагогическая информатика. 2003. № 3. С. 17–23.

24. Гусева Е. П., Левочкина И. А., Сапожников В. В. Некоторые психологические и психофизиологические черты математически одаренных подростков // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 1989. № 2. С. 23–26.

25. Габдреева Г. Ш. Гендерные различия адаптивности личности // Филология и культура. 2016. № 1. С. 338–347.

DYNAMICS OF PSYCHO-PHYSIOLOGICAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF UNIVERSITY STUDENTS OF DIFFERENT SPECIALTIES

Vladimir M. Klimov [a, b, @, ID1]***; Nina I. Aizman*** [a, ID2]

[a] *Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuyskaya St., Novosibirsk, Russia, 630126*
[b] *Novosibirsk State Technical University, 20, K. Marx Ave., Novosibirsk, Russia, 630073*
[@] *klvl77@yandex.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-2941-064X*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0002-4613-7753*

Received 02.07.2018. Accepted 15.08.2018.

Keywords: students, psychophysiological status, socio-psychological qualities,

Abstract: The study evaluates the psycho-physiological status and socio-psychological characteristics of humanitarian and technical students working for their bachelor's degree. The longitudinal study featured male and female students of technical university majoring in various humanitarian and technical sciences. In their analysis of neurodynamic, cognitive and psychodynamic parameters, the

humanitarian speciality, technical speciality.

authors assessed mechanical, semantic and image types of memory, mental alertness, mental performance efficiency, speed of sensomotor reaction to photic stimulus, and nervous processes. They used A. K. Osnitsky's Method of Evaluation of Social and Psychological Adaptation, Ch. D. Spielberger and Yu. L. Khanin's Assessment Method of Reactive and Personal Anxiety Level and H. Eysenck's tests on stress resistance and temperament assessment. The study revealed that both male and female students of different specialties underwent certain psycho-physiological and socio-psychological changes resulting from their adherent personal characteristics and from the influence of the specialty.

For citation: Klimov V. M., Aizman N. I. Dinamika psikhofiziologicheskikh i sotsial′no-psikhologicheskikh kharakteristik studentov vuza raznykh profilei obucheniia [Dynamics of Psycho-Physiological and Socio-Psychological Characteristics of University Students of Different Specialties]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 93–101. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-93-101.

References

1. Razumnikova O. M. Sviaz' intellekta i lichnostnykh chert s kreativnost'iu studentov matematikov i gumanitariev [Relationship between intelligence, personality traits and creativity in mathematics and humanists students]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, no. 1 (2016): 69–78.

2. Karusheva A. V., Urutina T. M., Ageeva L. G. Vzaimodeistvie roditelei so starsheklassnikami v period vybora professii [Interaction of parents with high school students during the choice of profession]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, no. 24 (2015): 1077–1081.

3. Farsides T., Woodfield R. Individual differences and undergraduate academic success: the roles of personality, intelligence, and application. *Personality and Individual Differences*, 34, no. 7 (2003): 1225–1243.

4. Leeson P., Ciarrochi J., Heaven P. Cognitive ability, personality and academic performance in adolescence. *Personality and Individual Differences*, 45, no. 7 (2008): 630–635.

5. Sedova E. A. Issledovanie otvetstvennosti devushek i iunoshei – studentov tekhnicheskogo vuza v protsesse obucheniia inostrannomu iazyku [The study of the responsibility of male and female students of a technical university during foreign language training]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, no. 5 (2010): 280–289.

6. Hodak N. A. *Gendernye osobennosti psikhofiziologicheskikh funktsii studentov tekhnicheskikh i gumanitarnykh spetsial'nostei*. Diss. kand. biol. nauk [Gender peculiarities of psycho-physiological functions of students of technical and humanitarian specialties. Cand. Biol. Sci. Diss.]. Chelyabinsk, 2010, 149.

7. Kazin E. M., Blinova N. G., Lesnikova S. L., Vasina E. V., Koshko N. N., Varich L. A. Psikhofiziologicheskie osobennosti studentov pervogo kursa raznykh fakul'tetov KemGU [Psycho-physiological features of first-year students of different faculties of Kemerovo state University]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 4 (2009): 14–17.

8. Gaponova S. A. *Funktsional'nye psikhicheskie sostoianiia studentov v obrazovatel'nom prostranstve vuza: dinamika, determinanty, optimizatsiia*. Avtoref. diss. doktora psikhol. nauk [Functional mental states of students in the educational space of the university: dynamics, determinants, optimization. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Nizhny Novgorod, 2005, 51.

9. Kirsanov V. M. *Integrativnyi podkhod k otsenke tipologicheskikh osobennostei studentov s razlichnoi uchebno-professional'noi napravlennost'i*u. Diss. doktora biol. nauk [Integral approach to the evaluation of typological characteristics of students with different educational and professional orientation. Dr. Biol. Sci. Diss.]. Chelyabinsk, 2015, 319.

10. Levontin R. *Chelovecheskaia individual'nost': nasledstvennost' i sreda* [Human individuality: heredity and environment]. Moscow: Progress, 1993, 320.

11. Smirnov V. M. *Neirofiziologiia i vysshaia nervnaia deiatel'nost' detei i podrostkov* [Neurophysiology and higher nervous activity of children and adolescents]. Moscow: Akademiia, 2000, 400.

12. Shvedov D. N. *Rannie priznaki psikhofiziologicheskikh narushenii u studentov-bakalavrov v protsesse uchebnoi deiatel'nosti.* Diss. kand. biol. nauk [Early signs of psycho-physiological disorders at bachelor students in the process of educational activity. Cand. Biol. Sci. Diss.]. Orel, 2015, 159.

13. Averianova N. V. *Osobennosti psikhofiziologicheskoi adaptatsii studentov v zavisimosti ot profilia obucheniia v shkole*. Diss. kand. biol. nauk [Features of psycho-physiological adaptation of students depending on the specialty. Cand. Biol. Sci. Diss.]. Kemerovo, 2016, 132.

14. Brandão M. P., Pimentel F. L., Cardoso M. F. Impact of academic exposure on health status of university students. *Revista de Saude Publica,* 45, no. 1 (2011): 49–58.

15. Clinciu A. I. Adaptation and Stress for the First Year University Students. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, no. 78 (2013): 718–722.

16. Glebov V. V., Arakelov G. G. Psikhofiziologicheskie osobennosti i protsessy adaptatsii studentov pervogo kursa raznykh fakul'tetov RUDN [Psycho-physiological features and processes of adaptation of first-year students of different faculties of People's Friendship University of Russia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Ekologiia i bezopasnost' zhiznedeiatel'nosti = RUDN Journal of Ecology and Life Safety,* no. 2 (2014): 89–95.

17. Lebedev A. V., Aizman R. I., Rubanovich V. B., Aizman N. I. *Programma kompleksnoi otsenki zdorov'ia i razvitiia studentov vysshikh i srednikh uchebnykh zavedenii* [The program of comprehensive assessment of health and development of students of higher and secondary educational institutions]. Novosibirsk: NGPU, 2013.

18. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniia* [Man as an object of knowledge]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1968, 339.

19. *Ontogenez. Adaptaciia. Zdorov'e. Obrazovanie. Kniga II. Psikhologo-fiziologicheskie i sotsial'no-pedagogicheskie podkhody k formirovaniiu zdorov'esberegaiushchei sredy v osnovnoi i srednei shkole* [Ontogenesis. Adaptation. Health. Education. Book II. Psychological-physiological and socio-pedagogical approaches to the formation of a health-care environment in primary and secondary schools]. Ed. Kazin E. M. Kemerovo: Izd-vo KRIPKiPRO, 2011, 695.

20. Kabardov M. K. *Rol' individual'nykh razlichii v uspeshnosti ovladeniia inostrannym iazykom*. Avtoref. diss. kand. biol. nauk [The role of individual differences in second language acquisition. Cand. Biol. Sci. Diss.]. Moscow, 1983, 20.

21. Filatov V. M., Filatova G. E. *Teoriia i praktika rannego obucheniia inostrannym iazykam: dlia ped. kolledzhei* [Theory and practice of early learning of foreign languages: for ped. colleges]. Rostov-on-Don: Anion, 1999, 383.

22. Izyumova S. A. *Priroda mnemicheskikh sposobnostei i differentsiatsiia obucheniia* [The nature of mnemonic abilities and the differentiation of learning]. Moscow: Nauka, 1995, 383.

23. Makarova L. N., Sharshov I. A., Gaponova T. K. Komp'iuternaia kul'tura budushchikh spetsialistov v kontekste ikh lichnostnogo razvitiia [Computer culture of future specialists in the context of their personal development]. *Pedagogicheskaia informatika = Pedagogical Informatics*, no. 3 (2003): 17–23.

24. Guseva E. P., Levochkina I. A., Sapozhnikov V. V. Nekotorye psikhologicheskie i psikhofiziologicheskie cherty matematicheski odarennykh podrostkov [Some psychological and psycho-physiological features of mathematically gifted adolescents]. *Novye issledovaniia v psikhologii i vozrastnoi fiziologii = New research in psychology and age physiology*, no. 2 (1989): 23–26.

25. Gabdreeva G. Sh. Gendernye razlichiia adaptivnosti lichnosti [Gender differences in the adaptability of the individual]. *Filologiia i kul'tura = Philology and Culture*, no. 1 (2016): 338–347.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРТИНЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Юлия Ю. Неяскина [a, @]***; Петр А. Мирясов*** [a]

[a] *Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, Россия, 683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4*
[@] *neyaskinaju@yandex.ru*

Поступила в редакцию 04.06.2018. Принята к печати 15.08.2018.

Ключевые слова: субъективная картина жизненного пути, хронотоп, временная перспектива, осмысленность, смысловая наполненность временной перспективы, событийная наполненность временной перспективы, военнослужащие.

Аннотация: В статье анализируются результаты эмпирического исследования, направленного на определение специфики построения субъективной картины жизненного пути военнослужащих, находящихся в различных пространственно-временных условиях профессиональной деятельности. Проверяется гипотеза о том, что субъективная картина жизненного пути личности связана с профессиональными особенностями среды, в которой находится и реализует себя субъект. Профессиональная среда может оказывать влияние на событийно-временные и смысложизненные характеристики жизненного пути, на временную ориентацию субъекта, соотношение временных локусов в его картине мира.
Полученные результаты позволяют говорить о том, что пространственно-временные характеристики условий профессиональной деятельности способствуют развитию у личности специфичных способов организации времени и построения субъективной картины жизненного пути. Показано, что представители модельных групп, отражающих различную пространственно-временную специфику организации профессиональной деятельности, демонстрируют различное восприятие и содержательное наполнение прошлого, настоящего, будущего, разные стратегии осмысления своего жизненного пути в контексте временной транспективы, направленность на разные сферы жизнедеятельности.
Результаты исследования могут быть использованы при организации психологической работы с военнослужащими, находящимися в различных условиях профессиональной деятельности.

Для цитирования: Неяскина Ю. Ю., Мирясов П. А. Особенности построения субъективной картины жизненного пути при различных пространственно-временных характеристиках условий профессиональной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 102–112. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-102-112.

Введение

Субъективная картина жизненного пути (СКЖП) является совокупностью взаимосвязанных событий. По существу, данные события можно считать историей развития личности. По мнению Б. Г. Ананьева, СКЖП – форма сознания личности, существующая в представлениях личности о собственной жизни в настоящем, прошлом и будущем. СКЖП обусловлена многими факторами, в том числе факторами профессиональной принадлежности. Принадлежность человека к определенной профессиональной группе влияет на его образ жизни, мировосприятие и мировоззрение, отношение к себе как субъекту жизни, отношение ко времени.

Исследование существующих различий в СКЖП в зависимости от принадлежности к определенной профессиональной сфере позволяет понять механизмы и закономерности вариативности СКЖП. Поскольку профессиональная сфера может во многом определять характер поведения, особенности субъективной картины жизненного мира различных профессиональных групп нельзя изучать без учета влияния на них той профессиональной среды, в которой они находятся. В психологической литературе преимущественно встречаются исследования, направленные на изучение временных аспектов СКЖП, в то время как пространственная характеристика зачастую остается без особого внимания.

Целью исследования является выявление и изучение профессиональных особенностей субъективной картины жизненного пути у военнослужащих с различными пространственно-временными характеристиками условий профессиональной деятельности.

Субъективная картина жизненного пути как категория психологического исследования

Жизненный путь – это история развития личности как индивида в определенное историческое время, в определенном обществе. Культурно-историческая обусловленность жизненного пути возникает потому, что процессы, которые происходят в обществе, в целом определяют существенные моменты личностной истории. Изменения в социальной ситуации могут по-разному восприниматься и интерпретироваться личностью в зависимости от ее принадлежности к той или иной социальной группе, культуре, профессиональной сфере.

В психологии жизненный путь осмыслен с точки зрения развития личности под воздействием событий и культурно-исторических обстоятельств, в результате собственной деятельности и работы внутреннего мира [1].

Б. Г. Ананьев первым предложил понятие «субъективная картина жизненного пути» для обозначения субъективного представления личности о своем жизненном пути. Ученый рассматривал СКЖП как продукт самосознания человека, в котором усматриваются этапы индивидуального и социального развития человека. СКЖП, по мнению Б. Г. Ананьева, связывает в единой системе отсчета психологическое, биологическое и историческое время [2].

Идеи С. Л. Рубинштейна и Б. Г. Ананьева, а также их последователей, способствовали оформлению СКЖП в качестве особого предмета психологического изучения. Расширение представлений о составляющих СКЖП осуществлялось в различных направлениях:

− исследования событийно-временных характеристик СКЖП (Р. А. Ахмеров, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, Н. А. Логинова и др.);

− исследования личностной организации времени, временных перспектив и ориентации личности (К. А. Абульханова, Т. Н. Березина, В. И. Ковалев, Н. Н. Толстых и др.);

− исследования механизмов формирования и закономерностей функционирования представлений личности о собственном будущем и прошлом, зафиксированных в биографической памяти личности (Н. А. Логинова, Л. А. Регуш и др.).

К зарубежным авторам, исследовавшим проблему СКЖП, можно отнести Ш. Бюлер, П. Жане, К. Левина, Ж. Нюттена и др.

Особое внимание исследованию СКЖП уделяют авторы, осмысляющие личность как субъект жизни, выступающий в роли организатора своего жизненного пути. Для них СКЖП является важнейшей характеристикой самосознания личности, которая развернута во времени и отражает вехи индивидуального и социального развития личности [3].

СКЖП развивается и формируется в той социокультурной или профессиональной среде, в которой находится человек. Особенности профессии и культуры накладывают свой отпечаток на особенности субъективной картины жизненного пути [4].

Следовательно, СКЖП может изменяться при смене профессиональной деятельности, культурной общности и при длительном нахождении в них. Под влиянием новой профессиональной среды или культуры у человека могут измениться представления о жизни и своей роли в ней.

Таким образом, проблема СКЖП рассматривается как в социально-психологическом плане, так и в культурно-историческом. Исследование жизненного пути личности и ее представлений о собственной жизни способствует пониманию направленности личности и ее жизненных ориентаций, помогает раскрыть индивидуально-психологические особенности как социальных групп, так и отдельной личности, принадлежащих к одной профессиональной среде, одной культуре, одной исторической эпохе.

Структура и характеристики элементов субъективной картины жизненного пути

СКЖП – это целостная концепция жизни личности, включающая в себя представление о собственном жизненном пути и предполагающая отношение личности к собственной жизни. Можно выделить следующие компоненты и характеристики СКЖП: событийную структуру, отношение к различным временным этапам жизненного пути, переживание времени и продуктивности жизни, осмысленность и представление о себе как субъекте жизненного пути и своей роли в его организации.

Для многих исследователей СКЖП личности основной единицей анализа жизненного пути считаются события. События – это поворотные этапы жизненного пути личности. Принятие того или иного решения на более или менее длительный период определяет жизненный путь человека [5]. Событие – новое, иногда внезапное изменение обстоятельств, приводящее к повороту течения жизни. Оно часто перестраивает уклад жизни и субъективные состояния личности [6]. Изменяющаяся среда, а также и сама личность, могут выступать детерминантами событий. Личность, переживая различные по степени значимости события, по-разному реагирует на них, оценивает их последствия для собственной жизни, выделяет их по своей значимости. Отсюда следует, что событие, выступающее элементом жизненного пути личности, переживается особым образом и выступает как субъективное представление личности и становится элементом СКЖП.

Событийное содержание СКЖП личности характеризует ее направленность, цели и смысл жизни [7]. Личностный смысл события является адекватной единицей структурно-функционального анализа взаимосвязи СКЖП и ценностных ориентаций личности [8].

Наряду со временем осмысленность жизни является связующей характеристикой СКЖП, т. к. сама СКЖП является результатом осмысления жизненного пути личности. Понятие СКЖП неотделимо от понятия осмысленности жизни, поскольку без осмысления личностью своего жизненного пути, переживания явлений и событий собственной жизни не было бы и отношения к собственной жизни.

Важнейшей содержательной структурой жизненного пути и его сквозным звеном, по праву, считается время, которое проявляется в выделенных этапах, фазах, циклах и моментах жизни. Время является неотъемлемым атрибутом СКЖП каждой личности. К структуре жизненного пути время относится в трехмерном измерении – прошлое, настоящее и будущее. Совместно время и пространство дают общую картину, или пространственно-временной континуум СКЖП. Следует отметить тесную взаимосвязь временных (или темпоральных) и пространственных (или событийных) характеристик СКЖП. По мнению В. П. Зинченко, время и пространство являются более суровыми характеристиками по сравнению с общественными нормами [9].

В. П. Зинченко, Н. Н. Толстых и их ученики для исследования событийно-временных характеристик СКЖП используют понятие «хронотоп». По мнению В. П. Зинченко, личность субъективирует пространство и время, объединяет и соединяет их, обменивает, трансформирует, превращает одно в другое. Дополнительно она создает собственное пространство и время, ее хронотоп. Таким образом, хронотоп – это живое синкретическое время и пространство, в котором они, казалось бы, нераздельны [10].

Хронотоп – временно-пространственное континуальное единство, вмещающее события субъективной реальности в их сопряжении с историческими событиями и связывающие их в субъективную картину пути общим смысловым наполнением [11].

Формирование индивидуального хронотопа, характеризующего личность определенным сочетанием временных и пространственных составляющих, его интенциональности, происходит во времени-пространстве определенной культуры, и в частности профессиональной среды, задающих специфику в представлениях о пространстве и времени, паттернам отношения к ним у людей различных специальностей и культур в различные исторические периоды [12].

Методики исследования

− «Самоактуализационный тест» (САТ) Э. Шострома в адаптации Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, М. В. Загика [13].

− Методика неоконченных предложений Ж. Нюттена в адаптации Н. Н. Толстых [12].

− Элементы методики «Каузометрия» Е. И. Головахи, А. А. Кроника [14].

− Методика «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева [15].

− Методика «Специализированный семантический дифференциал» Ж. Нюттена в адаптации Д. А. Леонтьева [16].

− Методика «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной [17].

− Методика «Мировоззренческая активность» Д. А. Леонтьева, А. И. Ильченко [18].

− Методика «Ассоциативный эксперимент» (в контексте категорий «прошлое», «настоящее», «будущее», «время рабочего дня», «пространство рабочего дня»).

− Авторская анкета, направленная на выявление качественных особенностей условий труда и уточнения социальных характеристик жизни респондентов.

Анализ и интерпретация результатов исследования

Общую выборку составили военнослужащие контрактной службы г. Петропавловска-Камчатского, 139 зонального узла связи, в возрасте от 29 до 41 года, всего 108 респондентов. Все респонденты имеют высшее образование, проживают на территории Камчатского края не менее 10 лет. Все респонденты мужского пола в званиях категорий офицеров (лейтенант, старший лейтенант, капитан, майор) и прапорщиков (старшина).

В качестве базы исследования для проверки гипотезы выбраны три модельные группы, демонстрирующие разный характер профессиональной деятельности военнослужащих по контракту.

Модельная группа № 1 – связисты, несущие боевое дежурство. Профессиональная деятельность заключается в круглосуточном боевом дежурстве – дежурных сменах. Условия профессиональной деятельности таковы, что времени на принятие решения на выполнение приказаний по обеспечению связи мало, вследствие чего каждое действие номера дежурной смены регламентировано вплоть до секунды. Дежурство посуточное. Вахтенный метод – чаще всего сутки через двое, иногда сутки через сутки. Место несения дежурства четко определено и ограничивается одним помещением. Данная профессиональная группа представляет собой модель функционирования личности в режиме «Здесь и сейчас» (далее группа *оперативного режима условий профессиональной деятельности, ЭГ1* – 36 человек).

Модельная группа № 2 – связисты – представители мобильного резерва. Расчет несет воинскую службу (непосредственно выход в поле) три-четыре раза в год, выход в поле длится от 20 до 50 суток. Традиционное место прохождения службы – полевая местность Камчатского края вдали от населенных пунктов. Пребывание в поле сопряжено для военнослужащего с условиями монотонности деятельности, резким сужением социальных связей, ограничением

пространства даже при наличии открытого поля. При нахождении в пункте постоянной дислокации мобильный резерв продолжает работу в режиме 8-часового рабочего дня. Данная профессиональная группа представляет собой модель функционирования личности в режиме цикла «пункт постоянной дислокации – поле» (далее группа *цикличного режима условий профессиональной деятельности, ЭГ2* – 36 человек).

Модельная группа № 3 – связисты – представители органов управления. Профессиональная деятельность заключается в обеспечении качества работы подчиненных подразделений связи. Личный состав воинской части находится в постоянной боевой готовности, вахты распределяются по объектам. Связист данной группы находится на рабочем месте, что не предполагает его нахождения на определенном месте. В зависимости от решаемых задач они могут производить до нескольких выездов в сутки на различные объекты, контактировать с неопределенным количеством людей, включая людей, не относящихся к категории военнослужащих.

Таким образом, данная профессиональная группа представляет собой модель размеренного функционирования профессиональной деятельности (далее группа *размеренного режима условий профессиональной деятельности, ЭГ3* – 36 человек).

Для сопоставления объективных условий профессиональной деятельности с субъективными представлениями о них респондентам был предложен ассоциативный эксперимент на стимулы «время рабочего дня» и «пространство рабочего дня».

Было выявлено, что респонденты оперативного (38,89 % от общего числа ответов в группе) и размеренного (16,67 %) режимов нередко характеризуют свой рабочий день как проходящий быстро. Однако для военнослужащих оперативного режима характерно рассматривать свой рабочий день как проходящий по-разному (16,67 %). Такую же оценку своему рабочему дню дали представители цикличного режима (11,11 %). Представители цикличного режима в отличие от представителей других групп характеризуют свой рабочий день как умеренный (33,11 %) и монотонный (11,11 %), а представители размеренного режима как регламентированный (30,56 %) и насыщенный (11,11 %).

Субъективные представления о пространстве, в котором проходит рабочий день, у респондентов оперативного режима связываются с непосредственным местом несения службы: в помещении (44,44 %) или на боевом посту (33,33 %), что примерно в одной и той же мере характеризуется замкнутостью. Для представителей группы цикличного режима рабочий день связывается с казарменным помещением (19,44 %), нахождением на территории части (13,89 %) или в кабинете (13,39 %) и характеризуется ограниченностью. У военнослужащих размеренного режима рабочий день также проходит в кабинете (16,67 %) и (или) на выездах (16,67 %). Показательным можно назвать указание на непредсказуемость места проведения рабочего дня (13,89 %). Таким образом, для представителей размеренного режима пространство, в котором проходит рабочий день, характеризуется открытостью.

Для изучения событийной направленности, характерной для представителей экспериментальных групп, был проведен сравнительный анализ принадлежности событий к сферам жизнедеятельности посредством элементов метода каузометрического анализа, предложенного А. А. Кроником и Е. И. Головахой. Результаты представлены в таблице 1.

При общей для всех групп военнослужащих направленности на служебную сферу в каждой из них наблюдается тенденция направленности на специфические сферы жизнедеятельности.

Таблица 1. Сравнительный анализ принадлежности событий к сферам жизнедеятельности у групп с различными условиями профессиональной деятельности

Table 1. Comparative analyses of the relevance of events to the spheres of vital activity in groups with different conditions of professional activity

Сфера жизнедеятельности	ЭГ1, %	ЭГ2, %	ЭГ3, %	$\varphi^*_{эмп}$
Общество	2,22	5,93	8,33	$\varphi_{1,2}$=3,17•• $\varphi_{1,3}$=4,7•• $\varphi_{2,3}$=1,53
Семья	8,89	18,89	26,67	$\varphi_{1,2}$=4,83•• $\varphi_{1,3}$=7,89•• $\varphi_{2,3}$=3,06••
Природа	2,78	8,52	5,19	$\varphi_{1,2}$=4,21•• $\varphi_{1,3}$=1,97• $\varphi_{2,3}$=2,23•
Внутренний мир	20,74	14,44	10,37	$\varphi_{1,2}$=2,74•• $\varphi_{1,3}$=4,73•• $\varphi_{2,3}$=1,99•

Сфера жизнедеятельности	ЭГ1, %	ЭГ2, %	ЭГ3, %	$\varphi^*_{эмп}$
Досуг	12,96	20	14,07	$\varphi_{1,2}$=3,11•• $\varphi_{1,3}$=0,53 $\varphi_{2,3}$=2,58••
Работа	47,41	24,44	29,44	$\varphi_{1,2}$=7,98•• $\varphi_{1,3}$=6,13•• $\varphi_{2,3}$=1,86•

Прим.: • p≤0,05; •• p≤0,01

Общая направленность СКЖП военнослужащих оперативного режима ориентирована на внутренний мир личности и на служебную деятельность, военнослужащих цикличного режима – на сферы досуга и здоровья, военнослужащих размеренного режима – на общественную и семейную сферы.

События, указанные респондентами, были также проанализированы с точки зрения эмоциональной привлекательности. В таблице 2 представлены события, характеризующиеся как неслучайные категории (ответы с частотой встречаемости признака не менее 4). СКЖП военнослужащих оперативного режима отличается преобладанием событий, имеющих интимный характер, и событий, подразумевающих высокую степень ответственности за окружающих. Также военнослужащие данной группы отличаются акцентированием на событиях негативной эмоциональной модальности.

СКЖП военнослужащих цикличного режима отличается направленностью на получение материальных

Таблица 2. Результаты сравнения групп с различными условиями профессиональной деятельности по частоте встречаемости признака и эмоциональной оценке события

Table 2. The results of comparison of groups with different conditions of professional activity on the frequency of the occurrence of the symptom and the evaluation of the event

ЭГ1		ЭГ2		ЭГ3	
Событие	**Ср. значение эмоц. оценки**	**Событие**	**Ср. значение эмоц. оценки**	**Событие**	**Ср. значение эмоц. оценки**
Служба в армии	3	Встреча с женой	3,6	Наступающий новый год	4
Окончание службы	5	Получение водительского удостоверения	4,6	Сдал экзамены	4,2
Первый поцелуй	4,16	Выезд на природу	4,6	Катание на лыжах	4,2
Подарили собаку	3,8	Отчисление с института	2,5	Продажа автомобиля	4,2
Рождение племянников	4,8	Школа	4	Ребенок пошел в первый класс	5
Перевод в другую часть	2	Разочарование в службе	2	Принял присягу	4,5
Потеря друга	2	Покупка гаража	4,6	–	–
Изменилась должность	2,8	Начало самостоятельной жизни	5	–	–
Знакомства с людьми	4,25	Покупка снегохода	5	–	–
Болезнь	1,5	Получение очередного звания	4	–	–
Окончание ремонта	4,5	–	–	–	–
Поездка заграницу	4,2	–	–	–	–
Первая любовь	5	–	–	–	–
Смерть отца	1,2	–	–	–	–

благ, разочарованностью в профессиональной деятельности на ценностно-смысловом уровне, зависимостью от внешних оценок людей.

Для военнослужащих размеренного режима характерно преобладание событий, ориентированных на взаимодействие с окружающими людьми, событий самореализационного характера и событий, подразумевающих значимость потенциала семейного окружения.

Следующим этапом было сопоставление результатов теста смысложизненных ориентаций посредством однофакторного дисперсионного анализа для выявления ориентации военнослужащих во временной трансспективе, а также общей осмысленности жизни. Результаты представлены в таблице 3.

Общий уровень осмысленного отношения к собственной жизни у военнослужащих всех групп находится на оптимальном по среднестатистическим меркам уровне и не различается при переходе от группы к группе, однако осмысленность жизни представителями разных профессиональных групп достигается упором на различные акценты смыслового отношения к собственной жизни.

Для военнослужащих оперативного режима важнейшая составляющая осмысленного отношения к собственной жизни находится преимущественно в сфере целеполагания. Наличие целей в будущем является ведущим фактором при построении СКЖП.

Важнейшая составляющая осмысленного отношения к собственной жизни военнослужащих цикличного режима находится в сфере достижения результата. Достигнутый в прошлом результат, оцененный как со стороны личности, так и со стороны других людей, является важнейшей характеристикой при построении СКЖП.

Для военнослужащих размеренного режима важным становится сам процесс жизни. При построении СКЖП для этих военнослужащих осмысленности собственной жизни способствует насыщенность ее текущими событиями, сконцентрированными в настоящем.

Для оценки преобладающих временных ориентаций был использован опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации О. В. Митиной. Результаты однофакторного дисперсионного анализа представлены в таблице 4.

Анализ результатов методики позволил выявить различное отношение представителей разных групп к временной трансспективе. Для военнослужащих группы оперативного режима (ЭГ1) характерна сравнительно низкая оценка как негативности, так и позитивности своего прошлого, что характеризует их как нейтрально дистанцированных по отношению к собственному опыту. Также для них в меньшей степени характерно отношение к настоящему как гедонистическому (учитывая

Таблица 3. Сравнительный анализ данных методики «Тест смысложизненных ориентаций» у групп с различными условиями профессиональной деятельности (однофакторный дисперсионный анализ)
Table 3. Comparative data analysis according to the method "Test of meaningful orientations" in groups with different conditions of professional activity

Шкалы СЖО	ЭГ1	ЭГ2	ЭГ3	$F_{эмп}$
Цели в жизни	33,64	30,39	32,78	4,07•
Процесс жизни	27,08	29,33	31,94	6,44••
Результативность жизни	26,67	28,06	25,47	3,29•
Общий показатель	104,86	109,08	107,75	0,71

Прим.: • p≤0,05; •• p≤0,01

Таблица 4. Сравнительный анализ результатов по методике «Опросник временной перспективы» в группах с различными условиями профессиональной деятельности
Table 4. Comparative data analyses according to the method "Time perspective inventory" in groups with different conditions of professional activity

Шкала	Среднее значение			$F_{эмп}$
	ЭГ1	ЭГ2	ЭГ3	
Негативное прошлое	21,56	23,83	26,70	6,33••
Позитивное прошлое	31,39	33,56	34,17	3,45•
Гедонистическое настоящее	42,58	46,08	44,14	3,17•
Будущее	44,36	46,17	48,08	3,66•

Прим.: • p≤0,05; •• p≤0,01

характер профессиональной деятельности, можно предполагать, что настоящее для них имеет ускользающий характер). Будущее для респондентов ЭГ1 оценивается менее привлекательно по сравнению с представителями других групп.

Для военнослужащих группы цикличного режима (ЭГ2) по сравнению с другими группами характерна ориентация на гедонистическое настоящее. В условиях монотонности и однообразия служебной деятельности для них в большей степени характерно заполнение настоящего деятельностью, не связанной с профессиональной, но приносящей удовольствие.

Военнослужащие группы размеренного режима (ЭГ3) характеризуются высокими оценками как позитивности, так и негативности своего прошлого. Опыт прошлого респондентами рассматривается сквозь призму самореализации. Настоящее напрямую связано с процессом профессиональной деятельности, в меньшей степени ориентированным на получение удовольствия. Военнослужащие имеют ясные цели и планы в будущем и в большей степени по сравнению с другими группами ориентированы на него.

Для выявления представлений военнослужащих о личном прошлом, настоящем и будущем был проведен ассоциативный эксперимент. В таблице 5 представлены лишь неслучайные ассоциации (частота встречаемости не менее 4).

Для определения ориентации военнослужащих во временной трансспективе был использован метод мотивационной индукции Ж. Нюттена в адаптации Н. Н. Толстых. Результаты представлены в таблице 6.

Для группы военнослужащих оперативного режима характерна ориентация на отдаленное предсказуемое будущее. Настоящее имеет ускользающий характер. По отношению к своему прошлому военнослужащие занимают нейтрально дистанцированную позицию. Влияние негативных событий в прошлом компенсируется особой организацией отношения к профессиональной деятельности в настоящем.

Для группы военнослужащих цикличного характерна ориентация на отдаленное амбивалентное прошлое. Смысл жизни для них в большей степени сформирован опытом прошлого. Военнослужащие действуют преимущественно в перспективе недельного отрезка времени в режиме «от пятницы до пятницы». Будущее для них представляется

Таблица 5. Результаты методики «Ассоциативный эксперимент» на стимулы «настоящее», «прошлое», «будущее» у групп с различными условиями профессиональной деятельности
Table 5. The results of the method "Associative experiment" on the incentives "present", "past", "future" in groups with different conditions of professional activity

Группа	Ассоциации		
	Настоящее	Прошлое	Будущее
ЭГ1 (n=36)	Боевое дежурство	Лето	Справедливость
	Товарищество	Несправедливость	Осуществление целей
	Забота о будущем	Непонимание	Благополучие
	Молодость	Предательство	Работа в удовольствие
	Будущее	–	Планы
	Отсутствие выходных	–	Спокойствие
	–	–	Устремленность
	–	–	Чтение
ЭГ2 (n=36)	Реальность	Память	Дом
	Чувство	Переживания	Неизвестность
	Квартира	Традиция	Переезд
	Событие	Одиночество	–
	Благополучие	–	–
	Дом	–	–
ЭГ3, (n=36)	Тест	Событие	Счастье
	Задачи	Бабушка / дедушка	Развлечение
	Медлительность	Ошибки	Беззаботность
	Тренировки	Простота	–
	–	Здоровье	–
	–	Секс	–

Таблица 6. Сравнительный анализ данных методики «Метод мотивационной индукции» между группами с различными условиями профессиональной деятельности
Table 6. Comparative analyses of the Method of Motivational Induction between groups with different conditions of professional activity

Временной код	ЭГ1	ЭГ2	ЭГ3	$\varphi^*_{эмп}$
Календарное время				
В течение теста	4,44	9,26	12,69	$\varphi_{1,2}$=3,24•• $\varphi_{1,3}$=5,03•• $\varphi_{2,3}$=1,79•
В течение дня	13,05	8,06	35,74	$\varphi_{1,2}$=2,69•• $\varphi_{1,3}$=8,87•• $\varphi_{2,3}$=11,57••
В течение недели	8,62	41,85	9,26	$\varphi_{1,2}$=13,36•• $\varphi_{1,3}$=0,41 $\varphi_{2,3}$=12,95••
В течение месяца	11,57	4,16	12,41	$\varphi_{1,2}$=4,63•• $\varphi_{1,3}$=0,41 $\varphi_{2,3}$=5,04••
В течение года	62,32	36,67	29,9	$\varphi_{1,2}$=8,49•• $\varphi_{1,3}$=10,88•• $\varphi_{2,3}$=2,38••
Биологическое время				
Взрослость	75,72	81,3	77,96	$\varphi_{1,2}$=2,23• $\varphi_{1,3}$=0,89 $\varphi_{2,3}$=1,35
Старость	18,71	11,59	15,09	$\varphi_{1,2}$=3,02•• $\varphi_{1,3}$=1,33 $\varphi_{2,3}$=1,69•
Социальное время				
Историческое будущее	1,2	2,13	3,7	$\varphi_{1,2}$=1,17 $\varphi_{1,3}$=2,74•• $\varphi_{2,3}$=1,58
Жизнь	12,22	6,02	5,46	$\varphi_{1,2}$=3,6•• $\varphi_{1,3}$=3,96•• $\varphi_{2,3}$=0,36
Открытое настоящее	10,19	27,96	10,65	$\varphi_{1,2}$=7,64•• $\varphi_{1,3}$=0,26 $\varphi_{2,3}$=7,38••
Актуальный период	4,81	3,52	18,43	$\varphi_{1,2}$=1,08 $\varphi_{1,3}$=7,31•• $\varphi_{2,3}$=8,4••
Ближайшее будущее	2,78	5	25,83	$\varphi_{1,2}$=1,89• $\varphi_{1,3}$=12,03•• $\varphi_{2,3}$=10,14••
Близкое будущее	5,56	24,44	4,72	$\varphi_{1,2}$=9,12•• $\varphi_{1,3}$=0,67 $\varphi_{2,3}$=9,8••
Отдаленное будущее	60,09	27,41	28,25	$\varphi_{1,2}$=11,04•• $\varphi_{1,3}$=10,75•• $\varphi_{2,3}$=0,3

Прим.: • $p \leq 0,05$; •• $p \leq 0,01$.

непредсказуемым. Помимо ориентированности на материальный аспект будущее для респондентов ЭГ2 характеризуется отложенным статусом (феномен «отложенной жизни» – термин В. П. Серкина). Настоящее для данной группы военнослужащих отличается однообразием, монотонностью; жить настоящим военнослужащие ЭГ2 не склонны.

Для группы военнослужащих размеренного режима характерна ориентация на настоящее длящееся. Настоящее наполнено взаимодействием с другими людьми в процессе выполнения обязанностей и опирается на личностную расположенность по отношению к людям. Настоящее для респондентов ЭГ3 напрямую соотносится с профессиональной деятельностью. Прошлое для военнослужащих размеренного режима имеет принципиальное значение, поскольку полученный ими опыт в прошлом непосредственно реализуется в настоящем. При этом достаточно противоречивый опыт способствует личностной самоактуализации и личностному росту. Будущее для военнослужащих данной группы представлено ассоциациями «счастье», «развлечение», «беззаботность». Несмотря на то, что ассоциации, предложенные военнослужащими, соотносятся с отдаленным будущим, мыслят и действуют они в перспективе настоящего с ориентацией на ближайшее будущее.

Выводы

1. Пространственно-временные характеристики условий профессиональной деятельности способствуют направленности на различные сферы жизнедеятельности личности при построении субъективной картины жизненного пути.

2. Осмысленность жизни в различных условиях профессиональной деятельности при построении субъективной картины жизненного пути достигается акцентированием на различных возможностях ее достижения личностью.

3. Пространственно-временные характеристики условий профессиональной деятельности способствуют различному восприятию и содержательному наполнению прошлого, настоящего, будущего, а также различной ориентации личности по отношению к временной трансспективе.

Литература

1. Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 156–172.

2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968. 339 с.

3. Ахмеров Р. А. Субъективная картина жизненного пути в структуре самосознания // В мире научных открытий. 2013. № 7-3. С. 190–220.

4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946. 777 с.

5. Змиевская А. А. Современные исследования субъективной картины жизненного пути в отечественной психологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 2. С. 116–122.

6. Ананьев Б. Г. Очерки психологии // Избранные труды по психологии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. Т. 1. С. 42–179.

7. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001. 272 с.

8. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.

9. Зинченко В. П. Философское наследие. М.; СПб.: Принт, 2016. 503 с.

10. Зинченко В. П. Время – действующее лицо // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 36–54.

11. Медведев А. М., Мартиросян К. В., Хачатрян А. Ю. Хронотоп субъективной реальности как базовый концепт в исследовании этнического самосознания. Часть 1 // Мир науки. 2017. Т. 5. № 4. С. 46.

12. Толстых Н. Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: автореф. дис. … д-ра психол. наук. М., 2010. 54 с.

13. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.

14. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2008. 294 с.

15. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992. 16 с.

16. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.

17. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.

18. Леонтьев Д. А., Ильченко А. Н. Уровни мировоззренческой активности и их диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 3–21.

SUBJECTIVE LIFE WAY PICTURE IN DIFFERENT SPATIOTEMPORAL CHARACTERISTICS OF PROFESSIONAL OCCUPATION CONDITIONS

Yuliya Yu. Neyaskina [a, @]***; Petr A. Miryasov*** [a]

[a] *Vitus Bering Kamchatka State University, 4, Pogranichnaya St., Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, 683032*
[@] *neyaskinaju@yandex.ru*

Received 04.06.2018. Accepted 15.08.2018.

Keywords:
subjective life way picture, chronotope, time perspective, meaningfulness, semantic fullness of time perspective, event-driven fullness of time perspective, servicepersons.

Abstract: The article covers the outcomes of the empiric research devoted to the revelation of subjective life way picture formation among servicepersons in different spatiotemporal conditions of professional activities. It verifies the hypothesis of interrelation between personality's subjective life way picture and professional specifics of person's position and actualization environment. Professional medium could affect spatiotemporal and life-purpose characteristics of life way, person's temporal orientation, correlation of time loci in person's world picture.

The findings prove the fact that spatiotemporal characteristics of professional activities conditions promote the development of person's peculiar methods of time arrangement and formation of subjective life way picture. The article shows that the representatives of the model groups, mirroring different spatiotemporal organization of professional activities, demonstrate diverse perception and content of the past, present and future; dissimilar strategies of one's own life way apprehension in the context of time transpective; varied directivities into life spheres.

The results of the research are applicable for the organization of psychological work with servicepersons in different conditions of professional activities.

For citation: Neyaskina Yu. Yu., Miryasov P. A. Osobennosti postroeniia sub"ektivnoi kartiny zhiznennogo puti pri razlichnykh prostranstvenno-vremennykh kharakteristikakh uslovii professional′noi deiatel′nosti [Subjective Life Way Picture in Different Spatiotemporal Characteristics of Professional Occupation Conditions]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2018): 102–112. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-102-112.

References

1. Loginova N. A. Razvitie lichnosti i ee zhiznennyi put′ [Development of the personality and its life path]. *Printsip razvitiia v psikhologii* [Principle of development in psychology]. M.: Nauka, 1978, 156–172.

2. Anan′ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniia* [Man as an object of knowledge]. Leningrad: LGU, 1968, 339.

3. Akhmerov R. A. Sub"ektivnaia kartina zhiznennogo puti v strukture samosoznaniia [Subjective picture of life path in structure of self-consciousness]. *V mire nauchnykh otkrytii = In the World of Scientific Discoveries,* no. 7-3 (2013): 190–220.

4. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow: Uchpedgiz, 1946, 777.

5. Zmievskaya A. A. Sovremennye issledovaniia sub"ektivnoi kartiny zhiznennogo puti v otechestvennoi psikhologii [Modern research on subjective picture of life course in Russian psychology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 7: Filosofiia. Sotsiologiia i sotsial'nye tekhnologii = Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology*, no. 2 (2015): 116–122.

6. Anan′ev B. G. Ocherki psikhologii [Essays on psychology]. *Izbrannye trudy po psikhologii* [Selected works on psychology]. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, vol. 1 (2007): 42–179.

7. Anan′ev B. G. *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniia* [On the problems of modern human science]. Saint-Petersburg: Piter, 2001, 272.

8. Leont′ev D. A. *Psikhologiia smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Smysl, 1999, 487.

9. Zinchenko V. P. *Filosofskoe nasledie* [Philosophical heritage]. Moscow; Saint-Petersburg: Print, 2016, 503.

10. Zinchenko V. P. Vremia – deistvuiushchee litso [Time as an agent]. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, no. 6 (2001): 34–54.

11. Medvedev A. M., Martirosyan K. V., Khachatryan A. Yu. Khronotop sub"ektivnoi real′nosti kak bazovyi kontsept v issledovanii etnicheskogo samosoznaniia. Chast′ 1 [Chronotope of subjective reality as a basic concept in the study of ethnic self-consciousness. Part 1]. *Mir nauki = World of Science*, 5, no. 4 (2017): 46.

12. Tolstykh N. N. *Razvitie vremennoi perspektivy lichnosti: kul'turno-istoricheskii podkhod.* Avtoref. diss. doktora psikhol. nauk [Development of the temporal perspective of the individual: the cultural-historical approach: the author's abstract. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2010, 54.

13. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Sotsial'no-psikhologicheskaia diagnostika razvitiia lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2002,490.

14. Mikhal′skii A. V. *Psikhologiia vremeni (khronopsikhologiia)* [The psychology of time (chronopsychology)]. Moscow: MGPU, 2016, 72.

15. Kronik A. A., Akhmerov R. A. *Kauzometriia: metody samopoznaniia, psikhodiagnostiki i psikhoterapii v psikhologii zhiznennogo puti* [Causo-metry: methods of self-knowledge, psychodiagnostics and psychotherapy in the life path psychology]. Moscow: Smysl, 2008, 294.

16. Leont′ev D. A. *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZHO)* [Test of meaning-oriented orientations]. Moscow: Smysl, 1992, 16.

17. Nutten J. *Motivatsiia, deistvie i perspektiva budushchego* [Motivation, action and perspective of the future]. Moscow: Smysl, 2004, 608.

18. Zimbardo F., Boyd Y. *Paradoks vremeni. Novaia psikhologiia vremeni, kotoraia uluchshit vashu zhizn′* [Paradox of Time. A new time psychology that will improve your life]. Saint-Petersburg: Rech′, 2010, 352.

19. Leont′ev D. A., Il′chenko A. N. Urovni mirovozzrencheskoi aktivnosti i ikh diagnostika [Levels of world outlook activity and their diagnostics]. *Psikhologicheskaia diagnostika = Psychological diagnostics*, no. 3 (2007): 3–21.

УДК 159

СТИЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ АКТИВНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СООТВЕТСТВИИ СО СБАЛАНСИРОВАННОСТЬЮ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ

Оксана Н. Попова [a, b, @]

[a] *Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28*
[b] *Городской центр психолого-педагогической поддержки молодежи «Родник», 630075, Россия, г. Новосибирск, ул. Народная, 13*
[@] *ankor-akc@yandex.ru*

Поступила в редакцию 17.05.2018. Принята к печати 08.08.2018.

Ключевые слова:
временная перспектива личности, сбалансированность, саморегуляция, предпринимательство, качество жизни.

Аннотация: В статье рассматривается связь характеристик временной перспективы личности и процессов саморегуляции, влияющих на качество жизни и способ ее проживания, на основании данных, полученных в ходе изучения личностных характеристик людей, много лет занимающихся предпринимательской деятельностью. Проводится сравнительный анализ характеристик сбалансированности временной перспективы в соотношении со стилями саморегуляции трех групп предпринимателей, имеющих различные результаты экономической деятельности предприятий: первая группа – успешные предприниматели; вторая группа – отказавшиеся от предпринимательской деятельности по различным причинам; третья группа – безуспешно пытающиеся на протяжении длительного времени организовать собственный бизнес. Полученные результаты позволяют говорить о том, что сбалансированная временная перспектива в сочетании с регуляторными процессами моделирования и оценивания результатов являются характеристиками, необходимыми для успешной деятельности. Нарушения сбалансированности временной перспективы не позволяют в полной мере использовать позитивный потенциал личности даже при условии развитых процессов регулирования жизнедеятельности.

Для цитирования: Попова О. Н. Стили регулирования активности жизнедеятельности в соответствии со сбалансированностью временной перспективы личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 113–120. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-113-120.

В XXI в. внимание исследователей стало привлекать понимание позитивных личностных ресурсов человека, способных повысить качество проживаемой жизни. Стремление к счастью, рассматриваемое как неотъемлемое право человека, сподвигло психологов сформулировать в качестве основного вопрос о том, как жить хорошей, достойной жизнью в самом широком понимании [1]. В первую очередь стали рассматриваться характеристики человека, способствующие «творческой самореализации человека и реализации личностного потенциала, т. е. движению к позитивной, счастливой, достойной жизни, а уже во вторую очередь избавлению от проблем и нарушений, точнее, их профилактике» [2, с. 81]. Как считают М. Селигман и М. Чиксентмихайи [3], «недостаточно освободить человека от проблем и симптомов, чтобы его жизнь заиграла всеми красками; закономерности хорошей, оптимальной, благополучной, стоящей жизни и деятельности представляют собой отдельное поле психологических исследований, которые пока довольно немногочисленны; более того, позитивные, сильные стороны личности способны выполнять профилактическую, иммунную, «буферную» функцию, снижая риск возникновения заболеваний и других нарушений адаптации» [2, с. 76]. По мнению Д. А. Леонтьева, проблему личностного потенциала необходимо рассматривать как проблему саморегуляции. В свою очередь с позиции личностного потенциала можно рассматривать временную перспективу как динамическую характеристику личности, способствующую движению человека к позитивной, благополучной жизни. Актуальным является вопрос понимания соотношения характеристик временной перспективы со стилями регулирования жизнедеятельности. Это, с одной стороны, позволяет расширить представление о позитивных составляющих личностного потенциала человека, их сочетания у людей, сумевших в своей жизни добиться положительных результатов в собственной деятельности, и с другой – дает представление о сочетании личностных качеств, тормозящих продвижение человека к самореализации. Жизнь человека наполнена творческой деятельностью, выходящей за рамки

удовлетворения непосредственных биологических потребностей, и тем самым она качественно отличается от жизни других высокоорганизованных животных. Эта деятельность связана с достижением общественно значимых целей, с самореализацией себя в обществе и заботой о других людях [4]. Об этом говорит в своей «возможностной» теории личности Д. А. Леонтьев, рассматривая активность человека сверх необходимых нужд выживания: «возможности никогда не воплощаются в действительности сами, это происходит только через деятельность субъекта, который воспринимает их как возможности для себя, что-то выбирает из них и делает свою «ставку», вкладывая себя и свои ресурсы в реализацию выбранной возможности» [5]. Субъект принимает на себя ответственность за реализацию данной возможности, даёт внутреннее обязательство перед самим собой вкладывать усилия в её реализацию. В этом переходе происходит трансформация: возможное – ценное (осмысленное) – должное – цель – действие. Влияние времени на функционирование и активность личности в этом процессе на сегодняшний день требует более углубленного изучения. Человек организует свою деятельность во времени, переживает результаты этой деятельности и выстраивает собственную временную перспективу в соответствии со своими потребностями и реальными условиями внешней среды.

В данной статье представлены результаты исследований стилей саморегуляции жизнедеятельности у личностей с различной сбалансированностью временной перспективы. Полученные результаты дают основание считать, что оптимальная сбалансированность временной перспективы в сочетании со способностью учитывать условия для выполнения задач и по мере продвижения к цели вносить коррективы в свои действия делают возможным для личности достижение позитивных результатов в собственной активности. И в то же время высокая способность выстраивать программу действий и самостоятельно выполнять задуманные планы при несбалансированной временной перспективе приводит к безуспешности высокой активности личности.

Изучением временной перспективы личности в различных ее пониманиях занимались такие ученые, как Ф. Зимбардо, Дж. Бойд, М. Р. Хачатурова, А. К. Болотова; К. А. Абульханова-Славская [6], Т. Н. Березина, Л. П. Караваева [7], Н. Н. Толстых [8]; Ж. Нюттен [9], В. Ленс, Т. Гисме, З. Залески, Е. И. Головаха и А. А. Кроник, О. В. Лукьянов [10–11]. Большинство ученых сходятся в том, что временная перспектива является значимой характеристикой личности человека и отражается во многих сферах его жизнедеятельности, при этом выступает одним из критериев личностного и социального развития. Автором данной статьи в предыдущих публикациях были рассмотрены отдельные аспекты временной перспективы, расширяющие представление о качественных характеристиках, дающих видение временной перспективы с позиции личностного потенциала, способствующего улучшению эффективности деятельности человека. Опираясь на теорию Ж. Нюттена о временной перспективе как мотивационной установке, было предложено понятие сбалансированности временной перспективы, отражающее наполненность мотивационными объектами временной перспективы и их равномерность распределения по темпоральным зонам [12]. Ж. Нюттен определял временную перспективу в двух основных ее составляющих: мотивационные объекты и их темпоральное расположение на оси времени жизни. Представленность прошлого, настоящего и будущего во временной перспективе обусловлена самой жизнью личности. Одной из составных частей временной перспективы является перспектива будущего как приобретенная личностная характеристика, которая формируется в результате мотивационного целеполагания [10]. Сами мотивационные объекты представлены в сознании человека в виде когнитивных репрезентаций целей.

В теории Ж. Нюттена внимание человека в отдельные моменты времени может фокусироваться на одном событии, остальные мотивационные объекты в этот момент находятся в латентном состоянии и осознаются в измененных внешних условиях. Поведенческий мир выстраивается в трех измерениях: настоящем, будущем и прошлом. Регуляция поведения осуществляется с учетом представленности целей во всех измерениях. Автором данной статьи были изучены различия наполняемости временной перспективы мотивационными объектами у людей, занимающихся активной самостоятельной деятельностью, требующей творческого подхода. Анализ полученных данных позволил определить три вида различной сбалансированности временной перспективы, соотносимых с эффективностью деятельности: первый вид – *оптимальная*, во временной перспективе располагается оптимальное количество мотивационных объектов, затрагивающих разные стороны жизни человека, соотносится с успешной деятельностью; второй вид – *обедненная*, при котором временная перспектива имеет ограниченное количество мотивационных объектов и соотносится с неуспешной деятельностью; и третий вид – *квазинасыщенная*, предполагающая расположение большого количества мотивационных объектов в одном-двух направлениях, превышающее оптимальный уровень и соотносящееся с нестабильной деятельностью [12].

Однако временная перспектива не единственная характеристика, регулирующая жизнедеятельность человека. Вопросами регуляции поведения также занимались ученые, изучающие непосредственные динамические процессы регулирования изменения поведения личности при изменяющихся условиях внешней среды. Здесь речь идет

о саморегулировании как регуляторном процессе личности в настоящем. В науке впервые о саморегуляции живых организмов заговорил П. К. Анохин. Продолжая развивать идеи И. П. Павлова о рефлекторной природе реагирования живых организмов на стимулы внешней среды, П. К. Анохин разработал теорию функциональных систем как опережающую реакцию живых организмов на меняющиеся внешние условия [13]. Иное видение на характер саморегуляции дают исследователи, делающие акцент на специфике личностного способа регуляции (К. А. Абульханова-Славская; А. Г. Асмолов; А. К. Осницкий; С. Л. Рубинштейн). В понимании К. А. Абульхановой-Славской динамический, процессуальный характер деятельности связан с «временно-пространственными ее характеристиками, которые относятся как к объективной системе деятельности, имеющей свои темпы, ритмы, «события» и т. д., так и к индивиду как субъекту психической деятельности» [6]. По мнению В. И. Моросановой, индивидуальные различия личности проявляются в развитости и осознанности у человека представлений о себе и окружающем мире, нравственных нормах поведения. В то же время при разной осознанности поставленной цели человек может быть по-разному вовлечен в активную деятельность, что зависит от индивидуальных особенностей регуляторных процессов [14]. Сама временная регуляция неразрывно связана с формированием временной перспективы личности, что в целом влияет на активность личности и продуктивность ее жизнедеятельности [15; 16]. Понимая, что существуют различные аспекты регулирования и определения поведения личности в целом, на сегодняшний день остается невыясненным вопрос, как различные процессы саморегуляции соотносятся со сбалансированностью временной перспективы и влияют на позитивный личностный потенциал человека. Связь процессов саморегуляции поведения и временной перспективы достаточно очевидна, хотя эти процессы рассматривались отдельно друг от друга. Следовательно, будет целесообразным изучение вопроса о соотношении сбалансированности временной перспективы и регуляторных процессов у личностей с различной успешностью деятельности, что даст более углубленное понимание сочетания механизмов регулирования жизнедеятельности, повышающих способность личности к самореализации в социальной сфере [17].

На основании теоретического анализа стилей регулирования жизнедеятельности можно предположить, что оптимально сбалансированная временная перспектива в сочетании со способностью адекватно оценивать внешнюю среду будут способствовать самореализации личности и проживанию ею более благополучной жизни, наполненной успехами в деятельности. И с другой стороны, отклонения сбалансированности временной перспективы в любую сторону (перенасыщенная или обедненная), в том числе в сочетании с развитыми процессами саморегулирования, не приведут к удовлетворению от собственной проживаемой жизни, негативно влияя на эффективность деятельности человека.

С целью проверки достоверности выдвинутых предположений были проведены исследования группы взрослых людей в возрасте от 40 до 70 лет, связанных с предпринимательской деятельностью. Группа состояла из 44 человек, из них 12 женщин и 32 мужчина, проживающие в городе Новосибирске. Все участники исследований являлись предпринимателями, начавшими свою предпринимательскую деятельность более 15 лет назад (1990–2000), при этом имеющие на сегодняшний день различные экономические результаты своей деятельности. Выборка была поделена на три группы по результатам предпринимательской деятельности и соответствующей им виду сбалансированности временной перспективы: первая группа ЭГ1 состояла из 15 человек – с оптимальной временной перспективой, вторая группа ЭГ2 – 16 человек – с обедненной временной перспективой, третья группа ЭГ3 – 11 человек – с квазинасыщенной временной перспективой; два человека не вошли ни в одну группу. Люди, входящие в группу ЭГ1 с оптимальной временной перспективой, имеют действующий, экономически успешный собственный бизнес. Люди, входящие в группу ЭГ2 с обедненной временной перспективой, имели собственный бизнес, но на момент исследований изменили направление своей деятельности. В третью группу ЭГ3 с квазинасыщенной временной перспективой вошли люди, пытающиеся на протяжении долгого времени организовать и наладить работу собственного предприятия, при этом на момент исследований они не добились успеха и не решились сменить вид деятельности, как это сделали люди из группы ЭГ2.

Разделение испытуемых на группы по критерию эффективности предпринимательской деятельности проводилось на основании личностного интервью, в котором респонденты рассказывали о своем жизненном пути как предпринимателя, отмечая временные периоды значительных изменений в процессе своей жизни. Кроме этого, использовалась внешняя оценка деятельности испытуемого на основании данных об экономическом состоянии предприятия, владельцем которого являлся участник исследований. Для определения характеристик сбалансированности временной перспективы был использован Метод мотивационной индукции (ММИ) Ж. Нюттена в адаптации Д. А. Леонтьева. Испытуемым предлагалось 40 незаконченных предложений, начинавшихся индукторами, позволяющими выразить свое намерение [10]. По результатам анализа данных, полученных с помощью ММИ, были определены виды сбалансированности временной перспективы

для каждой группы на основании количественной представленности мотивационных объектов в темпоральных зонах. Более подробно информация об определении видов сбалансированности временной перспективы для групп с различной эффективностью деятельности представлена автором в предыдущей статье «Проблема сбалансированности временной перспективы личности» [12]. Для исследования отдельных процессов саморегуляции личности был использован опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой. Опросник ССПМ состоит из 46 утверждений и работает как единая шкала «Общий уровень саморегуляции» (ОУ), которая характеризует уровень сформированности индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности человека [17]. Обработка и анализ данных проводился с помощью статистической программы SPSS17.0 с использованием U-критерия Манна-Уитни.

При анализе результатов, полученных в ходе исследований по критерию «моделирование» и «программирование» регуляции поведения, были выявлены различия между группами с оптимальной временной перспективой и с квазинасыщенной временной перспективой. Группа ЭГ1 имеет более высокий уровень процессов саморегуляции по критерию «моделирование» в отличие от группы ЭГ3. Группа ЭГ1 имеет более низкий уровень процессов саморегуляции по критерию «программирование» в отличие от группы ЭГ3. По критерию «оценивание результатов деятельности» у группы ЭГ1 уровень процесса саморегуляции выше по сравнению с группой ЭГ2. По критерию «самостоятельность» у группы ЭГ3 уровень процесса саморегуляции выше по сравнению с группой ЭГ2. Сравнительный анализ результатов, полученных в ходе исследований, по критерию «планирование» деятельности и «гибкость» деятельности не выявил различий между группами с различными видами сбалансированности временной перспективы. Выявленные различия между группами по процессам саморегуляции представлены в таблице.

Полученные профили стилей саморегуляции поведения также подтверждают существование различий регуляторных процессов у людей с различными видами сбалансированности временной перспективы. У личностей с оптимальной временной перспективой в профиле регуляции поведения определяется более высокий уровень процесса «моделирования» и «оценивания результатов» деятельности, при этом процессы «планирования» и «программирования» имеют уровень ниже, чем у группы с обедненной временной перспективой. У личностей с обедненной временной перспективой профиль стилей саморегуляции отличается от группы ЭГ1 более низким уровнем процессов «оценивания результатов», «гибкости» и «самостоятельности». Профиль группы с квазинасыщенной временной перспективой отличается от группы ЭГ1 низким уровнем «моделирования» и, наоборот, более высоким уровнем «планирования» и «программирования». Графические профили осознанной

Таблица. Взаимозависимость сбалансированности временной перспективы и стилей саморегуляции поведения

Table. The interdependence between the time perspective balance and behavior self-regulation styles

Критерий саморегуляции поведения	Вид группы по сбалансированности временной перспективы	Ранг	Сумма рангов	U-критерии Манна-Уитни	Уровень значимости
Моделирование	Оптимальная временная перспектива (ЭГ1)	16,33	245,0	0,025	p<0,05
	Квазинасыщенная временная перспектива (ЭГ3)	9,64	106,0		
Программирование	Оптимальная временная перспектива (ЭГ1)	11,20	168,00	0,068	p<0,10
	Квазинасыщенная временная перспектива (ЭГ3)	16,64	183,00		
Самостоятельность	Обедненная временная перспектива (ЭГ2)	11,78	188,50	0,068	p<0,10
	Квазинасыщенная временная перспектива (ЭГ3)	17,23	189,50		
Оценивание результатов	Оптимальная временная перспектива (ЭГ1)	18,93	284,00	0,066	p<0,10
	Обедненная временная перспектива (ЭГ2)	13,25	212,00		

саморегуляции поведения, имеющиеся у людей с различными видами сбалансированности временной перспективы, представлены на рисунке.

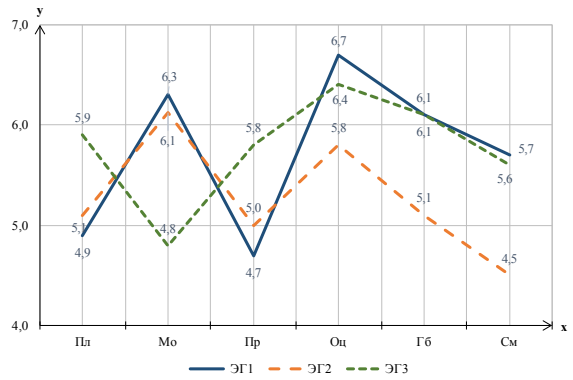


Рис. Профили стилей саморегуляции поведения для групп с различной сбалансированностью временной перспективы. По оси *y* отмечен уровень проявления процесса саморегуляции, по оси *x* отмечены шкалы саморегуляции: Пл – планирование; Мо – моделирование; Пр – программирование; Оц – оценка результата; Гб – гибкость; См – самостоятельность. Графики: ЭГ1 – сбалансированная временная перспектива; ЭГ2 – обедненная временная перспектива; ЭГ3 – квазинасыщенная временная перспектива
Fig. Profiles of self-regulation behavior styles for groups with a different time perspective balance. Y axis marks the level of manifestation of the self-regulation process; the *x* axis marks the self-regulation scales: Пл – planning; Мо – modeling; Пр – programming; Оц – valuation of the result; Гб – flexibility; См – independence. Graphs: ЭГ1 – balanced time perspective; ЭГ2 – depleted time perspective; ЭГ3 – quasi-saturated temporal perspective

Очевидно, что стили саморегуляции поведения отличаются у личностей с различной сбалансированностью временной перспективы. Способность выявлять значимые условия внутренних ресурсов и внешней среды, оценивать степень их значимости и возможности изменения присуща людям с оптимальной временной перспективой и позволяет им быть эффективными в собственной деятельности. Под внешними условиями понимается социальная среда определенной культурно-исторической эпохи. Объективно оценивать условия – значит соотносить технические возможности осуществления своих планов, в том числе экономическое состояние, политические условия, сопротивляемость окружения и т. д. с собственными ресурсами, такими как знания, навыки, биологически обусловленные характеристики и др. Не менее важным является умение устанавливать социальные контакты и прогнозировать развитие событий во времени. Помимо внешних условий «моделирование» подразумевает наличие внутренних ресурсов, а именно интеллектуальные способности, коммуникативные, физические и другие, и их эффективное использование. Личности с оптимальной временной перспективой способны использовать свои ресурсы и реагировать на изменения результатов деятельности, корректируя поведение. Эта категория людей включает во временную перспективу реально достижимые цели с учетом своих возможностей и располагает их соответственно на реально достижимом временном удалении. Эти цели-объекты, размещенные во временной перспективе, имеют различную направленность и в том числе непосредственно на деятельную активность, социальные контакты, физический комфорт и т. д., равномерно распределённые по темпоральным зонам.

У людей с квазинасыщенной временной перспективой данные способности значительно снижены, они недооценивают или переоценивают внешние обстоятельства и собственные ресурсы. Личности с квазинасыщенной временной перспективой в отличие от тех, у кого она сбалансирована оптимально, включают во временную перспективу большее количество целей, чаще всего направленных на какой-то один вид деятельности. В результате временная перспектива перегружается мотивационными объектами, человек «зацикливается» на одной идее, видение внешней ситуации искажается. При общей способности адекватно оценивать результаты собственной деятельности желание скорейшего достижения цели приводит к неспособности объективно оценить изменяющиеся условия и соответственно корректировать свое поведение. В результате при высокой активности и большом количестве поставленных целей личности с квазинасыщенной временной перспективой не добиваются желаемых результатов деятельности, их активность оказывается неэффективной.

Люди с обедненной временной перспективой относят позитивный результат на счет везения, а негативный результат приписывают исключительно своим действиям, тем самым усугубляя свое пониженное настроение, которое приводит к значительному снижению общей активности. В отличие от личностей с квазинасыщенной временной перспективой эти люди обесценивают собственные достижения и возможности. Данные особенности саморегуляции могут быть как временными, возникшими под воздействием внешних негативных условий и низкой стрессоустойчивости самой личности, так и могут являться чертой личности. Понимание, при каких условиях происходит формирование обедненной временной перспективы и является ли это признаком сбоев саморегуляции у интеллектуально развитых личностей, требует дополнительных исследований в этом направлении. В случае с обедненной временной перспективой необходимо разделять причины ее обеднения, которые могут быть связаны с низким общим интеллектуальным

развитием, физическим истощением или с периодом переживания различного вида кризиса и неспособностью преодолеть кризисное состояние.

Представленный в статье анализ результатов исследований подтвердил наличие типологических особенностей саморегулирования поведения у личностей с различной сбалансированностью временной перспективы. Сбалансированную временную перспективу можно отнести к позитивным качествам личности, способствующим достижению благополучной, счастливой жизни. Сочетание оптимально сбалансированной временной перспективы с развитыми процессами регуляции жизнедеятельности способствует эффективной деятельной активности. И в противоположность этому развитые процессы саморегуляции при несбалансированной временной перспективе негативно влияют на жизнь и деятельность личности. Открываются перспективы для изучения возможности коррекции саморегуляции поведения через осознанное изменение формирования временной перспективы, что может представлять интерес в том числе для практических психологов. Также интерес представляют исследования обратного процесса, а именно формирования сбалансированной временной перспективы через изменение процессов саморегуляции.

Литература

1. Леонтьев Д. А. Позитивная психология – повестка дня нового столетия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 36–58.

2. Леонтьев Д. А. Подход через позитивные черты личности: от психологического благополучия к добродетелям и силам характера // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 76–92.

3. Seligman M. E. P., Csikszentmihalyi M. Positive Psychology: an introduction // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 1. P. 5–14.

4. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А. В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1997. 576 с.

5. Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: От необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.

6. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. 335 с.

7. Караваева Л. П. Особенности представления о будущем в период середины жизни у людей с разной временной перспективой // Человеческий капитал. 2013. № 4. С. 23–27.

8. Толстых Н. Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: дис. … д-ра психол. наук. М., 2010. 545 с.

9. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.

10. Лукьянов О. В. Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 164–170.

11. Лукьянов О. В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 2. С. 46–63.

12. Попова О. Н. Проблема сбалансированности временной перспективы личности // Сибирский психологический журнал. 2017. № 66. С. 18–31.

13. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 395 с.

14. Моросанова В. И. Индивидуальная саморегуляция и характер человека // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 59–68.

15. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37.

16. Мандрикова Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 54–65.

17. Моросанова В. И., Аронова Е. А. Саморегуляция и самосознание субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 1. С. 14–22.

STYLES OF VITAL ACTIVITY REGULATION IN ACCORDANCE WITH THE TEMPORAL PERSPECTIVE BALANCE

Oksana N. Popova [a, b, @]

[a] *Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuyskaya St., Novosibirsk, Russia, 630126*
[b] *City Center of Psychological and Pedagogical Support of Youth "Rodnik", 13, Narodnaya St., Novosibirsk, Russia, 630075*
[@] *ankor-akc@yandex.ru*

Received 17.05.2018. Accepted 08.08.2018.

Keywords: time perspective of the person, balance, self-regulation, entrepreneurship, quality of life.

Abstract: The paper deals with the relationship between the characteristics of individual time perspective and the processes of self-regulation that affect the quality of life. The research features personal characteristics of people engaged in entrepreneurial activities. The author has conducted a comparative analysis of time perspective balance in relation to the styles of self-regulation in three groups: successful entrepreneurs, individuals who refuse to engage in entrepreneurial activities for various reasons, and individuals who keep failing to organize their own business. The obtained results have revealed that a balanced time perspective in combination with regulatory modeling and evaluation processes is necessary for successful business activity. If time perspective is unbalanced, it does not allow the individual to use their positive potential to the full, even if life regulation processes are well-developed.

For citation: Popova O. N. Stili regulirovaniia aktivnosti zhiznedeiatel′nosti v sootvetstvii so sbalansirovannost′iu vremennoi perspektivy lichnosti [Styles of Vital Activity Regulation in accordance with the Temporal Perspective Balance]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 113–120. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-113-120.

References

1. Leontiev D. A. Pozitivnaia psikhologiia – povestka dnia novogo stoletiia [Positive psychology – the agenda of the new century]. *Psikhologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9, no. 4 (2012): 36–58.

2. Leontiev D. A. Podkhod cherez pozitivnye cherty lichnosti: ot psikhologicheskogo blagopoluchiia k dobrodeteliam i silam kharaktera [Approach through positive personality traits: from psychological well-being to virtues and strengths of character]. *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Ed. Leontiev D. A. Moscow: Smysl, 2011, 76–92.

3. Seligman M. E. P., Csikszentmihalyi M. Positive Psychology: an introduction. *American Psychologist*, 55, no. 1 (2000): 5–14.

4. Psikhologicheskaia nauka v Rossii XX stoletiia: problemy teorii i istorii [Psychological science in the XX century Russia: problems of theory and history]. Ed. Brushlinskii A. V. Moscow: Institut psikhologii RAN, 1997, 576.

5. Leontiev D. A. Novye orientiry ponimaniia lichnosti v psikhologii: Ot neobkhodimogo k vozmozhnomu [New benchmarks of understanding of personality in psychology: From the necessary to the possible]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 1 (2011): 3–27.

6. Abul′khanova-Slavskaia K. A. *Deiatel'nost' i psikhologiia lichnosti* [Activities and psychology of personality]. Moscow: Nauka, 1980, 335.

7. Karavaeva L. P. Osobennosti predstavleniia o budushchem v period serediny zhizni u liudei s raznoi vremennoi perspektivoi [Specifics of future notions during personality midlife in individuals with different time perspective]. *Chelovecheskii kapital = Human Capital*, no. 4 (2013): 23–27.

8. Tolstykh N. N. *Razvitie vremennoi perspektivy lichnosti: kul'turno-istoricheskii podkhod.* Diss. doktora psikhol. nauk [Development of the temporal perspective of the individual: cultural and historical approach. Dr. Psychol. Sci. Diss.]. Moscow, 2010, 545.

9. Niutten Zh. *Motivatsiia, deistvie i perspektiva budushchego* [Motivation, action and perspective of the future]. Ed. Leontiev D. A. Moscow: Smysl, 2004, 608.

10. Lukyanov O. V. Ekzistentsial′nyi analiz i priroda vremeni. Transtemporal′nyi kharakter ekzistentsial′nogo opyta [Existential analysis and the nature of time. Transtemporal character of existential experience]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 299 (2007): 164–170.

11. Lukyanov O. V. Faktor vremeni v sisteme psikhologicheskikh interpretatsii [The time factor in the system of psychological interpretations]. *Psikhologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 7, no. 2 (2010): 46–63.

12. Popova O. N. Problema sbalansirovannosti vremennoi perspektivy lichnosti [The problem of a time perspective balance]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, no. 66 (2017): 18–31.

13. Anokhin P. K. *Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funktsional'noi sistemy* [Selected works. Philosophical aspects of the theory of functional systems]. Moscow: Nauka, 1978, 395.

14. Morosanova V. I. Individual′naia samoreguliatsiia i kharakter cheloveka [Individual self-regulation and character]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 3 (2007): 59–68.

15. Leontiev D. A. Samoreguliatsiia, resursy i lichnostnyi potentsial [Autoregulation, resources, and personality potential]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, no. 62 (2016): 18–37.

16. Mandrikova E. Iu. Sovremennye podkhody k izucheniiu vremennoi perspektivy lichnosti [Modern approaches to the study of the temporal perspective of the individual]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 29, no. 4 (2008): 54–65.

17. Morosanova V. I., Aronova E. A. Samoreguliatsiia i samosoznanie sub”ekta [Self-regulation and self-consciousness of the subject]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 29, no. 1 (2008): 14–22.

УДК 159.9

ФОРМИРОВАНИЕ Я-КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Марина В. Сокольская [a, @, ID]***; Ирина К. Коростелева*** [b]

[a] *Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, Россия, ГСП-4, г. Москва, ул. Образцова, 9*
[b] *Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47*
[@] *mvsokolskaya@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-5693-2021*

Поступила в редакцию 26.07.2018. Принята к печати 07.09.2018.

Ключевые слова:
Я-концепция, личность, студенты, профессионал, учебно-профессиональная деятельность, профессиональная деятельность, железнодорожный транспорт.

Аннотация: В статье представлены результаты пилотного исследования формирования Я-концепции личности профессионала в процессе учебно-профессиональной деятельности. Проблема Я-концепции личности привлекает внимание ученых, активно исследуются различные аспекты этого феномена, но недостаточно разработанными остаются вопросы формирования Я-концепции личности профессионала: сензитивный период формирования, условия, факторы и динамика формирования, взаимосвязь Я-концепции личности профессионала и профессиональной деятельности и др. Сформированная адекватная Я-концепция профессионала играет особую роль в системах деятельности, осуществляемых в экстремальных условиях, где времени на адаптацию к условиям труда практически нет, а степень ответственности чрезвычайно высока. К таким видам труда относится профессиональная деятельность на транспорте. В исследовании приняли участие студенты 1, 3 и 5 курсов технических специальностей Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск) и действующие специалисты-железнодорожники соответствующего профиля. Диагностический пакет сформирован в соответствии с теоретически выявленной структурой Я-концепции личности. В результате исследования сделан ряд выводов, основные из которых подтверждают предположение, что Я-концепция личности профессионала закладывается в период освоения студентами учебно-профессиональной деятельности, а формируется непосредственно в условиях профессиональной деятельности. Также разработаны рекомендации, позволяющие систематизировать работу по формированию Я-концепции будущего профессионала в период обучения в транспортном вузе.

Для цитирования: Сокольская М. В., Коростелева И. К. Формирование Я-концепции личности профессионала в процессе учебно-профессиональной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 121–128. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-121-128.

Введение

Современные исследования в диаде «личность – профессия» охватывают множество вопросов, касающихся соответствия требований деятельности и особенностей личности специалиста. Определение взаимосвязи представлений о себе и процесса учебно-профессиональной деятельности может быть перспективным направлением исследований в рамках формирования структуры личности субъекта труда. К тому же изучение этих взаимосвязей даёт возможность рассмотреть Я-концепцию личности специалиста как один из параметров анализа специфики профессиональной деятельности.

Современные представления о Я-концепции берут свое начало с работ У. Джеймса [1], Ч. Кули и Дж. Мида, Э. Эриксона [2]. Различные представления о феноменологии Я-концепции личности нашли отражение в работах В. С. Агапова, А. К. Болотовой и О. Н. Молчановой [3], А. В. Иващенко, И. С. Кона, Р. Бернса [4], М. Куна, Г. Олпорта. На сегодняшний день исследованы различные аспекты проблемы Я-концепции: её место в структуре личности (К. Роджерс, А. Маслоу, К. Хорни), значение социального фактора в формировании Я-концепции (Э. Эриксон, Т. Шибутани), содержание когнитивного компонента образа «Я» в онтогенезе (Р. Бернс, Р. Ассаджоли).

Разработанными в определенной степени являются понятие «Я-концепция», её виды (профессиональная, общая и т. д.), а также истоки формирования. Все

исследования Я-концепции личности объединяют следующие позиции: она характеризуется определенным рядом системных свойств – целостностью, структурностью, открытостью взаимосвязи Я-концепции со средой, иерархичностью, множественностью описания; Я-концепция развивается на протяжении всего жизненного пути личности [5–9].

Итак, Я-концепция интегрирует индивидуальные, личностные, субъектно-деятельностные характеристики личности [10]. Это особо значимая для личности система дифференцированных представлений о себе, гарантирующая определенность и устойчивость мотивов, поступков и отношений, на основании которой человек выстраивает взаимодействие с внешним миром. Функциональное предназначение Я-концепции личности состоит в познании и осознании самого себя, своего места в окружающем мире, регуляции и интеграции поведения и деятельности, обеспечении становления и развития. В качестве системообразующего фактора Я-концепции выступает смысловое отношение субъекта к самому себе [5].

По мере накопления опыта реального взаимодействия с другими, общения и деятельности складывается обобщенная, устойчивая, реалистическая и независимая Я-концепция личности. Различные подструктуры Я-концепции проявляются в различные периоды онтогенеза человека, однако нельзя выделить определенные возрастные периоды, сензитивные для формирования конкретных подструктур Я-концепции. Скорее, можно говорить об уровнях формирования Я-концепции в связи с достижением определенных уровней зрелости личности.

Тем не менее, поскольку время выбора профессии приходится на период юности и психологи в качестве ведущей деятельности юности называют профессиональное самоопределение, то можно предположить, что процесс формирования Я-концепции личности профессионала «запускается» в период освоения профессии – в процессе учебно-профессиональной деятельности [6; 7; 11].

Это предположение подтверждается и основными новообразованиями периода юности, к которым относятся готовность к личностному и профессиональному самоопределению; устойчивая и независимая Я-концепция; построение системы ценностей и этических принципов как ориентиров собственного поведения; формирование мировоззрения и жизненных планов; переход к самодетерминации поведения.

Вышесказанное позволило определить цель исследования – изучить формирование Я-концепции личности профессионала в процессе учебно-профессиональной деятельности.

Методы

В исследовании приняли участие 100 человек: студенты института управления, автоматизации и телекоммуникации (ИУАиТ ДВГУПС) г. Хабаровск – 71 человек в возрасте от 18 до 23 лет – и действующие работники Дальневосточной железной дороги (ДВЖД) – дежурные по станции и поездные диспетчеры в количестве 29 человек в возрасте от 27 до 40 лет с опытом работе не менее 5 лет. Сформированы 4 группы: выборка студентов была разделена на 3 группы в зависимости от курса обучения: 1, 3 и 5 курсы, плюс группа профессионалов.

В соответствии с принятым в работе определением Я-концепции как динамической системы представлений человека о самом себе, в которую входит осознание своих физических, социальных, интеллектуальных и эмоциональных «Я», а также самооценка и субъективное восприятие внешних факторов, оказывающих влияние на личность, были выделены структурные составляющие Я-концепции и сформирован пакет диагностических методик, представленный в таблице 1.

Таблица 1. Психодиагностический инструментарий, ориентированный на изучение образований личности, формирующих Я-концепцию

Table 1. The psychodiagnostic tools for I-concept studies

Образование, формирующее Я-концепцию личности	Название методики
Черты личности	Шестнадцатифакторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С)
Самооценка личности	Тест двадцати высказываний «Кто Я?» Куна-Макпартленда (модификация Т. В. Румянцевой)
Личностные ценности	Ценностные ориентации М. Рокича
Личностная направленность	Диагностика направленности личности Б. Басса (опросник Смекала-Кучера)
Профессиональные ценности	«Якоря карьеры» Э. Шейна
Самоактуализация личности	Самоактуализационный тест Л. Я. Гозмана, М. В. Кроза, М. В. Латинской
Смысложизненные ориентиры	Тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева

Результаты исследования и их обсуждение

В нашем исследовании в качестве респондентских определены группы студентов 1, 3 и 5 курсов, позволяющие изучить формирование Я-концепции в процессе учебно-профессиональной деятельности. При описании результатов исследования остановимся непосредственно на показателях, попавших в зону значимости во всех группах респондентов, следовательно, именно эти показатели и оказывают влияние на формирование Я-концепции личности профессионала операторов железнодорожного транспорта.

В зону значимости попадают следующие шкалы: «Q2» (шестнадцатифакторный личностный опросник Р. Кеттелла) – самодостаточность (самостоятельность) – социабельность (зависимость от группы).

Также существуют шкалы, попавшие в зону неопределенности:

«О» (опросник Р. Кеттелла) – гипотимия (склонность к чувству вины) – гипертимия (самоуверенность);

«Стабильность работы» («Якоря карьеры» Э. Шейна) – стабильная, надежная работа на длительное время;

«Я» (направленность личности (Б. Басса)) – ориентация на себя безотносительно от содержания работы, склонность к соперничеству.

Однако расчет асимптотической значимости показал, что на уровне статистической значимости $p \leq 0{,}05$ значимыми являются все вышеперечисленные шкалы.

Таким образом, в процессе учебно-профессиональной деятельности наиболее существенный вклад в формирование Я-концепции личности профессионала вносят черты личности: применительно к профессии оператора ж/д-транспорта это самодостаточность – социабельность и гипотимия – гипертимия, направленность (на себя) и профессиональные ценности (стабильность работы).

Динамику формирования Я-концепции личности профессионала в процессе учебно-профессиональной деятельности рассмотрим посредством изменения каждого компонента, воспользовавшись системой средних рангов программы SPSS Statistics 17.0.

Фактор «Q2» отражает дихотомию по показателю самодостаточность (самостоятельность) – социабельность (зависимость от группы). Низкий средний ранг по данному фактору указывает на склонность к деятельности и принятию решения совместно с другими людьми; проявляется зависимость и любовь к группе; характерной чертой является общительность, обусловленная поиском поддержки со стороны группы. Высокий средний ранг указывает на независимость и самостоятельное принятие решений; уверенность только в своих силах; отсутствие нужды в согласии и поддержке от других людей.

Как видно из рисунка 1, наибольшую самодостаточность демонстрируют студенты 3 курса. Как показали результаты исследований, у студентов в этот период появляется ощущение независимости от родительской семьи, чему способствует также достижение возраста совершеннолетия – 21 год; у них уже сформировались отношения в группе, они завоевали определенный авторитет у преподавателей; свободно ориентируются в вузе; многие начинают работать, что отражается на их финансовой независимости.

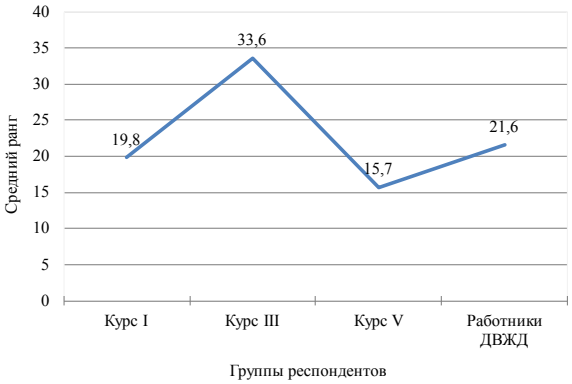


Рис. 1. Динамика изменения шкалы «Q2»
Fig. 1. Dynamics pattern of Q2 scale

Самые низкие баллы по данной шкале – у выпускников, что свидетельствует о высокой степени зависимости от группы. Это может быть связано с рядом факторов, касающихся окончания обучения: сокращением общения с одногруппниками; подготовкой к выпускным испытаниям; предстоящим трудоустройством. Уровень знаний, круг общения, переживаемые чувства и эмоции выпускников приблизительно идентичны, что уже является фактором сплочения. К тому же осознание неизбежности смены вида деятельности (с учебной на трудовую) и связанное с этим чувство неизвестности заставляют выпускников желать стабильности, т. е. остаться в этом коллективе как можно дольше.

Результаты исследования показали, что студенты 1 курса и действующие работники ДВЖД имеют приблизительно одинаковый – средний – уровень по шкале самодостаточности – социабельности. Т. е. данные респонденты вполне комфортно себя чувствуют как в самостоятельной деятельности, так и в групповой.

Низкий ранг по фактору «О» – гипотимия (склонность к чувству вины) – гипертимия (самоуверенность) указывает на преобладание безмятежного, спокойного настроения; невозмутимость; уверенность в себе и своих способностях; пониженное чувство угрозы. Высокий средний ранг отражает депрессивность; преобладание плохого настроения, мрачных предчувствий и беспокойства; тенденция к тревожности в трудных ситуациях.

Анализ графика, представленного на рисунке 2, показывает, что результаты по данной шкале у студентов 1, 3 и 5 курсов отличаются незначительно, в то время как у работников ДВЖД они

практически наполовину ниже. Т. е. студентам вне зависимости от курса обучения характерны тревожность, беспокойство; периодически они испытывают чувство вины, что вероятнее всего обусловлено факторами внешней среды, а именно учебной конкуренцией, необходимостью систематической подготовки к занятиям, сессией и пр.

Действующие железнодорожники демонстрируют средние показатели, т. е. уверенность в своих силах может сменяться у них обеспокоенностью и тревожными размышлениями. Жизнь работающего человека отличается большей определенностью и предсказуемостью по сравнению со студенческой, но профессиональная деятельность в системе транспорта связана с высокой степенью экстремальности и неопределенности.

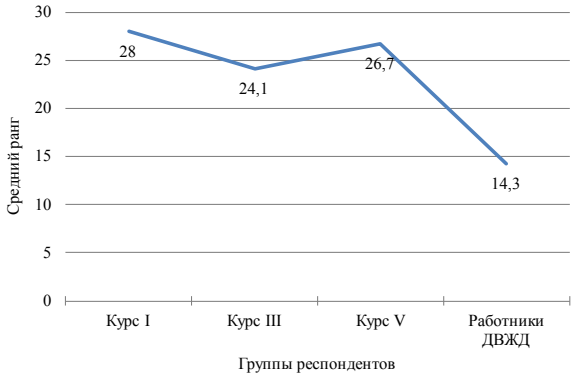


Рис. 2. Динамика изменения шкалы «О»
Fig. 2. Dynamics pattern of a O scale

Ведущий профессиональный мотив «Стабильность работы» характеризует людей, которые отождествляют свою работу со своей карьерой. Эти люди испытывают потребность в безопасности, защите и возможности прогнозирования и будут искать постоянную работу с минимальной вероятностью увольнения. Они очень ценят социальные гарантии, которые может предложить работодатель, и, как правило, их выбор места работы связан именно с длительным контрактом и стабильным положением компании на рынке.

Как видно из графика, представленного на рисунке 3, для выпускников и работников ДВЖД практически в равной степени важной является стабильность места работы. Несмотря на идентичность показателей, причины этого явления различны. Ценность стабильности работы для сотрудников ДВЖД обусловлена стремлением обеспечивать себя и свою семью, возможностью развиваться в выбранной карьере. Для выпускников эта ценность приобретает другую форму: они стремятся устроиться работать по специальности, понимая, что трудоустройство в ОАО «РЖД» гарантирует им определенную стабильность [11].

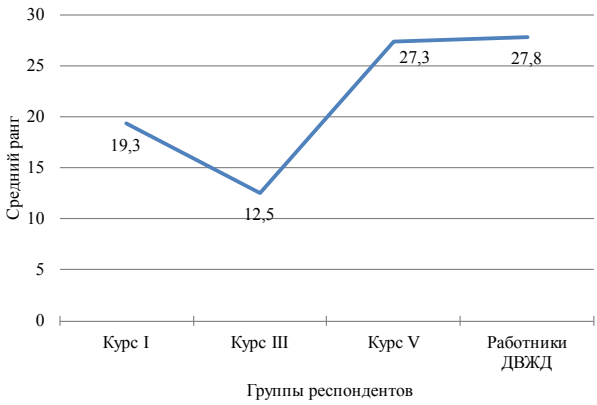


Рис. 3. Динамика изменения шкалы «Стабильность работы»
Fig. 3. Dynamics pattern of Stability of Work scale

На рисунке 4 представлены результаты исследования, полученные по шкале «Я» методики направленности личности Б. Басса, которая отражает ориентацию на прямое вознаграждение и удовлетворение собственных потребностей личности, агрессивность в достижении статуса, властность, склонность к соперничеству. Наиболее высокие показатели выявлены у студентов 1 и 5 курсов. Респонденты обеих групп находятся в кризисных жизненных ситуациях: вчерашние школьники теперь абитуриенты, а студенты – выпускники вуза, молодые специалисты. Такая ситуация оказывает давление на студентов и заставляет проявлять упорство, настойчивость; стремление достижения нового статуса обуславливает чувство соперничества и проявление в какой-то степени агрессивности.

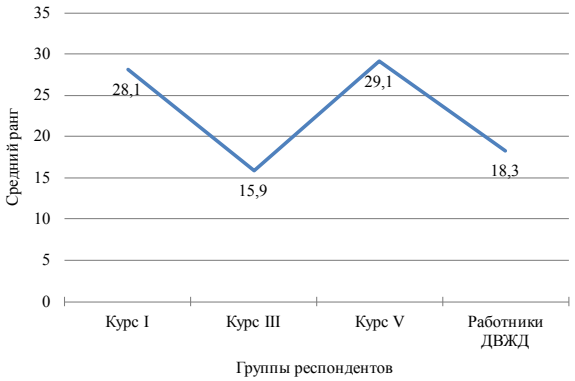


Рис. 4. Динамика изменения шкалы «Я»
Fig. 4. Dynamics pattern of I-scale

Существуют различия в выраженности тех или иных проявлений черт характера, профессиональных ценностей и направленности личности. Однако в зависимости характеристик учебно-профессиональной группы респондентов эти различия обусловлены либо внешними, либо внутренними факторами.

Помимо количественных методик, в которых есть возможность просчитать статистику и выделить значимые корреляционные связи, в настоящем исследовании использованы качественные методики,

обработка которых носит описательный характер. К таким методикам относится диагностика ценностных ориентаций М. Рокича, направленная на исследование субъективного структурирования системы ценностных ориентаций личности. Обработка результатов методики производилась путем подсчета частоты встречаемости предпочитаемых (значимых) и отвергаемых (незначимых) ценностей. Результаты диагностики ценностей по методике М. Рокича, представленные в таблице 2, иерархически распределены в соответствии с частотой выборов ценностей респондентами всех групп.

Таблица 2. Результаты диагностики ценностных ориентаций по методике М. Рокича
Table 2. Results of value system diagnostics according to M. Rokich's method

Предпочитаемые	Частота выборов (%)	Отвергаемые	Частота выборов (%)
Список А. Терминальные ценности			
Здоровье	100	Познание	25
Любовь	100	Развлечения	25
Счастливая семейная жизнь	75	Общественное признание	25
Наличие хороших и верных друзей	25	Свобода	25
–	–	Творчество	50
–	–	Счастье других	75
–	–	Красота природы и искусства	75
Список В. Инструментальные ценности			
Воспитанность	100	Широта взглядов	25
Образованность	50	Честность	25
Терпимость	25	Эффективность в делах	25
Ответственность	25	Рационализм	25
Независимость	25	Твердая воля	25
Самоконтроль	25	Чуткость	50
Честность	25	Высокие запросы	50
–	–	Непримиримость к недостаткам в себе и других	75

Анализ результатов исследования ценностей (таблица 2) показал наличие совпадений как среди предпочитаемых, так и среди отвергаемых ценностей между некоторыми респондентскими группами. Терминальные ценности «здоровье» и «любовь» выявлены в качестве предпочитаемых у всех групп респондентов. Отличием в списке предпочитаемых терминальных ценностей выступает ценность «наличие хороших и верных друзей» у студентов 3 курса, в то время как остальные группы респондентов отметили ценность «счастливая семейная жизнь». Говоря об отвергаемых терминальных ценностях, следует отметить большую вариативность ответов. Такие ценности, как «красота природы и искусства», «творчество» и «счастье других», отвергают только студенты 3 и 5 курсов и работники ДВЖД. Для студентов 1 курса незначимыми являются ценности «общественное призвание», «познание» и «развлечения».

В список предпочитаемых инструментальных ценностей 100 % респондентов внесли «воспитанность». Такую ценность, как «образованность», в качестве значимой отметили работники ДВЖД и третьекурсники. Большинство респондентов отвергают ценность «непримиримость к недостаткам в себе и других»: студенты 3 и 5 курсов и работники ДВЖД. «Чуткость» отвергают студенты 1 и 3 курсов, а «высокие запросы» противоречат ценностям выпускного курса и работников ДВЖД. Следует обратить внимание на ценность «честность», которая является предпочитаемой студентами 5 курса и отвергаемой первокурсниками.

Таким образом, следует констатировать, что существуют такие ценности, которые принимаются всеми респондентами, но вместе с тем отсутствуют ценности, отвергаемые всеми респондентами; в процессе формирования Я-концепции личности профессионала происходит изменение большинства инструментальных ценностей личности.

Методика двадцати высказываний «Кто Я?» Куна-Макпартленда (модификация Т. В. Румянцевой) позволяет сделать вывод об уровне самооценки и оценить, характеризует ли респондент

себя относительно профессии. Уровень самооценки личности респондентов представлен на рисунке 5.

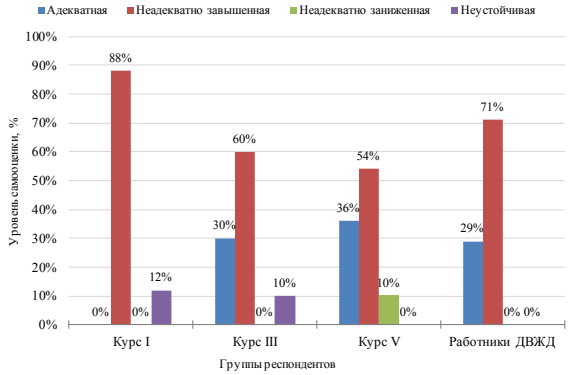


Рис. 5. Уровень самооценки личности респондентов
Fig. 5. Self-assessment level of respondents' identity

Наиболее высокий процент неадекватно завышенного уровня самооценки и неустойчивой самооценки встречается в группе студентов 1 курса. Этот факт можно связать с возрастными особенностями: самооценка находится в процессе формирования, в связи с чем является динамичной структурой. Это предположение подтверждает анализ самооценки студентов 3 курса, где процент неадекватно завышенной самооценки снижен. Также группа студентов 3 курса демонстрирует высокий процент адекватного уровня самооценки. К моменту выпуска самооценка еще более стабилизируется, о чем свидетельствует отсутствие неустойчивой самооценки в группе студентов 5 курса.

Однако уровень самооценки не является ключевым при описании себя респондентами. Наиболее важной представляется наличие характеристики себя относительно профессии. Только 11 % первокурсников и 10 % третьекурсников описывают себя относительно профессии, в группе выпускников – 18 %, в группе действующих работников ДВЖД – 29 %. Этот результат свидетельствует о сближении личности студентов с профессией, идентификации себя с профессией в процессе освоения учебно-профессиональной деятельности. С высокой долей достоверности можно говорить о том, что Я-концепция личности профессионала закладывается во время освоения студентом учебно-профессиональной деятельности, а завершается её формирование уже непосредственно в условиях профессиональной деятельности.

Выводы

1. Результаты исследования подтвердили предположение, что Я-концепция личности профессионала закладывается в период освоения студентами учебно-профессиональной деятельности, а формируется непосредственно в условиях профессиональной деятельности.

2. Значимыми при формировании Я-концепции личности профессионала в процессе учебно-профессиональной деятельности являются такие черты личности, как самостоятельность / зависимость от группы (самодостаточность – социабельность) и склонность к чувству вины / самоуверенность (гипотимия – гипертимия).

Наиболее самодостаточными, самостоятельными являются студенты 3 курса, тогда как выпускники стремятся быть включенными в группу, чувствовать свою причастность к ней. Студенты 1 курса и железнодорожники имеют средний уровень самостоятельности / зависимости от группы.

Показатели студентов всех курсов характеризуются высоким уровнем гипотимических проявлений, в отличие от сотрудников ДВЖД, уровень показателей которых существенно ниже. Студентам характерны тревожность, беспокойство и чувство вины, в то время как железнодорожники демонстрируют уверенность в своих силах, которая может сменяться обеспокоенностью и мрачными размышлениями.

3. При формировании Я-концепции личности профессионала в процессе учебно-профессиональной деятельности наиболее существенной личностной характеристикой является направленность на себя, а в качестве профессиональной ценности выступает стабильность места работы. Студенты 1 и 5 курсов в большей степени ориентированы на прямое вознаграждение и удовлетворение собственных потребностей, властны, склонны к агрессии и соперничеству в достижении статуса. Студенты 5 курса и железнодорожники в качестве значимой профессиональной ценности выделяют стабильность места работы.

4. Выявлено, что существуют такие ценности, которые принимаются всеми респондентами, но отсутствуют ценности, отвергаемые всеми респондентами.

5. В процессе формирования Я-концепции происходит изменение большинства инструментальных ценностей личности.

6. В качестве рекомендаций по формированию адекватной, устойчивой Я-концепции личности будущего работника ДВЖД считаем необходимым наладить тесное сотрудничество вуза и предприятий ДВЖД; организовать эффективную систему наставничества из опытных сотрудников и пенсионеров отрасли; привлекать студентов и преподавателей к участию во всех мероприятиях Дальневосточной железной дороги; контролировать эффективность учебной и производственной практик на предприятиях железнодорожного транспорта со стороны руководства кафедр и предприятий; организовать на постоянной основе для студентов посещение будущих мест работы в рамках ознакомительных экскурсий на протяжении всего времени обучения.

Литература

1. Джеймс У. Психология. СПб.: Питер, 2017. 352 с.
2. Эриксон Э. Детство и общество / пер. и науч. ред. А. А. Алексеев. СПб.: Летний сад, 2000. 415 с.
3. Болотова А. К., Молчанова О. Н. Психология развития и возрастная психология. СПб.: Питер, 2018. 512 с.
4. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 422 с.
5. Джанерьян С. Т. Системный подход к изучению профессиональной Я-концепции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 4S. С. 162–169.
6. Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. 256 с.
7. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000. 624 с.
8. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. Особенности иерархии составляющих образа Я в зависимости от принадлежности к этническому большинству либо меньшинству // Лурievский подход в мировой психологической науке. Екатеринбург, 2017. С. 154–155.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2018. 713 с.
10. Корпулина В. Н., Смирнова М. Н., Гордеева Н. О. Психологический словарь. Ростов н/Д, 2004. 640 с.
11. Сокольская М. В. Личностное здоровье специалистов в различных видах профессиональной деятельности (сообщение 2) // Сибирский психологический журнал. 2008. № 30. С. 110–114.

I-CONCEPT OF ONE'S PROFESSIONAL IDENTITY: FORMATION IN CLASS AND AT WORK

Marina V. Sokolskaya [a, @, ID]***; Irina K. Korosteleva*** [b]

[a] *Russian University of Transport (MIIT), 9, Obraztsova St., Moscow, GSP-4, Russia, 127994*
[b] *Far Eastern State Transport University, 47, Serysheva St., Khabarovsk, Russia, 680021*
[@] *mvsokolskaya@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-5693-2021*

Received 26.07.2018. Accepted 07.09.2018.

Keywords: I-concept, personality, students, professional, educational and professional activity, professional activity, railway transport.

Abstract: The paper features some results of a pilot research on the formation of I-concept of one's professional identity during practical training and at work. The issues of the I-concept draw attention of modern scientists; however, the problem of I-concept of one's professional identity remains largely understudied, e.g. its sensitive period of formation, conditions, factors and dynamics, interrelations between the I-concept of one's professional identity and one's professional activity, etc. An adequate I-concept plays a special role in the activities connected with extreme conditions, a high degree of responsibility and a brief adaptation period, e.g. public transport. The research involved first-, third- and fifth-year students of State Transportation University of the Far East (Khabarovsk) and railroad employees of the corresponding profile. The diagnostic package was shaped according to the theoretically revealed structure of the I-concept. The results confirmed the initial assumption that one's "I-concept" of the professional identity is rooted in one's learning and practical training, but its actual formation happens during one's professional activity. The paper contains some recommendations on I-concept formation in students majoring in transport.

For citation: Sokol′skaya M. V., Korosteleva I. K. Formirovanie Ia-kontseptsii lichnosti professionala v protsesse uchebno-professional′noi deiatel′nosti [I-concept of one's Professional Identity: Formation in Class and at Work]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3 (2018): 121–128. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-121-128.

References

1. James W. *Psikhologiia* [Psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2017, 352.
2. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. Transl. and ed. Alekseev A. A. Saint-Petersburg: Letnii sad, 2000, 415.

3. Bolotova A. K., Molchanova O. N. *Psikhologiia razvitiia i vozrastnaia psikhologiia* [Developmental psychology and developmental psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2018, 512.

4. Burns R. *Razvitie Ia-kontseptsii i vospitanie* [Development of self-concept and education]. Moscow: Progress, 1986, 422.

5. Dzhaner′ian S. T. Sistemnyi podkhod k izucheniiu professional′noi Ia-kontseptsii [A systematic approach to the study of the professional I-concept]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*, no. 4S (2005): 162–169.

6. Priazhnikov N. S. *Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie* [Professional and personal self-determination]. Moscow: Izd-vo Instituta prakticheskoi psikhologii; Voronezh: MODEK, 1996, 256.

7. Rice F., Dolgin K. *Psikhologiia podrostkovogo i iunosheskogo vozrasta* [Psychology of adolescence and adolescence]. Saint-Petersburg: Piter, 2000, 624.

8. Yanitsky M. S., Seryy A. V., Braun O. A. Osobennosti ierarkhii sostavliaiushchikh obraza Ia v zavisimosti ot prinadlezhnosti k etnicheskomu bol′shinstvu libo men′shinstvu [Hierarchy of components of Self-image due to belonging to national minority or majority]. *Lurievskii podkhod v mirovoi psikhologicheskoi nauke* [Lurievsky approach in the world of psychological science]. Ekaterinburg, 2017, 154–155.

9. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2018, 713.

10. Korpulina V. N., Smirnova M. N., Gordeeva N. O. *Psikhologicheskii slovar′* [Psychological dictionary]. Rostov-on-Don, 2004, 640.

11. Sokol′skaya M. V. Lichnostnoe zdorov′e spetsialistov v razlichnykh vidakh professional′noi deiatel′nosti (soobshchenie 2) [The personally health of professionals in different form of professional activity (report II)]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, no. 30 (2008): 110–114.

УДК 159.942

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ольга А. Токарева [a]***; Андрей В. Серый*** [a, @, ID1]***; Александр И. Федоров*** [a, ID2]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *avgrey@yahoo.com*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-9318-4333*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0002-2237-5298*

Поступила в редакцию 28.04.2018. Принята к печати 15.08.2018.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, теоретические подходы, методические средства оценки, дошкольный возраст.

Аннотация: Статья посвящена анализу теоретических и методологических подходов к изучению эмоционального интеллекта детей 5–7 лет. Авторы обосновывают актуальность данной научной проблематики с опорой на социальный заказ и нормативную базу современного дошкольного образования (федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования). В основной части статьи представлен анализ зарубежных и отечественных подходов к исследованию данного психологического феномена, делается вывод о том, что эмоциональный интеллект является регулятором целостного состояния психики человека и проявляется на физиологическом, психологическом, личностном уровнях ее функционирования. Описаны современные прикладные аспекты изучения эмоционального интеллекта у старших дошкольников. Представлен критический обзор методических средств оценки эмоционального интеллекта, в том числе у детей 5–7 лет, обозначаются проблемные зоны существующих сегодня методов диагностики эмоционального интеллекта и актуализируются вопросы выделения критериев оценки и отбора адекватных методов исследования данного феномена. В заключении авторы указывают на недостаточно изученные аспекты эмоционального интеллекта и обозначают теоретико-методологические проблемы исследования эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста. На основании результатов проведенного теоретического анализа авторы предлагают рассматривать эмоциональный интеллект как динамическую систему, функционирующую на всех уровнях психической жизни человека, и обосновывают необходимость разработки комплексного подхода к его изучению с позиций общей, возрастной и педагогической психологии, психофизиологии, дошкольной педагогики.

Для цитирования: Токарева О. А., Серый А. В., Федоров А. И. Теоретико-методологические проблемы исследования эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 129–139. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-129-139.

Введение

Вопрос реализации социального заказа всегда являлся одним из значимых в теории и практике педагогической психологии. В настоящее время в структуре социального заказа достаточно четко обозначаются два аспекта: во-первых, реализация государственных требований к деятельности образовательной организации (детского сада, школы, профессиональных учебных заведений), а во-вторых, обеспечение ожиданий самих обучающихся или их законных представителей. Если говорить о первой ступени современного российского образования, т. е. о том социальном заказе, который реализует дошкольная образовательная организация (ДОО), то здесь выделяется определенное противоречие в ожиданиях родителей (законных представителей), которые в основном сосредоточены на формировании когнитивных компонентов и организации обучения дошкольников. Это подтверждается анализом изучения родительского запроса и степени удовлетворенности семьи работой детского сада: подавляющее большинство родителей на вопросы о целях посещения ребенком ДОО отвечают, что хотели бы, «чтобы с ребенком занимались», «чтобы научился разговаривать / считать / писать», «чтобы к школе подготовили». Вместе с тем запрос родителей на адресную помощь в условиях консультативной работы психолога ДОО чаще всего касается не познавательных возможностей ребенка, а эффективности его взаимоотношений

с другими людьми (родителями, педагогами, ровесниками): обеспечение возможности включаться в совместную деятельность, развитие способности предотвращать или решать конфликты, регулировать свои аффекты и пр. С другой стороны, государственные требования к работе детского сада, отраженные во введенном в 2014 г. федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования[1], имеют значительно более широкое содержание. Так, стандарт предусматривает среди структурных единиц направлений образования детей развитие у них социального и эмоционального интеллекта (ЭИ). Систематическая работа ДОО в данном направлении должна привести к тому, что ребенок к 7–8 годам будет обладать начальными знаниями о себе и социальном мире, сможет следовать социальным нормам поведения, будет пытаться объяснять поступки людей; окажется способен активно взаимодействовать со сверстниками и взрослыми, договариваться, учитывать интересы и чувства других, сопереживать неудачам и радоваться успехам других; сможет адекватно проявлять свои чувства, разрешать конфликты, использовать речь для выражения своих мыслей, чувств и желаний, будет способен к волевым усилиям. Названные возможности так или иначе касаются отдельных аспектов ЭИ, выделенных зарубежными и отечественными исследователями. Таким образом, работа ДОО по формированию эмоционального и социального интеллекта у дошкольников значима как для государства, так и для законных представителей ребенка. Однако в практике ее реализации специалисты (педагоги-психологи и воспитатели детского сада) сталкиваются с теоретическими и методическими сложностями: новизна самого концепта «эмоциональный интеллект» обуславливает весьма разнородные подходы к его трактовке, что в свою очередь приводит к прикладным, методическим затруднениям как в выборе средств оценки проявлений данного феномена у детей дошкольного возраста, так и к организации работы по его совершенствованию. Названные противоречия определяют необходимость, во-первых, систематизации и обобщения теоретических подходов к трактовке ЭИ, а во-вторых, разработки новых методических средств его оценки у детей дошкольного возраста.

Представления об эмоциональном интеллекте в современной психологии

Связь когнитивных функций и способности к решению прикладных задач неоднократно становилась предметом специального изучения, например, в работах Й. Б. Тайлакера и У. Визингера было установлено, что более значимую роль в социальной успешности личности играет именно уровень развития ЭИ и лишь небольшую (около 20 %) – коэффициент интеллекта, демонстрирующий уровень умственных способностей человека [1]. Идея неразрывной связи и динамического единства интеллектуальных и аффективных процессов обозначена и обоснована в ставших классическими работах Л. С. Выготского. Им было показано, что ключевым в психическом развитии является изменение межфункциональных связей и отношений между отдельными процессами, в том числе между интеллектуальной и эмоциональной сферами психики. Развитие мышления и эмоций, по мнению Л. С. Выготского, имеет своим источником аффективное действие младенца, которое по мере взросления ребенка приводит, во-первых, к возникновению обобщения как в когнитивной, так и в аффективной сферах, а во-вторых, к смене косного, тугоподвижного конкретного мышления начатками динамичного и гибкого абстрактного мышления. В связи с этим можно утверждать, что большая дифференциация эмоций и более мягкий характер их протекания являются прямым следствием развития мышления и, наоборот, обогащение и регуляция аффективного мира личности становится условием ее интеллектуального роста, поскольку эмоция является мощнейшим мотивирующим стимулом и сама зачастую становится источником мысли [2]. Эти идеи, заложенные Л. С. Выготским в советской классической психологии, были спустя десятилетия подхвачены и развернуты сначала в зарубежных, а потом и в отечественных работах, посвященных ЭИ.

Зарубежные исследования первой половины XX в. были посвящены выделению и обоснованию самого понятия «интеллект», его когнитивных составляющих. В этот период разрабатываются способы оценки логического интеллекта, а сама его концепция является исключительно «когнитивной». Изучение эмоций в основном проводится обособленно от исследований интеллекта. Одной из первых попыток установить взаимосвязь между познавательными и эмоциональными процессами стала работа немецкого философа и психолога Г. Майера («Psychologie des emotionalen Denkens», 1908). В своих материалах автор выделяет два вида мышления – «судящее» (логическое) и «эмоциональное» (побуждаемое потребностями чувства и воли) [3]. В то же время обогащается трактовка собственно интеллекта и его структуры: в него постепенно входят (помимо предложенных

[1] Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155. Режим доступа: http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2013/11/PR_1155.pdf (дата обращения: 18.01.2018).

Ч. Спирменом G- и S-факторов) дополнительные компоненты, описанные в концепции Л. Терстоуна, первичные умственные потенции (счетная способность, вербальное восприятие, вербальная гибкость, скорость восприятия, пространственная ориентация, ассоциативная память) [4; 5]. Но и среди них не обнаруживаются пока свойства, относящиеся к выделению и оценке социальной информации. В этом отношении знаковыми для ЭИ можно назвать исследования, проведенные в 1920-е гг. Р. Торндайком. Ученый впервые выделил социальный интеллект как часть общего интеллекта, а несколько позже, в начале 1930-х гг., совместно с Ч. Хантом предпринял попытку его исследовать [6]. В 1930–40-е гг. было опубликовано еще несколько работ, предшествующих появлению концепции «эмоциональный интеллект»: разработка структурированного интервью, направленного на оценку социальной компетентности (Э. Долл) [7]; выделение неинтеллектуальных элементов в общей структуре IQ – аффективно-регулятивных компонентов, обеспечивающих интерес к проблеме и устойчивость внимания (Д. Векслер). В середине XX в. изучение близких к ЭИ вопросов становится все более широким: в работах Р. В. Липера высказано предположение о том, что эмоции способны стимулировать, поддерживать и определять характер деятельности; разработка А. Эллисом рационально-эмотивной терапии (обучение осознанию своих переживаний с помощью размышления) [8]. В этот период наблюдаются отдельные случаи употребления термина «эмоциональный интеллект» и начинается формирование когнитивистских теорий эмоций (С. Шехтер, М. Арнольд и др.).

В последние десятилетия XX в. наблюдается растущий интерес к взаимосвязи когнитивных и аффективных процессов, и развертываются прикладные исследования роли эмоций в регуляции поведения человека. На этой волне в клинической психологии П. Сифнеосом было выделено и обозначено явление алекситимии как противоположное по своей сущности ЭИ [9]. Х. Гарднер в своих работах обнаружил возможность выделения частных видов интеллекта, включая пространственный, музыкальный, лингвистический, логико-математический, межличностный, внутриличностный, телесно-кинестетический, каждый из которых является весьма значимым для решения конкретных задач. Концепция практического интеллекта, сформулированная Р. Стенбергом, подчеркивает роль опыта и метакомпонентов интеллекта, обеспечивающих процесс регуляции решения проблемы и задающих основу для возможностей оценки социального и эмоционального видов интеллекта [10]. В отечественной психологии это время – период формирования концепции «личностного смысла» А. Н. Леонтьева, в рамках которой подчеркивается регулятивная роль аффекта в мыслительных процессах и пристрастность человеческого сознания [11]. Сходной позиции придерживается и С. Л. Рубинштейн, не только подчеркивая принцип единства интеллекта и аффекта, но и предвосхищая само явление ЭИ в психологической науке [12].

80-е и 90-е гг. XX в. – период официального появления термина «эмоциональный интеллект». В публикациях Дж. Мейера и П. Сэловея представлена и первая диагностическая процедура для его оценки (EQ). Продолжительные исследования авторов свидетельствуют о том, что, во-первых, ЭИ коррелирует с другими видами интеллекта (в том числе с вербальным), во-вторых, по своей сути он является совершенно независимым видом интеллекта, а в-третьих, его уровень зависит от возраста человека и может изменяться в течение жизни как в большую, так и в меньшую сторону. Было сформулировано научное определение термина «эмоциональный интеллект» – это вид интеллекта, связанный с обработкой, интерпретацией и использованием эмоциональной информации. По аналогии с моделью интеллекта вообще в ЭИ был выделен общий фактор gei, состоящий из эмоциональной перцепции, понимания и управления эмоциями. Встречается также четырехфакторная модель, включающая в себя фасилитацию мышления [3]. Обобщенный взгляд на современные концепции ЭИ представлен в работе Р. Д. Робертса, Дж. Мэттьюса, М. Зайднера и Д. В. Люсина, где авторы подчеркивают, что научный статус понятия ЭИ пока недостаточно высок в связи с тем, что существует две альтернативные модели. Смешанные модели включают когнитивные, личностные и мотивационные черты, благодаря чему они оказываются тесно связанными с адаптацией к реальной жизни и процессами совладания. Модели способностей определяют ЭИ как набор способностей, степень представленности которых определяет эффективность решения самых разнообразных коммуникативных задач [13].

В отечественной психологии О. К. Тихомиров предлагает термин «эмоциональное мышление», трактуя его как наличие у аффекта регулирующих, эвристических функций в мыслительных процессах: данная связь обнаруживает себя во включенности эмоциональной активации в процесс поиска принципа решения и эмоциональном предвосхищении решения задачи. В настоящее время разработано множество концепций ЭИ, в том числе и отечественными исследователями. И. Н. Андреева делает обзор и глубокий анализ становления концепции ЭИ в психологии; Д. В. Люсин разрабатывает собственную теорию ЭИ и способы его оценки у человека; Н. В. Коврига и Э. Л. Носенко развивают идею опосредованного становления ЭИ как одной из высших форм психического отражения [10; 14; 15]. В материалах

Ю. Б. Гиппенрейтер, А. О. Куракиной, М. А. Нгуен представлены авторские подходы к выделению характеристик ЭИ дошкольников и авторские комплекты методов диагностики его параметров в детском возрасте [16–18].

Вместе с тем на рубеже XX–XXI вв. наблюдается переход от строго научной трактовки понятия к расширенной популярной, его начинают широко использовать в сфере бизнес-технологий, менеджмента, обучения, рекламы и т. п. Одновременно возникают многочисленные методики оценки и технологии повышения уровня ЭИ, исследуется его взаимодействие со смежными феноменами. Однако современная наука не располагает на данный момент ни единой трактовкой самого явления, ни обоснованным описанием его связей с другими аспектами психического, ни анализом психофизиологических предпосылок его функционирования. Вопрос о том, что происходит в мозге при развитии эмоциональных реакций и состояний, получил достаточно широкое освещение в экспериментальных исследованиях на животных, однако данные этих экспериментов могут быть использованы для понимания мозгового обеспечения эмоций человека лишь с достаточной мерой осторожности. При этом для ясного понимания сущности изучаемого феномена необходимо, на наш взгляд, определиться не только с его психологическим содержанием, но и с психофизиологическими основами его функционирования.

Обращаясь к этой области изучения феномена ЭИ, Р. Д. Робертс с соавторами (Дж. Мэттьюс, М. Зайднер, Д. В. Люсин) выделяют ряд конструктов, предопределяют эффективность его функционирования. Такими конструктами обозначены темперамент, который определяет протекание нейронных процессов, управляющих возбуждением, вниманием и подкреплением; когнитивные структуры, задающие время реакции, рабочую память, работу отдельных модулей системы переработки информации; уверенность в своей эмоциональной компетентности, обеспечивающая саморегуляцию; эмоциональные знания и навыки, помогающие успешно вести себя в определенных ситуациях [13]. Мы склонны согласиться с идеей мультифакторной предопределенности развертывания у отдельного человека данного феномена и его зависимости как от биологических, так и от социальных влияний. Биологические факторы, на наш взгляд, воплощены в психофизиологических характеристиках индивида. Соответственно, мы можем обозначить два механизма, детерминирующих ЭИ личности, – общую эмоциональность и когнитивные способности [19]. К внутренним условиям эмоциональной устойчивости / неустойчивости, по мнению Л. М. Аболина, можно отнести эмоциональную / физиологическую реактивность (возбудимость); свойства нервной системы человека; приобретенные человеком в процессе жизни эмоциональные свойства [20].

Более современная концепция, представленная в материалах Е. Д. Хомской, отводит лимбической системе роль координатора различных систем мозга, участвующих в обеспечении эмоций, предполагая, что центральное звено «лимбического мозга» связано двусторонними связями как с подкорковыми структурами (перегородкой, верхними буграми четверохолмия, голубым пятном и др.), так и с различными областями коры больших полушарий [21]. ЭИ, являясь одним из видов интеллекта человека вообще, характеризуется среди прочих признаков и через когнитивные способности, в том числе через скорость и темп переработки информации. Так, еще в работах Г. Айзенка интеллект определялся через скорость переработки информации нервной системой [22]. Такой подход описывается как психофизиологический редукционизм и сводит интеллект к нейрофизиологическим параметрам индивида. В исследовании Т. А. Сысоевой и В. В. Овсянниковой была предпринята попытка изучить связь показателей ЭИ со скоростью переработки эмоционально окрашенной информации. В итоге авторы в качестве когнитивных коррелятов ЭИ выделяют автоматическое замедление или ускорение переработки при обнаружении угрожающей информации, скоростное различение гневной и радостной экспрессии и относительную скорость обнаружения лиц с положительно и отрицательно окрашенной экспрессией [23]. Таким образом, нейрофизиологической основой общей эмоциональности и эмоциональной устойчивости можно обозначить, во-первых, лимбическую систему и корковый контроль, во-вторых, физиологическую реактивность и свойства нервной системы человека; в основе когнитивных предпосылок зафиксирована корреляция между уровнем скоростного интеллекта и электрофизиологическими показателями, а также зависимость темпов распознавания разных типов эмоций [19].

Анализ современного состояния проблемы исследования феномена ЭИ позволяет сделать заключение о том, что ЭИ является регулятором целостного состояния психики человека и проявляется на всех уровнях ее функционирования – физиологическом, психологическом, личностном. Это ставит перед исследователями проблему рассмотрения ЭИ как интегративного, системообразующего свойства личности, характеризующего процесс самоосуществления человека, и, соответственно, определяет вектор изучения факторов и условий, детерминирующих процессы его формирования и функционирования. Вышесказанное актуализирует задачу разработки методов диагностики развития ЭИ на ранних возрастных стадиях становления личности ребенка.

Проблема развития эмоционального интеллекта дошкольников

Дошкольный возраст – один из наиболее сложных и противоречивых периодов развития личности, поскольку является одновременно и критическим, и сенситивным периодом для развития личности. Данный возрастной отрезок как критический период является переломным этапом в естественном морфофункциональном развитии организма. Согласно обзору литературных данных, представленных в работе Н. Л. Кривошеиной, он характеризуется выраженными структурно-функциональными перестройками, повышенной чувствительностью к самым разнообразным средовым воздействиям, функциональным напряжением многих систем и регуляторных механизмов, что нередко сопровождается дисгармоничным психическим развитием. В этот период происходит формирование функциональных систем мозга, лежащих в основе когнитивной деятельности, а также формируются избирательные функциональные системы обработки информации и организации деятельности в соответствии с конкретной задачей [24].

Внимание исследователей останавливается на многих аспектах психического развития дошкольника, в том числе в последнее десятилетие и на вопросах становления ЭИ в детском возрасте. Интерес к проблеме ЭИ и особенностей его функционирования и становления в детском возрасте постоянно возрастает. Внимание ученых привлекают как частные характеристики ЭИ, так и его системные свойства. Л. М. Андрюхина и Ю. А. Альтяпова обращают внимание на возможности развития ЭИ детей в условиях дополнительного образования. Опираясь на концепцию Д. Гоулдмана, они формулируют ряд педагогических условий его становления у детей дошкольного возраста: определение направленности способностей ребенка; позитивный эмоциональный настрой ребенка и отношения в клубной среде; создание естественной ситуации вовлеченности в творческую деятельность путем педагогической поддержки и фасилитации; чувство вдохновения, получаемое путем расширения границ возможностей ребенка, которое, в свою очередь, мотивирует движение к новым достижениям [25]. В материалах О. А. Айгуновой, Н. Б. Полковниковой и Т Д. Савенковой ЭИ представлен как элемент социальной компетентности. Авторы пишут, что основной задачей является формирование педагогически и социально значимых эмоциональных отношений, что отражает единство эмоциональной, мотивационной (волевой) и интеллектуальной сторон психики ребенка. Подчеркивается, что проявления ЭИ и социальной компетентности детей старшего дошкольного возраста обусловлены эмоциональными отношениями взрослых (родителей и воспитателей), соответственно эффективность работы в значительной мере определена сотрудничеством педагогов с семьями воспитанников и осуществляется в межличностных отношениях в ходе совместного взаимодействия [26]. А. Ю. Гусева, рассматривая возможности детского сада в развитии ЭИ детей 5–7 лет, выделяет в качестве эффективных такие методы, как игра, арт-терапия, сказкотерапия, и предлагает использовать их в практике воспитания дошкольников [27]. В материалах Е. В. Куцевой и Н. А. Лужбиной представлена попытка выделения и описания компонентов ЭИ у дошкольников. Так, при описании особенностей распознавания и выражения эмоций авторы говорят о том, что произвольная трансформация экспрессивной составляющей эмоций возможна благодаря наличию у детей таких механизмов эмоционального кодирования, как симуляция (выражение непереживаемой в данный момент эмоции), маскировка (замена выражения переживаемой эмоции выражением другой – непереживаемой) и подавление (сокрытие / снижение интенсивности выражения переживаемой в данный момент эмоции) [28]. Исследуя ЭИ дошкольников, А. О. Куракина выделяет в его структуре три компонента: эмоциональный, когнитивный и поведенческий. С точки зрения автора, эмоциональный компонент представляет собой чувственный аппарат ЭИ и ориентирует детей в ценности объектов и явлений окружающего мира; когнитивный компонент включает в себя оценку посредством понятий и суждений; поведенческий компонент проявляется через эмоциональную саморегуляцию [17]. В исследовании Ю. А. Афонькиной представлена модель, опирающаяся на разработки отечественных психологов в данной области. Автор выделяет такие его составляющие, как дифференциацию и адекватную интерпретацию эмоциональных состояний других людей, широту диапазона понимаемых и переживаемых эмоций, их интенсивность и глубину, выразительность передачи эмоций в речи, мимике, пантомимике, способность эффективно контролировать свои переживания в ситуации борьбы мотивов [29].

Представленный краткий обзор современных исследований в области ЭИ дошкольников свидетельствует о том, что теоретики и практики опираются на самые разные подходы в определении сущности данного феномена, описывают его составляющие с различных позиций. Отсутствие единой системы координат в понимании ЭИ приводит к искажению его трактовки, смешению со сходными понятиями и психическими феноменами. Вместе с тем в современной научной и методической литературе практически не встречается материалов комплексных исследований развития ЭИ в детском возрасте, которые давали бы возможность построения системного подхода. Неравномерность детского развития на ранних ступенях онтогенеза и значительная

его зависимость от психофизиологических параметров практически не находит своего отражения в изучении ЭИ детей старшего дошкольного возраста. Мы полагаем, что назрела необходимость, во-первых, формулировки теоретического концепта ЭИ дошкольника с опорой на разработки в области общей психологии; во-вторых, выделения его структурных компонентов с учетом ситуации развития современного дошкольника (значительное изменение информационного поля, в которое вовлечен ребенок, изменение характера эмоциональной стимуляции в новой информационной среде, сокращение времени непосредственного взаимодействия с людьми и возрастание опосредованных контактов и т. п.); в-третьих, учета психофизиологических параметров как в оценке ЭИ ребенка старшего дошкольного возраста, так и в создании условий его амплификации в дошкольной образовательной организации (физиологическая реактивность и свойства нервной системы дошкольника, электрофизиологические показатели, скоростные характеристики интеллектуальной деятельности и темп распознавания разных типов эмоций).

Методы оценки эмоционального интеллекта

Среди методических средств выявления уровня ЭИ человека нельзя не обратить внимание на ставший на сегодняшний день классическим тест MSCEIT V2.0 (The Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test) – стандартизированную процедуру для оценки изучаемого признака у взрослых людей, альтернативой которой в скором времени стал предложенный Р. Бар-Оном опросник EQ-i (Bar-On Emotional Quotient Inventory), содержащий шкалы адаптации, управления стрессом и общего настроения [30; 31]. Таким образом, еще в самом начале разработки технологий оценки возникла одна из ключевых проблем диагностики ЭИ – выбор оптимального метода. Так, перед специалистами встает дилемма – обратиться к классической версии тестового подхода со стандартизированными заданиями и нормированными ответами либо применять опросные процедуры, ориентированные на самоотчеты испытуемых. В первом случае возникают сложности, во-первых, с выбором адекватного, экологически валидного и нестереотипизированного тестового стимульного материала, а во-вторых – с отбором критериев правильности ответов (которые могут базироваться на разных основаниях – мнении эксперта, мнении большинства либо мнении разработчика тестовых заданий). Во втором случае самоотчет оказывается концептуально ближе к оценке черт личности, но не значений уровня интеллекта. Более того, по материалам исследований последних десятилетий фактические данные, полученные с помощью этих двух подходов, имеют незначительную корреляцию между собой, что приводит к необходимости одновременной оценки и тех, и других параметров ЭИ. Среди наиболее известных и популярных процедур для оценки ЭИ человека помимо MSCEIT и EQ-i можно назвать опросники М. Холла (адаптированный Е. П. Ильиным), который аналогичен методике EQ; методику SREIT (Self Report Emotional Intelligence Test), разработанную Н. Шутте с опорой на модель Дж. Мейера и П. Сэловея в 1998 г.; опросник ЭмIQ-2, разработанный группой авторов, в том числе Е. А. Орлом, В. В. Одинцовой под научным руководством А. Г. Шмелева; тест ЭмИн Д. В. Люсина, разработанный им на основе собственной концепции ЭИ[2] [14; 32]. Широко применяемая в названных современных диагностических процедурах вербальная оценка, а чаще самооценка, ЭИ не дает точной картины его сформированности. Еще больше вопросов относительно возможности применения тестов и надежности получаемых с их помощью данных возникает при попытках оценить уровень ЭИ в детском возрасте, поскольку вероятность адекватного понимания смысла вопроса и способности к самоотчету остается весьма малой в дошкольном и младшем школьном периоде и возрастает лишь к подростковому возрасту.

Попытки адаптировать существующие методы либо разработать специализированную технологию выявления ЭИ детей были предприняты Т. Д. Савенковой, М. А. Нгуен и рядом других исследователей. Т. Д. Савенкова предлагает ориентироваться на выявление таких признаков, как понимание эмоций других людей (идентификация базовых эмоций, способность к сопереживанию и склонность к психическому заражению), выражение и регулирование собственных эмоций (выражение эмоций и доминирующее настроение) и управление своим мышлением и поведением (способность к саморегуляции и стрессоустойчивость); в качестве основного метода получения данных применять наблюдение за поведением ребенка и элементы экспертной оценки [33]. М. А. Нгуен в своем исследовании создает и апробирует авторский комплект процедур, в который входит анкета для воспитателей и родителей и диагностические методики для детей. Вопросы анкеты направлены на оценку эмоциональной отзывчивости детей, их способности переживать значимые для них события и сопереживать окружающим людям. Набор методик для детей содержит пробы «Дорисовывание: мир вещей – мир людей – мир эмоций», «Три желания» и «Что – почему – как» [18]. Помимо этих вариантов в публикациях материалов

[2] ЭмIQ-2. Оценка эмоционального интеллекта // Human Technologies. Режим доступа: http://www.ht.ru/cms/component/content/article/101081 (дата обращения: 10.01.2018).

эмпирических исследований ЭИ детей дошкольного возраста достаточно часто встречаются пробы «Дополнение фраз», «Закончи историю», «Сюжетные картинки» (О. А. Айгунова, Н. Б. Полковникова) [26], методики изучения межличностных отношений дошкольников (например методика «Картинки», разработанная Е. О. Смирновой), а также проективные методики «Три желания» и «Дорисовывание» (А. П. Сухоносов, Н. Д. Палазюк) [34]. Вместе с тем все исследователи подчеркивают, что предлагаемые ими средства оценки не являются единственным вариантом получения информации об уровне ЭИ ребенка.

Обзор вышеперечисленных методов оценки ЭИ позволяет обозначить некоторые их недостатки: во-первых, достаточно часто рекомендуются методы экспертной оценки, опросы и анкетирование, которые в силу своих характеристик не всегда позволяют получить объективные, достоверные данные об изучаемом параметре. Во-вторых, значительная часть диагностических проб для детей относится к категории проективных процедур, с одной стороны, позволяющих получить большое количество информации о малоосознаваемых процессах, но с другой – предполагающих сложности и неоднозначность интерпретации фактов при обработке результатов. В-третьих, часть методик направлена на оценку «смежных» относительно ЭИ параметров – самооценки, отношений в группе, понимания социальных норм и правил поведения и т. п. В-четвертых, представленные в диагностических комплектах методики не учитывают изменившейся информационной среды и характера стимуляции, которую получает современный дошкольник. И наконец, ни одна из предлагаемых процедур не позволяет отслеживать психофизиологические параметры ЭИ (на примере скорости решения ребенком поставленной задачи). В связи с этим вопросы выделения критериев оценки и отбора адекватных методов остаются в списке актуальных в области изучения ЭИ.

Заключение

Проведенный обзор теоретико-методологических подходов к изучению ЭИ и анализ методических разработок его оценки у детей дошкольного возраста позволяет констатировать факт того, что в современной психологии отсутствует единство в подходах к пониманию сущности и структуры ЭИ; не выделены закономерности, факторы и линии его развития в онтогенезе; нет однозначной позиции относительно возрастных проявлений этого феномена у детей в старшем дошкольном возрасте, отсутствуют стандартизированные средства ранней диагностики ЭИ. Вышесказанное актуализирует разработку комплексного подхода к изучению проблемы развития ЭИ у детей старшего дошкольного возраста, интегрирующего в себе накопленные знания в области общей, возрастной, педагогической психологии, психофизиологии и дошкольной педагогики. Реализация такого подхода в рамках постнеклассической парадигмы психологической науки, рассматривающей личность человека как открытую самоорганизующуюся систему, позволит рассматривать ЭИ как динамическую систему, функционирующую на всех уровнях психического развития, и выявить ее компоненты в связи с психическими процессами, обусловливающими индивидуальные траектории развития личности ребенка дошкольного возраста.

Литература

1. Тайлакер Й. Б., Визингер У. Тренировка IQ: Ваш путь к успеху. М.: Астрель, 2004. 174 с.

2. Выготский Л. С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование // Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 90–318.

3. Майер Г. Психология эмоционального мышления // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 123–129.

4. Symonds P. M. Book reviews: The Abilities of Man; Their Nature and Measurement. Spearman C. NY: The MacMillan Co, 1927. 415 p. // The Journal of Philosophy. 1928. Vol. 25. Iss. 1. P. 20–25. DOI: http://dx.doi.org/10.2307/2015168.

5. Thurstone L. L. The vectors of mind: Multiple-factor analysis for the isolation of primary traits. Chicago, IL, US: University of Chicago Press, 1935. 274 p. Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1037/10018-000 (дата обращения: 22.01.2018).

6. Thorndike E. L. Human nature and the social order. NY: The MacMillan Co, 1940. 1019 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1037/14654-000.

7. Doll E. A. The measurement of social competence: A manual for the Vineland Social Maturity Scale. US: Educational Test Bureau Educational Publishers, 1953. 664 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1037/11349-000.

8. Эллис А., Макларен К. Рационально-эмоциональная поведенческая терапия. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 160 с.

9. Sifneos P. E. Problems of psychotherapy of patients with alexithymic characteristics and physical disease // Psychotherapy and Psychosomatics. 1975. Vol. 26. № 2. P. 65–70. DOI: http://dx.doi.org/10.1159/000286912.

10. Андреева И. Н. О становлении понятия «эмоциональный интеллект» // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 83–95.

11. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 40 с.

12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015. 705 с.

13. Робертс Р. Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д. В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 4. С. 3–26.

14. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 29–36.

15. Носенко Е. Л., Коврига Н. В. Эмоциональный интеллект: концептуализация феномена, основные функции. Киев: Высшая школа, 2003. 126 с.

16. Гиппенрейтер Ю. Б. Психологические игры и занятия с детьми. Развиваем эмоциональный интеллект! М.: АСТ, 2014. 128 с.

17. Куракина А. О. Модель психолого-педагогического сопровождения развития эмоционального интеллекта дошкольников // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-3. С. 546–550.

18. Нгуен М. А. Психологические предпосылки возникновения эмоционального интеллекта в старшем дошкольном возрасте // Культурно-историческая психология. 2007. № 3. С. 46–51.

19. Анохина А. С., Токарева О. А. Психофизиологические основы эмоционального интеллекта // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-2. С. 311–314.

20. Аболин Л. М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости. Казань: Казанский гос. ун-т, 1987. 262 с.

21. Хомская Е. Д., Батова Н. Я. Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 180 с.

22. Айзенк Г. Ю. Понятие и определение интеллекта // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111–131.

23. Сысоева Т. А., Овсянникова В. В. Скорость переработки эмоциональной информации как коррелят эмоционального интеллекта // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 2. С. 160–171.

24. Кривошеина Н. П. Особенности психофизиологического развития и адаптации детей с признаками дефицита внимания в период подготовки к школе и начального этапа обучения: дис. … канд. биол. наук. Кемерово, 2016. 153 с.

25. Андрюхина Л. М., Альтяпова Ю. А. Развитие эмоционального интеллекта дошкольников в условиях дополнительного образования // Инновационные процессы в образовании: стратегия, теория и практика развития: материалы VI Всероссийской научно-практич. конф. Екатеринбург, 2013. С. 11–14.

26. Айгунова О. А., Полковникова Н. Б., Савенкова Т. Д. Диагностика и развитие эмоционального интеллекта и социальной компетентности старших дошкольников в условиях дошкольной образовательной организации // Вестник московского городского педагогического университета. Серия: педагогика и психология. 2016. № 4. С. 25–34.

27. Гусева А. Ю. Развитие эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста в условиях ДОУ // Лучшая научно-исследовательская работа 2016: сборник статей III Международного научно-практического конкурса. Пенза, 2016. С. 105–111.

28. Куцева Е. В., Лужбина Н. А. Эмоциональный интеллект детей старшего дошкольного возраста // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2013. № 10. С. 366–368.

29. Афонькина Ю. А. Диагностика эмоционального интеллекта у дошкольников // Детский сад: теория и практика. 2014. № 4. С. 6–17.

30. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. Emotional intelligence: Theory, Findings, and Implications // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15. № 3. P. 197–215.

31. Bar-On R. Development of the Bar-On EQ-I: A measure of emotional intelligence. Paper presented at 105th Annual Convention of American Psychological Association. Chicago, 1997.

32. Schutte N. S., Malouff J. M. Comment on Developments in Trait Emotional Intelligence Research: A Broad Perspective on Trait Emotional Intelligence // SAGE. 2016. Vol. 8. Iss. 4. P. 343–344. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1754073916650499.

33. Савенкова Т. Д. Методика диагностики базовых параметров эмоционального интеллекта дошкольника // Вестник московского городского педагогического университета. Серия: педагогика и психология. 2017. № 3. С. 47–53.

34. Сухоносов А. П., Палазюк Н. Д. Формирование эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста в условиях учебно-воспитательного процесса в ДОО // Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: НИЦ АРТ, 2016. С. 281–284.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF EMOTIONAL INTELLIGENCE RESEARCH IN CHILDREN OF SENIOR PRESCHOOL AGE

Olga A. Tokareva [a]***; Andrey V. Seryy*** [1, @, ID1]***; Aleksandr I. Fedorov*** [a, ID2]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *avgrey@yahoo.com*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-9318-4333*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0002-2237-5298*

Received 28.04.2018. Accepted 15.08.2018.

Keywords: emotional intelligence, theoretical approaches, methodological means of evaluation, preschool age.

Abstract: The research features various theoretical and methodological approaches to the study of emotional intelligence in children aged 5–7. The relevance of the issue can be explained by the current social mandate and the federal state standard of modern pre-school education. The paper focuses on an analysis of foreign and domestic approaches to the study of the psychological phenomenon in question. The authors come to a conclusion that emotional intelligence regulates the integral state of the human psyche and manifests itself at the physiological, psychological, and personal levels of its functioning. The article also includes a description of the study methods applied to senior preschoolers. The authors give a critical review of the methodological tools for emotional intelligence assessment in children aged 5–7, the results of which indicate the problem areas in the existing methods for diagnosing emotional intelligence. The paper describes the matters of criteria selection for evaluation and selection of adequate methods for studying. In conclusion, the authors point to the insufficiently studied aspects of emotional intelligence and designate the theoretical and methodological problems of researching emotional intelligence in children of senior preschool age. Based on the results of the theoretical analysis, the authors propose to consider emotional intelligence as a dynamic system functioning at all levels of one's mental life and justify the need to develop a comprehensive approach to its study from the standpoint of general, age and pedagogical psychology, psychophysiology, preschool pedagogy.

For citation: Tokareva O. A., Seryy A. V., Fedorov A. I. Teoretiko-metodologicheskie problemy issledovaniia ymotsional′nogo intellekta u deteıı starshego doshkol′nogo vozrasta [Theoretical and Methodological Problems of Emotional Intelligence Research in Children of Senior Preschool Age]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 129–139. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-129-139.

References

1. Tailaker J. B., Wiesinger W. *Trenirovka IQ: Vash put' k uspekhu* [IQ Training: Your Way to Success]. Moscow: Astrel′, 2004, 174.

2. Vygotsky L. S. Uchenie ob emotsiiakh. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie [Teaching about emotions. Historical and psychological research]. *Vygotsky L. S. Sobranie sochinenii* [Collected Works by Vygotsky L. S.]. Moscow: Pedagogika, vol. 6 (1984): 90–318.

3. Meier G. Psikhologiia emotsional′nogo myshleniia [Psychology of emotional thinking]. *Khrestomatiia po obshchei psikhologii. Psikhologiia myshleniia* [Reader on general psychology. Psychology of Thinking]. Eds. Gippenreiter Iu. B., Petukhov V. V. Moscow: Izd-vo MGU, 1981, 123–129.

4. Symonds P. M. Book reviews: The Abilities of Man; Their Nature and Measurement. Spearman C. New York: The Macmillan Co, 1927. 415 p. *The Journal of Philosophy*, vol. 25, Iss. 1 (1928): 20–25. DOI: http://dx.doi.org/10.2307/2015168.

5. Thurstone L. L. *The vectors of mind: Multiple-factor analysis for the isolation of primary traits*. Chicago, IL, US: University of Chicago Press, 1935, 274. DOI: http://dx.doi.org/10.1037/10018-000 (accessed 22.01.2018).

6. Thorndike E. L. *Human nature and the social order.* NY: The MacMillan Co, 1940, 1019. DOI: http://dx.doi.org/10.1037/14654-000.

7. Doll E. A. *The measurement of social competence: A manual for the Vineland Social Maturity Scale.* US: Educational Test Bureau Educational Publishers, 1953, 664. DOI: http://dx.doi.org/10.1037/11349-000.

8. Ellis A., MacLaren C. *Ratsional'no-emotsional'naia povedencheskaia terapiia* [Rational emotive behavior therapy]. Rostov-on-Don: Feniks, 2008, 160.

9. Sifneos P. E. Problems of psychotherapy of patients with alexithymic characteristics and physical disease. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 26, no. 2 (1975): 65–70. DOI:http://dx.doi.org/10.1159/000286912.

10. Andreeva I. N. O stanovlenii poniatiia «emotsional′nyi intellekt» [On the development of the notion "emotional intellect"]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*, no. 5 (2008): 83–95.

11. Leont′ev A. N. *Potrebnosti, motivy, emotsii* [Needs, motives, emotions]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972, 40.

12. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2015, 705.

13. Roberts R. D., Matthews G., Zeidner M., Lyusin D. V. Emotsional′nyi intellekt: problemy teorii, izmereniia i primeneniia na praktike [Emotional intelligence: theory, measures, and applications]. *Psikhologiia. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 1, no. 4 (2004): 3–26.

14. Liusin D. V. Sovremennye predstavleniia ob emotsional′nom intellekte [Modern ideas about emotional intelligence]. *Sotsial'nyi intellekt: Teoriia, izmerenie, issledovaniia* [Social Intelligence: Theory, measurement, research]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2004, 29–36.

15. Nosenko E. L., Kovriga N. V. *Emotsional'nyi intellekt: kontseptualizatsiia fenomena, osnovnye funktsii* [Emotional intelligence: conceptualization of the phenomenon, basic functions]. Kiev: Vysshaia shkola, 2003, 126.

16. Gippenreiter Iu. B. *Psikhologicheskie igry i zaniatiia s det'mi. Razvivaem emotsional'nyi intellekt!* [Psychological games and activities with children. We develop emotional intelligence!]. Moscow: AST, 2014, 128.

17. Kurakina A. O. Model′ psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniia razvitiia emotsional′nogo intellekta doshkol′nikov [Model of psychological and pedagogical maintenance of development of emotional intelligence of preschool children]. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental research*, no. 11-3 (2013): 546–550.

18. Nguen M. A. Psikhologicheskie predposylki vozniknoveniia emotsional′nogo intellekta v starshem doshkol′nom vozraste [Psychological prerequisites of emotional intelligence rise in senior preschool age]. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia = Cultural-Historical Psychology*, no. 3 (2007): 46–51.

19. Anokhina A. S., Tokareva O. A. Psikhofiziologicheskie osnovy emotsional′nogo intellekta [Psycho-physiological foundations of emotional intelligence]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia = Problems of Modern Pedagogical Education*, no. 58-2 (2018): 311–314.

20. Abolin L. M. *Psikhologicheskie mekhanizmy emotsional'noi ustoichivosti* [Psychological mechanisms of emotional stability]. Kazan: Kazanskii gos. un-t, 1987, 262.

21. Khomskaia E. D., Batova N. Ia. *Mozg i emotsii. Neiropsikhologicheskoe issledovanie* [Brain and emotions. Neuropsychological study]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1992, 180.

22. Aizenk G. Iu. Poniatie i opredelenie intellekta [Concept and definition of intelligence]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii,* no. 1 (1995): 111–131.

23. Sysoeva T. A., Ovsyannikova V. V. Skorost′ pererabotki emotsional′noi informatsii kak korreliat emotsional′nogo intellekta [Speed of emotional information processing as correlate of emotional intelligence]. *Psikhologiia. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12, no. 2 (2015): 160–171.

24. Krivosheina N. P. *Osobennosti psikhofiziologicheskogo razvitiia i adaptatsii detei s priznakami defitsita vnimaniia v period podgotovki k shkole i nachal'nogo etapa obucheniia*. Diss. kand. biol. nauk [Peculiarities of the psychophysiological development and adaptation of children with signs of attention deficit in the period of preparation for school and the initial stage of education. Cand. Biol. Sci. Diss.]. Kemerovo, 2016, 153.

25. Andriukhina L. M., Al′tiapova Iu. A. Razvitie emotsional′nogo intellekta doshkol′nikov v usloviiakh dopolnitel′nogo obrazovaniia [Development of the emotional intelligence of preschool children in conditions of additional education]. *Innovatsionnye protsessy v obrazovanii: strategiia, teoriia i praktika razvitiia: materialy VI Vserossiiskoi nauchno-praktich. konf.* [Innovative processes in education: strategy, theory and practice of development: Proc. VI All-Russian Sci.-Prac. Conf.]. Ekaterinburg, 2013, 11–14.

26. Aygunova O. A., Polkovnikova N. B., Savenkova T. D. Diagnostika i razvitie emotsional′nogo intellekta i sotsial′noi kompetentnosti starshikh doshkol′nikov v usloviiakh doshkol′noi obrazovatel′noi organizatsii [The diagnostics and development of emotional intelligence and social competence of the older preschoolers in the conditions of preschool educational institution]. *Vestnik moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia: pedagogika i psikhologiia = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology*, no. 4 (2016): 25–34.

27. Guseva A. Iu. Razvitie emotsional′nogo intellekta u detei doshkol′nogo vozrasta v usloviiakh DOU [The Development of emotional intelligence in children of preschool age in kindergarten conditions]. *Luchshaia*

nauchno-issledovatel'skaia rabota 2016: sbornik statei III Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa [Best scientific research work 2016: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Competition]. Penza, 2016, 105–111.

28. Kutseva E. V., Luzhbina N. A. Emotsional′nyi intellekt detei starshego doshkol′nogo vozrasta [Emotional intelligence of children of senior preschool age]. *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of young scientists of Altai State University*, no. 10 (2013): 366–368.

29. Afon′kina Iu. A. Diagnostika emotsional′nogo intellekta u doshkol′nikov [Diagnostics of emotional intelligence in preschoolers]. *Detskii sad: teoriia i praktika = Kindergarten: theory and practice*, no. 4 (2014): 6–17.

30. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. Emotional intelligence: Theory, Findings, and Implications. *Psychological Inquiry*, 15, no. 3 (2004): 197–215.

31. Bar-On R. *Development of the Baz-On EQ-I: A measure of emotional intelligence. Paper presented at 105th Annual Convention of American Psychological Association.* Chicago, 1997.

32. Schutte N. S., Malouff J. M. Comment on Developments in Trait Emotional Intelligence Research: A Broad Perspective on Trait Emotional Intelligence. *SAGE*, 8, Iss. 4 (2016): 343–344. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1754073916650499.

33. Savenkova T. D. Metodika diagnostiki bazovykh parametrov emotsional′nogo intellekta doshkol′nika [The methods of diagnostics of basic parameters of emotional intelligence of a preschooler]. *Vestnik moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia: pedagogika i psikhologiia = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology*, no. 3 (2017): 47–53.

34. Sukhonosov A. P., Palaziuk N. D. Formirovanie emotsional′nogo intellekta detei doshkol′nogo vozrasta v usloviiakh uchebno-vospitatel′nogo protsessa v DOO [Formation of the emotional intelligence of preschool children in the conditions of the educational process in the children's community organization]. *Rebenok v obrazovatel'nom prostranstve megapolisa: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The child in the educational space of the megalopolis: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.]. Saint-Petersburg: NITs ART, 2016, 281–284.

УДК 159.923

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ЮНОСТИ ПРИ РАЗНЫХ УРОВНЯХ СФОРМИРОВАННОСТИ СУБЪЕКТНОСТИ

Марина А. Фризен [a, @, ID1]***; Любава О. Костенко*** [b, ID2]

[a] *Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 683032, Россия, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4*
[b] *Петропавловск-Камчатская школа № 1 для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, 683032, Россия, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 101*
[@] *frizenm@yandex.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-7706-6812*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0001-7939-0897*

Поступила в редакцию 23.07.2018. Принята к печати 18.09.2018.

Ключевые слова:
ранняя юность, ценностно-смысловая сфера, субъектность, локус контроля, рефлексия, самодетерминация.

Аннотация: В статье представлены результаты научного психологического исследования, целью которого было изучить ценностно-смысловую сферу личности в раннем юношеском возрасте при разных уровнях сформированности субъектности. На основе теоретического анализа сформулированы положения о динамике ценностно-смысловой сферы на рассматриваемом возрастном этапе. В эмпирическом исследовании приняли участие 71 человек, общая выборка по результатам кластеризации была поделена на две группы, отличающиеся по уровню сформированности субъектности. В результате интерпретации данных критериального и корреляционного анализа были сделаны выводы о том, что ценностно-смысловая сфера юношей и девушек с более сформированной субъектностью характеризуется большей кристаллизованностью ценностей, опосредующих поведение и деятельность, ярко выраженной просоциальной направленностью и неадаптивной сущностью; им свойственна значимость продуктивных отношений с окружающими людьми при сохранении автономности. Юношам и девушкам с менее сформированной субъектностью свойственна выраженность гедонистической жизненной ориентации, некоторая адаптивность поведения, тенденция к отстаиванию своего места в системе социального взаимодействия.

Для цитирования: Фризен М. А., Костенко Л. О. Особенности ценностно-смысловой сферы личности в период ранней юности при разных уровнях сформированности субъектности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 140–152. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-140-152.

Введение

В период ранней юности активно формируются смысловые основания функционирования личности, кристаллизуется смысл жизни. Вместе с тем рефлексивной активности и уровня сформированности субъектности может быть недостаточно для принятия значимых жизненных решений, например, выбора образовательного маршрута, вектора построения разнообразных видов деятельности. Ситуация осложняется и отсутствием в современном мире четких ценностно-смысловых ориентиров, неопределенностью социокультурного контекста. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность научных исследований, показывающих специфику ценностно-смысловой сферы личности в период ранней юности в соотнесении с ее субъектностью. Нам представляется значимой проблема специфичности ценностно-смысловой сферы формирующейся личности при разных уровнях сформированности субъектности с учетом многомерности, неоднородности ее проявлений. С. Л. Рубинштейн [1] указывал, что по мере взросления обстоятельства жизни человека начинают преломляться его личностной сущностью – внутренними условиями, тогда человек и становится субъектом своей жизни, творцом своего жизненного пути. При этом значимым оказывается вопрос о существующих различиях ценностей, смыслов, опосредующих активность человека, о степени данной опосредованности.

В результате теоретического анализа нами были сделаны выводы о том, что период ранней юности является значимым в плане формирования, динамики, кристаллизации ценностей и смыслов [2–6]. Если подростковому возрасту свойственен активный поиск ориентиров в ситуации смещенности смысловых абсолютов (такая смещенность обусловлена логизацией познавательной сферы

и первыми опытами активной рефлексии) [7; 8], социально-ролевое экспериментирование (Э. Эриксон) [9], то в период ранней юности акцент может смещаться с отстаивания права на собственные смыслы и ценности на их кристаллизацию. Е. Ю. Коржова [10] отмечает, что жизненный старт личности в ее бытии может быть соотнесен с направленностью, определением жизненной задачи, что предполагает рефлексивную активность, опыт осмысления своих отношений с действительностью. В контексте решения «задач на смысл» происходит формирование генерализованных смыслов в структуре ценностно-смысловой сферы, что позволяет ей выполнять функции проектирования будущего (Б. С. Братусь) [3] и саморегуляции деятельности (Д. А. Леонтьев) [6]. Наиболее значимые ценности определяют направленность личности [11]. Следовательно, специфика структуры и содержания ценностно-смысловой сферы напрямую связана с деятельностной активностью, субъектностью личности.

Под термином «субъектность» в нашем исследовании понимается атрибутивная характеристика субъекта, проявляющаяся в возможности осуществлять субъектную активность. Анализ источников позволил нам соотнести субъектность с рядом параметров, таких как локус контроля, целеполагание в деятельности, рефлексивная активность, автономность, самодетерминация, саморегуляция, ответственность за продуктивность и подлинность жизнеосуществления – его соответствие ценностям и смыслам (экзистенциальная ответственность), самоэффективность [1; 2; 5; 6; 10; 12–22]. В период ранней юности (16–18 лет) возрастает степень опосредованности субъектной активности ценностями и смыслами человека, все чаще основываясь на них, формирующаяся личность начинает писать индивидуальную историю своего жизненного пути, реализовывать стратегию жизни, приобретая опыт разрешения внешних и внутренних противоречий [15]. По мере становления субъектности расширяется взаимодействие с миром, что ведет и к расширению круга противоречий, встающих перед личностью [16], их активное и осмысленное преодоление ведет к становлению ответственности личности за свой жизненный путь.

Юноши и девушки могут направлять усилия и на изменение самих себя, саморазвитие. Человек впервые может осознанно делать себя объектом самоизменения, выступая, таким образом, в двойственной позиции: и как объект, и как субъект. Управление собственным развитием становится новым направлением субъектной активности, однако, как отмечает Д. А. Леонтьев [23], выбор в пользу непрерывного развития делает не каждый человек. Таким образом, очевидно, что субъектность разнопланова в период ранней юности, может характеризоваться разным уровнем сформированности, в ее контексте могут по-разному преломляться ценности и смыслы личности, что и определило логику эмпирического исследования.

Целью исследования было выявить особенности ценностно-смысловой сферы личности в период ранней юности при разных уровнях сформированности субъектности.

Гипотеза исследования: ценностно-смысловая сфера юношей и девушек с разным уровнем сформированности субъектности имеет структурно-содержательную специфику, выражающуюся в реализации функций планирования и регуляции деятельности.

Методы исследования

1. Теоретический анализ научной литературы по теме исследования.

2. Эмпирические методы исследования: тест самодетерминации К. Шелдона в модификации Е. Н. Осина [18]; опросник «Уровень развития субъектности личности» (УРСЛ) М. А. Щукиной [22]; опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера в модификации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда [24]; тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [25]; ценностный опросник (ЦО) С. Шварца [26]; опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И. Г. Сенина [27]; методика «Отношение к значимой жизненной ситуации» Е. Ю. Коржовой [10]; методика «Определение жизненных ценностей личности» (Must-тест) П. Н. Иванова, Е. Ф. Колобовой [28]; русскоязычный опросник каузальных ориентаций (РОКО-12) Э. Деси и Р. Райана в адаптации Д. А. Леонтьева, О. Е. Дергачевой, Л. Я. Дорфмана [29]; методика «Система жизненных смыслов» В. Ю. Котлякова [30]; анкетирование (Что для Вас значит смысл жизни?).

3. Качественный и количественный анализ данных (t-критерий Стьюдента; U-критерий Манна-Уитни; угловое преобразование Фишера; кластерный анализ, корреляционный анализ (линейная корреляция Пирсона)), содержательная интерпретация данных.

Эмпирическую базу исследования составили 71 человек в возрасте 16–18 лет, из них 30 юношей, 41 девушка – учащиеся МАОУ «СШ № 24»; МАОУ «СШ № 36» г. Петропавловска-Камчатского.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования выполнялся кластерный анализ на основе внутригруппового сходства по параметрам субъектности. Наиболее четкое деление получено по шкалам УСК: в *кластер 1* вошли 31 респондент, в *кластер 2* – 40 респондентов, значимость различий доказана посредством критерия Стьюдента (таблица 1).

Таблица 1. Результаты критериального анализа (критерий Стьюдента) данных кластера 1 и кластера 2 по УСК
Table 1. Results of criterion analysis (Student's criterion) of cluster 1 and cluster 2 data according to agency control level

Шкалы УСК	Кластер 1	Кластер 2	$t_{эмп}$
Интернальность общая	29,35	20,9	12,43 при p≤0,001
Интернальность в области достижений	9,1	5,75	7,61 при p≤0,05
Интернальность в области неудач	7,32	5,78	4,18 при p≤0,001
Интернальность в области семейных отношений	5,03	3,75	2,91 при p≤0,01
Интернальность в области производственных отношений	7,84	5,85	3,98 при p≤0,001

Из таблицы 1 видно, что показатели общей интернальности, ряда ее параметров значимо выше у респондентов 1 кластера, их локус контроля находится ближе к полюсу интернальности. У респондентов кластера 2 локус контроля является промежуточным между экстернальным и интернальным. Согласно идее Д. А. Леонтьева показатель локуса контроля косвенно отражает специфику субъектной активности личности и ее ответственности за построение жизни. В данной логике мы решили на втором этапе нашего исследования сравнить полученные группы по шкалам методик, позволяющих изучить те или иные параметры субъектности респондентов. Результаты отражены в таблицах 2, 3.

Таблица 2. Результаты критериального анализа (критерий Манна-Уитни) данных кластера 1 и кластера 2 по УРСЛ
Table 2. Results of criterion analysis (Mann-Whitney criterion) of cluster 1 and cluster 2 data according to personal agency development level

Шкалы УРСЛ	Кластер 1		Кластер 2		$U_{эмп}$
	Сумма рангов	M (среднее арифм.)	Сумма рангов	M (среднее арифм.)	
Активность / реактивность	1326,5	32,45	1229,5	28,35	409,5 при p≤0,01
Целостность / неинтегративность	1264	20,87	1292	19,32	472 при p≤0,05
Опосредствованность / непосредственность	1361	33,45	1195	28,45	375 при p≤0,01
Креативность / репродуктивность	1439,5	22,48	1116,5	17,8	296,5 при p≤0,01
Самоценностность / малоценностность	1356,5	27	1199,5	22	379,5 при p≤0,01
Общий уровень субъектности	1414,5	162,93	1141,5	140,85	321,5 при p≤0,01

Таблица 3. Результаты критериального анализа (критерий Стьюдента) данных кластера 1 и кластера 2 по СЖО, тесту самодетерминации, РОКО-12
Table 3. Results of criterion analysis (Student's criterion) of cluster 1 and cluster 2 data according to noetic orientations test methods, self-determination test, and the Russian language causal orientation questionnaire

Название методик, шкалы	Кластер 1	Кластер 2	$t_{эмп}$
СЖО			
Цели в жизни	30,81	24,45	3,35 при p≤0,01
Процесс жизни	30,23	22,8	4,17 при p≤0,001
Результативность жизни	26,13	19,3	5,36 при p≤0,001
Локус контроля – Я	21,65	16,18	5,27 при p≤0,001
Локус контроля – жизнь	31,48	23,85	5,18 при p≤0,001
Общий показатель ОЖ	102,81	80,35	4,76 при p≤0,001
Тест самодетерминации			
Шкала автономии	32,84	29,53	2,37 при p≤0,05
Шкала самовыражения	41,97	36,25	3,28 при p≤0,01
РОКО-12			
Автономная каузальная ориентация	61,77	56,23	2,62 при p≤0,05

Общий уровень субъектности личности у респондентов кластера 1 статистически значимо выше, что говорит о тенденции респондентов этого кластера чаще и стабильнее в ординарных жизненных обстоятельствах проявлять себя в качестве субъекта. Респонденты кластера 2 способны довольно эффективно осуществлять субъектное самоуправление, но под давлением людей, обстоятельств могут переходить к использованию объектных стратегий поведения. У респондентов кластера 1 значимо более выражены показатели шкал *активность, целостность, опосредствованность, креативность, самоценностность,* это говорит о том, что им характерна бóльшая способность к самостоятельному инициированию своей активности (нададаптивность поведения), интеграция с другими без утраты собственных границ. Они способны опосредовать активность дополнительными психологическими, функциональными звеньями, не подчиняясь непосредственно внутренним импульсам. Респондентам данной группы также свойственен креативный подход к жизни и самим себе, представление о себе как о самодостаточном человеке, ценности.

Из таблицы 3 видно, что у респондентов кластера 1 лучше выражена осмысленность жизни, рефлексивная активность, им свойственно представлять ее как управляемую, подвластную контролю. Результаты исследования осмысленности жизни позволяют прийти к выводу о том, что у представителей первой группы лучше сформирован рефлексивный ресурс в сравнении со второй группой. Этот факт имеет существенное значение с учетом того, что рефлексивная активность переживает активное становление в период ранней юности, ее дефицитарность может существенно затруднять оформление ценностно-смысловой сферы.

По тесту самодетерминации обнаружено, что респонденты кластера 1 в значимо большей степени характеризуются самодетерминированным поведением, уверенностью в возможности выбора, ощущением жизни как подвластной их собственному контролю. Респонденты кластера 2 видят жизнь как в целом определяемую внешними обстоятельствами, что может препятствовать формированию ответственности за нее.

По опроснику каузальных ориентаций (РОКО-12) определено, что респондентам кластера 1 свойственна автономная каузальная ориентация, присущее им самодетерминированное поведение позволяет более гибко реагировать на изменения среды в сравнении с респондентами кластера 2.

Таким образом, установлено, что респонденты первого кластера характеризуются ярко выраженным интернальным локусом контроля, рефлексивной активностью, стремлением в построении поведения и деятельности опираться на свои ценности и смыслы (самодетерминированность и автономия), что позволяет нам условно обозначить первую группу как респонденты с более сформированной субъектностью (ЭГ1). Респонденты второго кластера осмысливают жизнь и строят ее, в меньшей степени руководствуясь ценностями и смыслами, отчасти под давлением внешних оценок и обстоятельств, что позволяет обозначить нам вторую группу как респонденты с менее сформированной субъектностью (ЭГ2).

На следующем этапе исследования мы сравнивали характеристики ценностно-смысловой сферы респондентов обеих групп. В таблице 4 отражены значимые различия по методике *ОТеЦ И. Г. Сенина.*

Таблица 4. Результаты критериального анализа (критерий Стьюдента) данных обеих групп по методике ОТеЦ
Table 4. Results of criterion analysis (Student's criterion) in both groups according to the questionnaire of terminal values

Шкала	ЭГ1 (с более сформированной субъектностью), среднее значение	ЭГ2 (с менее сформированной субъектностью), среднее значение	$t_{эмп}$
Жизненные сферы			
Обучение и образование	59,1	51,73	3,05 при p≤0,01
Терминальные ценности			
Активные социальные контакты	33,55	29,88	2,67 при p≤0,01
Развитие себя	35,48	31,88	2,54 при p≤0,01
Достижения	35,65	32,5	2,2 при p≤0,05
Духовное удовлетворение	35,77	32,48	2,3 при p≤0,05
Преобладающая терминальная ценность в жизненной сфере			
Обучение и образование / собственный престиж	7,29	6,15	2,63 при p≤0,05
Обучение и образование / креативность	6,9	5,95	2,06 при p≤0,05

Шкала	ЭГ1 (с более сформированной субъектностью), среднее значение	ЭГ2 (с менее сформированной субъектностью), среднее значение	$t_{эмп}$
Профессиональная жизнь / активные социальные контакты	6,74	5,83	2,46 при p≤0,05
Общественная жизнь / активные социальные контакты	7,23	5,93	3,05 при p≤0,01
Обучение и образование / активные социальные контакты	7,13	6,13	2,23 при p≤0,05
Общественная жизнь / развитие себя	6,97	6	2,32 при p≤0,05
Обучение и образование / достижения	7,87	6,5	2,99 при p≤0,01
Общественная жизнь / достижения	7,58	6,08	3,7 при p≤0,001

Из таблицы 4 видно, что для респондентов ЭГ1 выше значимость жизненной сферы *обучение и образование,* что отражает ее важность для воплощения субъектности. Согласно деятельностному подходу учебно-профессиональная деятельность является ведущей в период юности. Нацеленность формирующейся личности на задействование ее ресурсов, собственное развитие в ее контексте может выступать важным фактором успешного развития [31]. Значимо более выраженные терминальные ценности респондентов ЭГ1 отражают их направленность на активную деятельность, достижения и внутреннюю гармонию. Относительная кристаллизованность ценностей указывает на то, что они становятся генерализованными смыслами, опосредующими деятельность респондентов данной группы.

В таблице 5 представлены значимые различия по методикам «Система жизненных смыслов» В. Ю. Котлякова, «Ценностный опросник» С. Шварца.

Из таблицы 5 видно, что респонденты ЭГ1 направлены на самореализацию, а респондентам ЭГ2 в большей мере свойственна гедонистическая ориентация, связанная с получением удовольствия от самого процесса жизни, с меньшим приложением усилий. Эти достаточно разные жизненные ориентации могут быть связаны с представлениями респондентов об управляемости жизни. В случае направленности на самореализацию человеку свойственно искать жизненные контексты, в которых она возможна, задействовать ресурсы ситуации, в то время как гедонистичность часто связана с представлениями о том, что если от человека ничего не зависит, то нужно жить сегодняшним днем, получая от него удовольствие.

По ценностному опроснику было обнаружено, что в группе ЭГ1 значима ценность универсализма, т. е. респонденты этой группы в большей степени ориентированы на ценности, связанные с пониманием, терпимостью, защитой и благополучием других людей и природы. Данный эмпирический факт может указывать на просоциальную направленность смысловой сферы респондентов с более сформированной субъектностью. Отметим, что просоциальный уровень определяется Б. С. Братусем как высокий уровень развития смысловой сферы.

По вопросу анкеты «Что для Вас значит смысл жизни?» были получены следующие результаты. Анализ представленности категорий ответов позволил составить их рейтинг для каждой из групп. Наиболее

Таблица 5. Результаты критериального анализа данных (критерий Стьюдента) обеих групп по методикам «Система жизненных смыслов», «Ценностный опросник»
Table 5. Results of criterion analysis (Student's criterion) of both groups according to "Life Purposes System" and "Value Questionnaire" methodologies

Категория ответов / шкала	$ЭГ_1$ (с более сформированной субъектностью), среднее значение	$ЭГ_2$ (с менее сформированной субъектностью), среднее значение	$t_{эмп}$
«Система жизненных смыслов» (категории ответов)			
Гедонистические	4,52	7,06	3,24 при p≤0,01
Самореализации	7,23	5,1	2,5 при p≤0,05
«Ценностный опросник»			
Универсализм	34,52	29,45	2,22 при p≤0,05

значимыми категориями для ЭГ1 оказались *психологическое благополучие / счастье / гармония с миром* (указали 38,7 % респондентов данной группы), *планирование будущего, простраивание и достижение целей* (32,25 %), *быть автором своей жизни* (29 %). Популярные ответы связаны с направленностью на продуктивную жизнь, реализацию своих замыслов, потенциалов, выстраивание жизненного пути в соответствии со своими ценностями и смыслами.

Для респондентов ЭГ2 значимы категории *получение удовольствия от жизни* (25 %) – отражает гедонистическую ориентацию; *семья* (20 %) – для них является значимым жизненным контекстом, может также отражать логику группоцентрического уровня развития смысловой сферы, по Б. С. Братусю; *активность* (17,5 %) – может быть важной основой становления субъектности.

Сравнение представленности категорий в обеих группах посредством углового преобразования Фишера показало следующее (значимые различия представлены в таблице 6).

Полученные результаты отражают значимость активной субъектной позиции в структуре смысловой сферы респондентов первой группы, их бóльшую нацеленность на опосредование деятельности ценностями и смыслами. Безусловно, в период ранней юности такая направленность личности на управление своей жизнью, развитием может еще не подкрепляться необходимым целеполаганием, самоконтролем, осмыслением, однако уже закладывается определенная жизненная стратегия [32].

Результаты методики *«Определение жизненных ценностей личности»* (Must-тест), где испытуемым предлагалось завершить предложение, проанализированы с помощью углового преобразования Фишера, значимые различия представлены в таблице 7.

Из таблицы 7 видно, что респондентам ЭГ1 более важно жить богатой духовной жизнью; служить

Таблица 6. Результаты критериального анализа (угловое преобразование Фишера) ответов на вопрос «Что для Вас значит смысл жизни?»
Table 6. Results of criterion analysis (Fisher transformation) of responses to the question "What does life purpose mean for you?"

Категории ответов	ЭГ1 (с более сформированной субъектностью), %	ЭГ2 (с менее сформированной субъектностью), %	$\varphi^*_{эмп}$
Планирование будущего; простраивание и достижение целей	32,25	12,5	2,02 при p≤0,05
Психологическое благополучие / счастье / гармония с миром	38,7	7,5	3,29 при p≤0,01
Быть автором своей жизни	29	2,5	3,42 при p≤0,01
Работа / карьера	22,58	7,5	1,85 при p≤0,05
Образование / сдача экзаменов	19,35	5	1,92 при p≤0,05
Достойно прожить жизнь	22,58	7,5	1,82 при p≤0,05

Таблица 7. Результаты критериального анализа данных (угловое преобразование Фишера) обеих групп по методике «Определение жизненных ценностей личности» П. Н. Иванова, Е. Ф. Колобовой
Table 7. Results of criterion analysis (Fisher transformation) of both groups according to P. N. Ivanova and Ye. F. Kolobova's methodology ("Definition of Personality's Life Values")

Категории	ЭГ1 (с более сформированной субъектностью), %	ЭГ2 (с менее сформированной субъектностью), %	$\varphi^*_{эмп}$
Я непременно должен...			
Служить людям / родине; помогать / уважать / заботиться о других	45,16	17,5	2,55 при p≤0,01
Жить богатой духовной жизнью	54,8	30	2,12 при p≤0,05
Испытывать чувство удовольствия	38,7	70	2,44 при p≤0,01
Сдать экзамены	96,7	80	2,35 при p≤0,01
Ужасно, если...			
Ты испытываешь одиночество / непонимание / предательство / несправедливость / измену	80,64	45	3,17 при p≤0,01

Категории	ЭГ1 (с более сформированной субъектностью), %	ЭГ2 (с менее сформированной субъектностью), %	$\varphi^*_{эмп}$
Я не могу терпеть...			
Излишнюю привязанность / зависимость от близкого	19,35	5	1,91 при p≤0,05
Глупых / безнравственных / раздражающих людей	64,5	32,5	2,72 при p≤0,01
Измены / предательства / потери	22,58	5	2,24 при p≤0,01
Недостигнутые цели	6,45	0	–

людям, заботиться о других, что говорит об их сформированной личностной ответственности за себя и других, о выраженности просоциальных смыслов. У респондентов ЭГ2 активнее выражена гедонистическая ориентация, для них важнее получение удовольствия от жизни.

Для респондентов ЭГ1 важно наличие близкого друга, являющегося источником любви, заботы и поддержки. Но в то же время привязанность, зависимость вызывают у ряда респондентов негативные чувства, вероятно, связанные с непереносимостью ущемления внутренних границ, автономии и целостности. Это согласуется с описанным выше эмпирическим фактом по опроснику УРСЛ о свойственной респондентам данной группы продуктивной интеграции в систему социального взаимодействия: они активно строят контакты с окружением, не теряя при этом собственных границ и не пересекая границ других людей.

Выраженная категория *стать известной личностью*, *прославиться открытием или новым изобретением*, по всей видимости, отражает то, что достижения важны респондентам ЭГ1 для приобретения своего места в системе социальных отношений, самовыражения.

Для обеих групп значимым является сдать экзамены, все респонденты осознают важность этого события для будущей жизни.

По методике *«Отношение к значимой жизненной ситуации»* Е. Ю. Коржовой сначала был составлен рейтинг наиболее популярных ответов в группах. Респонденты ЭГ1 чаще давали ответы в категориях *здоровье / спорт* (12,9 %), что может указывать на ответственное отношение к здоровью и реализацию в сфере спорта; *поступление / учеба в университете* и *окончание школы / сдача экзаменов* (12,9 %) указывает на значимость построения своего будущего, субъектность в учебно-профессиональном контексте; *работа* (9,68 %) – возможность личностно-профессионального развития, материального благополучия.

Для респондентов ЭГ2 значимы категории *окончание школы / сдача экзаменов* (15 %) – отражает значимость активности в данной сфере; *чувство удовольствия / отпуск* (10 %) – отражает гедонистическую ориентацию; *безопасность близких, своя* (10 %) отражает группоцентричность смысловой сферы, возможно, связана с гомеостатической ориентацией, адаптивной направленностью.

Далее представленность категорий сравнивалась посредством углового преобразования Фишера (значимые различия представлены в таблице 8).

Различий по содержанию значимых ситуаций между группами практически не обнаружено. Можно предположить, что в период ранней юности, когда все респонденты еще находятся в сходной социальной ситуации (учатся в школе), жизненные события достаточно типичны. Вместе с тем обнаружена более выраженная направленность респондентов ЭГ1 на планирование будущего, открытость новому опыту, видение своей роли в происходящих жизненных событиях, они больше готовы к изменениям. У второй группы также есть ресурс для активного построения жизни, примерно треть респондентов связали значимую жизненную ситуацию с новым опытом изменения. Осмысление жизненных событий через призму возможностей выступает значимым условием продуктивного развития [33].

На следующем этапе нами был осуществлен *корреляционный анализ* данных для выявления структурно-содержательных особенностей ценностно-смысловой сферы респондентов обеих групп. Результаты корреляционного анализа показателей УСК и шкал других методик в обеих группах позволяют нам сделать выводы о ценностно-смысловых основаниях ответственности респондентов обеих групп за ход их жизни. Существенно большее количество взаимосвязей показателей УСК с другими параметрами субъектности и характеристиками ценностно-смысловой сферы у ЭГ1 позволило сделать вывод о ее большей направленности на регуляцию поведения и деятельности в сравнении с ЭГ2. В данном случае можно говорить о такой функции ценностно-смысловой сферы, как саморегуляция поведения и деятельности.

Таблица 8. Результаты критериального анализа (угловое преобразование Фишера) данных обеих групп по методике «Отношение к значимой жизненной ситуации» Е. Ю. Коржовой
Table 8. Results of criterion analysis of both groups according to Ye. Yu. Korzhova's methodology ("Attitude to Significant Life Situation")

Категории	ЭГ1 (с более сформированной субъектностью), %	ЭГ2 (с менее сформированной субъектностью), %	$\varphi^*_{эмп}$
Вид значимой жизненной ситуации			
Здоровье / спорт	12,9	2,5	1,74 при p≤0,05
Чем важна для вас ситуация			
Влияет на будущее	45,16	25	1,78 при p≤0,05
Как вы считаете, почему она возникла?			
По моему желанию	22,58	7,5	1,81 при p≤0,05
Как, на ваш взгляд, ситуация повлияла на Вас?			
Новый опыт изменения	61,29	30	2,67 при p≤0,01

Параметры УСК, УРСЛ в ЭГ1 связаны с широким спектром ценностей (методика ОТеЦ), что позволяет нам делать вывод о том, что активность юношей и девушек с более сформированной субъектностью направлена на реализацию значимых моментов в разнообразных сферах жизни. Только в этой группе обнаружена взаимосвязь общей интернальности (УСК) с опосредованностью (УРСЛ), r=0,42 при p≤0,05, что говорит о том, что именно планирование и волевой контроль начинают выступать психологическими, функциональными механизмами, опосредующими активность человека, что в целом повышает осмысленность деятельности, ответственность за ее протекание и результаты.

Общая интернальность (УСК) в ЭГ2 связана с меньшим количеством показателей методики ОТеЦ, в целом это область активных социальных контактов. Можно предположить, что у юношей и девушек с менее сформированной субъектностью в определенной степени сохраняется тенденция подросткового возраста к отстаиванию своей автономной позиции. Вероятно, ценности как генерализованные смыслы уже в большей степени управляют активностью респондентов первой группы, в то время как респонденты второй группы больше сосредоточены на поиске своего места в системе социального взаимодействия, в структуре их смысловой сферы могут быть заметно выражены коммуникативные, конфликтные смыслы.

Анализ взаимосвязей показателей локуса контроля в различных сферах жизни позволил сделать выводы о направленности на поиск своего места в мире, открытость изменениям у респондентов ЭГ1, об отстаивании своего места в мире – у респондентов ЭГ2. Так, интернальность в области достижений в ЭГ1 взаимосвязана с осмысленностью жизни (СЖО), r=0,36 при p≤0,05, общим уровнем субъектности (УРСЛ), r=0,37 при p≤0,05, целостностью (УРСЛ), r=0,4 при p≤0,05, показателями методики ОТеЦ (увлечения, r=0,36 при p≤0,05, собственный престиж, r=0,36 при p≤0,05, духовное удовлетворение, r=0,66 при p≤0,001): успешная активность связана и с осмысленностью, планами, интересами, собственной удовлетворенностью, и со способностью интегрироваться в систему отношений с другими людьми.

В ЭГ2 интернальность в области достижений взаимосвязана с результативностью жизни (СЖО), r=0,37 при p≤0,05, представлениями о ее управляемости (СЖО, ЛК-Жизнь, r=0,36 при p≤0,05, ЛК-Я, r=0,33 при p≤0,05), автономией (тест самодетерминации, r=0,38 при p≤0,05), ценностью достижений (ОТеЦ, r=0,37 при p≤0,05). Здесь акцент смещается на автономность, управление жизнью, важность именно факта самого достижения, что, на наш взгляд, указывает на некоторое напряжение в плане взаимодействия с социумом, отстаивание своей позиции, активность осуществляется как бы вопреки.

Обнаружено, что респонденты первой группы рассматривают производственные отношения (отношения в образовательном контексте), межличностные отношения как продуктивный контекст воплощения ценностей и смыслов (существенное количество взаимосвязей показателей УСК с параметрами личностной субъектности, УРСЛ, ценностями обучения и образования, увлечений, семейной и общественной жизни, ОТеЦ), а второй группы – как возможность защиты или самоутверждения (взаимосвязь интернальности в семейных отношениях с автономной каузальной ориентацией (РОКО-12, r=0,33 при p≤0,05), интернальности в области межличностных отношений с ценностью власти, ценностный опросник С. Шварца, r=0,33 при p≤0,05)). Семья может стать

основой изменения направленности смысловой сферы с противостояния, отстаивания автономии на ответственность за свое жизнеосуществление у юношей и девушек с менее сформированной субъектностью в случае гармонизации отношений, поскольку у респондентов второй группы выражена группоцентрическая направленность.

В рамках образовательного процесса юноши и девушки, берущие на себя ответственность за его ход и результаты, могут найти возможности для самоутверждения, самовыражения, самореализации, они способны наполнить разнообразные учебные ситуации смыслом, что делает образовательный контекст важнейшим в плане приобретения знаний, жизненного опыта, становления ценностно-смысловой сферы.

Далее в ходе интерпретации результатов корреляционного анализа было выявлено, что в ЭГ1 взаимосвязаны показатели субъектности (тест самодетерминации, УРСЛ) с ценностями достижений, креативности, развития себя, общественной и профессиональной жизни. Полученные эмпирические факты говорят о том, что субъектная активность респондентов ЭГ1 существенным образом связана с направленностью на саморазвитие, самореализацию, с активностью в зоне социального взаимодействия. В ЭГ2 таких взаимосвязей существенно меньше, осмысленность, скорее, приводит к адаптивной стратегии, чем к попыткам изменять мир и себя; направленность на положительные эмоции от жизни препятствует поиску контекстов для самовыражения. Установлено, что в отличие от представителей первой группы респонденты ЭГ2 в меньшей степени задействуют образовательный процесс как поле реализации своих возможностей. Вместе с тем, если деятельность опосредуется планированием и управлением, растет и ценность достижений.

Выводы

1. Особенностями ценностно-смысловой сферы юношей и девушек с более сформированной субъектностью (интернальный локус контроля, продуктивная рефлексивность, самодетерминированность поведения) являются бóльшая кристаллизованность ценностей, опосредующих поведение и деятельность, более выраженная просоциальная направленность. Для этой категории свойственны направленность на самопознание, самоизменение, самореализацию, активное выстраивание жизненного пути, значимость продуктивных отношений с окружающими людьми при сохранении автономности, планирование будущего, готовность прикладывать усилия для реализации планов, логика неадаптивной активности.

2. Особенностями ценностно-смысловой сферы юношей и девушек с менее сформированной субъектностью (промежуточный между интернальным и экстернальным локус контроля, относительная дефицитарность рефлексивности и самодетерминированности поведения) являются направленность на внешний мир, выраженность гедонистической жизненной ориентации, сосредоточенность на настоящем с дефицитарностью планирования активности, меньшая значимость ценности развития, самореализации. Им присущи некоторая адаптивность поведения, тенденция к отстаиванию своего места в системе социального взаимодействия.

На основе сделанных выводов мы можем прийти к заключению о том, что уровень сформированности субъектности и реализация функций ценностно-смысловой сферы взаимообуславливают друг друга: уровень сформированности субъектности определяет процесс и результат простраивания будущего, регуляции поведения, а структурно-содержательные особенности ценностно-смысловой сферы, в свою очередь, определяют параметры субъектности. Данное положение нуждается в дополнительной проверке и открывает перспективы для дальнейших исследований.

Литература

1. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.

2. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл: Академия, 2002. 416 с.

3. Братусь Б. С. Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева / под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 284–298.

4. Гинзбург М. Р. Ценностно-смысловые и пространственно-временные аспекты развития в подростковом и юношеском возрастах // Мир психологии. 2017. № 1. С. 125–129.

5. Калитеевская Е. Р., Леонтьев Д. А. Пути становления самодетерминации личности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 49–55.

6. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 488 с.

7. Аникина В. Г., Цветаева А. С. Личностная рефлексия как психологический механизм становления самосознания в подростковом и юношеском возрастах // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2015. № 3. С. 21–33.

8. Весна Е. Б., Фризен М. А. Особенности развития смысловой сферы подростков. Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчатского гос. ун-та им. Витуса Беринга, 2007. 189 с.

9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с.

10. Практикум по психологии жизненных ситуаций / под ред. Е. Ю. Коржовой. СПб.: Стикс, 2016. 266 с.

11. Яницкий М. С., Серый А. В. Развитие системы ценностно-смысловых ориентаций личности в профессиональной деятельности специалистов деонтологического статуса // Личность и профессиональная деятельность / под ред. Л. Г. Дикой, Т. Х. Невструевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. Т. 1. С. 147–159.

12. Bandura A. Social cognitive theory of personality // Cervone D., Shoda Y. (eds.). Te coherence of personality: Social-cognitive bases of consistency, variability, and organization. N. Y.: Guilford Press, 1999. P. 185–241.

13. Ryan R. M., Deci E. L. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P. 141–166.

14. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

15. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 159 с.

16. Алексеева Л. В. Психология субъекта и субъекта преступления. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2004. 520 с.

17. Брушлинский А. В. Субъектно-деятельностная концепция и теория функциональных систем // Вопросы психологии. 1999. № 5. С. 110–121.

18. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 680 с.

19. Осницкий А. К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.

20. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 512 с.

21. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-1. С. 82–97.

22. Щукина М. А. Опросник «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)». Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. 45 с.

23. Леонтьев Д. А. Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67–80.

24. Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткинд А. М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С. 152–162.

25. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992. 16 с.

26. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.

27. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ). Ярославль: Психодиагностика; Содействие, 1991. 20 с.

28. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.

29. Дергачева О. Е., Дорфман Л. Я., Леонтьев Д. А. Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2008. № 3. С. 91–106.

30. Котляков В. Ю. Методика «Система жизненных смыслов» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-1. С. 148–153.

31. Яницкий М. С. Основные психологические механизмы адаптации студентов на первом и втором курсах обучения в вузе // Вопросы общей и дифференциальной психологии: сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассвузисздат, 1997. С. 60–69.

32. Яницкий М. С., Серый А. В., Проконич О. А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 175–180.

33. Серый А. В. Осмысленное отношение к профессиональной деятельности как условие развития профессионально значимых качеств психологов-практиков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2005. № 2. С. 158–162.

AXIOLOGICAL SPHERE IN ADOLESCENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF AGENCY FORMATION

Marina A. Frizen [a, @, ID1]***; Lyubava O. Kostenko*** [b, ID2]

[a] *Vitus Bering Kamchatka State University, 4, Pogranichnaya St., Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, 683032*
[b] *Petropavlovsk-Kamchatsky School No. 1 for students with disabilities, 101, Pogranichnaya St., Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, 683032*
[@] *frizenm@yandex.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-7706-6812*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0001-7939-0897*

Received 23.07.2017. Accepted 18.09.2018.

Keywords: late adolescence, value and semantic sphere, agency, locus of control, reflection, self-determination.

Abstract: The article presents the results of a psychological research aimed at studying the axiological sphere in adolescents with different levels of agency formation. The authors conducted a thorough theoretical analysis and formulated some theses concerning the dynamics of the axiological sphere during the stage of development. The empiric research involved 71 respondents. The reference set was split into two groups according to agency formation level. The data obtained were interpreted according to criterion and correlation analyses. The axiological sphere of young men and women with better formed agency was characterized by a higher degree of crystallization of values that determine behavior and activity, strong pro-social orientation, and non-adaptive essence; their relations with other people were more productive, although they maintained a significant autonomy. Those with a lower degree of agency formation were characterized by hedonistic life-orientation, adaptibility of behavior, and a tendency to maintain their position in the system of social interaction.

For citation: Frizen M. A., Kostenko L. O. Osobennosti tsennostno-smyslovoi sfery lichnosti v period rannei iunosti pri raznykh urovniakh sformirovannosti sub"ektnosti [Axiological Sphere in Adolescents with Different Levels of Agency Formation]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 140–152. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-140-152.

References

1. Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Existence and consciousness]. Saint-Petersburg: Peter, 2003, 512.

2. Asmolov A. G. *Psikhologiia lichnosti: printsipy obshchepsikhologicheskogo analiza* [Psychology of personality: principles of general psychological analysis]. Moscow: Smysl: Akademiia, 2002, 416.

3. Bratus′ B. S. Lichnostnye smysly po A. N. Leont′evu i problema vertikali soznaniia [Personal meanings according to A. N. Leontiev and the problem of the vertical of consciousness]. *Traditsii i perspektivy deiatel'nostnogo podkhoda v psikhologii: shkola A. N. Leont'eva* [Traditions and perspectives of the activity approach in psychology: the school of A. N. Leontiev]. Eds. Voiskunskii A. E., Zhdan A. N., Tikhomirova O. K. Moscow: Smysl, 1999, 284–298.

4. Ginzburg M. R. Tsennostno-smyslovye i prostranstvenno-vremennye aspekty razvitiia v podrostkovom i iunosheskom vozrastakh [Value-semantic and spatio-temporal aspects of development in adolescence and youth]. *Mir psikhologii = World of Psychology*, no. 1 (2017): 125–129.

5. Kaliteyevskaya E. R., Leontiev D. A. Puti stanovleniia samodeterminatsii lichnosti v podrostkovom vozraste [Formation of personality self-determination in adolescence]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 3 (2006): 49–55.

6. Leontiev D. A. *Psikhologiia smysla. Priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of meaning. Nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Smysl, 2003, 488.

7. Anikina V. G., Tsvetaeva A. S. Lichnostnaia refleksiia kak psikhologicheskii mekhanizm stanovleniia samosoznaniia v podrostkovom i iunosheskom vozrastakh [Personal Reflection as a Psychological Mechanism of Self-Identification Formation at the Age of Adolescence and Youth]. *Konferentsium ASOU: sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsii = Conference of the Academy of Social Management: a collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences*, no. 3 (2015): 21–33.

8. Vesna E. B., Frizen M. A. *Osobennosti razvitiia smyslovoi sfery podrostkov* [Features of the development of the semantic sphere of adolescents]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Izd-vo Kamchatskogo gos. un-ta im. Vitusa Beringa, 2007, 189.

9. Erikson E. *Identichnost': iunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Flinta: MPSI: Progress, 2006, 352.

10. *Praktikum po psikhologii zhiznennykh situatsii* [Practicum on psychology of life situations]. Ed. Korzhova E. Iu. Saint-Petersburg: Stiks, 2016, 266.

11. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Razvitie sistemy tsennostno-smyslovykh orientatsii lichnosti v professional′noi deiatel′nosti spetsialistov deontologicheskogo statusa [Development of the system of value-semantic orientations of the individual in the professional activity of specialists of deontological status]. *Lichnost' i professional'naia deiatel'nost'* [Personality and professional activity]. Eds. Dikaia L. G., Nevstrueva T. Kh. Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, vol. 1 (2008): 147–159.

12. Bandura A. Social cognitive theory of personality. Cervone D., Shoda Y. (eds.). *Te coherence of personality: Social-cognitive bases of consistency, variability, and organization*. N. Y.: Guilford Press, 1999, 185–241.

13. Ryan R. M., Deci E. L. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being. *Annual Review of Psychology*, vol. 52 (2001): 141–166.

14. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Person in search of meaning]. Moscow: Progress, 1990, 368.

15. Abul′khanova-Slavskaia K. A. Strategiia zhizni [Strategy of life]. Moscow: Mysl′, 1991, 159.

16. Alekseeva L. V. *Psikhologiia sub"ekta i sub"ekta prestupleniia* [Psychology of the Agent and the Agent of Crime]. Tyumen: Izd-vo Tiumenskogo gos. un-ta, 2004, 520.

17. Brushlinskii A. V. Sub"ektno-deiatel′nostnaia kontseptsiia i teoriia funktsional′nykh sistem [Subject-activity conception and theory of functional systems]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 5 (1999): 110–121.

18. *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: structure and diagnosis]. Ed. Leont′ev D. A. Moscow: Smysl, 2011, 680.

19. Osnitsky A. K. Problemy issledovaniia sub”ektnoi aktivnosti [Problems of investigation of subject activity]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 1 (1996): 5–19.

20. Petrovskii V. A. Lichnost′ v psikhologii: paradigma sub”ektnosti [Personality in psychology: subjectivity paradigm]. Rostov-on-Don: Feniks, 2006, 512.

21. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Osnovnye metodologicheskie podkhody k izucheniiu tsennostno-smyslovoi sfery lichnosti [The main methodological approaches to the study of value-semantic sphere of personality]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, no. 19-1 (2012): 82–97.

22. Shchukina M. A. *Oprosnik «Uroven' razvitiia sub”ektnosti lichnosti (URSL)* [Questionnaire "Personal agency development level"]. Tyumen: Izd-vo Tiumenskogo gos. un-ta, 2005, 45.

23. Leontiev D. A. Lichnostnoe izmerenie chelovecheskogo razvitiia [The personality dimension of human development]. V*oprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 3 (2013): 67–80.

24. Bazhin E. F., Golynkina E. A., Etkind A. M. Metod issledovaniia urovnia sub”ektivnogo kontrolia [Method of investigation of subjective control level]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 5, no. 3 (1984): 152–162.

25. Leont′ev D. A. *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZHO)* [Test of meaning-oriented orientations]. Moscow: Smysl, 1992, 16.

26. Karandashev V. N. *Metodika Shvartsa dlia izucheniia tsennostei lichnosti: kontseptsiia i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwarz methodology for studying values of personality: methodological guidelines]. Saint-Petersburg: Rech′, 2004, 70.

27. Senin I. G. *Oprosnik terminal'nykh tsennostei (OTeTS)* [Terminal values questionnaire]. Yaroslavl: Psikhodiagnostika; Sodeistvie, 1991, 20.

28. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Sotsial'no-psikhologicheskaia diagnostika razvitiia lichnosti i malykh grupp* [Social and psychological diagnostics of development of personality and small groups]. Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2002, 362.

29. Dergacheva O. E., Dorfman L. Ya., Leontiev D. A. Russkoiazychnaia adaptatsiia oprosnika kauzal′nykh orientatsii [Russian adaptation of the general causality orientation scale]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 14: Psikhologiia = Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology*, no. 3 (2008): 91–106.

30. Kotlyakov V. Yu. Metodika «Sistema zhiznennykh smyslov» ["The system of life senses" methodology]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2-1 (2013): 148–153.

31. Yanitskiy M. S. Osnovnye psikhologicheskie mekhanizmy adaptatsii studentov na pervom i vtorom kursakh obucheniia v vuze [Main psychological mechanisms of adaptation of first- and second-year university

students]. *Voprosy obshchei i differentsial'noi psikhologii* [Questions of general and differential psychology]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 60–69.

32. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Prokonich O. A. Osobennosti vremennoi perspektivy lichnosti predstavitelei razlichnykh tsennostnykh tipov massovogo soznaniia [Peculiarities of personality time perspective in representatives of different types of mass consciousness]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki = Journal Collection of scientific works of KRASEC. Section "The Humanities"*, no. 2 (2012): 175–180.

33. Seryy A. V. Osmyslennoe otnoshenie k professional′noi deiatel′nosti kak uslovie razvitiia professional′no znachimykh kachestv psikhologov-praktikov [Analytical attitude to professional activity as a condition of professionally significant qualities development in practicing psychologists]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2005): 158–162.

УДК 80

ОБРАЗ АВТОРА КАК ФАКТОР ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕКСТА*

Елизавета С. Беляева [a, @, ID]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *lis.ens@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-8007-9852*

Поступила в редакцию 28.01.2018. Принята к печати 19.07.2018.

Ключевые слова:
образ автора, лингвополитология, интерпретация текста, когнитивная лингвистика, обыденная лингвополитология, лингвоперсонология.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению роли образа автора как фактора, детерминирующего вариативное функционирование текста в процессе его интерпретации рядовым носителем языка. Исследование выполнено на материале лингвистического эксперимента, в ходе которого были выявлены смысловые версии исходного текста как результат влияния образа автора на интерпретационную деятельность адресата. Новизна реализуемого в данной статье подхода заключается в том, что образ автора рассматривается в качестве моделируемого адресатом портрета политического лидера и его коммуникативных интенций на основании анализа интерпретирующих текстов как результата восприятия и интерпретации исходного (интерпретируемого) текста. Целью работы является обоснование положения о том, что образ автора влияет на интерпретацию текста адресатом. При исследовании материала применялся метод лингвистического анализа текста. Полученные интерпретирующие тексты показывают, что сформировавшийся в обыденном политическом сознании под влиянием различных факторов образ автора политического текста влияет на его восприятие рядовым носителем языка и на интерпретационную деятельность адресата. Это подтверждает тот факт, что один и тот же текст, авторство которого мы приписали разным политическим деятелям, получает разные интерпретационные модели в зависимости от того, как реципиент воспринимает политика, который указан как автор текста.

Для цитирования: Беляева Е. С. Образ автора как фактор интерпретационного функционирования текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 153–158. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-153-158.

Данное исследование находится в плоскости пересечения обыденной лингвополитологии, лингвоперсонологии и интерпретационной лингвистики. Предметом исследования обыденной лингвополитологии, у истоков которой находится Н. Д. Голев, является обыденное политическое сознание, изучаемое на материале обыденных политических текстов и фрагментов языковой системы. Этот языковой материал описывается в лингвокогнитивном, лингвоконфликтологическом и лингвоперсонологическом аспектах. Лингвокогнитивный аспект предполагает, с одной стороны, изучение обыденного политического сознания, проявляющегося в речевой практике, языковом материале и языковой системе, а с другой – изучение особенностей обыденного языкового сознания на материале обыденных политических текстов и фрагментов языковой системы. Лингвоперсонологический аспект представляет пересечение когнитивной лингвистики, социолингвистики и лингвопсихологии и имеет целью изучение гендерных, профессиональных, ментально-психологических особенностей языковой личности и ее типов [1].

Поскольку данная область непосредственно связана с когнитивной деятельностью субъекта, то предметом изучения этого направления является интерпретационная деятельность реципиента, а также интерпретационное поле текста. Как отмечает В. З. Демьянков, интерпретация представляет собой когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и / или неречевых действий. Интерпретация является триединством: одновременно *процессом* (обладающим объектами и результатами), *результатом*

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00311 «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации».

и *установкой* (презумпцией интерпретируемости объекта). Интерпретация – *целенаправленная когнитивная деятельность*, обладающая обратной связью с промежуточными (локальными) и глобальными целями интерпретатора, который далеко не всегда уверен в целенаправленности действий автора воспринимаемой речи. Согласно этой теории значения не образуют отдельного царства, а появляются только в результате удачной интерпретации. Интерпретация – попытка создать значение в соответствии с некоторыми целями на основе использования стратегий интерпретационной деятельности. Смысл выражения – актуализированное речевое значение в рамках сиюминутной ситуации интерпретирования [2]. В соответствии с теорией лингвистического интерпретационизма объектом восприятия адресатом является исходный, интерпретируемый текст, а результатом его ментально-речевой деятельности является вторичный, интерпретирующий текст. Л. Г. Ким доказывает, что интерпретационная деятельность адресата реализуется по модели вариативности; результатом этой деятельности является феномен множественности интерпретаций одного и того же текста. Автором устанавливаются факторы, детерминирующие множественность смысловых версий одного и того же текста [3].

В предлагаемой статье мы рассматриваем образ автора как один из факторов, детерминирующих вариативность интерпретационной деятельности адресата и влияющих на результат этой деятельности, который проявляется в актуализации различных смыслов одного и того же речевого произведения.

Интерес к изучению образа автора усилился во второй половине XX в., вследствие чего возникла новая область лингвистики – нарратология, или теория повествования. Развивая концепции В. В. Виноградова и М. М. Бахтина в рамках нового течения, Е. В. Падучева пишет, что роль автора-создателя в художественном произведении нельзя отождествлять с ролью говорящего в речевом высказывании; исследователь разрабатывает понятие образа автора и выделяет виды повествователей [4]. В. Шмидт, рассматривая вопросы нарратологии, разграничивает *конкретного автора* как реальную историческую личность, создателя произведения; *абстрактного автора*, который содержится в произведении и реконструируется читателем; и *фиктивного нарратора* [5].

К работам по нарратологии тесно примыкают исследования, посвященные лингвистическому анализу художественных и нехудожественных текстов разных стилей и жанров [6]. Так, В. А. Кухаренко различает образ автора-писателя и образ конкретного автора и предлагает следующее определение понятия «образ автора»: «Это сквозной образ произведения, его глубинный связующий элемент, который способствует объединению в единое целое отдельных частей, пронизывает его единым сознанием, единым мировоззрением, единым мироощущением» [7, с. 186].

Н. С. Валгина раскрывает понятие *образ автора* посредством дифференциации таких смежных понятий, как *производитель речи* и *субъект повествования*. Исследователь подчеркивает, что «триединство «реальный производитель речи – субъект повествования – образ автора» есть шкала восхождения от конкретного к обобщенному, от воспроизведения к восприятию, от объективного к субъективному» [6, с. 10]. Далее Н. С. Валгина отмечает двунаправленность образа автора: он есть результат сотворчества, т. к. с одной стороны, он творится, создается автором, а с другой – воспринимается, воссоздается читателем.

Задолго до филологического анализа образа автора и образа адресата к этой проблематике главным образом в практическом плане обращались специалисты по риторике и культуре речи. Аристотелем риторика определена как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета», а способы эти находятся в прямой зависимости «от характера говорящего» и «от того или другого настроения слушателя» [8, с. 28]. К исследованию образа автора в риторическом аспекте обращаются Ю. В. Рождественский [9], А. П. Романенко [10], которые, дифференцируя понятия «автор», «оратор» и «ритор», рассматривают образ автора как важную категорию текста.

К трудам по общей риторике тесно примыкают исследования ее применения в судебной практике [11], в том числе на материале судебного дискурса, позволяющего определить разные образы судьи: судья-рефери, судья-участник драматических событий, судья-лингвист, судья-обычный человек [12].

Категория образа автора активно используется и в новом лингвистическом направлении – политической лингвистике – в работах, посвященных моделированию речевого портрета политического деятеля [13; 14]. Политические портреты Б. Н. Ельцина, В. В. Путина и Д. А. Медведева исследуются на основе информации о них в прессе, их политических выступлений и на основе анализа результатов лингвистического эксперимента. Сходные по содержанию политические программы, предвыборные обещания, произносимые разными политиками, в одном случае вызывают доверие электората, а в другом – скепсис. Лингвистический аспект этой проблемы рассматривается на материале результатов интерпретационного эксперимента, в результате которого было установлено, что вариативность толкований политического текста обусловлена фактором образа автора и приписываемых ему политических интенций [15].

Политический текст имеет свою специфику. Он отличается, во-первых, задачами, направленными на манипуляцию сознанием аудитории; во-вторых,

политическими установками и взглядами автора; в-третьих, своими лексическими, грамматическими, стилистическими особенностями, а также системой своеобразных речевых приемов [16]. Дискурс политика является прямым средством его воздействия на избирателя, с его помощью формируется определенный «имидж» автора, который создается с учетом экстралингвистических факторов, таких как социальная обстановка в стране, «настроение» граждан и т. д. Таким образом, образ автора политического текста – это не просто образ адресанта, создающего / участвующего в определенной коммуникативной ситуации, образ автора в данном случае является доминантной частью общего не только коммуникативного, но и психологического посыла, направленного на создание определенной взаимосвязи между политиком и его электоратом.

Новизна реализуемого в данной статье подхода заключается в том, что образ автора рассматривается как моделируемый адресатом портрет политического лидера и его коммуникативных интенций на основании анализа интерпретирующих текстов как результата восприятия и интерпретации исходного (интерпретируемого) текста.

Целью данной статьи является обоснование положения о том, что образ автора влияет на интерпретацию текста адресатом. Исследование выполнено на материале фрагмента инаугурационной речи Д. А. Медведева 2008 г.: *«В этой связи считаю своей важнейшей задачей дальнейшее развитие гражданских экономических и свобод, создание новых, самых широких возможностей для самореализации граждан – граждан, свободных и ответственных как за свой личный успех, и так за процветание всей страны. Именно такие люди создают высокое достоинство нации, являются и источником силы государства – государства, у которого есть сегодня необходимые и ресурсы, и чёткое своих понимание национальных интересов»*[1].

При проведении лингвистического эксперимента этот текст был предложен студентам Кемеровского государственного университета (100 человек), которым предлагалось ответить на следующие вопросы: 1) о чем этот текст?; 2) чего хотел достичь автор при произнесении этого текста?

Эксперимент проходил в четыре этапа, на каждом из этапов мы привлекали разных испытуемых. На первом этапе студентам был предложен фрагмент этой речи Д. А. Медведева, но в качестве автора был указан В. В. Путин; на втором этапе мы предложили этот же текст, при этом автором был обозначен Р. Кадыров; студентам – участникам третьего этапа – текст, авторство которого приписывалось П. А. Порошенко, а участники четвертого этапа получили этот же текст под авторством Д. А. Медведева. Т. е. константной составляющей эксперимента был исходный (интерпретируемый) текст, переменные – автор текста. Такой дизайн эксперимента позволяет выявить, как влияет образ автора на интерпретацию текста, а точнее как образ политика, отраженный в обыденном политическом сознании реципиента, и представление о нем обусловливают интерпретацию содержания исходного текста.

В результате эксперимента было получено 90 интерпретирующих текстов, анализ которых позволил выявить несколько интерпретационных моделей исходного текста. Каждая из этих моделей основывается на актуализации ядерной лексемы. Под ядерной лексемой в данном случае мы понимаем наиболее частотную лексему, семантика которой в полной мере отображает смысловую направленность полученных реакций в разных интерпретирующих текстах.

Ядерными лексемами являются следующие: ***демократия, развитие, ложь, граждане.*** При этом каждый из политических лидеров (В. В. Путин, Д. А. Медведев, Р. Кадыров и П. А. Порошенко) ассоциируется с определенными ядерными лексемами, т. е. ядерные лексемы передают не только суть интерпретирующего текста, но и представление реципиента об авторе.

Анализ интерпретирующих текстов наших информантов позволил выявить несколько смысловых версий и осуществить моделирование интерпретационного поля.

Образ Р. Кадырова у большинства реципиентов ассоциируется с демократией, о чем свидетельствуют полученные в результате эксперимента интерпретирующие высказывания его участников: свод экономических и гражданских свобод – 75 %, демократический лидер – 15 %, развитие демократии – 5 %, настроен демократически – 5 %. Например: текст – как свод экономических и гражданских свобод; проявляет себя как демократический лидер; хочет показать, что настроен демократически; развитие демократии; говорит о правах граждан; показывает, что главным для него являются права его народа; выбирает демократический путь развития страны; хочет, чтобы страна была демократической; говорит о гражданских свободах; хочет показать, что принимает демократию; говорит о свободе его народа; занимается развитием демократии; хочет установить демократический порядок в стране; считает себя демократическим лидером; уверяет, что идет путем демократии; для него самое важное – демократия; будет развивать демократию; говорит об экономической свободе для граждан; подчеркивает важность экономических и гражданских свобод.

[1] Речь президента РФ Дмитрия Медведева на церемонии инаугурации // Вести.ru. 07.05.2008. Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=179937&tid=57273 (дата обращения: 10.01.2018).

Образ В. В. Путина в сознании адресата связан с развитием страны и ее граждан: развитие страны – 70 %, создание условий для развития – 20 %, развивать экономику страны – 7 %, есть все ресурсы для развития – 3 %. Например: развитие страны; о развитии и процветании страны; необходимость создания условий для развития; почему важно развивать экономику страны; что у государства есть все ресурсы для развития; показывает, что каждый гражданин может развиваться, говорит о том, что государство может обеспечить развитие граждан; показывает, что создаются все условия для развития; хочет развивать экономику страны; показывает заинтересованность в развитии населения государства; говорит о планах развития страны; призывает к развитию своих граждан; есть все условия для развития; у страны много ресурсов для развития граждан; государство способствует развитию граждан; каждому гражданину необходимо развиваться; страна будет развиваться; граждане и страна должны развиваться; хочет развития граждан и страны; говорит о том, что государство будет помогать тем, кто хочет развиваться; призывает к развитию.

П. А. Порошенко в сознании рядовых граждан вызывает негативные ассоциации, большая часть испытуемых связывают его образ с ложью: ложь – 67 %, пускает пыль в глаза – 22 %, вранье – 7 %, ничего не хотел достичь – 4 %. Например: пускает пыль в глаза; вранье, цель – популярность; ложь; ничего не хотел достичь; он сам не знает чего хочет; хочет популярности; хочет привлечь помощников; говорит, но ничего не делает; только говорит, дел нет; обманывает; хочет обмануть; ничего у него не получится; ничего не добьется; только и умеет, что пыль в глаза пускать; пустые слова; хочет быть известным; обманывает народ; пустые обещания; ничего не будет исполнено; врет; использует людей; хочет только вступить в ЕС; для людей ничего не делает; много говорит – мало делает; обещания; хочет стать известнее; очень много врет; автор обманывает народ; ничего сделано не будет.

Д. А. Медведев для реципиентов – это политик, связанный с гражданами своей страны и заботящийся о них: граждане – опора – 60 %, граждане – основа – 20 %, о гражданах – 15 %, гражданские свободы – 5 %. Например: граждане – основа процветания страны; граждане – опора государства; о поощрении государством граждан; граждане помогают развитию страны; граждане основа экономики; без граждан не было бы развития государства; граждане помогают правительству; граждане – опора экономики; граждане должны помогать; призывает к помощи граждан; говорит о помощи граждан государству; граждане создают условия для развития; государство помогает гражданам; говорит о важности гражданских свобод; показывает значимость гражданских и экономических свобод в стране; показывает заботу государства о гражданах; важность сотрудничества граждан и государства.

В результате при использовании метода лингвистического анализа интерпретирующих текстов мы получили моделируемый адресатом портрет политического лидера и его коммуникативные интенции. Один и тот же текст, авторство которого мы приписали разным политическим деятелям, получил разные интерпретационные модели. Так, образ Р. Кадырова у большинства реципиентов ассоциируется с демократическими устремлениями лидера; президент В. В. Путин в сознании адресата связан, прежде всего, с развитием страны и ее граждан; П. А. Порошенко в сознании рядовых граждан вызывает негативные ассоциации, большая часть испытуемых связывает его образ с ложью; Д. А. Медведев для реципиентов – это политик, связанный с гражданами своей страны и заботящийся о них. Сформировавшийся в обыденном политическом сознании под влиянием различных факторов образ автора политического текста влияет на обыденное языковое сознание и на интерпретационную деятельность адресата. Образ политика складывается из ранее сказанных им речей, той политической программы, которую он выдвигает, его действий в целом, все это воздействует на восприятие реципиента и как следствие на интерпретацию текста, автором которого является политический деятель.

Литература

1. Голев Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. научн. конф. Екатеринбург, 2011. С. 66–69.

2. Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 5–13.

3. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: дис. … д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 405 с.

4. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Просвещение, 2011. 306 с.

5. Шмидт В. Нарраталогия. М.: Языки славянской культуры, 2003. 370 с.

6. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.

7. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 270 с.

8. Аристотель. Риторика // Античные риторики. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 13–164.

9. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. М.: Высшая школа, 1990. 381 с.

10. Романенко А. П. Образ ритора в советской словесной культуре. М.: Флинта, 2012. 432 с.
11. Сергеич П. С. Искусство речи на суде. М.: Юрайт, 2013. 395 с.
12. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
13. Алексеева А. А. Политические портреты В. В. Путина и Д. А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента) // Политическая лингвистика. 2012. № 3. С. 64–80.
14. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд., стер. М.: УРСС, 2003. 284 с.
15. Ким Л. Г., Мустайоки А., Пиетиляйнен Ю. Восприятие модернизации русскими студентами как результат влияния образа автора на интерпретацию политического текста // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 47–59.
16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта Наука, 2003. 233 с.

IMAGE OF THE AUTHOR AS A FACTOR OF THE INTERPRETATIVE FUNCTIONING OF THE TEXT*

Elizaveta S. Belyaeva [a, @, ID]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *svineshina@yandex.ru*
[id] *https://orcid.org/0000-0001-8007-9852*

Received 28.01.2018. Accepted 19.07.2018.

Keywords:
author's image, lingvopolitologiya, interpretation of the text, cognitive linguistics, everyday linguistics, linguopersonology.

Abstract: The paper features the role of the author's image as a factor that determines the variable functioning of the text in the process of its interpretation by a native speaker. A linguistic experiment conducted by the author revealed semantic versions of the source text as a result of the influence of the author's image on the interpreting activity of the addressee. The image of the author is viewed as a portrait of a political leader modeled by the addressee and his or her communicative intentions on the basis of the analysis of interpretive texts as the result of perception and interpretation of the source text. The research proves that the image of the author influences the addressee's interpretation of the text. The author used the method of linguistic analysis to prove that the image of the author of the political text is shaped in mundane political consciousness under the impact of various factors and influences mundane linguistic consciousness and the interpreting activity of the addressee. This is confirmed by the fact that the same text, attributed to different politicians, received different interpretations depending on how the recipient perceived the politician designated as the author of the text.

For citation: Belyaeva E. S. Obraz avtora kak faktor interpretatsionnogo funktsionirovaniia teksta [Image of the Author as a Factor of the Interpretative Functioning of the Text]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 153–158. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-153-158.

References

1. Golev N. D. Obydennaia lingvopolitologiia: problemy i perspektivy [Common Linguistics: Problems and Prospects]. *Sovremennaia politicheskaia lingvistika: tezisy Mezhdunar. nauch. konf.* [Modern political linguistics: abstracts of the Intern. Sc. Conf.]. Ekaterinburg, 2011, 66–69.
2. Dem'iankov V. Z. Interpretatsiia kak instrument i kak ob"ekt lingvistiki [Interpretation as an instrument and as a subject of linguistics]. *Voprosy filologii = Questions of philology*, no. 2 (1999): 5–13.

* The article was supported by grant No. 15-04-00311 of the Russian National Humanitarian Fund "Linguistic Cognitive Analysis of Conflicts in the Sphere of Everyday Political Communication".

3. Kim L.G. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta: teoretiko-eksperimental'noe issledovanie.* Diss. doktora filol. nauk [Variational-interpretational functioning of the text: theoretical and experimental research. Dr. Philol. Sci. Diss.]. Kemerovo, 2010, 405.

4. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniia* [Semantic research]. Moscow: Prosveshchenie, 2011, 306.

5. Shmidt W. *Narratalogiia* [Narratology]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul′tury, 2003, 370.

6. Valgina N. S. *Teoriia teksta* [Text Theory]. Moscow: Logos, 2003, 280.

7. Kukharenko V. A. *Interpretatsiia teksta* [Interpreting the text]. Moscow: Prosveshchenie, 1988, 270.

8. Aristotle. Ritorika [Rhetoric]. *Antichnye ritoriki* [Ancient rhetoric]. Moscow: Izd-vo MGU, 1978, 13–164.

9. Rozhdestvenskii Iu. V. *Lektsii po obshchemu iazykoznaniiu* [Lectures on general linguistics]. Moscow: Vysshaia shkola, 1990, 381.

10. Romanenko A. P. *Obraz ritora v sovetskoi slovesnoi kul'ture* [The image of the rhetorician in the Soviet verbal culture]. Moscow: Flinta, 2012, 432.

11. Sergeich P. S. *Iskusstvo rechi na sude* [The Art of Speaking in Court]. Moscow: Iurait, 2013, 395.

12. Dubrovskaia T. V. *Sudebnyi diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov)* [Judicial discourse: verbal behavior of the judge (on the material of Russian and English languages)]. Moscow: Akademiia MNEPU, 2010, 351.

13. Alekseeva A. A. Politicheskie portrety V. V. Putina i D. A. Medvedeva (na materiale sovremennoi pressy i assotsiativnogo eksperimenta) [The Political Portraits of V. Putin and D. Medvedev (based on the modern media and an associative experiment)]. *Politicheskaia lingvistika = Political Linguistics*, no. 3 (2012): 64–80.

14. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 3rd ed. Moscow: URSS, 2003, 284.

15. Kim L. G., Mustajoki A., Pietiläinen J. Vospriiatie modernizatsii russkimi studentami kak rezul'tat vliianiia obraza avtora na interpretatsiiu politicheskogo teksta [Perception of modernization by Russian students as a result of the influence of the author's image on the interpretation of the political text]. *Politicheskaia lingvistika = Political Linguistics*, no. 4 (2013): 47–59.

16. Chudinov A. P. *Politicheskaia lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow: Flinta Nauka, 2003, 233.

УДК 811.111; 811.161.1

РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ДИССОНАНСА В ПЕРЕВОДЕ А. Ю. ФРОЛОВОЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК РОМАНА ДЖ. ОСТИН «SENSE AND SENSIBILITY». ЧАСТЬ 2

Татьяна В. Бобылева [a, @, ID]

[a] *Новосибирский государственный университет, 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1*
[@] *tanvbob2018@gmail.com*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-0369-1631*

Поступила в редакцию 14.03.2018. Принята к печати 28.04.2018.

Ключевые слова: английский язык, Джейн Остин, лексика, перевод, русский язык.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению 3-й категории проявлений стилистического диссонанса, выделенной в рамках классификации в статье «Роль стилистического диссонанса в переводе А. Ю. Фроловой на русский язык романа Дж. Остин «Sense and Sensibility». Часть 1». Как и в первой части исследования, целью данной работы является анализ целесообразности стилистического диссонанса в переводе романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» на русский язык, выполненном А. Ю. Фроловой – «Разум и чувство» (2013). В предыдущей части исследования были выявлены следующие категории проявлений стилистического диссонанса: 1) передача (или добавление) комических эффектов и иронии; 2) адаптация текста под предпочтения современной аудитории; 3) недочёты при переводе и редактировании. Представленная в данной статье вторая часть исследования посвящена подробному рассмотрению последней категории. В заключении выявлены положительный и отрицательный аспекты использования в переводе лексики различных стилей. Проведённый анализ является частью дальнейшего исследования, посвящённого изучению лингвистических особенностей переводов романа «Sense and Sensibility» на русский и французский языки.

Для цитирования: Бобылева Т. В. Роль стилистического диссонанса в переводе А. Ю. Фроловой на русский язык романа Дж. Остин «Sense and sensibility». Часть 2 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 159–165. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-159-165.

Введение

Данный анализ является продолжением нашего исследования, представленного в статье «Роль стилистического диссонанса в переводе А. Ю. Фроловой на русский язык романа Дж. Остин «Sense and Sensibility». Часть 1» [1]. В первой части мы отметили интерес к изучению новых переводов классических произведений в современном языкознании [2–4].

Ранее роман Дж. Остин «Sense and Sensibility» [5] был переведён на русский язык И. Г. Гуровой (Чувство и чувствительность, 1988) с использованием традиционной для советской школы техники «осваивающего» перевода – ориентацией на переводящий язык (ПЯ) [6]. Создание нового перевода романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» на русский язык обусловлено сменой парадигмы в традициях художественного перевода (от канонов советской школы к практически полной свободе в выборе приёмов) и потребностью в новых переводах, представляющих интерес для современной аудитории и адаптированных под её вкусы и предпочтения [7].

На наш взгляд, особый интерес в переводе А. Ю. Фроловой [8] представляют проявления стилистического диссонанса, который понимается нами как сочетание в тексте различных стилей лексики: книжных (устаревших и др.) и разговорных лексем, анахронизмов[1] и анахроничных словосочетаний[2].

В первой части исследования мы разделили проявления стилистического диссонанса на следующие категории: 1) передача (или добавление) комических эффектов и иронии; 2) адаптация текста под предпочтения современной аудитории; 3) недочёты при переводе и редактировании. В данной статье мы подробнее рассмотрим категорию недочетов при переводе и редактировании, которую мы подразделяем на 3 подкатегории: а) очевидные

[1] Напомним, что для подтверждения анахроничности используется совокупность художественных текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), созданных с 1750 по 1850 гг. (802 документа, 586834 предложения, 7201041 слово) с целью охватить эпоху жизни и творчества Дж. Остин (1775–1817).

[2] Национальный корпус русского языка. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 20.02.2018).

анахронизмы и анахроничные словосочетания; б) искажение образов персонажей; в) нецелесообразное снижение стилистической окраски исходных авторских лексем.

Очевидные анахронизмы и анахроничные словосочетания

Работа Дж. Остин над романом «Sense and Sensibility» продолжалась с 1790-х гг. до его первой публикации в 1811 г. и небольших правок перед повторной публикацией в 1813 г. [9, с. 485–486]. Роман представляет собой повествование о жизни дворянского сословия джентри в Англии той эпохи и описывает нравы конца XVIII – начала XIX вв. Исходя из этого мы выявили присутствие в переводе А. Ю. Фроловой очевидных анахронизмов – лексем (или их отдельных значений), свойственных русскому языку более поздней эпохи (таблица 1).

Таблица 1. Очевидные анахронизмы и анахроничные словосочетания
Table 1. Obvious anachronisms and anachronistic expressions

№	Оригинал Дж. Остин	Перевод А. Ю. Фроловой
1.1	"But how is your fame to be established? for famous you must be to satisfy all your family; and with no inclination for expense, no affection for strangers, no profession, and no assurance, you may find it a difficult matter".	Но как вы добьётесь тогда славы? Ведь на меньшее ваши близкие не согласны? А без трудолюбия, без очарования, которое позволит вам общаться с незнакомцами, без уверенности в себе, без квалификации вам будет довольно сложно добиться ее.
1.2	She could not be silent when such points were introduced, and she had neither shyness nor reserve in their discussion.	В таких случаях она не могла промолчать и активно включалась в обсуждение, забыв о стеснительности и робости.
1.3	Colonel Brandon's partiality for Marianne, which had so early been discovered by his friends, now first became perceptible to Elinor, when it ceased to be noticed by them.	Страсть полковника Брэндона к Марианне, которая была открытием его друзей, узнавших об этом чувстве, казалось, раньше, чем сам полковник, теперь стала заметной и для Элинор, причем как раз в тот момент, когда друзья полковника переключились на другой предмет.
1.4	"I have found him capable of giving me much information on various subjects; and he has always answered my enquiries with the readiness of good breeding and good nature".	Он поведал мне немало интереснейшей информации по самым разным темам и всегда отвечал на мои вопросы с готовностью и очень любезно.

Пример 1.1. В гл. 17 лексема «квалификация» приводит к стилистическому диссонансу в контексте хронотопа романа. Анахроничность данной лексемы подтверждается её отсутствием в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг. Более адекватным средством лексической передачи мог бы стать буквальный перевод английской лексемы *profession* как «профессия». В современном русском языке лексема «квалификация» означает более узкоспециализированную сферу, чем «профессия». В романе (гл. 19) перечислено несколько видов деятельности, о которых идёт речь: *church* (церковь), *army* (армия), *law* (суд), *navy* (флот). Таким образом, речь идёт об общих направлениях, без указания более узких специальностей (конкретных квалификаций). Это ещё раз подтверждает неадекватность русской лексемы «квалификация» при передаче английской лексемы *profession* в контексте данного повествования.

Пример 1.2. В переводе А. Ю. Фроловой присутствуют не только анахронизмы, но и анахроничные словосочетания, также включённые в рамках нашей классификации в категорию недочётов при переводе и редактировании. Выражение «включаться в обсуждение» в гл. 10 создаёт ощущение очевидного стилистического диссонанса в рамках хронотопа романа о дворянской жизни конца XVIII–XIX вв. вследствие своей анахроничности, что подтверждается отсутствием лексемы «включаться» в переносном значении «вступить в обсуждение» в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг.

Пример 1.3. Чуть ниже в гл. 10 А. Ю. Фролова использует лексему «переключиться», которая семантически и этимологически связана с рассмотренной ранее лексемой «включаться» и создаёт у аудитории ощущение очевидного стилистического диссонанса, основанное не только на анахроничности, но также на ассоциации с механическим автоматизмом. Лексема «переключиться» отсутствует в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг., что подтверждает её анахроничность.

Пример 1.4. Лексема «информация» в гл. 10 (не раз использованная А. Ю. Фроловой при переводе романа) создаёт ощущение стилистического

диссонанса в рамках хронотопа романа. Анахроничность данной лексемы подтверждается её отсутствием в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг. При этом стилистический диссонанс становится особенно очевидным именно в данном отрывке романа вследствие отсутствия сочетаемости между книжной / устаревшей лексемой «поведать» и лексемой «информация». С целью устранения данного проявления стилистического диссонанса в качестве более адекватного перевода лексемы *information* на русский язык можно было бы использовать лексему «сведения» (107 документов, 225 вхождений по художественным текстам 1750–1850 гг. НКРЯ).

Искажение образов персонажей, вызванное использованием современной и разговорной лексики

Напомним, что сюжет романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» разворачивается в мире небогатых, но тем не менее благовоспитанных дворян сословия джентри в Англии конца XVIII – начала XIX вв. Поэтому использование в переводе А. Ю. Фроловой разговорных лексем приводит к очевидному стилистическому диссонансу при передаче их образов (таблица 2).

Таблица 2. Искажение образов персонажей
Table 2. Misrepresentation of characters' portraits

№	Оригинал Дж. Остин	Перевод А. Ю. Фроловой
2.1	He did not disturb the wretchedness of her mind by ill-timed conversation.	Видя, что она в трауре, молодой человек не приставал к ней с беседами.
2.2	"I think you will like him," said Elinor, "when you know more of him".	Мне кажется, ты его действительно полюбишь, как только узнаешь лучше, – поддакнула Элинор.
2.3	It is evident, in spite of his frequent attention to her while she draws, that in fact he knows nothing of the matter.	Конечно, он часто крутится возле нее, когда она рисует, но тем не менее становится очевидным, что он ничего не понимает в живописи.
2.4	"John is in such spirits to-day!" said she, on his taking Miss Steele's pocket handkerchief, and throwing it out of window – "He is full of monkey tricks".	Джон сегодня в ударе, – сообщила она, заметив, как проказник вытащил из кармана мисс Стил носовой платок и выбросил его в окно. – Он всегда неистощим на выдумки.

Пример 2.1. Лексема «приставать» (гл. 3) в значении «неотступно, надоедливо обращаться к кому-либо с чем-либо, назойливо просить, уговаривать кого-либо» относится к разговорному стилю. Разговорный стиль до некоторой степени снижает стилистическую окраску фразы в романе. Несмотря на наличие лексемы «приставать» в прямом и переносном значениях[3] в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг., использование данной лексемы в контексте скорби и траура некорректно, т. к. искажает образ персонажа – благовоспитанного и скромного Эдварда Феррарса. Остается до конца неясным почему А. Ю. Фролова не перевела лексему *disturb* буквально как «беспокоить».

Пример 2.2. В гл. 3 можно отметить ещё один очевидный пример лексики, искажающей образ персонажа. Речь идёт о переводе слов автора между двумя частями прямой речи. Лексема «поддакнуть» относится к разговорному стилю и присутствует в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг. (3 документа, 3 вхождения в форме совершенного вида; 8 документов, 9 вхождений в форме несовершенного вида). Вследствие принадлежности к разговорному стилю и некоторого недостатка изящества данный глагол был бы более адекватным средством для передачи на русский язык способа коммуникации служанки той эпохи, а не благовоспитанной дочери джентльмена, чьё поведение является ключевым во всём произведении и выступает как образец для подражания с точки зрения воспитательного послания автора.

Пример 2.3. Лексема «крутиться» (гл. 3) в значении «назойливо вертеться где-л., добиваясь чьей-л. благосклонности» относится к разговорному стилю и отсутствует в данном значении в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг., что подтверждает анахроничность переносного смысла данной лексемы в контексте хронотопа романа. Разговорный стиль и недостаток изящества (или хотя бы нейтральной смысловой окраски) не отражают должным образом поступки благовоспитанного молодого человека из дворянской семьи. Помимо искажения образа Эдварда Феррарса, искажённым в глазах читателя оказывается также и образ Марианны, чье суждение о нем предстает излишне резким и даже более негативным, чем в оригинале романа.

Пример 2.4. В гл. 21 мы находим пример искажения образа леди Мидлтон, обычно придающей

[3] 75 документов, 121 вхождение в форме несовершенного вида и 135 документов, 407 вхождений в форме совершенного вида.

много значения этикету и правилам хорошего тона. Предикатив «в ударе» создаёт стилистический диссонанс в данном контексте. В значении «состояние подъема, воодушевления, обеспечивающее удачу» он относится к разговорному стилю[4]. В художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг. данный предикатив в переносном значении присутствует лишь 1 раз. Следует отметить, что для образа леди Мидлтон в романе характерны сдержанность в проявлении эмоций, а также безупречное следование этикету и правилам хорошего тона при любых обстоятельствах. Таким образом, использование разговорных лексем для передачи её речи представляется неадекватным переводческим решением, что искажает ее образ в глазах аудитории на стилистическом уровне.

Приведём ещё несколько примеров стилистического диссонанса этого типа. Разговорное выражение «открыл рот» (при передаче *their silence was broken*) в гл. 27 отражает некоторую небрежность (даже грубость) со стороны переводчика по отношению к образу благородного полковника Брэндона. Разговорные выражения «приплясывая от восторга» (при передаче *with the greatest delight*) и «захлебываясь от счастья» (при передаче *in raptures*) в гл. 12 искажают образ Марианны, лишая ее образ физической грации и изящества речи. Разговорные выражения «его не проймет» (при передаче *he is not to be animated*) и «сделать скидку» (при передаче *allow for difference of taste*) в гл. 3 делают Марианну слишком грубой в суждениях. Принадлежащий к разговорному стилю фразеологизм «не откладывая в долгий ящик» (при передаче *instantly*) в гл. 4 вносит неуместную иронию со стороны переводчика по отношению к миссис Дэшвуд, оказавшейся в бедственном положении и вынужденной немедленно откликнуться на предложение крова от дальнего родственника. Разговорная частица «а то как же» (при передаче *for* в значении «потому что», «так как») в гл. 7 вносит некоторую небрежность со стороны переводчика по отношению к юношеским (и естественно наивным) внутренним размышлениям Марианны и Маргарет о полковнике Брэндоне.

Нецелесообразное снижение стилистической окраски исходных авторских лексем

Приведём наиболее очевидные примеры проявлений стилистического диссонанса, принадлежащих к данной категории нашей классификации (таблица 3).

Пример 3.1. Приведём очевидный пример стилистического диссонанса – снижение стилистической окраски исходной авторской лексемы, для которого одновременно характерны разговорный стиль, экспрессивность и анахроничность. Для передачи английской лексемы *neglect* (пренебрегать) в гл. 2 переводчица использовала 2 фразеологизма с более экспрессивной окраской: подчеркивающей грубое обращение («выбросить на улицу») и неблагополучную финансовую ситуацию («без гроша в кармане»). Оба выражения относятся к разговорному стилю и имеют экспрессивную окраску [11]. В художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг. фразеологизм «без гроша в кармане» отсутствует, а фразеологизм «выбросить на улицу» не встречается в переносном значении принудительного выселения из дома, что свидетельствует об анахроничности данных выражений в романе. Оба фразеологизма характеризуются принадлежностью к разговорному стилю, экспрессивностью и анахроничностью, что приводит к стилистическому диссонансу в речи в целом благовоспитанного (хотя и эгоистичного в глубине души) мистера Дэшвуда, которой в данном предложении на английском языке свойственна стилистическая нейтральность.

Пример 3.2. В гл. 4 овдовевшая миссис Дэшвуд не желает оставаться в своем бывшем доме в Норленде после того, как его хозяйкой по закону стала её невестка Фанни Феррарс. Мы не можем отнести выражение «ужасная женщина» (при передаче *such a woman*) к представленной выше категории искажения образов, т. к. Фанни Феррарс действительно является отрицательным персонажем в романе, и у миссис Дэшвуд есть все основания относиться к ней соответствующим образом. Однако отметим, что, несмотря на характер Фанни, в оригинале этого отрывка на английском языке со стороны Дж. Остин нет никакого экспрессивного или оценочного определения по отношению к ней (вероятно, это отражает благовоспитанность миссис Дэшвуд). Поэтому введение определения «ужасная» в переводе является не приёмом компенсации, а нецелесообразным снижением стилистической окраски исходного словосочетания *such a woman* («такая женщина»).

Пример 3.3. Приведём ещё один пример лексики, снижающей стилистическую окраску исходных авторских лексем, а также, вероятно, искажающей тонкий намёк автора в гл. 6. Лексема «безделушка» принадлежит к разговорному стилю[5]. Данная лексема также присутствует в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг. (16 документов, 23 вхождений). Разговорный стиль лексемы «безделушка» снижает стилистическую окраску исходной лексемы. Указанное в оригинале словосочетание *other possessions* имеет более широкое значение. Мы сомневаемся в том, что здесь необходима конкретизация значения и сужение смысла лишь до банальных предметов украшения потому, что в этом отрывке романа именно предметам отводится важная и красноречивая роль. Ведь

[4] По данным толкового словаря русского языка Т. Ф. Ефремовой [10].

[5] По данным словарей С. И. Ожегова [12] и Т. Ф. Ефремовой [10].

Таблица 3. Нецелесообразное снижение стилистической окраски исходных лексем
Table 3. Negative stylistic coloring of originally neutral words

№	Оригинал Дж. Остин	Перевод А. Ю. Фроловой
3.1	"He could hardly suppose I should neglect them".	Он же не думал, что я выброшу их на улицу без гроша в кармане.
3.2	To quit the neighbourhood of Norland was no longer an evil; it was an object of desire; it was a blessing, in comparison of the misery of continuing her daughter-in-law's guest: and to remove for ever from that beloved place would be less painful than to inhabit or visit it while such a woman was its mistress.	Необходимость покинуть окрестности Норленда уже не казалась миссис Дэшвуд немыслимым несчастьем. Теперь она этого страстно желала. Она могла расстаться со своим унизительным положением бедной родственницы в доме Фанни, и сознание этого приводило ее в восторг. Конечно, жаль было покидать столь дорогое сердцу место. Но это все-таки не так мучительно, как жить там или даже только приезжать с визитом, пока хозяйкой остается такая ужасная женщина.
3.3	…each of them was busy in arranging their particular concerns, and endeavoring, by placing around them their books and other possessions, to form themselves a home.	Каждая из женщин занялась устройством своей комнаты, они расставляли книги, безделушки и делали все, чтобы почувствовать себя дома.
3.4	She took the first opportunity of affronting her mother-in-law on the occasion, talking to her so expressively of her brother's great expectations, of Mrs. Ferrars's resolution that both her sons should marry well, and of the danger attending any young woman who attempted to draw him in; that Mrs. Dashwood could neither pretend to be unconscious, nor endeavor to be calm.	Она не преминула воспользоваться этим поводом, чтобы забыть об элементарной вежливости и оскорбить свою свекровь. Она так воодушевленно описывала блестящее будущее, которое ожидает ее брата, планы миссис Феррарс относительно женитьбы своих сыновей и те меры, которые она намерена предпринять, чтобы оградить их от опасности со стороны молодых особ, которые попытаются поймать их в ловушку, что миссис Дэшвуд не могла ни пропустить ее грязные намеки мимо ушей, ни остаться спокойной.

уже в следующем предложении говорится о размещении в новом доме фортепиано Марианны и рисунков Элинор (вероятно, отсылка именно к ним, помимо всего прочего, и содержалась в выражении *other possessions*). Т. е. в повествование впервые вводятся основные увлечения главных героинь. Они образно выражают черты их характера: увлечение музыкой – эмоциональную и чувствительную натуру Марианны, а рисование – наблюдательность, внимание к деталям и терпение Элинор. Именно постоянные занятия девушек будут выделять их[6] в глазах их нового соседа – сэра Мидлтона. Обобщающая и стилистически нейтральная лексема *possessions*, упомянутая сразу после книг, могла отсылать и к другим предметам, связанным с саморазвитием (фортепиано, рисункам и т. д.), а также к другой собственности.

Пример 3.4. В гл. 4 есть очевидный пример снижения стилистической окраски исходной лексемы. Словосочетание «грязные намеки» в составе выражения «ни пропустить ее грязные намеки мимо ушей» имеет экспрессивную смысловую окраску. Мы не относим этот пример к категории искажения образов, т. к. субъективная реакция по отношению к этим намекам со стороны миссис Дэшвуд в романе вполне могла быть отрицательной. Однако отметим, что в исходном выражении на английском языке *neither pretend to be unconscious* нет столь явно выраженной экспрессивной окраски, что, вероятно, отражает благовоспитанность миссис Дэшвуд.

К категории снижения стилистической окраски исходных лексем также можно отнести следующие словосочетания: «дерзкая девица» (вместо местоимения *she*) в гл. 31, «зловредной девице» (вместо местоимения *her*) в гл. 32, «корыстная девица» (вместо *Lucy*) в гл. 48 и т. д. Мы не относим данные примеры к категории искажения образов, т. к. описываемые персонажи (подруга Элизы Уильямс в первом примере и Люси Стил во всех остальных примерах) действительно играют отрицательную роль в повествовании, и персонажи, с точки зрения которых показаны ситуации (полковник Брэндон и Элинор), действительно могли иметь к ним отрицательное отношение. Однако полковник Брэндон (как олицетворение благородства) и Элинор (как олицетворение

[6] см. начало гл. 9.

благоразумия) являются в романе образцами для подражания, поэтому их благовоспитанность не позволяла им выражать своё отношение к отрицательным персонажам столь резко в своих словах или мыслях. В оригинале романа Дж. Остин в соответствующих отрывках нет явно экспрессивных лексем в отличие от перевода А. Ю. Фроловой.

Выводы

Рассмотрев проявления стилистического диссонанса в переводе А. Ю. Фроловой на русский язык романа Дж. Остин «Sense and Sensibility», мы пришли к выводу, что в ряде случаев стилистический диссонанс (сочетание различных стилей лексики) вполне целесообразно используется как переводческий прием. Он служит для передачи или добавления нюансов юмора и иронии, а также для адаптации повествования под предпочтения и картину мира современной аудитории.

Однако в других случаях подобный стилистический диссонанс становится причиной появления очевидных анахронизмов (они характерны для ранних глав, где переводчица формировала свой стиль), приводит к искажению образов персонажей.

Становится очевидным, что стилистический диссонанс (сочетание различных стилей лексики) как переводческий прием требует обдуманного и целесообразного использования даже в нашу эпоху относительной переводческой свободы (отсутствия строгих канонов) при адаптации нового перевода художественного произведения для современной аудитории. Его нецелесообразное использование может привести к искажению исходного авторского замысла и неверным представлениям аудитории об образах главных героев.

Данный анализ является частью нашего (более широкого) исследования, посвящённого изучению переводов романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» на русский и французский языки.

Литература

1. Бобылева Т. В. Роль стилистического диссонанса в переводе А. Ю. Фроловой на русский язык романа Дж. Остин «Sense and Sensibility». Часть 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 155–161.

2. Berman A. La retraduction comme espace de la traduction // Palimpsestes. 1990. № 4. Режим доступа: http://palimpsestes.revues.org/596 (дата обращения: 20.02.2018).

3. Gambier Y. La retraduction, ambiguïtés et défis // Autour de la retraduction. Perspectives littéraires européennes, sous la direction d'Enrico Monti et Peter Schneyder. Paris: Orizons, 2011. P. 49–66.

4. Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent. Atelier de traduction. 2015. № 23. P. 41–51.

5. Austen J. Sense and Sensibility. Penguin Books, 2014. 381 p.

6. Азов А. К истории теории перевода в Советском Союзе. Проблема реалистического перевода // Логос. 2012. № 3. С. 131–152.

7. Матвеева Е. О. Художественный перевод в России: История и современность // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электронный сборник статей по материалам VI студенческой международной заочной научно-практической конференции. 2013. № 6. Режим доступа: https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(6).pdf (дата обращения: 20.02.2018).

8. Остин Дж. Разум и чувство: роман / пер. с англ. А. Ю. Фроловой. М.: Центрполиграф, 2013. 445 с.

9. Goubert P. Notice // Le Coeur et La Raison. Paris: Gallimard, 2013. P. 469–487.

10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: http://www.efremova.info/ (дата обращения: 20.02.2018).

11. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.

12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азъ, 1992. 955 с.

THE ROLE OF STYLISTIC DISSONANCE IN ALLA Y. FROLOVA'S RUSSIAN TRANSLATION OF J. AUSTEN'S NOVEL "SENSE AND SENSIBILITY". PART 2

Tatyana V. Bobyleva [a, @, ID]

[a] *Novosibirsk State University, 1, Pirogov St., Novosibirsk, Russia, 630090*
[@] *tanvbob2018@gmail.com*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-0369-1631*

Received 14.03.2018. Accepted 28.04.2018.

Keywords: English, Jane Austen, Russian, Sense and Sensibility, translation, vocabulary.

Abstract: The paper features the 3rd category of the classification introduced by the author in her previous article "The Role of Stylistic Dissonance in Alla Y. Frolova's Russian Translation of J. Austen's "Sense and Sensibility". Part 1". The author analyzes the relevance of stylistic dissonance in the Russian translation of "Sense and Sensibility", published in 2013 under the title "Разум и чувство" (pronounced as [razum i chuvstvo], which literally means "Reason and Feeling"). The 1st stage of the research revealed the following categories of the phenomenon: 1) it conveys (or create) comic effects and irony; 2) it serves to adapt the novel to the linguistic worldview, tastes and preferences of the modern audience; 3) translation and editing mistakes. The present article represents the 2nd part of the research and examines the 3rd category. The phenomenon of stylistic dissonance is revealed to have both positive and negative impacts on the text, which are described in the conclusion. The analysis is a part of a larger research that focuses on Russian and French full-text translations of J. Austen's novel.

For citation: Bobyleva T. V. Rol′ stilisticheskogo dissonansa v perevode A. Iu. Frolovoi na russkii iazyk romana Dzh. Ostin "Sense and sensibility". Chast′ 2 [The Role of Stylistic Dissonance in Alla Y. Frolova's Russian Translation of J. Austen's Novel "Sense and Sensibility". Part 2]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 159–165. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-159-165.

References

1. Bobyleva T. V. Rol′ stilisticheskogo dissonansa v perevode A. Iu. Frolovoi na russkii iazyk romana Dzh. Ostin" Sense and sensibility". Chast′ 1 [The Role of Stylistic Dissonance in the Russian Translation of J. Austen's Novel "Sense and Sensibility" by Alla Y. Frolova. Part 1]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 2 (2018): 155–161.

2. Berman A. La retraduction comme espace de la traduction. *Palimpsestes*, no. 4 (1990). Available at: http://palimpsestes.revues.org/596 (accessed 20.02.2018).

3. Gambier Y. La retraduction, ambiguïtés et défis. Autour de la retraduction. *Perspectives littéraires européennes, sous la direction d'Enrico Monti et Peter Schneyder*. Paris: Orizons, 2011, 49–66.

4. Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent. *Atelier de traduction*, no. 23 (2015): 41–51.

5. Austen J. *Sense and Sensibility*. Penguin Books, 2014, 381.

6. Azov A. K istorii teorii perevoda v Sovetskom Soiuze. Problema realisticheskogo perevoda [From the history of the theory of translation in the USSR. The problem of realist translation]. *Logos*, no. 3 (2012): 131–152.

7. Matveeva E. O. Khudozhestvennyi perevod v Rossii: Istoriia i sovremennost' [Literary translation in Russia: History and modern time]. *Molodezhnyi nauchnyi forum: Gumanitarnye nauki: elektronnyi sbornik statei po materialam VI studencheskoi mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Bulletin of the international science forum for students "The Humanities"]. o. 6 (2013). Available at: https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(6).pdf (accessed 20.02.2018).

8. Austen J. *Razum i chuvstvo [*Sense and Sensibility]. Transl. Frolova A. Iu. Moscow: Tsentrpoligraf, 2013, 445.

9. Goubert P. Notice. *Le Coeur et La Raison.* Paris: Gallimard, 2013, 469–487.

10. Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [Explanatory Dictionary of Word Structure in the Russian Language]. Moscow: Russkii iazyk, 2000. Available at: http://www.efremova.info/ (accessed 20.02.2018).

11. Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: Astrel′: AST, 2008, 828.

12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az", 1992, 955.

УДК 821.161.1

ТРАВЕСТИЙНЫЙ ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 40-Х ГГ. XIX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ И. П. МЯТЛЕВА «СЕНСАЦИИ И ЗАМЕЧАНИЯ ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ, ДАН Л'ЭТРАНЖЕ»)

Сергей С. Жданов [a, @, ID]

[a] *Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10*
[@] *fstud2008@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-8898-6497*

Поступила в редакцию 09.04.2018. Принята к печати 19.07.2018.

Ключевые слова:
И. П. Мятлев, Н. М. Карамзин, Германия, немцы, имагология, художественное пространство, макароническая поэзия, русская литература XIX в.

Аннотация: В статье исследуется образ пространства Германии в поэме И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже», представляющей собой образец макароническої поэзии. Следует отметить, что данное произведение еще не нашло достаточного отражения в литературоведении, представляя собой при этом достаточно важную веху в трансформации образа Германии в русской литературе 40-х гг. XIX в. В рамках данной статьи рассматриваются исторический и бытовой аспекты этого образа. Первый из них объединяет в себе различные локусы немецкого прошлого, связанные с событиями и Средних веков, и недавнего на момент написания поэмы времени. Это могут быть образы как целых городов и даже союзов городов (Ганза), так и отдельных урбанистических пространств, прежде всего церквей. Нередко данные пространства связываются с историческими личностями (Карл Великий, Наполеон). Бытовое «измерение» представлено вещным миром, миром денег и товаров как характерного атрибута немецкой (западной) цивилизации. Это может приводить к метонимическому слиянию образов города и товара (Гамбург). Кроме того, бытовое начало актуализируется через образы героев-филистеров, образующих «ядро» описания немецких персонажей.

Для цитирования: Жданов С. С. Травестийный образ Германии в русской литературе 40-х гг. XIX в. (на материале поэмы И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 166–176. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-166-176.

Отношения России и Запада являются перманентно «актуализируемым» предметом как бурных общественных дискуссий, так и научного рассмотрения в отечественной гуманитаристике. Свой вклад в изучение данного вопроса вносит и российская имагология, занимающаяся образами Чужого в культуре. В рамках этого исследования речь идет об образе Германии как варианта Чужого в русской литературе. Следует отметить, что представленная немецкость хотя и рассматривалась неоднократно (примерами могут служить работы О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича [1], С. В. Оболенской [2], Г. А. Тиме [3], Е. В. Папиловой [4], М. Мюнтьес [5] и многих других), но еще не нашла достаточного научного отражения ввиду обширности заявленной темы, которая, в свою очередь, обусловлена масштабностью и многообразием культурных контактов между Россией и Германией. Не пытаясь объять необъятное, мы сосредоточим свое внимание в данной работе на поэме И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» (далее – «Сенсации…»).

Выбор произведения в качестве материала анализа немецких образов обусловлен двумя факторами. Во-первых, поэма И. П. Мятлева, и соответственно немецкие образы в ней, изучены в гораздо меньшей степени, чем сочинения авторов «первого» ряда русской литературы (например, немецкая тема в творчестве Ф. М. Достоевского [6; 7] или И. С. Тургенева [8–10]). Во-вторых, мятлевское произведение представляет собой важную веху в формировании русского образа Германии. Будучи созданной в начале 40-х гг. XIX в., поэма отражает важный сдвиг в восприятии немецкости в отечественной культуре – от возвышенно-романтического к бытовому образу, порой предстающему в сниженно-филистерской форме. Таким образом, в эту эпоху «все грани культуры предшествующего периода подверглись своеобразной ревизии и прозаическое, бытописательное, говорное начало вышло на первый план, потеснив высокую литературу

романтизма» [1, S. 114–115] и актуализировав пародийные элементы начала в русской словесности, которые одновременно и ссылались на романтическую традицию, и трансформировали ее. В аспекте темы данного исследования пародия становится «средством фамильяризации межнациональных контактов», порождающим травестию образа Германии, в том числе за счет экспансии смехового начала в «ранее изолированные» от него жанры литературного путешествия, а также документальных очерков о Западной Европе [1, S. 115].

Что касается исследованности самой поэмы И. П. Мятлева, то в основном авторы научных работ делают акцент на образе главной героини-нарратора. Так, О. Н. Скляров отмечает в мятлевском тексте «наличие специфического образа нарративного субъекта с присущей ему неповторимой речевой манерой», представляющей собой «причудливую смесь глуповатой самоуверенности, претензии на глубокомыслие, варварской витиеватости и своеобразного комического простодушия» [11, с. 89]. В. В. Орехов рассматривает сентенции госпожи Курдюковой как спародированный «результат «этнографических штудий» на уровне провинциального, обывательского сознания» [12, с. 205]. А. С. Суворин в предисловии к изданию поэмы И. П. Мятлева в 1904 г. расширяет эту трактовку, считая образ Курдюковой отражением «характернейших особенностей своего времени – Николаевской эпохи»: мировоззрения не только «захолустного тамбовского бомонда», но и «официальной и чиновной России, которая как раз в эту эпоху выработала основные положения официальной народности» [13, с. XXI]. Поэтому в качестве «настоящей темы произведения» критик видит «не смешное положение Курдюковой за границей, а противопоставление России Западу» [13, с. XXIII]. Эта позиция А. С. Суворина представляется нам полемической: отношение к Западу, и в частности к Германии, у героини амбивалентно. Если в письмах из заграницы Д. И. Фонвизина действительно преобладает критика западного начала, то в путешествии госпожи Курдюковой связь в рамках оппозиции «Свое – Чужое» динамическая: векторы отталкивания от Чужого и притяжения к нему определяют «траекторию» оценок героини. Кроме того, нельзя забывать, что образ героини является литературной маской, из-за которой проступает лицо иного рассказчика, в большей степени тождественного автору. В эпоху разделения общества на противостоящие друг другу группы (сторонники и противники уваровской доктрины, «противопоставившей Россию «разлагающемуся Западу»; славянофилы – западники) И. П. Мятлев, как отмечает Ю. В. Шатин, занимает «позицию иронически отстраненного наблюдателя», определяющую «саркастический дискурс травелога» и «его травестийный фон» [14, с. 262]. В результате «позиция *свой – чужой* травестируется у Мятлева» как «ироническим описанием Европы», так и «подчеркиваемым официальным патриотизмом Курдюковой» [14, с. 267]. В целом можно говорить о своего рода раздвоении образа Германии, порождаемом наложением взгляда самого автора и его литературной маски, вследствие чего возникает эффект «второй пары глаз», «которыми поэт смотрит на традиционно сконструированный образ западноевропейской цивилизации» [1, S. 117]. Наконец, следует добавить, что собственно образ Германии в поэме И. П. Мятлева рассматривается лишь в вышеуказанной работе О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича, в которой указываются общие черты трансформации данного образа. Наше же исследование представляет собой своего рода продолжение данной работы с более детальным анализом компонентов немецкости в мятлевском произведении.

Образ Германии организован И. П. Мятлевым пространственно, посредством изображения отдельных маркированных немецкостью локусов, являющихся одновременно частями первого тома травелога: «Любек», «Гамбург», «Дилижанс», «Бремен», «Оснабрюк и Мюнстер», «Колонь», «Рейн», «Франкфурт», «Мангейм», «Бад-Баден», «Шварцвальд». Но впервые с немцами на страницах «Сенсаций…» мы сталкиваемся в самом начале текста. Скорее всего, именно немецкие доктора отправляют Курдюкову в Германию: «Мне сказали доктора: «Мадам Курдюков! Пора Вам бы на воды в Германью» [15, с. 3]. На иностранное происхождение лекарей указывает форма фамилии героини в обращении (без окончания женского рода -а), на то, что это, вероятнее всего, немцы – место отдыха, воды в Германии. Сравните с ироническим пассажем по поводу немецких докторов, отправляющих пациентов на германские воды, в травелоге М. П. Погодина: «Англичане и Французы не страдают видно такими болезнями, от которых лечат воды, или лучше сказать, не имеют Немецких Докторов, которые посылали бы их на немецкие воды» [16, с. 73]. Также в начале путешествия Курдюковой закладывается линия противостояния немецкого и русского в сценах на пароходе. Его капитаном является «копченый» немец, который не знает французского языка, поэтому игнорирует жалобы не знающей немецкого (*«лалеман»*) героини, что ее лишили обеда: «Говорю: *«Мон капитен…»* Он в ответ мне: *«нихт ферштейн!»* [15, с. 7]. Кстати, сопряжение немецкого и русского пространств в локусе парохода происходит и в том же тексте М. П. Погодина, который, путешествуя на немецком корабле по Рейну, мечтает, чтобы в России «завелись пароходы хоть по Волге!» [16, с. 46]. Позднее, в 60-е гг. XIX в., этот сюжет будет сатирически обыгран в стихотворении Н. А. Добролюбова «Славянские думы». В нем дотошный немец-капитан парохода, постоянно промеряющий мели на Волге, тем

не менее сажает судно на мель и вынужден ждать, покоряясь русской природной стихийности и лени русских кочегаров: «Где ж справиться немцу с красою рек русских! <…> Немец у нас капитан, но русские все кочегары» [17, с. 367]. В поэме И. П. Мятлева уже дотошность немецкого капитана становится причиной задержки русской героини в порту: «Там с паспортом что-то возится над портом аккуратный капитан: хочет знать, *пуркуа, коман* отправляемся в дорогу» [15, с. 8].

Кроме того, следует отметить, что в сцене отплытия и плавания И. П. Мятлев травестийно обыгрывает не столько даже романтическую, сколько более раннюю, сентименталисткую, традицию, заложенную в русских травелогах «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина («Письма…»). Собственно говоря, первоначальный маршрут героя последнего сочинения также должен был быть подобен курдюковскому. Лишь в силу обстоятельств русский путешественник вынужден был предпочесть морскому пути наземный. К 40-м гг. XIX в. та аффектированная печаль, которую описывал герой Н. М. Карамзина при расставании с Родиной, становится литературным общим местом. Сравните со сходной сценой отплытия из России в тексте Н. А. Корсакова с прямой отсылкой к карамзинскому тексту: «Видя возвращающихся, мне так грустно стало, что выкатилось несколько слез, – и это тогда, когда выполнялось мое нетерпеливое желание. Н. М. Карамзин правду сказал: «о сердце! Кто знает, чего ты хочешь» [18, с. 12]. В мятлевском тексте этот штамп пародируется в сцене, когда отплывающая Курдюкова, «пригорюнясь об отчизне», вспоминает свою жизнь в России [15, с. 12]. Позднее авторы «Свистка», который в том числе стал продолжателем мятлевской сатирической традиции, сходным образом описывают отъезд русского барина в Германию: «Я сел на пароход и уронил за борт горячую слезу, невольный дар отчизне» [19, с. 141]. Еще одним «карамазинским» locus communis при описании путешествия морем в Германию является остров Борнгольм. Проезжая мимо него, путешественники 40-х гг. неизменно поминают Н. М. Карамзина и его роман: «Остров Борнгольм! Кто не знает? Русский всякий тут вздыхает, потому что Карамзин сочинил роман один» [15, с. 14]. Сравните у Н. А. Корсакова: «представился взорам нашим и остров Борнгольм, известный несчастием Саффы, столь красноречиво описанным Н. М. Карамзиным» [18, с. 13]. В более развернутом виде «борнгольмский» текст представлен у Н. И. Греча: «Очаровательная сила истинного таланта! Тридцать страниц, написанных за двадцать четыре года пред сим, сделали этот остров любезным и важным всякому Русскому. Датчане не могут надивиться любопытству, с каким Русские… смотрят на Борнгольм, занимающий в числе островов Дании одно из последних мест» [20, с. 286]. Таким образом, упоминание Борнгольма в пародийном контексте мятлевской поэмы есть не просто дань традиции, но скрытое пародирование гипертрофированной русскости Курдюковой. Своеобразную аллюзию на карамзинские «Письма…» можно увидеть и в первых впечатлениях героини о собственно немецкой земле, где чужесть локуса представляют такие банальные объекты, как немецкие трава и коровы: «уж берег Травемюнда… Я в немецкой стороне! Для меня все вещи новы: и немецкие коровы, и немецкая трава! Закружилась голова; вне себя от восхищенья… все предмет мне удивленья!» [15, с. 15–16]. Сравните с описанием рассказчика своих ощущений от попадания в иное, немецкое, пространство: «Мы въехали в Курляндию – и мысль, что я уже вне отечества, производила в душе моей удивительное действие. На все, что попадалось мне в глаза, смотрел я с отменным вниманием, хотя предметы сами по себе были весьма обыкновенны. Я чувствовал… радость… открылась Митава. Вид сего города некрасив, но для меня был привлекателен! Вот первый иностранный город, думал я – и глаза мои искали чего-нибудь отменного, нового» [21, с. 10–11]. Сходный мотив ощущения перехода границы встречается у Н. А. Корсакова: «увидел я издали Немецкую деревушку; с белыми домиками и красными черепичными крышами. Долго не быв в чужих краях <…> Я почувствовал хотя не веселость, но какую-то приятность» [18, с. 13]. В целом травестийную подражательность рассказа Курдюковой высокому стилю, в частности карамзинскому, отмечает и А. С. Суворин, подчеркивая, что «карамзинский сентиментализм» лишь «привил сентиментальные манеры», но «не смягчил сердца, не утончил души» [13, с. XVIII] русских людей, подобных мятлевской героине. В результате мы имеем дело с сатирическим несоответствием внешней формы содержанию высказывания, с «гипертрофией «формы» как чего-то внешнего и самодовлеющего» [11, с. 90].

В образе Германии, представленном в «Сенсациях…», можно выделить несколько аспектов. Один из них – это Германия историческая. Так, упоминается ганзейское прошлое Любека и Бремена, который назван *«ла капиталь»* [15, с. 59], т. е. столицей Ганзы. По этому принципу Любек и Бремен образуют пространственную пару в повествовании («с Любеком он может парой в памяти моей стоять» [15, с. 56]), объединенную мотивами торговли и древности: в Любеке путешественница отмечает, что «всюду старина святая» [15, с. 21]; Бремен же характеризуется как «город старый» [15, с. 56]. Впрочем о самом торговом союзе Курдюкова приводит весьма общие сведения: «Всем тогда была гроза знаменитая Ганза» [15, с. 19]. Ее больше интересуют архитектурные объекты прошлого, например, зала, «где ганзейцы собирались», а также погреба, «где упивались их могущества вином

и в раздолии хмельном все дела распоряжали и торговлей управляли» [15, с. 59]. Собственно, вино занимает героиню (в соответствии с сатирической логикой снижения высокого до уровня телесного) в гораздо большей степени, чем немецкая история, и данный образ раскрывается на протяжении множества строк. В то же время вино выступает наиболее доступным для недалекой героини способом приобщения к германской истории: «В погребах сохранено времени того вино и за деньги продается в пользу думы; подается в кабинетах, на столах, в тех же самых погребах» [15, с. 59–60]. К подобному приему снижения И. П. Мятлев не раз прибегает в произведении. В Колони (Кельне) Курдюкова в первую очередь отмечает «воду де Жан Фарина» [15, с. 79], т. е. одеколон. Рейн же в восприятии героини прочно связан с рейнвейном. Даже путешествие во Франкфурт имеет «глюттоническую» (гастрономическую) мотивировку: «любопытно мне взглянуть на германскую диету» [15, с. 111].

Еще одну историко-урбанистическую пару в «Сенсациях…» образуют Оснабрюк и Мюнстер. Это объединение травестийно обыгрывается в образе дорожного тюка: «я Мюнстер, Оснабрюк уложила в тот же тюк» [15, с. 70]. В связи с этими локусами достаточно подробно излагается история заключения вестфальского мира как ключевого договора, определившего характер современной путешественнице Германии: «трактатом сим Германья положила основанья всех своих владений, прав, политический устав» [15, с. 70]. Впрочем, и здесь историческое и глюттоническое оказываются смешаны: «В Мюнстере мне показали, что послы употребляли, заключая славный мир» [15, с. 72].

Дворец в Мангейме подается как воплощение истории, но уже сравнительно недавней – эпохи Наполеона. Сначала дворец разрушается («разорен почти в конец и заброшен, и оставлен»), но потом создается заново уже под покровительством французского императора: «потом он переправлен, чтоб исполнить новый план *Ле Наполеон ле Гран*. Изо всех *ди камареден* выбран им *гран дюк де Баден* быть швейцаром *де ла Франс*» [15, с. 144], т. е. Мангейм становится воротами в Германию. С падением же Бонапарта локус приходит в запустение: в недостроенном дворце «принцесса Стефани век свой скромно доживает» [15, с. 145].

Кроме того, в тексте «Сенсаций…» упоминаются в связи с немецким пространством Рубенс (в Кельне «Кирку посетили мы, где Рубенса крестили» [15, с. 85]; «мне Рубенса квартиру показал мой проводник» [15, с. 86]), а также Гуттенберг в локусе Майнца, названном «колыбелью де ла сиянс» (наук): «титул тем ему пристойный, что здесь Гуттенберг покойный изобрел эмпримери» [15, с. 109]. Вообще образы Майнца и Гуттенберга неразрывно связаны в отечественных травелогах. Хотя русский путешественник Н. М. Карамзина и не посещает Майнц, в сноске о докторе Фаусте Гуттенберг маркируется как «майнцкий уроженец» [21, с. 17]. Посещая Майнц, М. П. Погодин осматривает «дом Гуттенбергов, и место, где предполагалось поставить ему памятник» [16, с. 47]. Но сама Курдюкова далеко не в восторге от Гуттенберга, являясь противницей просвещения: «Каково его открытье! Что за страшное развитье и познаний, и идей!» [15, с. 109]. Вспомним замечание о курдюковском восприятии Карамзина у А. С. Суворина: заимствуются отдельные поверхностные формы, но суть просвещения героине отнюдь не близка. Закономерно, что в описании «маленького и тесного» Бонна помещены рядом образы «университета известного» и «сумасшедшего дома»: «По мне, наука преопаснейшая штука! Забредешь в ея пути – мудрено ль с ума сойти?» [15, с. 94]. Также образ изобретателя барона Дрейса в характеристике Курдюковой напоминает типажный образ немца-ученого, занятого какими-то фантастическими прожектами, в данном случае – внедрением пушечной почты: «Стоит только посадить человека в пушку эту, и сейчас по белу свету понесет канонен-пост» [15, с. 142].

Еще одной исторической личностью, с которой связывается пространство Германии, является Карл Великий, или «ле Шарлемань», как на французский манер называет его Курдюкова. В Оснабрюке она осматривает «в кирке» «игрушки, чем *ле Шарлемань* играл»: «рубленый кристалл», «Шарлеманеву корону», гребень для бороды, дубину [15, с. 74]. Плывя по Рейну, путешественница упоминает «башни Гильдесгейм, где *ле Шарлемань* родился, умер, жил или женился» [15, с. 108]. Историчность места здесь снижается этой неясностью, мотивированной отсутствием сведений в гиде для туристов. Наконец, образ Карла встречается в описании витражей кельнского собора, где среди прочего изображен средневековый сюжет: «*ле Шарлемань* велик на великолепном троне, в мантьи, в латах и короне, он и важен, и пригож; а вокруг гербы вельмож… и принцессы, девы, крали» [15, с. 82].

Старинные дома, и прежде всего церкви, – весьма часто упоминаемые локусы в мятлевском травелоге. Например, в качестве особенности облика Любека отмечено, что «в нем все кирки, не дома» [15, с. 20], «всюду старина святая» [15, с. 21]. Более двадцати строк посвящено описанию любекской кафедральной церкви, привлекшей внимание Курдюковой своими часами с движущимися фигурками, а также изображениями пляски смерти («ле проказы де ла Мор» [15, с. 22]) кисти Голбейна. Церкви выступают анахроничными локусами, где время (Средневековье) консервируется. Кирка в Оснабрюке и кельнский собор хранят воспоминания о Карле Великом. В кирке Мюнстера Курдюкова описывает три железные клетки, в которых,

как ей сообщают, были «сжарены гуситы», которые, что демонстрирует степень исторических знаний героини, названы «езуитами» «тех времен» [15, с. 75]. В Гамбурге упоминается «важная, большая» кирка *«Сен-Мишель»* [15, с. 37] со «знатной» башней «в триста саженей» [15, с. 38]. Подробно описывается кельнский собор, «кирка древних лет: стены все как *петинет* или кружево в узорах» [15, с. 80]; ее «большой орган и хоры», витражи («окна – *манифик*! Точно *ла латерн мажик*; все расписаны чудесно! Как в огне горят, прелестно!» [15, с. 81]) и дорогое убранство реликвий и даров («жемчуг, алмазы, изумруды и топазы, что в экране или в раке сделаны <…> кучу редкостей, корон, *дез эпе* и *де батон*. Все в алмазах, в филиграни» [15, с. 83]). Особо отмечается незавершенность здания, на которое «надстроили кое-как» «простой колпак» крыши, создающей контраст между величественным прошлым и смешной современностью: «Как разительно различье! Здесь всей древности величье, – тут *ла поврете нувель*» [15, с. 80]. Однако если у В. Н. Зиновьева похожий сюжет, связанный с нелепой крышей колокольни дрезденской Фрауэнкирхе, оказывается поводом для исторического анекдота о скупости совета, не заплатившего архитектору («архитектор <…> с досады план разорвал… так, принуждены были … колокольню приделать, которая так скверна, что, при таком хорошем строении, более смех, нежели украшение делает» [22, с. 339]), то И. П. Мятлев идет дальше, травестийно уподобляя недостроенный собор Вавилонской башне, заодно обыгрывая пограничный характер локуса Кельна между Францией и Германией путем объединения мотива библейского смешения языков и европейского смешения стран в ходе похода Наполеона: «как в башне *де Бабаель* было языков смешенье, разных случаев стеченье, революцья, – Бонапарт сделал в ней свой кордегард и конюшню для лошадок» [15, с. 80–81]. Наконец, во Фрейберге Курдюкова описывает кирку «древних лет»: «преклассический *готик*. Стены, башни, как сквозные, разграненные, резные, острых множество шпилей <…> окна, точно как картины, яркий и блестящий цвет!» [15, с. 173].

Встречаются травестийные образы и церковного пространства. Так, в связи с описанием одной кирки в Бремене трансформируется мотив нетленных мощей: «кто в ней похоронен, тот не тлеет… обращен просто в кожу барабана, иль в пергамент для фирмана» [15, с. 65]. Таким образом, сакральное (а также родовое, связанное с предками начало) переходит в разряд профанного, становится утилитарным: «на спине *дюнь гранд-маман* бременец стучит тревогу иль готовит дом к залогу, при свидетельстве попа, на брюшке *ден гран-папа*» [15, с. 65]. В этом эпизоде проявляется, наряду с мотивом практичности немцев, скепсис Просвещения. Аналогично выстроен образ голов царей-волхвов, подаренных церкви Людовиком IX и выставленных «в золотом большом экране» [15, с. 82] в чулане кельнского собора; подлинность сакрального ставится под сомнение замечанием о том, что неизвестно, где и как король достал их. Сравните с данным Д. И. Фонвизиным ироническим описанием моделей «святых вещей» в нюрнбергском замке (подлинники показывают только коронованным особам): «Художник, делавший сии модели, не имел, кажется, нужды ни в большом труде, ни в большом искусстве» [23, с. 513]. Еще резче этот мотив десакрализации выражен в «Письмах…» Н. М. Карамзина, когда, прибыв в Майнц, русский путешественник, вопреки совету лонлакея, отказывается осматривать «кишки С. Бонифация»: «хотя Св. Бонифаций был добрый человек и обратил в Християнство Баварцев, однакожь кишки его не имеют для меня никакой прелести» [21, с. 91]. Травестия священного сюжета также реализуется в описании другой, «пресмешной» [15, с. 83], кельнской кирки, с которой связано предание о святой Урсуле и 11000 девах, мученически погибших от рук язычников. В сниженном пересказе Курдюковой гунны превращаются в варваров-германцев («гот, вандал или нормандец» [15, с. 84]), а отказ выходить замуж за язычников оценивается как непонятная причуда. Священное трансформируется через призму житейского опыта героини, уверенной, что жена всегда может управлять мужем, т. е. происходит смена ролей: «примеры есть такие, что женой так направлен муж иной, что всему готов поверить <…> Готы также б покорились, все б наверно окрестились, новых было бы *онз миль* православных *дан ла-виль*» [15, с. 84].

Другим «слоем» образа Германии в поэме выступает немецкий быт. Едва попав в Германию, в Любек, Курдюкова дает «портретное описание типичных немцев. Женщины в платьях с коротким рукавом, в фартуках и корсетах, в платках и с корзинками «все порядки соблюдают прежних лет» [15, с. 22]. У каждого немца трубка (*«ла пип»*), трость, «фрак предлинный», чулки (*«кюлот»*), букли – одежда маркирована характеристикой старины («костюм старинный») [15, с. 22]. Перед нами предстает образ патриархального филистера – тот, что А. В. Жуковская, Н. Н. Мазур и А. М. Песков обозначили как типаж доброго немца, чьими атрибутами выступают «трубка и пиво» [24, с. 41]. При этом все же нельзя утверждать, что именно И. П. Мятлев был первым, кто «наряду с высокой духовной культурой Германии увидел и описал русским читателям бытовые проявления этой культуры» [1, S. 123]. Образ немецкого бытового пространства начинает складываться еще в конце XVIII в. Атрибуты типажного немца упоминаются в письмах Д. И. Фонвизина: «Все немецкие гульбища одинаковы… сидит

компания и прохлаждаются пивом и табаком» [23, с. 15]. Курящих трубки и пьющих пиво немцев неоднократно упоминает и русский путешественник Карамзина, например: «Каррикатура за каррикатурою приходила в трактир, и всякая каррикатура требовала пива и трубки» [21, с. 25]. Сходную с фонвизинской картину рисует и Ф. П. Лубяновский: «все на гуляньях. Там вечно густое облако дыму от трубок, а пиво душа всех удовольствий» [25, с. 19]. В «Сенсациях…» пиво подается как типично немецкий глюттоним: «Кушать мясо с черносливом, запивать все это пивом, – тотчас будет *ла колик*. Немец к этому привык» [15, с. 4]. Не раз упоминается и трубка: «постильон… трубку вяло набивает» [15, с. 26]; «Трубок дым, попойка» [15, с. 39].

Немцы, если речь не идет о высшем свете, изображаются в «Сенсациях…» как филистеры. Даже если они выглядят, по мнению Курдюковой, как *«веритабль кавалье»*, на самом деле это «кучера, ткачи, маркеры» [15, с. 22]. Здесь же встречается обыгранный и в фонвизинской пьесе «Недоросль» мотив: «Всех их, право, в гувернеры мы забрали б в старину!» [15, с. 22–23]. В Гамбурге Курдюкова, явившись на даваемый в вокзале бал, попадает, «как кур во щи», в филистерский локус, где собрался «ужасный сброд», «все ремесленный народ» с сомнительными дамами (*«де дам ком иль не фо па»* [15, с. 39]). Развлечения также отличаются от аристократического салона: «Трубок дым, попойка, крик и прескверная *мюзик*!» [15, с. 39]. Более того, Курдюкову принимают за одну из проституток: «меня хватает *эн мусье* и вдруг сажает на колени как мамзель» [15, с. 39]. Эту маргинальную сторону Гамбурга как портового локуса отмечает и Н. А. Корсаков: «там танцуют под музыку… Английские, Голландские и пр. наций, матросы с дамами свободного обращения, разряженными, как говорится, в пух» [18, с. 20]. С филистерами Курдюкова вынужденно сталкивается в дилижансе: с ней едут «пивовар с ужасным задом, тут толстяк, а тут скелет» [15, с. 54]. В их портретном описании присутствует гипертрофированная телесность. Хотя немцы не курят, «слишком уважая дам», в остальном их манеры далеки от совершенства: пивовар «дохнул пренеучтиво», а толстяк «захрапел, как будто боров» [15, с. 54]. Кроме того, во время плавания по Рейну Курдюкова упоминает студентов, ограничившись внешним комическим описанием: «волоса их отличают, как у наших мужиков, и покров их сюртуков вроде курток, а фуражки – полоскательные чашки, <…> крошечные» [15, с. 92–93]. Для путешественницы они все на одно лицо: «мудрено их перечесть» [15, с. 92], фуражки «на один манер» [15, с. 93].

К устойчивым образам, повторяющимся в травелогах о Германии на протяжении полувека, относится образ набираемых из бюргеров военных. Карамзинского русского путешественника, аристократа, забавляет стража у ворот Тильзита, «где стояли на карауле не солдаты, а граждане», а особенно «толстой часовой, у которого под брюхом моталась маленькая шпажонка» [21, с. 16]. Ирония ощущается и в описании парада в Берлине: «Все граждане стояли в ружье, и никакая сорочья стая не может так пестриться, как пестрился этот фрунт <…> Купцы, все в красных кафтанах, под начальством одного банкира, выезжали встречать Штатгальтершу за город» [21, с. 40]. Аналогично в Гамбурге Курдюкова описывает местную *«гард насьональ»* [15, с. 31], в которой «солдаты все из лавок набраны, а комендант их сигарный фабрикант» [15, с. 32], а во Франкфурте узнает в *«сольда»* и *«милитер»* [15, с. 123] бюргеров: мосье Брюля, мосье Креде, знакомого банкира [15, с. 124]. Путешественница, как и карамзинский герой, подмечает театральность парадов бюргеров-военных, их ряженый, ненастоящий характер: «Нужны ль трубы, барабаны?» [15, с. 33]. Также во Франкфурте разбудившие Курдюкову «шум, тревога, барабан» оказывается парадом [15, с. 123] в честь освобождения города, когда почтенные филистеры играют в бравых военных: «Подъезжает офицер. Что-то крикнул по-немецки, и в минуту молодецки стали *ле месье маршан* строится ан режиман и пошли по-дивизьонно, чинно, браво, церемонно» [15, с. 124–125]. Гамбург силен не военными, а купцами: «Не драбанты, а кауфманы славу здесь должны стяжать, и не саблей обожать» [15, с. 33]. Подчеркивается мирный характер локуса: на месте *«фортересов»*, бастионов и палисада разбит «прекрасный сад – все дорожки, все боскеты, клумбы, лавочки, генгеты, где, с утра затея пир, немцы прославляют мир» [15, с. 32–33]. То же самое отмечается относительно Франкфурта: «Прежние *ле бастион* срыл *мусье* Наполеон. Франкфуртцы, народ учтивый, сад тут сделали красивый» [15, с. 131]. Соответственно, в купеческих городах теряется необходимость в воинских свойствах: «Не ко времени пруэсы», т. е. доблесть, храбрость [15, с. 32]. Карнавальная травестия парада захватывает «важнейшую и старинную» готическую площадь Ремер с *«ле пале антик»*, куда ранее съезжалась высшая аристократия для выбора императора. Новое время сменяет Средневековье, как и в случае с Кельнским собором, создавая контраст времен: «Теперь нет их[1] ; без венца командиры – три купца просто в шляпе треугольной и с фигурой предовольной. Их доспехи: *эн фрак нуар*, *эн жабо* и *эн мушуар*, и манжеты, и манишки, и атласные штанишки, *э де букль*, *э де сулье*. И шпаженка *ан-асье*, коей, сколько можно видеть,

[1] герцогов.

даже мухи не обидеть. Уж совсем не милитер!» [15, с. 125]. Мотив парадной шпаги в «Сенсациях…» повторяет по сути вышеприведенный карамзинский образ. Более того, карнавальная травестия достигает высшей точки, когда в облике псевдовоенных-филистеров проявляются женские черты: «Они войско провожают, <…> вкруг себя водя *шапо*, как вожу… и кокетно и манерно опахалом я[2] моим перед щеголем иным» [15, с. 126].

Еще одним устойчивым немецким бытовым персонажем в отечественных травелогах выступает постилион. Его медлительность и лень отмечают многие путешественники: «Двадцать русских верст везет восемь часов, всеминутно останавливается, бросает карету и бегает по корчмам пить пиво, курить табак и заедать маслом. Из корчмы не вытащить его до тех пор, пока сам изволит выйти» [23, с. 502]; «Саксонские постиллионы… также жалеют своих лошадей, также любят пить в корчмах и также грубы» [21, с. 50]; у Н. А. Корсакова упоминается гамбургский фурман, «который, по обыкновению всех фурманов, проехав версты две, а много три, останавливался кормить своих тощих коней!» [18, с. 17]. Курдюкова негодует на медлительного постильона: «лошади идут шажком, а он возле них пешком. Я кричу, он в ус не дует; по-немецки мне толкует, что карета тяжела» [15, с. 26]. Кроме того, путешественница воспроизводит чуть ли не дословно недовольство Ф. Д. Карамзина необходимостью платить за будущее благоустройство дороги: «Вот шлагбаум – тут за дорогу марков пять платить… Хуже тракта нет у нас. По-немецки: *«Вас ист дас?»* Рассердясь, я закричала: «*Махен зи шосей* сначала, и тогда я заплачу, а теперь *нихтс*, не хочу!» [15, с. 27]. У Д. И. Фонвизина: «Дороги часто находил немощеные, но везде платил дорого за мостовую; и когда, по вытащении меня из грязи, требовали с меня денег за мостовую, то я осмеливался спрашивать: где она? На сие отвечали мне, что его светлость владеющий государь намерен приказать мостить впредь, а теперь собирать деньги» [23, с. 455].

Как видим, мотив денег, их власти то и дело возникает на страницах «Сенсаций…». Он выступает маркером «национального своеобразия», «национальной культуры… и цивилизации европейского типа, одним из символов которой была для России изначально немецкая цивилизация» [1, S. 124]. Наблюдая за парадом гамбургских купцов-военных Курдюкова задается вопросом *«Для чего им эта сила?»* [15, с. 32], когда их власть сосредоточена в деньгах. Далее по тексту героиня уже сама определяет суть немецкой силы: «Здесь платить все и платить – было б чем. Вся в этом сила!» [15, с. 53]. Тема денег, таким образом, является лейтмотивом «Сенсаций…»: «За *шмир-гельд*, *тринк-гельд*, барьеры, здесь на разные манеры отдувайся кошелек» [15, с. 27]. Деньги стирают сословные границы, превращая франкфуртских купцов в аристократов: «Задают такие тоны… *ле* банкиры, *ле маршан*… Ты подумаешь, что графы!!. Деньгами полны их шкафы, а во Франкфурте *ла ноблес* состоит *дан лез-эспес*», т. е. благородство заключается в наличности [15, с. 119–120]. Сравните у М. П. Погодина: «Во Франкфурте первое лицо Ротшильд, которого называют королем Франкфуртским» [16, с. 50]. С другой стороны, аристократия уподобляется коммерсантам: «Принц Нассауский молодец: вина у него и воды – все текучие доходы. По причине вин и бань, каждый принцу платит дань» [15, с. 108]. Отсюда возникает гипертрофия коммерческого образа Германии, «замкнутого в узкие рамки вещного мира» [1, S. 121]. Например, Гамбург с «богатейшими *мезон*» (домами) Курдюкова характеризует как «город важный, по коммерции вальяжный», «столицу» и «царицу» «всей торговли *де Эвроп*»; по сравнению с ним торговый Любек – «холоп, просто дрянь» [15, с. 31]. В результате сам локус превращается в товар: «Гамбург точно как товар» [15, с. 33]. В связи с этим актуализируется мотив кажимости пространства. Как и в случае театрализованного, «иллюзорного» парада филистеров-военных, Гамбург старается продать себя наблюдателю-клиенту, показаться с лучшей стороны: «много в нем *пур ле регар*» (для взгляда) [15, с. 33]. Новый торговый квартал передается через сравнение с товаром-вещью: «как в куске конец казовый, как на пачке *экрито*: развернешь – уже не то» [15, с. 33]. Курдюкова описывает и другую, менее приглядную сторону Гамбурга, его деловую будничную сторону: «Дальше. Что же? Закоулки, неопрятность, теснота. Магазинов красота даже там еще пленяет, но оно лишь объясняет, каковы у них ресурс» [15, с. 33–34]. *«Ла-бурс»* (биржа) Гамбурга представляет собой «дом большой» с двумя залами: наверху там с утра сидят купцы и «молчание хранят; даже тут и чхнуть не смеешь» [15, с. 34]. Центр же этой травестированной коммерческой сакральности, где «дела сплетают, курс монет определяют», внешне и вовсе непригляден: «крышею покрытый двор, как загон скота в Украйне» [15, с. 34]. В эту торговую немецкую sacrum sacrorum Курдюкову не пускают, поскольку она женщина и «к коммерческим делам» «не принадлежит по полу» [15, с. 35].

Травестийная сакральность биржи «во всех городах ганзейских» раскрывается далее, когда она называется «Меркурьевым амвоном», к которому, словно на ритуал, «сбегаются по звону … негоцьянты и *коми*» ровно в половине первого [15, с. 64]. Заодно комически изображается немецкая склонность к порядку и скупость: «Опоздает кто, тот платит! Немец гроша не истратит, если может

[2] т. е. Курдюкова.

удержать: лучше милю пробежать» [15, с. 64]. Противоположностью последней является русская расточительность и страсть к дорогим вещам: «русским в Гамбурге беда. Все так дешево, красиво, и сидельцы так учтиво все умеют предложить, что нельзя и не купить. <…> Потранжирить, помотать, – вот что русскому под стать!» [15, с. 40–41]; «Как же тут не разориться? Русский любит заводиться и без нужды – про запас: слабость такова у нас» [15, с. 119]. Курдюкова тоже поддается приобретательскому куражу, путешествуя потом в заваленной вещами карете и жалуясь на нехватку денег: «Мигом весь уйдет оброк… Не доеду до Бад-Бада: и придется мне стоять, или денег занимать» [15, с. 28]. Сравните у Д. И. Фонвизина о реноме русских за границей: «считают меня проезжим богачом. В сем мнении везде обо мне остаются для того, что я русский. Во всей Немецкой земле … слова *русский* и *богач* одно означают» [23, с. 514]. Также М. П. Погодин замечает, что «первая гостиница в городе», Hotel de Russie, названа, «видно в честь Русских расточителей» [16, с. 50]. Тот же Франкфурт в «Сенсациях…», образуя пару с Гамбургом на основании общего мотива власти коммерции, описывается как вещь, модный костюм: «Город Франкфурт аккуратный, как с иголочки, приятный»; «щегольские» отели напоминают «дворцы большие, все в колоннах ан гранит» [15, с. 28], что подчеркивает могущество кауфманов-патрициев, сравнившихся с аристократами. Соответственно, для Курдюковой восприятие пространства городской Германии происходит не в последнюю степень через магазины и товары. Роскошь Франкфурта, «первой станции» [15, с. 115] для русских на пути в Европу, подчеркивают витрины магазинов: «бронзы, золото, хрусталь, *де* холстинки *э де* шаль» [15, с. 119]. Мангейм же, напротив, не производит на героиню впечатления, поскольку, «хоть оне гостиный двор, но коммерция тут вздор: все бисквиты и конфеты, ленты, чепчики, корсеты», за исключением одного дорогого магазина [15, с. 142–143]. Не в восторге Курдюкова и от провинциального Мюнстера, где лишь «с сосисками есть лавки, и тесемки и булавки» [15, с. 75]. Городки же в Шварцвальде и вовсе не нравятся путешественнице: наряду с отсутствием всех прочих благ западной цивилизации, в этих даже не удостоившихся называния локусах «магазинов вовсе нет» [15, с. 173].

Итак, образ Германии в поэме И. П. Мятлева постоянно двоится. На историческую составляющую этого образа постоянно накладывается бытовой, сниженный элемент, обусловленный особенностями построения персонажа-нарратора, госпожи Курдюковой, для которой вещный мир заслоняет собой духовные богатства. В то же время именно благодаря таким особенностям нарративного «взгляда» в произведении удается подчеркнуть филистерскую сторону немецкой жизни, которая зачастую не находила должного отражения в романтических повествованиях. Амбивалентность немецкости становится темой мятлевского произведения и не только формирует ее, но и отсылает, как показал сопоставительный анализ, к более ранней традиции отечественных травелогов, поскольку даже сентименталистский текст карамзинских «Писем русского путешественника» лишен однозначности в изображении Германии.

Литература

1. Lebedeva O. B., Januškevič A. S. Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2000. 276 S.

2. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М.: ИВИ РАН, 2000. 210 с.

3. Тиме Г. А. Путешествие Москва – Берлин – Москва: Русский взгляд Другого (1919–1939). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 158 с.

4. Папилова Е. В. Немцы глазами русских в художественной словесности XIX века. М.: ЛЕНАНД, 2014. 136 с.

5. Müntjes M. Beiträge zum Bild des Deutschen in der russischen Literatur von Katharina bis auf Alexander II. Meisenheim am Glan: Anton Hain Verlag, 1971. 136 S.

6. Гиголашвили М. Немцы и немецкое в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевского // Крещатик. 2000. № 9. С. 75–82.

7. Константинова Н. В. Немцы и немецкое в ранних произведениях Ф. М. Достоевского (на материале повести «Двойник») // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 126–133.

8. Арустамов А. А. «Немецкое» и «русское» в творчестве И. С. Тургенева (к проблеме диалога культур) // Мир славянских, германских и романских культур: их взаимосвязи и взаимодействие в языке и литературе. Пермь: Пермский университет, 2000. С. 205–210.

9. Буткова Н. В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 18 с.

10. Чугунов Д. А. Образы немцев и их оценка в творчестве И. С. Тургенева // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века. Воронеж: ЦЧКИ, 2000. Т. 2. С. 125–129.

11. Скляров О. Н. Об одном «неудавшемся» стихотворении Владислава Ходасевича // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. № 4. С. 63–93.

12. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге). Симферополь: АнтиквА, 2006. 608 с.

13. Суворин А. С. Предисловие // Мятлев И. П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1904. Т. 1. С. III–XXVII.

14. Шатин Ю. В. «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею: дан л'энтранже»: травестия травелога // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. С. 260–271.

15. Мятлев И. П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1904. Т. 1. 394 с.

16. Погодин М. П. Год в чужих краях (1839): в 4-х ч. Ч. 4. М.: Типография Н. Степанова, 1844. 230 с.

17. Добролюбов Н. А. Славянские думы (во время плавания по Волге на пароходе) // Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. М.: Наука, 1981. С. 367.

18. Корсаков С. А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н. А. Корсакова в 1839 году. М.: Типография Н. Эрнста, 1844. 111 с.

19. Добролюбов Н. А., Некрасов Н. А. Отъезжающим за границу // Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. М.: Наука, 1981. С. 140–141.

20. Греч Н. Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году // Греч Н. Сочинения: в 3-х т. СПб.: Типография Якова Трея, 1855. Т. II. С. 275–495.

21. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. 716 с.

22. Зиновьев В. Н. Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784–1785) // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Вып. 3: Литературные источники последней трети XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 335–380.

23. Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1959. 742 с.

24. Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М. Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54.

25. Лубяновский Ф. П. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах: в 3-х ч. СПб.: Медицинская типография, 1805. Ч. 1. 230 с.

TRAVESTY IMAGE OF GERMANY IN THE RUSSIAN LITERATURE OF 1840S: I. P. MYATLEV'S POEM "SENSACII I ZAMECHANIYA GOSPOZHI KURDYUKOVOY ZA GRANICEYU, DANS L'ETRANGER"

Sergey S. Zhdanov [a, @, ID]

[a] *Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10, Plakhotnogo St., Novosibirsk, Russia, 630108*
[@] *fstud2008@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-8898-6497*

Received 09.04.2018. Accepted 19.07.2018.

Keywords: I. P. Miatlev, N. M. Karamzin, Germany, Germans, imagology, literary space, macaronic poetry, Russian literature of the XIX century.

Abstract: The paper deals with the image of Germany in I. P. Miatlev's poem "Sensacii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoy za graniceyu, dans l'etranger" ("Madam Kurdukova's Sensations and Remarks Abroad, dans l'etranger") that is an example of macaronic poetry. The poem marks an important milestone in the transformation of the image of Germany in the Russian literature of the 1840s; however, it has not received proper scientific attention. The current research examines the historic and the mundane aspects of the image in question. The historic aspect combines different loci connected with the German history of the Middle Ages and the Modern Times: urban images and urban unions, like the Hanseatic League, or certain urban spaces, e.g. churches, etc. Such loci are often connected with historical characters like Charlemagne or Napoleon. The mundane aspect is represented with things, money and goods as a typical attribute of the German (Western) civilization, which leads to the metonymic unity of cities and goods produces there, the way it happens to Hamburg. Besides, the mundane element is actualized via the philistine personages, which make the core of German characters in the poem.

For citation: Zhdanov S. S. Travestiinyi obraz Germanii v russkoi literature 40-kh gg. XIX v. (na materiale poemy I. P. Miatleva «Sensatsii i zamechaniia gospozhi Kurdiukovoi za granitseiu, dan l'etranzhe») [Travesty Image of Germany in the Russian Literature of 1840s: I. P. Myatlev's poem "Sensacii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoy za graniceyu, dans l'etranger"]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 166–176. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-166-176.

References

1. Lebedeva O. B., Januškevič A. S. *Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2000, 276.

2. Obolenskaya S. V. *Germaniia i nemtsy glazami russkikh (XIX v.)* [Germany and Germans from the Russian point of view]. Moscow: IVI RAN, 2000, 210.

3. Time G. A. *Puteshestvie Moskva – Berlin – Moskva: Russkii vzgliad Drugogo (1919–1939)* [Journey Moscow – Berlin – Moscow: the view of Russian as an Other (1919–1939)]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2011, 158.

4. Papilova E. V. *Nemtsy glazami russkikh v khudozhestvennoi slovesnosti XIX veka* [Germans from the Russian point of view in the literature of the XIX century]. Moscow: LENAND, 2014, 136.

5. Müntjes M. *Beiträge zum Bild des Deutschen in der russischen Literatur von Katharina bis auf Alexander II.* Meisenheim am Glan: Anton Hain Verlag, 1971, 136.

6. Gigolashvili M. Nemtsy i nemetskoe v «Prestuplenii i nakazanii» F. Dostoevskogo [Germans and German in F. Dostoevsky's "Prestuplenie i nakazanie"]. *Kreshchatik = Khreshchatyk*, no. 9 (2000): 75–82.

7. Konstantinova N. V. Nemtsy i nemetskoe v rannikh proizvedeniiakh F. M. Dostoevskogo (na materiale povesti "Dvoynik") [Germans and German in the early works by F. M. Dostoyevsky (on the basis of the story "The Double")]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian philological journal*, no. 4 (2014): 126–133.

8. Arustamov A. A. "Nemetskoe" i "russkoe" v tvorchestve I. S. Turgeneva (k probleme dialoga kul'tur) ["German" and "Russian" in I. S. Turgenev works (to the problem of the dialogue of cultures)]. *Mir slavianskikh, germanskikh i romanskikh kul'tur: ikh vzaimosviazi i vzaimodeistvie v iazyke i literature* [World of Slavic, German and Romanic cultures: their interrelations and intercommunion in the language and literature]. Perm: Permskii universitet, 2000, 205–210.

9. Butkova N. V. *Obraz Germanii i obrazy nemtsev v tvorchestve I. S. Turgeneva i F. M. Dostoevskogo*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Image of Germany and images of Germans in I. S. Turgenev's and F. M. Dostoevsky's works. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2001, 18.

10. Chugunov D. A. Obrazy nemtsev i ikh otsenka v tvorchestve I. S. Turgeneva [Images of Germans and their evaluation in I.S. Turgenev's works]. *Problema natsional'noi identichnosti v literature i gumanitarnykh naukakh XX veka* [Problem of the national identity in the literature and humanitarian sciences of the XX century]. Voronezh, vol. 2 (2000): 125–129.

11. Skliarov O. N. Ob odnom "neudavshemsia" stikhotvorenii Vladislava Khodasevicha [About one "failed" rhyme of Vladislav Khodasevich]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia 3: Filologiia = Bulletin of the Orthodox Svyato-Tikhonovskiy Humanitarian University. Series 3: Philology*, no. 4 (2007): 63–93.

12. Orekhov V. V. *Russkaia literatura i natsional'nyi imidzh (Imagologicheskii diskurs v russko-frantsuzskom literaturnom dialoge)* [Russian literature and the national image (Imagological discourse in the Russian-French literature dialogue]. Simferopol: AntikvA, 2006, 608.

13. Suvorin A. S. Predislovie [Foreword]. *Miatlev I. P. Sensatsii i zamechaniia gospozhi Kurdiukovoi za granitseiu, dans l'etranger* [Sensations and remarks of m-me Kurdyukova abroad, dans l'etranger]. Saint-Petersburg: Izd-vo A. S. Suvorina, vol. 1 (1904): III–XXVII.

14. Shatin Yu. V. "Sensatsii i zamechaniia gospozhi Kurdiukovoi za granitseiu, dans l'etranger": travestiia traveloga ["Sensations and remarks of madam Kurdyukova abroad, dans l'etranger": travesty of the travelogue]. *Literatura puteshestvii: kul'turno-semioticheskie i diskursivnye aspekty* [Literature of travel: cultural-semiotic and discursive aspects]. Novosibirsk: Izd-vo NSPU, 2013, 260–271.

15. Miatlev I. P. *Sensatsii i zamechaniia gospozhi Kurdiukovoi za granitseiu, dans l'etranger* [Sensations and remarks of m-me Kurdyukova abroad, dans l'etranger]. Saint-Petersburg: Izd-vo A. S. Suvorina, vol. 1 (1904): 394.

16. Pogodin M. P. *God v chuzhikh kraiah (1839)* [A year in foreign lands (1839)]. Moscow: Tipografiia N. Stepanova, part 4 (1844): 230.

17. Dobrolyubov N. A. Slavianskie dumy (vo vremia plavaniia po Volge na parokhode) [Slavic Dumas (during trip on the Volga by a steamship)]. *Svistok. Sobranie literaturnykh, zhurnal'nykh i drugikh zametok* [Svistok. Collected literary, journalistic and other sketches]. Moscow: Nauka, 1981, 367.

18. Korsakov S. A. *Rasskaz o puteshestvii po Germanii, Gollandii, Anglii i Frantsii N. A. Korsakova v 1839 godu* [Story about N. A. Korsakov's journey through Germany, Holland, England and France in 1839]. Moscow: Tipografiia N. Ernsta, 1844, 111.

19. Dobroliubov N. A., Nekrasov N. A. Ot"ezzhaiushchim za granitsu [To travelers abroad]. *Svistok. Sobranie literaturnykh, zhurnal'nykh i drugikh zametok* [Svistok. Collected literary, journalistic and other sketches]. Moscow: Nauka, 1981, 140–141.

20. Grech N. *Poezdka vo Frantsiiu, Germaniiu i Shveitsariyu v 1817 godu* [Trip to France, Germany and Switzerland in 1817]. *Grech N. Sochineniia* [Works]. Saint-Petersburg: Tipografiia Iakova Treia, vol. II (1855): 275–495.

21. Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka, 1987, 716.

22. Zinov'ev V. N. Zhurnal puteshestviia po Germanii, Italii, Frantsii i Anglii (1784–1785) [Journal of a journey to Germany, Italy, France and England (1784–1785)]. *Rossiia i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniia. Vyp. 3: Literaturnye istochniki poslednei treti XVIII veka* [Russia and the West: perspectives of mutual understanding. Iss. 3: Literary sources of the final third of the XVIII century]. Moscow: IMLI RAN, 2008, 335–380.

23. Fonvizin D. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works by Fonvizin D. I.]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, vol. 2 (1959): 742.

24. Zhukovskaia A. V., Mazur N. N., Peskov A. M. Nemetskie tipazhi russkoi belletristiki (konets 1820-kh – nachalo 1840-kh gg.) [German characters of Russian belles letters (the last 1820s – the early 1840s)]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New literary review*, no. 34 (1998): 37–54.

25. Lubianovskii F. P. *Puteshestvie po Saksonii, Avstrii i Italii v 1800, 1801 i 1802 godakh* [Journey through Saxony, Austria and Italy in 1800, 1801 and 1802]. Saint-Petersburg: Meditsinskaia tipografiia, part 1 (1805): 230.

УДК 811.11; 801.73

АРТЕФАКТНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ЯЗЫК» В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

Оксана В. Жуйкова [a, @, ID]

[a] *Воронежский государственный технический университет, 394026, Россия, г. Воронеж, Московский проспект, 14*
[@] *oxanazhujkova@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0003-4378-6069*

Поступила в редакцию 25.02.2018. Принята к печати 19.07.2018.

Ключевые слова: метафора, В. фон Гумбольдт, концепт «Язык», инструмент, характер, ткань, дух, культура.

Аннотация: Проблематику данной статьи составляет исследование метафорических репрезентаций концепта «Язык» (*Языка*) в индивидуально-авторской картине мира В. фон Гумбольдта. Языковая личность великого ученого является на сегодняшний день мало исследованной (что парадоксально), поэтому представляется важным изучение языковых средств вербализации базовых концептов в философском дискурсе В. фон Гумбольдта. Предметом исследования служат особенности вербализации *Языка*, выявляемые при изучении её специфики посредством артефактных метафор. Изучение языковой категоризации ключевого концепта «Язык» посредством артефактных метафор осуществляется на материале главного труда В. фон Гумбольдта «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» ("Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts", 1836) [1]. При проведении анализа эмпирического материала были использованы метод лингвокогнитивного анализа, метод компонентного анализа с опорой на словарные дефиниции, метод интерпретационного анализа контекстов, концептуальный и семантико-когнитивный анализ артефактных метафор и др. В ходе исследования выявлены особенности когнитивной структуры *Языка* и своеобразие его концептуальных признаков на основе изучения артефактных метафор «Язык-инструмент» и «Язык-ткань». В результате исследования выделена и детально описана фреймовая структура артефактных метафорических моделей *Языка*, а также онтологические составляющие *Языка*, структурирующие разнообразные типы слотов. Два базовых фрейма «Язык-инструмент» и «Язык-ткань» объективируют концепт «Язык», репрезентированный посредством метафорической модели «Артефакт» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта. Посредством метафоры «Язык-инструмент» эксплицируется корреляция *Языка* с такими явлениями, как Дух, Мысль, Человек. Метафорическое отождествление языка и инструмента репрезентирует посреднические возможности языка в отношении народа и духа. Посредством метафоры «Язык-ткань» *Язык* объективируется как многосложная сущность, релевантными чертами которой являются антропологические качества, среди которых доминируют интеллектуальная и сенсуалистическая составляющие во всем многообразии их проявлений. Индивидуальность является одним из доминантных эпистемологических признаков концепта «Язык», вербализованного артефактными метафорами в философском дискурсе В. фон Гумбольдта. Исследование доказывает высокую степень метафоричности языковой картины мира В. фон Гумбольдта в целом. Одно из важных понятий в философском дискурсе В. фон Гумбольдта – это «характер языка». Ученый метафорически «очеловечивает» язык, наделяя его индивидуальными чертами, присущими только человеку. Характер языка подчеркивает неразрывную интердепенденцию духа и нации, в свою очередь подвергаясь влиянию внешней (звуковой) формы языка.

Для цитирования: Жуйкова О. В. Артефактные метафоры как вербальные средства объективации концепта «Язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 177–186. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-177-186.

Изучение метафор с древнейших времен привлекало ученых, еще Аристотель дал первое определение метафоры: «Метафора – перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [2]. В современной когнитивной лингвистике исследование метафоры получило широкое распространение среди зарубежных и отечественных ученых (G. Lakoff, M. Black, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, В. Н. Телия, З. Е. Фомина, А. Н. Баранов и др.).

Метафоры, по мнению Э. Маккормака, отражают «когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы. Новые метафоры изменяют повседневный язык, которым мы пользуемся, и одновременно меняют способы нашего восприятия и постижения мира. Они играют определенную роль в культурной эволюции» [3, с. 360]. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоры являются концептуальными, поскольку они существуют одновременно в двух концептах, сферах, на стыке которых и существует метафора [4]. Немецкий исследователь О. Йекель рассматривает связь между одной исходной сферой и одной конечной сферой как когнитивную модель. «Концептуальные метафоры образуют часто когерентные когнитивные модели: комплексные структуры организации знаний с характером гештальта в качестве прагматических примитивов сложной комплексной реальности. Эти реконструированные посредством когнитивно-лингвистического анализа повседневного языка универсальные когнитивные модели могут считаться культурными мыслительными моделями, которые неосознанно влияют и определяют картину мира определённого языкового сообщества» [5, с. 41]. В современной литературе разграничивают когнитивную и концептуальную метафору. Когнитивная метафора рассматривается как языковое явление, отражающее процесс познания мира [6, с. 136]. Э. В. Будаев определяет концептуальную метафору как «(основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [7, с. 16].

В данном исследовании, на основании теории Дж. Лаккофа, мы понимаем метафору как новое знание, полученное в результате проекции свойств понятий из известной сферы на понятия из менее известной сферы [4].

Актуальность, научную новизну и необходимость обращения к анализу широкого корпуса метафорических гештальтов ключевых реалий (максим) в философских произведениях В. фон Гумбольдта предопределяет, прежде всего, высокая степень метафоричности его языка, характеризующаяся, с одной стороны, индивидуально-авторской спецификой личности немецкого философа, креативностью его мышления, сложностью языковой репрезентации абстрактных сущностей и явлений и т. п., с другой – особенностями немецкой национально-культурной маркированности языковой картины мира В. фон Гумбольдта, а также отражением философско-литературных традиций романтизма.

Философский дискурс В. фон Гумбольдта характеризуется широким спектром метафорических моделей (ММ), к которым, по результатам наших исследований, относятся физиологическая ММ, фитоморфная ММ, ММ света и огня, артефактная ММ. Артефактные метафоры являются не столь частотными по употреблению, но представляют большой интерес.

Значимым является тот факт, что при употреблении В. фон Гумбольдтом лексем *Werkzeug* (инструмент) и *Gewebe* (ткань) в метафорических репрезентациях концепта «Язык» (*Язык*) отмечается больший акцент не на само явление, а на его свойства и признаки.

Причина особого внимания к артефактным реалиям (т. е. предметам, созданным человеком) как к неисчерпаемому источнику метафорических образов определяется весомой ролью артефактных метафор, используемых в разнообразных типах дискурсов в целях вербальной экспликации специфики миропонимания человека и окружающего его мира.

Спектр изучения артефактных метафор весьма широк. Так, в статье Т. А. Зуевой исследуются фразеологические единицы с артефактными компонентами, характеризующие человека в русском языке; анализируется специфика их образной основы; отмечается, что фразеологизмы русского языка, в основе внутренней формы которых лежит артефактная метафора, характеризуют человека с разных сторон: интеллектуальных, личностных, индивидуальных качеств, его социального положения, внешнего вида, речевой деятельности [8]. Некоторые структурно-семантические особенности артефактной метафоры, в частности орудийной, рассматриваются А. В. Нагорной на примере английского языка [9]. Заслуживает внимания изучение специфики артефактных метафор в индивидуально-авторских картинах мира. Например, в фокусе исследования Е. Е. Лебедевой находится научная метафора «ткань языка» в дискурсе П. А. Флоренского, выявляется ключевая роль данной метафоры как формирующего звена мыслетворческой системы П. А. Флоренского – исследователя языка [10].

Итак, артефактные образы мира представляют собой богатую эпистемологическую платформу для сопоставления когнитивных и ассоциативных параллелей с жизнью человека, для выражения его мыслей, чувств, переживаний. Они рассматриваются в различных типах дискурсов, на материале одного языка и в сопоставлении с другими, изучаются с различных теоретических позиций и подходов.

Язык является одним из базовых концептов в философском дискурсе В. фон Гумбольдта, так

как именно *Язык* рассматривается как важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире.

Исследование метафор в философском дискурсе, в частности в философской языковой картине мира В. фон Гумбольдта, находится на данном этапе на стадии разработки. В статье ставится задача изучения артефактных метафор как способа объективации концепта «Язык» в произведении В. фон Гумбольдта «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (*Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, 1836) [1; 11].

В процессе решения данной задачи нами был проведен семантико-когнитивный и контекстуальный анализ философского дискурса В. фон Гумбольдта. Были исследованы языковые средства, использованные ученым при описании такой лингвистической категории, как *Язык*, поскольку именно *Язык* описывается автором в наибольшей степени.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать специфику артефактных метафор, используемых в философском дискурсе В. фон Гумбольдта в целях экспликации базового концепта «Язык»; определить особенности когнитивной структуры и своеобразие концептуальных признаков характеризуемого ими концепта «Язык».

В процессе семантико-когнитивного и контекстуального анализа вербальных средств выражения концепта «Язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта была выявлена концептуальная многогранность архитектоники артефактной метафоры, которая была определена при сопоставлении исходной понятийной области (Артефакт) и новой сферы знания (Язык). Так, когнитивную структуру концепта «Язык», объективированного посредством артефактной ММ, составляют два базовых фрейма: 1) ***«Язык-инструмент»***, 2) ***«Язык-ткань»***, конституируемые определенными слотами. За основу для описания метафорической модели была принята методика А. П. Чудинова:

1) характеристика исходной понятийной области (сферы-источника);

2) характеристика новой понятийной области (сферы-мишени);

3) выделение фреймов, относящихся к данной модели;

4) определение типовых слотов, составляющих каждый фрейм;

5) характеристика компонента (признака), связывающего сферу-источник и сферу-цель [12, с. 70].

Таблица. Когнитивная структура концепта «Язык», объективированного посредством артефактной метафоры

Table. Cognitive structure of the concept "Language" objectified via artifact metaphors

Фреймы	Слоты	Примеры (перевод Г. В. Рамишвили [11])
Язык-инструмент	1.1. Язык – инструмент порождения идей	Eine Nation kann eine unvollkommnere *Sprache zum Werkzeuge einer Ideenerzeugung machen* – Народ может и несовершенный язык сделать инструментом порождения таких идей
	1.2. Язык – инструмент человеческой деятельности	*Sprache, als des Werkzeuges jeder menschlichen Thätigkeit* – Язык как орудие каждой человеческой деятельности
	1.3. Язык – инструмент определенной цели	*die Sprache als ein Werkzeug zu einem Zwecke* – язык как орудие, служащее определенной цели
	1.4. Язык – инструмент индивидуальности	*die Sprachen ... sollten ... den verschiedensten Individualitäten zum Werkzeug ... dienen* – языки должны служить орудием для разнообразнейших индивидуальностей
	1.5. Язык – инструмент развития	die Sprachen, welche die *Werkzeuge* dieser Entwicklung sind – языки, явившиеся инструментами этого развития
	1.6. Язык – инструмент духа	Als Sprache und *Werkzeug des Geistes* – Как язык и орудие духа
Язык-ткань	2.1. Язык – удивительная символическая ткань	in ihr (der Sprache) ganzes wundervolles symbolisches *Gewebe* – удивительная символическая *ткань* языка
	2.2. Язык – огромная ткань	Man kann die Sprache mit einem ungeheuren *Gewebe* vergleichen – Язык можно сравнить с огромной тканью
	2.3. Язык – вся ткань	das ganze *Gewebe* – вся ткань
	2.4. Язык – звуковая ткань	*Tongewebe* der Sprache – звуковая ткань языка

Как следует из представленной выше таблицы, фрейм 1 «ЯЗЫК-ИНСТРУМЕНТ» составляют 6 слотов: 1.1. Язык – инструмент порождения идей; 1.2. Язык – инструмент человеческой деятельности; 1.3. Язык – инструмент определенной цели; 1.4. Язык – инструмент индивидуальности; 1.5. Язык – инструмент развития; 1.6. Язык – инструмент духа.

Метафора *«Язык-инструмент»* отражает онтологическую значимость *Языка* для человека, наделяя его экзистенциональной нагрузкой, т. к. *Язык* – это сущность, без которой человек не может обойтись.

Рассмотрим словарные дефиниции лексемы *Werkzeug* для выделения признаков, формирующих её семантику (по словарю Duden): ***Werkzeug**, das, Wortart: Substantiv, Neutrum 1. Für bestimmte Zwecke geformter Gegenstand, mit dessen Hilfe etwas [handwerklich] bearbeitet oder hergestellt wird* (предмет, формируемый для определенных целей, с помощью которого [вручную] обрабатывается или производится что-либо[1]). *2. Gesamtheit von Werkzeugen, die für eine Arbeit gebraucht werden* (совокупность инструментов, используемых для работы[2]).

Согласно словарным определениям к базовым признакам семантической структуры лексемы *Werkzeug* относятся достижение определенной цели, помощь в действии.

Обратимся к слоту **1.1. Язык – инструмент порождения идей**, который отражает корреляцию языка с духом народа, проявляющегося в идеях: *Eine Nation kann eine unvollkommnere **Sprache zum Werkzeuge einer Ideenerzeugung machen**, zu welcher sie die ursprüngliche Anregung nicht gegeben haben würde, sie kann aber die inneren Beschränkungen nicht aufheben, die einmal tief in ihr gegründet sind* [1, S. 25]. (Народ может и несовершенный язык сделать инструментом порождения таких идей, к каким первоначально не было никаких исходных импульсов, но народ не в силах устранить когда-то глубоко укоренившихся в языке внутренних ограничений [11]).

Данный контекст описывает динамику взаимоотношений *Народа* и *Языка*. *Язык* репрезентируется как объект и категоризируется как инструмент, которым пользуется народ для порождения идей, т. е. язык выступает в роли посредника между нацией и человеческим духом, который проявляется в идеях. Кроме того, В. фон Гумбольдт подчеркивает возвышенную природу языка, отмечая, что народ не может устранить внутреннюю ограниченность в языке, т. е. язык не подвластен народу и может только равно взаимодействовать с ним, не будучи полностью подчиненным народу. *Язык* описывается в дихотомии «Народ – Язык», выполняя функцию объекта, т. е. может быть ведомым народом. *Язык* в своем развитии становится субъектом, способным оказывать противодействие народу, который уже не может влиять на него. В парадигме «Народ – Язык» язык имеет двоякую функцию. Глубоко укоренившись, он имеет глубинные основы и слои на поверхности. Данный слот структурируется признаками, которые позволяют выявить антиномии языка как *субъекта / объекта* в отношении народа, также выделить первичность и вторичность языка.

Следующий слот **1.2. Язык – инструмент человеческой деятельности** характеризует совместное развитие языка с его носителем – народом: *Indem ein Volk der Entwicklung seiner Sprache, als des Werkzeuges jeder menschlichen Thätigkeit in ihm, aus seinem Inneren Freiheiterschafft, sucht und erreicht es zugleich die Sache selbst, also etwas Anderes und Höheres; und indem es auf dem Wege dichterischer Schöpfung und grübeln der Ahndung dahin gelangt, wirkt es zugleich wie der auf die Sprache zurück* [1, S. 45]. (Народ создает свой язык как орудие человеческой деятельности, позволяя ему свободно развернуться из своих глубин, и вместе с тем ищет и обретает нечто реальное, нечто новое и высшее; а достигая этого на путях поэтического творчества и философских предвидений, он в свою очередь оказывает обратное воздействие и на свой язык [11]).

Язык развивается как инструмент человеческой деятельности, выполняющий определенные функции (коммуникативную, когнитивную и т. д.). Язык рассматривается как объект деятельности народа: народ создает язык как орудие и позволяет ему развиваться. Народ, развиваясь, делает совершенным и свой язык. Метафора *«Язык – инструмент человеческой деятельности»* репрезентирует следующие признаки концепта «Язык»: *Язык – развивающееся явление; Язык – объект деятельности народа; Язык – стремление к совершенству.* Следовательно, *Язык* является сущностью, находящейся во взаимодействии с народом, постоянно развивающейся и стремящейся к высшей ступени развития.

Язык является звуковой «оболочкой» мысли, о чем идет речь в следующем примере (слот **1.3. Язык – инструмент определенной цели**): *Auf eine andre Weise lässt sich noch ein, den Charakter der Sprachen bestimmendes Übergewicht der Lautform, ganz eigentlich als solcher genommen, denken. Man kann den Inbegriff aller Mittel, deren sich die Sprache zur Erreichung ihrer Zwecke bedient, ihre Technik nennen und diese Technik wieder in die phonetische und intellectuelle Eintheiten… In dieser Ansicht erscheint die Sprache als ein Werkzeug zu einem Zwecke* [1, S. 116]. (Приоритет звуковой формы как таковой, определяющей характер языков, можно представить себе иным образом. Совокупность

[1] перевод автора.

[2] перевод автора.

всех средств, которыми пользуется язык для достижения своих целей, можно назвать техникой языка и, в свою очередь, подразделить ее на фонетическую и интеллектуальную… С этой точки зрения язык может рассматриваться как орудие, служащее определенной цели [11]).

Звуковая форма языка является приоритетной, т. к. именно она определяет характер языка. «Гумбольдт относит язык к числу тех явлений, которые отражают характер народа. Вместе с тем духовные особенности народов определяют национальное своеобразие языков» [11, с. 45]. Метафора «Язык – инструмент определенной цели» актуализирует познавательную функцию *Языка*, т. е. преобразование мысли в звук. В данном контексте выявлена антропологическая метафора «Язык пользуется». *Язык* выступает заменой человека и «пользуется» своими средствами для достижения цели. Выделение фонетической и ментальной составляющих *Языка* доказывает многокомпонентность структуры языка.

Следует обратить внимание на одно из центральных понятий в дискурсе В. фон Гумбольдта – *характер* языка. Обратившись к словарным дефинициям данного понятия (по словарю Duden), мы выявляем следующие семантические признаки: ***Charakter**, der, Wortart: Substantiv, maskulin. individuelles Geprägeeines Menschen durch er erbte und erworbene Eigenschaften, wie es in seinem Wollen und Handeln zum Ausdruck kommt* (индивидуальные унаследованные и приобретенные человеком качества, которые выражаются в его желании и действии[3]).

Так, характер определяется как индивидуальная черта / качество *человека*. В. фон Гумбольдт же в своем произведении обращается к понятию характера исключительно в отношении языка.

Слот **1.4. Язык – инструмент индивидуальности** объективирует *Язык* как сущность, обладающую характером: *Es scheint aber wunderbar, dass die Sprachen äusser demjenigen, den ihnen ihr äusserer Organismus gibt, sollten einen eigenthümlichen Charakter besitzen können, da jede bestimmt ist, den verschiedensten Individualitäten zum Werkzeug zu dienen* [1, S. 267]. (Вообще говоря, представляется удивительным, что языки, помимо своеобразия внешнего организма, должны иметь еще какой-то самобытный характер, коль скоро назначение любого языка – служить орудием для разнообразнейших индивидуальностей [11]).

В. фон Гумбольдт отмечает, что язык должен обладать такими свойствами, как самобытный характер и своеобразный внешний организм, под которым он понимает звуковую форму языка. При наличии данных свойств язык способен придавать индивидуальностям определенное разнообразие, т. е. звуковая форма языка является основным принципом различия языков. Посредством метафоры «Язык – инструмент индивидуальности» репрезентируются следующие концептуальные признаки *Языка*: *Язык – сущность, обладающая характером; Язык – своеобразие / индивидуальность*. Следовательно, язык рассматривается как сущность, обладающая характером, индивидуальностью.

Язык не только обладает своим характером, но служит критерием для определения характера нации (слот **1.5. Язык – инструмент развития**): *Dadurch nun erhalten die Sprachen, welche die Werkzeuge dieser Entwicklung sind, selbst einen so bestimmten Charakter, dass der der Nation besser an ihnen, als an den Sitten, Gewohnheiten und Thaten jener erkannt werden kann* [1, S. 273]. (Сами языки, явившиеся инструментами этого развития, приобретают настолько определенный характер, что по ним становится легче узнать характер нации, чем по ее нравам, обычаям и деяниям [11]).

Язык как зеркало нации отражает ее характер. Развитие языка происходит одновременно с развитием нации, в результате чего приобретается определенный характер. Характер языка, в свою очередь, отражает характер нации в большей степени, чем его обычаи и традиции. В данном контексте выделяется также антропологическая метафора – *Язык обладает характером*, свойственным человеку, т. е. у него есть свой характер и свои черты, только если *Язык* – инструмент развития. Посредством данной метафоры репрезентируются следующие концептуальные признаки *Языка*: *Язык – индивидуальность; Язык – характер; Язык – нация.*

В. фон Гумбольдт отмечает связь Языка не только с нацией, но и с духом (слот **1.6. Язык – инструмент духа**): *Die Chinesische Sprache gewinnt durchaus nicht bei einer solchen Ansicht. Ihr charakteristischer Vorzug liegt im Gegentheil, wie auch Remusat an derselben Stelle sehr treffend bemerkt, in ihrem, von den andren Sprachen abweichenden Systeme, wenn sie gleich eben durch dasselbe auch mannigfaltiger Vorzüge entbehrt und allerdings, als Sprache und **Werkzeug** des **Geistes**, den Sanskritischen und Semitischen Sprachen nachsteht* [1, S. 462]. (Китайский язык совершенно ничего не выигрывает под таким углом зрения. Его преимущества, напротив, как весьма правильно отмечает и Ремюза в том же месте, заключаются в отличиях его системы от других языков, хотя тем самым он и лишает себя многочисленных других преимуществ и, во всяком случае, как язык и орудие духа уступает санскритским и семитским языкам [11]).

Описывая особенности китайского языка, В. фон Гумбольдт замечает, что санскритские и семитские (т. е. флективные) языки стоят впереди китайского, в частности по связи с духом. Так, В. фон Гумбольдт подчеркивает важнейшую

[3] перевод автора.

роль флексии в языке. Метафора «Язык – инструмент духа» репрезентирует свойства языка как посредника: язык связывает человеческий дух и народ.

Таким образом, на основе метафорического сопоставления *Языка* с инструментом духа В. фон Гумбольдт доказывает посреднические возможности языка (между духом и народом) и его индивидуальный характер.

Понимая язык как деятельность, В. фон Гумбольдт подчеркивает не только динамизм языка, но и его активность. Активность языка проявляется в воздействии его как социального явления на индивидуума: чем индивидуум сознательнее пользуется языком, в соответствии со своими внешними или внутренними потребностями, тем сильнее воздействует язык на его мышление.

Как мы отмечали ранее, В. фон Гумбольдт метафорически репрезентирует концепт «Язык» как особый универсум, сложную, комплексную систему, которой свойственен насыщенный (концентрированный) и многообразный набор концептуальных признаков. Кроме того, сам *Язык* раскрывается как сложная система (ср.: свойства языка – упорядоченность строения, взаимообусловленность составляющих его компонентов и т. п.) [13]. Данные свойства *Языка* репрезентирует и метафора «ЯЗЫК-ТКАНЬ». Оценочные квалификаторы играют важную роль в синтагматических связях метафоры «Язык-ткань», что отражено в названиях слотов: 2.1. Язык – удивительная символическая ткань, 2.2. Язык – огромная ткань, 2.3. Язык – вся ткань, 2.4. Язык – звуковая ткань.

Эмоционально-оценочная парадигма метафоры «Язык-ткань» определяется семиотическим аспектом *(удивительная, символическая)* и физическим аспектом, который рассматривается на уровне части и целого – принцип pars pro toto *(огромная, вся ткань)*.

Обратимся к словарным дефинициям лексемы *Gewebe* (по словарю Duden), вербализующей концепт «Язык», область-цель метафорического сравнения:

***Gewebe**, das, Wortart: Substantiv, Neutrum 1. in bestimmter Weise gewebter, aus sich kreuzenden Fäden bestehender Stoff* (материал, сотканный определенным образом из пересекающихся нитей[4]). *2. (Biologie, Medizin) Verband von Zellen an näher und gleicher Bauart und gleicher Funktion* (соединение клеток приблизительно одного и того же типа и функции[5]).

Из словарных определений лексемы *Gewebe* следует, что ее денотативными признаками являются *связность, многокомпонентность*.

Рассмотрим слот **2.1. Язык – удивительная символическая ткань**, в котором описывается связь Языка и характера нации: *Der Charakter, je mehr er sich veredelt und verfeinert, ebnet und vereinigt die einzelnen Seiten des Gemüths und giebt ihnen, gleich der bildenden Kunst, eine in ihrer Einheit zu fassende, aber den jedesmaligen Umriss immer reiner aus dem Innern hervorbildende Gestalt. Diese Gestaltung ist aber die Sprache durch die feine, oft im Einzelnen unsichtbare, aber in ihr ganzes wundervolles symbolisches **Gewebe** verflochtene Harmonie darzustellen und zu befördern geeignet* [1, S. 19]. (Облагораживаясь и утончаясь, характер выравнивает и объединяет разрозненные стороны человеческого духа, придавая им, подобно тому как это делает изобразительное искусство, цельный образ, предстающий уму законченным единством и вместе с тем каждый раз все яснее вырисовывающийся из сокровенной глубины всеми своими чертами. И именно языку с его тонкой гармонией, в деталях часто неуловимой, но пронизывающей собою всю его удивительную символическую *ткань*, дано воплотить в себе этот цельный образ [11]).

Характер развивается, что отображается у В. фон Гумбольдта высоко метафорично с помощью экспрессивных лексических средств: глаголов *sich verfeinern*, *sich veredeln*; отмечаются тончайшие свойства характера, соединяющие человеческие чувства *(Gemüths)*. В. фон Гумбольдт также сравнивает характер с изобразительным искусством, посредством метафоры *«Характер – изобразительное искусство»*, которая репрезентирует характер как создателя образа (гештальта). А *Язык* представляется тканью / полотном, воплощающим этот образ. В данном контексте с лексемой *ткань* коррелируют такие определения, как *удивительная, символическая*, что дает основания говорить об экспрессивности языковой личности В. фон Гумбольдта и его восторженном отношении к феномену языка.

В слоте **2.2. Язык – огромная ткань** рассматривается многокомпонентная структура *Языка*: *Man kann die Sprache mit einem ungeheuren **Gewebe** vergleichen, indem jeder Theil mit dem andren und alle mit dem Ganzen in mehr oder weniger deutlich erkennbarem Zusammenhange stehen* [1, S. 92]. (Язык можно сравнить с огромной тканью, все нити которой более или менее заметно связаны между собой и каждая – со всей тканью в целом [11]).

Язык представляется как целая система, в которой все элементы неразрывно связаны между собой. Здесь приведен признак взаимозависимости *Языка* и его элементов, где часть выступает вместо целого (pars pro toto). Посредством артефактной метафоры в данном случае актуализируются следующие концептуальные признаки *Языка*: *Язык – объединяющая сущность; Язык – многокомпонентная структура; Язык – система.*

В слоте **2.3. Язык – вся ткань** также рассматривается структура *Языка*, но отмечается его взаимодействие с силой духа: *Durch die Herrschaft des*

[4] Перевод автора.

[5] Перевод автора.

Articulationssinnes wird die Empfänghchkeit sowohl, als die Selbstthätigkeit der sprachbildenden Kraft nicht bloss gestärkt, sondern auch in dem allein richtigen Gleise erhalten; und da diese, wie ich schon oben bemerkt habe, jedes Einzeln ein der Sprache immer so behandelt, als wäre ihr zugleich instinctartig das ganze ***Gewebe****, zu dem das Einzelne gehört, gegenwärtig, so ist auch in diesem Gebiete dieser Instinct im Verhältniss der Stärke und Reinheit des Articulationssinnes wirksam und fühlbar* [1, S. 108]. (Поскольку, как я уже отметил выше, эта языкотворческая сила относится к отдельным элементам языка так, как будто ей инстинктивно была открыта вся ткань, нитями которой являются эти элементы, в данной сфере этот инстинкт ощутимо воздействует на силу и чистоту артикуляционного чувства [11]).

Язык находится под действием языкотворческой силы, т. е. силы духа, т. к., по В. фон Гумбольдту, язык развивается по законам духа. Метафора «Язык – вся ткань» вербализует свойства *Языка* как системы. «Язык в его многообразнейших применениях можно понять только тогда, когда будут рассмотрены его отношения, ибо в отношениях понятий, составляющих язык, и проявляется весь его гений» [11, с. 46]. Язык представляет собой беспрерывную работу духа, стремящуюся превратить артикулированный звук в выражение мысли [11, с. 46]. Дух воздействует на отдельные элементы *Языка* как на всю систему *Языка* (принцип pars pro toto). Концептуальные признаки *Языка*, актуализированные данным слотом: *Язык – система; Язык – многокомпонентность; Язык – взаимодействие с духом.*

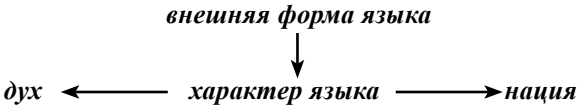
В. фон Гумбольдт отмечает взаимосвязь между Языком, мыслью и чувством (слот **2.4. Язык – звуковая ткань**): *Unläugbar aber liegt in dem geheimen Dunkel der Seelenbildung und des Forterbens geistiger Individualitäte in unendlich mächtiger Zusammenhang zwischen dem Tongewebe der Sprache und dem Ganzen der Gedanken und Gefühle* [1, S. 419]. (Но в темноте, скрывающей формирование души и наследование духовной индивидуальности, бесспорно явной остается бесконечно могущественная взаимосвязь между тканью языка и совокупностью мыслей и чувств [11]).

Язык является звуковой оболочкой мысли, поэтому В. фон Гумбольдт использует метафору «Язык – звуковая ткань», определяя главную для понимания составляющую языка. Корреляция языка с совокупностью мысли и чувств представлена в следующей схеме: ***звуковая ткань ⟷ мысль + чувства***. *Язык* – система, которая вступает во взаимодействие с системой мыслей и чувств, оказывая определенное влияние на формирование индивидуальности.

Как отмечалось ранее (см. слот 1.3.), понятие «Характер языка» является весьма существенным в философии В. фон Гумбольдта. В ходе исследования нами были выявлены следующие признаки характера языка:

1) характер языка самобытен;
2) определяется внешней формой языка;
3) объединяет разные стороны человеческого духа;
4) определяет характер нации.

Представим взаимодействие характера языка с фундаментальными сущностями философии В. фон Гумбольдта в следующей схеме:



Приоритет звуковой (внешней) формы языка определяет характер языка, который в свою очередь выражает характер нации (четче, чем ее культура) и объединяет разные стороны человеческого духа, воплощая их образы в языке.

Таким образом, как показал анализ структуры и семантико-когнитивного содержания артефактной метафорической модели, в ее состав входят два стержневых фрейма: 1) *«Язык-инструмент»*, 2) *«Язык-ткань»*, каждый из которых структурируется доминантными слотами и определенным набором эпистемологических признаков, выявленных нами в процессе анализа метафорической проекции понятия-источника *артефакт* на сферу – мишень «язык». Метафора «Язык-инструмент» репрезентирует взаимосвязь *Языка* и базовых абстрактных концептов «Дух», «Мысль», «Человек». Посредством метафоры «Язык-ткань» *Язык* объективируется как многосложная сущность, релевантными чертами которой являются антропологические качества, среди которых доминируют интеллектуальная и сенсуалистическая составляющие во всем многообразии их проявлений.

В. фон Гумбольдт наделяет *Язык* индивидуальным характером, возвеличивает его глубину, красоту и значимость, подчеркивает неразрывную диалектическую связь с народом, его национальной культурой и духовным развитием. Артефактные метафоры «Язык как инструмент», «Язык как ткань» и другие эксплицируют неисчерпаемый когнитивный и гносеологический потенциал человеческого языка, способного осуществлять разнообразную духовную деятельность. Метафора «Язык как ткань» позволяет представить себе язык как некое глобальное пространство, структурируемое (сотканное) из отдельных элементов, каждый из которых синергетически связан с другими элементами языка, образуя целое, создавая систему, одновременно демонстрируя при этом свою особую (индивидуальную) значимость в реализации мысли и чувств человека.

Литература

1. W. von Humboldt. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836. 414 S.

2. Аристотель. Поэтика. Киев: Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2016. Режим доступа: http://iknigi.net/avtor-aristotel/110580-poetika-aristotel/read/page-1.html (дата обращения: 09.12.2017).

3. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. Общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 358–386.

4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

5. Jäkel O. Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor Applied to Religious Texts // Metaphorik.de. 2002. № 2. P. 20–42. Available at: http://www.metaphorik.de/sites/www.metaphorik.de/files/journal-pdf/02_2002_jaekel.pdf (дата обращения: 29.12.2017).

6. Фомина З. Е. Метафорические репрезентации природы в поэтической картине мира Ингеборг Бахман и Сергея Есенина в аспекте их дифференциации и универсализации // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2012. № 18. С. 135–143.

7. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 16–32.

8. Зуева Т. А. Человек сквозь призму артефактной метафоры в русской идиоматике // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 102–110.

9. Нагорная А. В. Орудийная метафора как средство объективации внутрителесного опыта // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 2. С. 84–96.

10. Лебедева Е. Е. Научная метафора «Ткань языка» в текстах П. А. Флоренского // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 4. С. 37–42.

11. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Пер., под ред. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2001. 400 с.

12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. 248 с.

13. Жуйкова О. В., Фомина З. Е. Специфика метафоризации концепта «Язык» в философском дискурсе Вильгельма фон Гумбольдта // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 2. С. 21–35.

ARTIFACT METAPHORS AS VERBAL MEANS OF OBJECTIVIZATION OF THE CONCEPT "LANGUAGE" IN THE PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF W. VON HUMBOLDT

Oksana V. Zhujkova [a, @, ID]

[a] *Voronezh State Technical University, 14, Moscow Ave., Voronezh, Russia, 394026*
[@] *oxanazhujkova@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0003-4378-6069*

Received 25.02.2018. Accepted 19.07.2018.

Keywords: metaphor, Humboldt, Language, instrument, character, textile, spirit, culture.

Abstract: The research features the metaphorical representations of the language in the individual author's worldview expressed by W. von Humboldt via artifact metaphors. The linguistic personality of the great scientist remains surprisingly understudied, so it seems important to study the language means of verbalizing the basic concepts in his philosophical discourse. The research concentrates on the verbalization of the phenomenon "Language" by means of artifact metaphors in W. von Humboldt's "On the Difference of the Structure of Human Languages and its Influence on the Spiritual Development of Mankind" (Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts, 1836) [1]. The analysis of empirical material included the method of linguocognitive analysis, the method of component analysis based on dictionary definitions, the method of interpretative analysis of contexts, conceptual and semantic-cognitive analysis of artifact metaphors, etc. The article reveals some

features of the cognitive structure of the phenomenon "Language" on the basis of artifact metaphors "language as tool" and "language as fabric". As a result of the research, the frame structure of the artifact metaphorical models of the language concept has been revealed, as well as the ontological components of the language structuring various types of slots. The basic frames "language as tool" and "language as fabric" objectify the concept "Language", represented by the metaphorical model "Artifact" in the philosophical discourse of W. van Humboldt. The "language as tool" metaphor explicates the correlation of Language with such phenomena such as Spirit, Thought, and Man. The metaphorical identification of language and instrument explores the mediatory power of language in relation to Nation and Spirit. The "language as fabric" metaphor objectifies language as a complex entity, whose relevant features are anthropological qualities dominated by intellectual and sensualistic components in the diversity of their manifestations. Individuality is one of the dominant epistemological features of the concept "Language", represented by the artifact metaphorical model in W. von Humboldt's philosophical discourse. The study proves a high degree of metaphoricity of W.vonHumboldt's linguistic worldview as a whole. One of the important concepts in his philosophical discourse is the "character of language". The scientist metaphorically "humanizes" the language, giving it individual features inherent only to human. The character of the language emphasizes the inseparable interdependence of Spirit and Nation, in its turn, being influenced by the external (verbal) form of the language.

For citation: Zhujkova O. V. Artefaktnye metafory kak verbal′nye sredstva ob′′ektivatsii kontsepta «Iazyk» v filosofskom diskurse V. fon Gumbol′dta [Artifact Metaphors as Verbal Means of Objectivization of the Concept "Language" in the Philosophical Discourse of W. von Humboldt]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 177–186. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-177-186.

References

1. W. von Humboldt. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts*. Berlin, 1836, 414.

2. Aristotle. *Poetika* [Poetics]. Kiev: Mul′timediinoe izdatel′stvo Strel′bitskogo, 2016. Available at: http://iknigi.net/avtor-aristotel/110580-poetika-aristotel/read/page-1.html (accessed 09.12.2017).

3. MacCormac E. R. Kognitivnaia teoriia metafory [A cognitive theory of metaphor]. *Teoriia metafory* [Theory of metaphor]. Eds. Arutiunova N. D., Zhurinskaia M. A. Moscow: Progress, 1990, 358–386.

4. Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS, 2004, 256.

5. Jäkel O. Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor Applied to Religious Texts. *Metaphorik.de*, no. 2 (2002): 20–42. Available at: http://www.metaphorik.de/sites/www.metaphorik.de/files/journal-pdf/02_2002_jaekel.pdf (accessed 29.12.2017).

6. Fomina Z. E. Metaforicheskie reprezentatsii prirody v poeticheskoi kartine mira Ingeborg Bakhman i Sergeia Esenina v aspekte ikh differentsiatsii i universalizatsii [Metaphorical representations of nature in the poetic worldview of Ingeborg Bachmann and Sergei Yesenin in the aspect of their differentiation and universalization]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriia: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia = Scientific herald of Voronezh State Architectural and Construction University. Series: Modern linguistic and methodological and didactic studies*, no. 18 (2012): 135–143.

7. Budaev E. V. Stanovlenie kognitivnoi teorii metafory [Development of cognitive theory of metaphor]. *Lingvokul'turologiia = Lingvoculturology*, no. 1 (2007): 16–32.

8. Zueva T. A. Chelovek skvoz′ prizmu artefaktnoi metafory v russkoi idiomatike [People through the prism of the artifact metaphor in the Russian idiom]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriia: Iazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa = Ural Journal of Philology. Series: Language. System. Personality: Creative Linguistics*, no. 2 (2016): 102–110.

9. Nagornaya A. V. Orudiinaia metafora kak sredstvo ob"ektivatsii vnutrennego opyta [The weapon metaphor as a means of objectifying inner-body experience]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of the Pushkin Leningrad State University*, no. 2 (2012): 84–96.

10. Lebedeva E. E. Nauchnaia metafora «Tkan' iazyka» v tekstakh P. A. Florenskogo [The scientific metaphor "language as fabric" in P.A. Florensky's texts]. *Vestnik Pigosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Pyatigorsk State Linguistic University*, no. 4 (2014): 37–42.

11. W. von Humboldt. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu* [Selected Works on Linguistics]. Transl. and ed. Ramishvili G. V. Moscow: Progress, 2001, 400.

12. Chudinov A. P. *Metaforicheskaia mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: UrGTU, 2003, 248.

13. Zhuikova O. V., Fomina Z. E. Spetsifika metaforizatsii kontsepta «Iazyk» v filosofskom diskurse Vil′gel′ma fon Gumbol′dta [Specificity of the metaphorization of the concept "Language" in the philosophical discourse of Wilhelm von Humboldt]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriia: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia = Scientific herald of Voronezh State Architectural and Construction University. Series: Modern linguistic and methodological and didactic studies*, no. 2 (2015): 21–35.

УДК 811.161.1

К ВОПРОСУ ОБ ЭРГОНОМИИ

Мария В. Захарова-Саровская [a, @, ID]

[a] *Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10*
[@] *mitraye@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-8476-9789*

Поступила в редакцию 30.03.2018. Принята к печати 15.08.2018.

Ключевые слова:
оним, ономастика, термин, эргоним, эргонимия, эргонимика, эргонимикон, хрематоним.

Аннотация: Статья посвящена уточнению термина «эргоним» и определению места подобных наименований в ономастической терминологической системе русского языка по сравнению с другими видами онимов. В статье рассматриваются работы отечественных лингвистов в указанной области и делается вывод, что до настоящего времени научно обоснованные критерии разграничения эргонимов и иных разновидностей онимов (урбанонимов, топонимов, хрематонимов) четко не установлены. Предпринята попытка дать комплексное понятие термина «эргоним», позволяющее отличать его от других онимов. Также проводится разграничение понятий «эргонимия» – «эргонимика» – «эргонимикон». Сравниваются термины «эргоним», «ктематоним» и «хрематоним». Понятие «эргоним» уточняется через установление сферы деятельности предприятий, описанных в поле хрематонимии. Разграничиваются наименования предприятий и учреждений по сфере деятельности: маркетинговой, общественной и идейной. Рассматриваются вопросы полевой структуры понятия «эргоним». Выявляются синтагматические и парадигматические или родо-видовые (гиперонимо-гипонимические) отношения эргонимов в терминологической системе ономастики, и проводится системная организация терминов изучаемого поля.

Для цитирования: Захарова-Саровская М. В. К вопросу об эргономии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 187–191. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-187-191.

Среди имен собственных за последние десятилетия своей словообразовательной активностью и многочисленностью выделяется такой важнейший класс имен собственных, как эргонимы. При этом наблюдается разнообразие в толковании самого термина.

Для изучения теории эргонимии, толкования термина «эргоним» и его места в ономастической терминологической системе мы опирались на работы Н. В. Васильевой [1], М. К. Гарвалика [2], А. К. Матвеева [3], Н. В. Подольской [4], В. И. Супруна [5], Е. А. Хамаевой [6]. Как указывает В. И. Супрун, «решающий вклад в становление и развитие русской ономастической терминологии внес словарь Н. В. Подольской (1978, 2-е изд. – 1988)» [5, с. 133]. По его мнению, при любом подходе к уточнению терминов и создании терминологического словаря «словник должен быть составлен с учётом разработок Н. В. Подольской, другое изложение материала внесёт неразбериху в ономастическую терминологию» [5, с. 136].

К настоящему времени большая часть работ в исследуемой области представлена на языковом материале разных регионов и городов России и с учетом разных аспектов языковой теории. Структурно-семантический подход к исследованию эргонимов представлен в работах Т. Н. Алиевой [7], Ф. Ф. Алистановой [8], И. В. Крюковой [9], Т. П. Романовой [10], З. Т. Танаевой [11]. Лексикологическая классификация эргонимов дается в работах Ф. Ф. Алистановой [12], А. М. Емельяновой [13], Н. В. Носенко [14]. Эргонимы в аспекте орфографии изучаются М. Я. Крючковой [15]. Семантику и прагматику исследуют М. Г. Курбанова [16], Н. В. Носенко [14], Е. А. Трифонова [17], Н. В. Шимкевич [18]. При детальном рассмотрении употребления терминов «эргоним», «эргонимия», «эргонимика», «эргонимикон» в приведенных работах наблюдается некоторое несоответствие, требующее разграничения указанных понятий.

Проведем уточнение в употреблении терминов «эргонимика» и «эргонимия» вслед за А. К. Матвеевым, разграничившим дефиниции и устранившим путаницу в употреблении таких терминов, как ономастика и ономатология. Так, исследователь справедливо полагает, что «термин ономатология является более подходящим для обозначения науки о собственных именах, нежели термин ономастика, которым предлагается называть совокупность собственных

имен» [3, с. 7], поэтому под эргонимией мы будем понимать науку об эргонимах, а также совокупность работ по изучению самого понятия. В указанных исследованиях наблюдается путаница в понятиях «эргономикон» и «эргономика». Представляется возможным провести разграничение данных понятий на основе анализа определений и контекста употребления двух терминов. Для описания совокупности работ по изучению конкретных наименований в различных аспектах логично употреблять термин «эргономика», а под эргономиконом же представляется закономерным понимать совокупность самих эргонимов – именований конкретных объектов.

Уточним рабочее определения термина «эргоним», взяв за основу определение Н. В. Подольской из «Словаря русской ономастической терминологии». Автор понимает его как «разряд онима, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [4, с. 18]. Употребление термина «эргоним» показывает, что подавляющее большинство исследователей говорит о термине «эргоним» в контексте урбанистического пространства города. Здесь важно отметить, что сами эргонимы могут употребляться и даже появляться не только в городе, но и в поселке, селе и деревне. Таким образом, эргонимия не является отличительной чертой и характеристикой города, а закрепившаяся в эргонимии ссылка на «ономастическое пространство города» в толковании понятия «эргоним» является некорректной.

Дальнейшее уточнение понятия «эргоним» происходит через определение места термина по отношению к общему видовому и другим родовым понятиям. При рассмотрении родовых понятий целесообразно разделить понятия «эргоним» – «название предприятия» – «бренд» – «хрематоним». Для этого понятие «эргоним» рассмотрим как полевую структуру со своим ядром и периферией, т. е. выявим синтагматические и парадигматические отношения между различными понятиями внутри ономастической системы. Родо-видовые или гиперонимо-гипонимические отношения являются одним из основных проявлений их системной организации и относятся к разряду парадигматических. Системная организация терминов изучаемого поля может быть представлена схематически. Родовым термином (или гиперонимом) по отношению к эргониму является термин «оним». Эргоним по отношению к нему является видом (гипонимом). Согипонимами по отношению к эргонимам являются топонимы (названия географических объектов), антропонимы (имена собственные людей), прагматонимы (названия товаров), геортонимы (названия различных мероприятий) и мн. др. В исследовании М. Г. Курбановой дается схематическое представление таких терминов, как ктематоним, урбаноним, ойкодомоним, фирмоним, эмпороним, рекламное имя [16, с. 29]. Автор также проводит разделение сферы коммерческих и некоммерческих предприятий, попадающих в разряд эргонимов. По ее мнению, эргонимы находятся «на стыке урбанонимов и коммерческой номинации». Эргонимы могут быть названиями учреждений (этим они приближаются к урбанонимам и ойкодомонимам) и «именем без вывески» (названия кружков, сообществ и т. д.)» [16, с. 29].

Отметим, что само терминологическое разграничение онимов постоянно уточняется в ономастической науке. Несмотря на внушительный список лингвистов, занимающихся эргонимикой в различных аспектах, большинство из них отмечают, что до настоящего времени научно обоснованные критерии разграничения эргонимов и иных разновидностей онимов (урбанонимов, топонимов, хрематонимов) четко не установлены. В многочисленных ономастических исследованиях возникает номинативная пестрота, отсюда вырастает потребность в координировании, особенно на межъязыковом уровне. В 2004 г. Международным ономастическим советом (International Council of Onomastic Sciences – ICOS) создана специальная Терминологическая группа, разработавшая и опубликовавшая на сайте организации основные списки терминов на нескольких языках (английском, немецком и французском) [1, с. 374]. Координирование терминологии, согласно мнению Терминологической группы ICOS, это не унификация, а такое упорядочение, которое делает возможным сопоставление с терминосистемами на других языках [2, с. 9].

Рассмотрим термин «хрематоним» и его соотнесенность с эргонимом. По мнению А. К. Галковского, хрематоним – это «множество проприальных единиц, номинирующих различные материальные и нематериальные культурные объекты, в особенности – значимые для современной цивилизации (например, предметы быта, торговли, искусства, общественные структуры, созданные для конкретных целей, проекты, фестивали и пр.)» [19, с. 76]. Таким образом, термины «ктематоним» и «хрематоним» – синонимы, они являются видовыми по отношению к термину «эргоним». Среди хрематонимов А. К. Галковский выделяет три базовые номинативные группы: маркетинговую, общественную и идейную. К маркетинговой хрематонимии относятся имена собственные, обозначающие продукты, марки, фирмы, общественные и хозяйственные учреждения. Общественная хрематонимия включает обозначения формальных и неформальных групп, граничащие с коллективной антропонимией и широко понимаемые хрематонимией. К идейной хрематонимии относятся названия предприятий, которые в самом общем виде осмысляются на фоне разного рода событий (формальных и тематических) и в дальнейшем реализуются

в художественной, медийной, образовательной, научной, благотворительной, религиозной, развлекательной, военной и других перспективах [19, с. 76]. Представленная А. К. Галковским классификация объединяет разные взгляды на статус хрематонимии, разработана на широком материале славянских и европейских работ по ономастике и является утвержденной в славянском (и шире) европейском ономастическом научном сообществе на фоне многообразия толкования многочисленных понятий ономастической системы.

Таким образом, на основе примеров использования термина «эргоним», рассмотрения контекстов его употребления в научной литературе и анализа родо-видовых отношений терминов ономастического поля можно дать уточненное толкование понятия «эргоним». На наш взгляд, представляется целесообразным под эргонимом понимать особый разряд онимов, обозначающих собственные имена предприятий, учреждений и объектов культуры, различных по сфере деятельности: маркетинговой, общественной и идейной. Маркетинговая сфера является самой многочисленной, сюда относятся производственные учреждения и коммерческие предприятия (агентства, банки, магазины, фирмы), общественная эргонимика включает названия научных, учебных учреждений, сами объекты культуры (кинотеатры, клубы, развлекательные центры, театры, парки), спортивные заведения (комплексы, стадионы, центры), а идейная эргонимика охватывает названия политических партий, военных, благотворительных, религиозных объединений людей. Для всех этих разнородных по сигнификатам коммерческих и некоммерческих наименований целесообразно использовать один термин – эргоним.

Дальнейшие исследования в области эргонимии и эргонимики целесообразно проводить в области уточнения классификации хрематонимов – ктематонимов, составления уточненной схемы отношений терминов указанного поля, выявления системных связей внутри ономастической терминологической системы, составления схемы системной организации терминов изучаемого поля. Перспективными представляются вопросы, связанные с описанием эргонимов как единиц ономастического пространства языка с точки зрения коммуникативной, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, а также психолингвистические исследования, связанные с раскрытием специфики восприятия и понимания нейминговых образований.

Литература

1. Васильева Н. В. О координировании ономастической терминологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2-1. С. 373–377.

2. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 5–13.

3. Матвеев А. К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 5–10.

4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

5. Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8. С. 133–138.

6. Хамаева Е. А. О современном состоянии ономастической терминологии в китайской и русской лингвистиках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 4. С. 148–152.

7. Алиева Т. Н. Аббревиатурные неологизмы современного русского языка конца 90-х годов XX–XXI веков: семантико-деривационный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Спб., 2003. 34 с.

8. Алистанова Ф. Ф. Особенности образования современных эргонимов лексико-синтаксическим способом и аббревиацией // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-1. С. 56–58.

9. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентов: дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 360 с.

10. Романова Т. П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5/2. С. 203–214.

11. Танаева З. Т. Аббревиатурные эргонимы г. Махачкалы как многоуровневая система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012. 22 с.

12. Алистанова Ф. Ф. Обновленная лексикологическая классификация эргонимов-неологизмов // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4. С. 265–268.

13. Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2007. 170 с.

14. Носенко Н. В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 218 с.

15. Крючкова М. Я. Многокомпонентные эргонимы в аспекте орфографии: проблема совершенствования нормы правописания: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 199 с.

16. Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 191 с.

17. Трифонова Е. А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика: на материале русских и английских эргонимов: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 247 с.

18. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд филол. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.

19. Галковский А. К вопросу о диапазоне хрематонимии (пер. с польск. Ю. А. Кривощаповой) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Международной научной конференции (7–11 сентября 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 76–77.

REVISITING THE PROBLEM OF ERGONYMY

Maria V. Zakharova-Sarovskaya [a, @, ID]

[a] *Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10, Plakhotnogo St., Novosibirsk, Russia, 630108*
[@] *mitraye@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-8476-9789*

Received 30.03.2018. Accepted 15.08.2018.

Keywords: onym, onomastics, term, ergonym, ergonymy, ergonymics, ergonymicon, chrematonym.

Abstract: The paper specifies the term "ergonym" and its place in the onomastic terminological system of the Russian language. A number of relevant studies performed by Russian linguists have allowed the author to conclude that there are no scientifically grounded criteria for distinguishing ergonyms from other varieties of onyms, i.e. urbanonyms, toponyms, chrematonyms, etc. The article introduces a complex definition of ergonym that distinguishes it from other types of onyms, in particular, from chrematonyms and ktematonyms. The author also specifies the difference between such concepts as ergonymy, ergonymics, and ergonymicon and clarifies the concept of ergonym through the business profiles of the enterprises described in the field of chrematonymy: marketing, public and ideological. The study features the field structure of the concept of ergonomics and describes the syntagmatic and paradigmatic, or genus-species (hyperonymic-hyponymic), relations of ergonyms in the terminological system of onomastics, as well as their systemic organization.

For citation: Zakharova-Sarovskaya M. V. K voprosu ob ergonomii [Revisiting the Problem of Ergonymy]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 187–191. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-187-191.

References

1. Vasilyeva N. V. O koordinirovanii onomasticheskoi terminologii [On the coordination of onomastic terminology]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 2-1 (2014): 373–377.

2. Garvalik M. K voprosu o sovremennoi onomasticheskoi terminologii [On the matter of modern onomastic terminology]. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, no. 4 (2007): 5–13.

3. Matveev A. K. Onomastika i onomatologiia: terminologicheskii etiud [Onomastics and Onomatology: Terminological Study]. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, no. 2 (2005): 5–10.

4. Podol'skaia N. V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Ed. Superanskaia A. V. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1988, 192.

5. Suprun V. I. Razmyshleniia nad onomasticheskoi terminologiei [Reflections on onomastic terminology]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 8 (2011): 133–138.

6. Khamaeva E. A. O sovremennom sostoianii onomasticheskoi terminologii v kitaiskoi i russkoi lingvistikakh [On current condition of onomastic terminology in Chinese and Russian linguistics]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University,* no. 4 (2009): 148–152.

7. Alieva T. N. *Abbreviaturnye neologizmy sovremennogo russkogo iazyka kontsa 90-kh godov XX–XXI vekov: semantiko-derivatsionnyi aspekt*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [The abbreviation neologysms of the modern Russian language in the 1990–2000s: semantical-derivative aspect. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2003, 34.

8. Alistanova F. F. Osobennosti obrazovaniia sovremennykh ergonimov leksiko-sintaksicheskim sposobom i abbreviatsiei [The peculiarities of formation of modern ergonyms by lexico-syntactic method and abbreviation] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, no. 5-1 (2017): 56–58.

9. Kriukova I. V. *Reklamnoe imia: ot izobreteniia do pretsedentov.* Diss. doktora filol. nauk [Advertising name: from invention to precedent. Dr. Philol. Sci. Diss.]. Volgograd, 2004, 360.

10. Romanova T. P. Sistema sposobov slovoobrazovaniia reklamnykh sobstvennykh imen [The system of ways of word-formation of advertising proper names]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Samara State University*, no. 5/2 (2007): 203–214.

11. Tanaeva Z. T. *Abbreviaturnye ergonimy g. Makhachkaly kak mnogourovnevaia sistema*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Abbreviated ergonyms of the city of Makhachkala as a multi-level system. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Makhachkala, 2012, 22.

12. Alistanova F. F. Obnovlennaia leksikologicheskaia klassifikatsiia ergonimov-neologizmov [The updated lexicological classification of ergonyms-neologisms]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia = The World of Science, Culture, Education*, no. 4 (2015): 265–268.

13. Emel'ianova A. M. *Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda (na primere nazvanii delovykh, kommercheskikh, kul'turnykh, sportivnykh ob"ektov g. Ufy).* Diss. kand. filol. nauk [Ergonomics in the linguistic landscape of a polyethnic city (by the example of business, commercial, cultural, sporting objects in Ufa). Cand. Philol. Sci. Diss.]. Ufa, 2007, 170.

14. Nosenko N. V. *Nazvaniia gorodskikh ob"ektov Novosibirska: strukturno-semanticheskii i kommunikativno-pragmaticheskii aspect.* Diss. kand. filol. nauk [Names of city's objects of Novosibirsk: structure-semantical and communicative-pragmatical aspects. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Novosibirsk, 2007, 218.

15. Kriuchkova M. I. *Mnogokomponentnye ergonimy v aspekte orfografii: problema sovershenstvovaniia normy pravopisaniia.* Diss. kand. filol. nauk [Multicomponent ergonyms in the aspect of spelling: problem of word creation and spelling norms. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Volgograd, 2003, 199.

16. Kurbanova M. G. *Ergonimy sovremennogo russkogo iazyka: semantika i pragmatika.* Diss. kand. filol. nauk. [Ergonyms of the Modern Russian language). Cand. Philol. Sci. Diss.]. Volgograd, 2015, 191.

17. Trifonova E. A. *Nazvaniia delovykh ob"ektov: semantika, pragmatika, poetika: na materiale russkikh i angliiskikh ergonimov*. Diss. kand. filol. nauk [Names of business objects: semantics, pragmatics, poetics: on the material of Russian and English ergonyms. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Volgograd, 2006, 247.

18. Shimkevich N. V. *Russkaia kommercheskaia ergonimiia: pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty*. Avtoref. diss. kand filol. nauk [Russian commercial ergonomics: pragmatic and lingvokulturologicheskie aspects. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Ekaterinburg, 2002, 22.

19. Galkovskii A. K voprosu o diapazone khrematonimii (per. s pol'sk. Iu. A. Krivoshchapovoi) [On the problem of the chremonymy range (translated from Polish by Yu. A. Krivoshapova)] *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiia: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (7–11 sentiabria 2015 g.)* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proc. III Intern. Sc. Conf. (September 7–11, 2015)]. Ekaterinburg, 2015, 76–77.

УДК 811.111:801.6

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОСОДИИ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И ФЕНОМЕН ЭМФАТИЧЕСКОЙ ДОЛГОТЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Алевтина Т. Козлова [a, @, ID]

[a] *Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 295007, Россия, г. Симферополь, пр-т акад. Вернадского, 4*
[@] *alevtina1650@list.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-6004-8645*

Поступила в редакцию 05.03.2018. Принята к печати 19.07.2018.

Ключевые слова: просодия, побудительное высказывание, межструктурный, межстилевой, эмфатическая долгота, призыв.

Аннотация: В статье рассматривается один из факторов успешного речевого воздействия, которым является устное побудительное высказывание – призыв. Предметом изучения явились устные прямоконтактные призывы, архитектоника и языковая организация которых соответствовали литературной норме английского языка. Цель исследования состояла в выявлении и описании темпорального компонента просодии побуждения. При этом применялись следующие методы: аудитивный, электроакустический, математико-статистический. В результате экспериментально-фонетического исследования были выявлены четыре просодические модели призывов, изученные на межструктурном и межстилевом уровнях. Была определена степень темпоральной флуктуации и идентифицирован феномен эмфатической долготы. Это позволяет сделать вывод о наличии последнего параметра как основной темпоральной характеристике просодии побуждения. Темпоральная вариативность во фразе и ее функциональных сегментах в разных просодических структурах и в определенных экстралингвистических условиях позволила нам выявить набор абсолютных и стиледифференцирующих маркеров данной просодической подсистемы. На практике результаты данного исследования могут применяться при составлении спецкурсов, написании пособий по фонетике, при обучении коммуникативно-ориентированным высказываниям в вузе, а также при составлении алгоритмов автоматического распознавания и синтеза речи.

Для цитирования: Козлова А. Т. Темпоральная специфика просодии побудительных высказываний и феномен эмфатической долготы в английском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 192–196. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-192-196.

В обстановке обострения политической ситуации в мире, нагнетания русофобии, негативного освещения международными СМИ деятельности России как в своей стране, так и за рубежом, становятся особенно актуальными исследования в области проблем речевого воздействия, изучения факторов успешного / неуспешного речевого воздействия на умы, сердца и чувства людей [1, с. 139].

Одним из таких факторов является устное побудительное высказывание – призыв, т. к. его непосредственное предназначение состоит в оказании внелингвистического влияния на реципиентов с тем, чтобы они смогли скоррелировать свою деятельность в соответствии с выдвинутыми в призыве требованиями, т. е. «присоединению аудитории к точке зрения оратора» [2, с. 57].

В лингвистике призыв определяют как побудительное прагматически ориентированное высказывание, и в разных типах речи его просодическая вариативность обуславливается и языковыми, и экстралингвистическими факторами, такими как энергия говорящего, эмоциональная насыщенность высказывания, которая определяется «квантификативностью и установкой» [1, с. 139]. Здесь проявляется в полной мере прагматическая функция просодии, поскольку она является маркером конкретного типа речевого акта, «причем без знания ситуации общения воспринимающему текст понятны лишь два его аспекта – синтактика и семантика; при определении прагматической стороны смысл текста воспринимается в полном объеме» [3, с. 62], и чтобы «правильно воздействовать на партнера и получить ожидаемый результат, необходимо просодически верно его оформить» [4, с. 155].

В данном экспериментально-фонетическом исследовании изучению подвергались устные прямоконтактные призывы, архитектоника и языковая организация которых соответствовала литературной норме английского языка. Цель предлагаемой статьи состоит в выявлении и описании только

темпоральных характеристик просодии английских призывов, специфики их проявления в достижении максимально адекватного воздействия на слушателей.

Призывы были изучены в трех типах речи: в митинговой (далее М); в немитинговой публичной (далее НМ); в непубличной официальной (далее НО) (классификация Ю. А. Дубовского [5, с. 139]). Экспериментально были идентифицированы четыре просодические структуры призывов, а именно: 1) моноцентрические немаркированные; 2) бицентрические немаркированные; 3) маркированные типа А; 4) маркированные типа Б, поэтому результаты специфики темпоральных характеристик будут описаны далее на межструктурном и межстилевом уровнях.

Известно, что темп является надежным маркером фоностилистических высказываний. По мнению А. Л. Трахтерова, «различные особенности темпа речи … тесно связаны со стилем произношения, смысловыми оттенками и структурой синтагмы» [6].

Особое внимание в нашем исследовании уделялось изучению степени темпоральной флуктуации и выявлению характеристик эмфатической долготы. Последняя является типичной в призывах разных речевых типов. Исследовалась среднеслоговая длительность функциональных сегментов, а также фразы в целом, устанавливались соотношения длительности ядерных слогов к первому ударному и последнему предударному слогам в шкале и к заядерному слогу.

Так, межстилевое сопоставление темпоральных характеристик моноцентрических структур показало, что в М длительность в отдельных сегментах и фразе в целом наибольшая сопоставительно с другими типами речи. Меньшими показателями длительности отмечены сегменты и фразы в НМ и НО. Темпоральные признаки в М наиболее контрастны по сравнению с НМ и НО.

Сопоставление длительности ядерного слога к разным слогам фразы, позиционно регламентированным, способствует в определенной мере выявлению более точных темповых характеристик. Изучение отношения длительности ядерного слога в моноцентрических структурах и 1 ударного слога шкалы выявило максимальную степень реализации положительного или равного соотношения данных слогов в М, затем в НМ и НО, причем частотность отрицательного соотношения увеличивается от М, НМ и НО. Процентное соотношение было высчитано на примере пяти тысяч призывов английского языка, полученных из материалов СМИ, а именно из периодических изданий, журналов и газет *Morning Star*, *Daily World*, *Financial Times*, *Guardian*, *Peoples' World*, *Times*, а также из выступлений по британскому телевидению и радио.

При сопоставлении длительности ядерного и последнего предударного слогов были выявлены контрастные отношения во всех типах речи. Длительность ядерного слога всегда больше длительности последнего предударного в несколько раз, либо иногда идентична (НМ). В НО их контраст более очевиден (3,6:1). Соотношение длительности ядерного и заядерного слогов показало, что длительность ядерного слога в основном меньше или равна длительности заядерного. Положительное соотношение длительности данных единиц наблюдалось только в НО.

Рассмотрим бицентрические структуры, причем «наиболее удачным способом определения размера интонационной фразы является измерение ее длительности в миллисекундах» [7, с. 143]. Межстилевое исследование показало, что только в М длительность фраз увеличивается к концу фразы. Характер модификации длительности данных фраз в НМ и НО однотипен, поскольку к середине фразы длительность увеличивается, к концу несколько уменьшается. Длительность ядерного и 1 ударного слога равна. Только в НМ зарегистрировано наличие отрицательного соотношения, т. к. длительность ядерного слога меньше длительности 1 ударного слога шкалы. Усредненные значения положительных соотношений в разных речевых типах вариативны. Наибольший контраст их длительность составляет в НО (2,2:1).

Соотношение длительности ядерного и последнего предударного слога шкалы более контрастно во всех стилях речи. Наибольшая дифференциация наблюдается в М (3,84:1). Длительность ядерного слога в основном меньше заядерного (0,83:1). В НМ и НО длительность ядерного всегда больше или равна заядерному.

Фразы структур призывов типа А в М и НМ произносятся в средней или малой зонах длительности. В НО зафиксирована только малая зона. Для ядер характерна увеличенная и средняя зоны во всех стилях речи. В заядерной части предпочтительны средняя и малая зоны. Следует заметить, что все вышеназванные рекуррентные зоны для каждого сегмента в отдельном речевом типе флуктуируют по степени частотности.

Отношение длительности ядерной и заядерной частей в исследуемых типах речи всегда положительно в структурах типа А. В М оно составляет 1,4:1, в НМ – 1,5:1, в НО – 1,85:1. Следовательно, контраст длительности данных сегментов увеличивается от М, НМ до НО. Максимальная длительность зарегистрирована в начале фразы, в ядре. Постепенно она уменьшается к концу фраз, к последнему заядерному слогу.

В М во фразах структур типа Б предпочтительны средняя, реже – малая зоны длительности. В предшкалах преобладает малая зона, но достаточно рекуррентна и минимальная. В первом проминантном элементе частотны средняя и максимальная

в равновеликой вероятности, менее частотны – малая и увеличенная. Во втором проминантном элементе более вероятна средняя зона, затем максимальная и малая. Усредненные цифровые значения обоих вышеупомянутых элементов идентичны, они соотносятся как 1:1. Заядерная часть описываемых фраз в М произносится преимущественно в средней зоне, а доля увеличенной и максимальной одинакова.

Отношение длительности заядерной части и предшкалы контрастно. Длительность заядерной части превышает длительность предшкалы в 3,8 раза. Заядерная часть и оба проминантных элемента характеризуются идентичной длительностью.

При межстилевом сравнении данного параметра оказалось, что фразы структур типа Б произносятся в средней или малой зонах во всех типах речи:

− в предшкалах в М, НМ, НО информативны только малая и минимальная зоны, флуктуирует их частотность;

− самая большая длительность во фразе зарегистрирована в обоих проминантных элементах, причем значения ее в этих элементах идентичны 1:1. Однако здесь необходимо сказать, что максимальная длительность реализуется не в идентичных зонах в разных типах речи. Если в М и НМ в двух названных элементах рекуррентна максимальная зона, то в НО – малая, увеличенная и средняя;

− усредненные цифровые значения одноименных зон первого проминантного элемента в основном наибольшие в М, уменьшаются они в НМ и НО;

− цифровые значения длительности второго подобного элемента в сравниваемых типах речи вариативны;

− в заядерной части в М и НМ превалирует средняя зона длительности, а в НО встречается только малая;

− длительность заядерной части в М равна длительности каждого проминантного элемента, в НМ и НО она меньше, наибольшая флуктуация зарегистрирована в НО;

− длительность заядерной части всегда характеризуется отношениями увеличения по отношению к длительности предшкал. Соотношение их длительности наиболее контрастно в М.

Темпоральная специфика призывов проявляется также и в своеобразной реализации маркированных слогов. Маркированность слогов отразилась в их эмфатической долготе, которая была зафиксирована на полисиллабических участках речевого отрезка. По мнению ряда ученых [1; 5; 8; 9], эмфатическая долгота – это значительно увеличенная по сравнению с ожидаемой при данном типе речи длительность одного или нескольких звуков в слоге. В М на акустическом уровне зарегистрировано 91,6 % фраз с эмфатически долгими звуками, в НМ – 85,2 %. В НО – 89,3 %.

Например:

в **М**: [S æ ŋ к ʃ ə n z n au!] || мс

50·200·38·43 48·80·95 44 40·900

в **НМ**: L e t ʌ s s i: t i: tʃ ə z ə p ei d | пауза |

38 100·25 70·56 38 124 55·84 45 52·44 85 30·400·50 250

в **НО**: s t e p ʌ p d r ai v / пауза / t ə s t ɔ p n ju: k s || мс

50·30·84·40 94·56 30·20·550·30 150 60 56·44·80·48 100·140·130·80

Эмфатическая долгота изучалась в разных типах речи на уровне дифтонгов, исторически долгих и кратких гласных, а также в консонантах. В последних данное явление удалось установить лишь в небольшом количестве призывов (6–8 %). Следует отметить, что эмфатическая долгота позиционно не регламентирована, но чаще всего она находит свое проявление в слогоносителе.

Наиболее контрастная длительность эмфатически долгих дифтонгов по сравнению со среднезвуковой длительностью фразы обнаруживается в НМ и НО, где она превышает последнюю соответственно в 4 и 3,94 раза. В М – только в 2,33 раза. Максимальный контраст соотношения усредненной длительности исторически долгого гласного и длительности однотипных неэмфатических звуков возможен в НМ, затем в НО и М. Их соотношение выражается соответственно: 3,47; 2,69; 2,22.

Для НО наиболее характерна дифференциация длительности долготы исторически краткого гласного и среднезвуковой длительности фразы. Их соотношение составило в НО 2,82, в НМ – 2,68, в М – 2,24.

Соотношение эмфатически долгого константа к среднезвуковой длительности фразы почти тождественно в исследуемых типах речи. В М – 2,45, в НМ – 2,5, в НО – 2,52.

Следует отметить, что соотношение длительности эмфатически долгого звука к предшествующему наиболее контрастно в НО, где оно составило 8,86, в НМ – 8,25, в М – 6,47.

Исходя из вышеизложенного, мы сочли возможным прийти к следующим выводам:

− в М эмфатическая долгота любого звука отличается меньшей степенью выраженности по сравнению со среднезвуковой длительностью в других типах речи, поскольку здесь среднезвуковая длительность фраз больше. Это подтверждает наши рассуждения о характере темповых изменений в данном типе речи;

− наибольшими контрастами соотношений эмфатически долгого звука к среднезвуковой длительности фразы отмечены НМ и НО;

− эмфатическую долготу можно рассматривать в качестве одного из типичных признаков призывов.

Результаты проведенного экспериментально-фонетического исследования просодии призыва в темпоральном аспекте позволило сделать вывод о том, что к ядерным просодическим признакам призыва относятся эмфатическая в той или иной степени реализация структур, темпоральная растяженность проминантных слогов. К группе

вторичных признаков немаркированных моноцентрических структур относится различный характер модификации длительности на протяжении фразы (в М и НМ – увеличение к завершению, в НО – уменьшение). В бицентрических немаркированных структурах зафиксирован дифференцированный характер модификации длительности во фразе (в М – увеличение к концу, в НМ и НО – увеличение к середине, уменьшение к завершению).

Наиболее контрастными темпоральными характеристиками по сравнению с другими структурами призывов отмечена маркированная моноцентрическая структура типа А. Такая структура со сдвинутым влево ядром свойственна эмфатической речи. Этот феномен и обуславливает специфику темпоральных характеристик подобной структуры во всех исследованных типах речи. Наиболее проминантными просодическими характеристиками в изучаемой подсистеме обладает ядро. Оно несет в себе наибольшую функциональную нагрузку и обеспечивает максимальную длительность. Темпоральные показатели структур типа А отличаются однотипным характером, уменьшаясь к концу фразы.

В маркированной структуре типа Б длительность обладает константным характером на протяжении всей фразы. Вместе с тем исследование показало, что условия реализации призыва значительно модифицируют его темпоральную специфику. Так, в митинговой речи длительность ядерного слога больше или равна длительности первого ударного слога и всегда больше длительности последнего предударного слога шкалы. Длительность заядерного слога часто превышает длительность ядерного, хотя встречаются случаи меньшей длительности первого упомянутого слога. В данном типе речи зарегистрирована максимальная рекуррентность эмфатически долгих звуков сравнительно с другими типами речи, однако здесь эмфатическая долгота обладает наименьшей степенью выраженности сопоставительно с НМ и НО.

Для немитинговой публичной речи характерны наименьшая длительность в предшкалах сопоставительно с другими сегментами, локализация максимальной длительности в ядре, иногда в заядерной части (в моноцентрических структурах). Вероятность встречаемости эмфатически долгих звуков уменьшается по сравнению с М, однако НМ отмечен наибольшим контрастом длительности эмфатически долгого дифтонга и исторически долгого гласного по отношению к среднезвуковой длительности фразы.

Для непубличного официального призыва типичен однотипный характер модификации длительности во фразе – уменьшение к завершению (кроме структур типа Б), наименьшая частотность эмфатически долгих звуков. В НО зафиксирован максимальный контраст эмфатически долгих звуков по отношению к среднезвуковой длительности фразы.

Обобщая вышеизложенное, мы можем сказать, что просодические темпоральные характеристики английского призыва дифференцируются как на межструктурном, так и на межстилевом уровнях, в особенности в оппозиции маркированные / немаркированные просодические структуры. Маркированные просодические структуры как эмфатические способствуют в большей мере созданию апеллятивного эффекта в высказывании. Маркированные и немаркированные структуры в совокупности со средствами других уровней языка (грамматического, стилистического) обеспечивают адекватную экспликацию побудительного высказывания в разных экстралингвистических условиях, обеспечивая тем самым успешное воздействие речевого феномена.

Литература

1. Дубовский Ю. А. Вопросы просодии устного текста. Минск: МГПИИЯ, 1975. 294 с.

2. Блох М. Я., Фрейдина Е. Л. Публичная речь и ее просодический строй. М.: Прометей, 2011. 236 с.

3. Великая Е. В. Просодия в стилевой дифференциации языка. М.: Прометей, 2009. 256 с.

4. Беленикина Л. Н. Полифункциональность речевой просодии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 10. С. 155–160.

5. Дубовский Ю. А. Анализ-синтез-анализ просодии устного текста и его составляющих: дис. … д-ра филол. наук. Минск, 1978. 427 с.

6. Трахтеров А. Л. Английская фонетическая терминология. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1962. 347 с.

7. Постникова Л. В. Просодические категории английского языка: специфика реализации в британском и в американском контекстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2012. № 634. С. 139–151.

8. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 372 с.

9. Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига: Зинатне, 1974. 272 с.

TEMPORAL CHARACTERISTICS OF PROSODY IN IMPERATIVE UTTERANCES AND THE PHENOMENON OF EMPHATIC LENGTH IN THE ENGLISH LANGUAGE

Alevtina T. Kozlova [a, @, ID]

[a] *V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4, Acad. Vernadsky Ave., Simferopol, Russia, 295007*
[@] *alevtina1650@list.ru*
[ID] *https://orcid.ord/0000-0001-6004-8645*

Received 05.03.2018. Accepted 19.07.2018.

Keywords: prosody, imperative utterance, inter-structural, inter-style, emphatic length, appeal.

Abstract: The paper focuses on one of the most effective factors of linguistic manipulation, i.e. imperative utterance. The subject of the study was direct contact appeals, whose structures corresponded to the literary norms of the English language. The research determined and described the temporal component of imperative prosody. The author employed electro-acoustic, mathematical and statistical methods. The phonetic experiment revealed four prosodic structures, as well as their inter-structural and inter-style levels, the degree of temporal fluctuation and the phenomenon of emphatic length, the latter being recognized as the basic temporal feature of imperative prosody. Temporal variation in a phrase and its functional segments in different prosodic structures and in certain extralinguistic conditions convincingly demonstrates the set of absolute and interstyle markers of this prosodic subsystem. In practice, the results of the present research can be applied in teaching communicatively oriented utterances and in making up the algorithm of automatic speech recognition and synthesis.

For citation: Kozlova A. T. Temporal′naia spetsifika prosodii pobuditel′nykh vyskazyvanii i fenomen emfaticheskoi dolgoty v angliiskom iazyke [Temporal Characteristics of Prosody in Imperative Utterances and the Phenomenon of Emphatic Length in the English Language]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 192–196. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-192-196.

References

1. Dubovskii Iu. A. *Voprosy prosodii ustnogo teksta* [Questions of prosody of oral text]. Minsk: MGPIIIa, 1975, 294.

2. Blokh M. Ia., Freidina E. L. *Publichnaia rech′ i ee prosodicheskii stroi* [Public speech and its prosodic system]. Moscow: Prometei, 2011, 236.

3. Velikaia E. V. *Prosodiia v stilevoi differentsiatsii iazyka* [Prosody in style differentiation of the language]. Moscow: Prometei, 2008, 256.

4. Belenikina L. N. Polifunktsional'nost' rechevoi prosodii [Polyfunctional nature of speech prosody]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series Humanities*, no. 10 (2010): 155–160.

5. Dubovskii Yu. A. *Analiz-sintez-analiz prosodii ustnogo teksta i ego sostavliaiushhikh.* Diss. doktora filol. nauk [Analysis-synthesis-analysis of the prosody of the oral text and its components. Dr. Philol. Sci. Diss.]. Minsk, 1978, 427.

6. Trakhterov A. L. *Angliiskaia foneticheskaia terminologiia* [English Phonetic Terminology]. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh iazykakh, 1962, 347.

7. Postnikova L. V. Prosodicheskie kategorii angliiskogo iazyka: spetsifika realizatsii v britanskom i v amerikanskom kontekstakh [Prosodic categories of English: peculiarities of realization in British and American contexts]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, no. 634 (2012): 139–151.

8. Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury, 1960, 372.

9. Tseplitis L. K. *Analiz rechevoi intonatsii* [Analysis of speech intonation]. Riga: Zinatne, 1974, 272.

УДК 811.112.2

ПРЕДИКАТИВНЫЕ «ЭЛЛИПСЫ» НА ПЕРИФЕРИИ ПОЛЯ ПРЕДИКАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Елена В. Лобановская [a, @]***; Светлана В. Муратова*** [a]

[a] *Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31А*
[@] *lobanovskayaev@mail.ru*

Поступила в редакцию 21.03.2018. Принята к печати 16.05.2018.

Ключевые слова: логико-грамматическая категория предикативности, предикативный знак, центр поля предикативности, периферия поля предикативности, синкретичные средства предикативности, тесные экспликативные синтагмы, копулятивные композиты, детерминативные композиты, предикативный эллипс.

Аннотация: Тема данной статьи – коммуникативное поведение логико-грамматической категории предикативности, способы ее реализации в речи, полевая организация важнейшей категории предложения на материале современного немецкого языка. Основное внимание уделяется средствам, формирующим периферийную область поля предикативности. Объектом исследования является категориальное значение предикативности, которое основывается на рассмотрении языкового явления в направлении от значения (приписывание признака предмету) к форме (эксплицитный и имплицитный способы выражения предикативности), на основе абстрактной лингвистической единицы предикативности – предикативного знака. Особое внимание уделяется таким синкретичным средствам имплицитной предикативности, как тесные экспликативные синтагмы, сложные слова (копулятивные и детерминативные композиты) на периферии поля предикативности. Применяя метод экстраполирования тестора предикативности на уровень названных структур, выявляем «свернутое» предикативное ядро, своего рода предикативный «эллипс». Имеет место двухступенчатая трансформация, которая позволяет развернуть предикативный «эллипс» в «ядерное» предложение. Результаты исследования могут быть использованы в курсах теоретической грамматики и лексикологии немецкого языка.

Для цитирования: Лобановская Е. В., Муратова С. В. Предикативные «эллипсы» на периферии поля предикативности (на материале современного немецкого языка) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 197–202. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-197-202.

В современном языкознании предложение понимается как языковая единица, оформляющая акт речевого общения (В. В. Виноградов, В. Г. Адмони, Е. И. Шендельс, О. И. Москальская, Е. И. Гулыга, Х. Бринкман, Й. Эрбен, К. Бост и др.). Не оспаривается и тот факт, что именно предложению как синтаксической коммуникативной единице сообщения, в отличие от единиц называния, слова или словосочетания, присуща некая всеобъемлющая категория, с помощью которой осуществляется категоризация во времени, локальности, аспектуальности, модальности, лице. Речь идет о логико-грамматической категории предикативности (ЛГКП), которая, как и другие категории логического уровня, имеет знаковую природу [1, с. 89–90]. Любая категория знакового уровня двумерна: план содержания представлен грамматическим значением, план выражения – системным набором взаимопротивопоставленных средств (не менее двух) или парадигмой, объединенной значением этой категории [2; 3, с. 30]. Другими словами, репрезентантом ЛГКП является знак, который мы именуем предикативным знаком (ПЗ), выступающим в качестве коммуникативной единицы, формирующей одно-однозначно (бесспорно) предложение как языковую единицу, в отличие от называющих единиц – слов и словосочетаний.

В немецком языке носитель предикативности имеет двучастную структуру. Носитель признака оформляется именительным падежом (*Nn*), так как, во-первых, именительный падеж – это автономный, независимый падеж, во-вторых, его первичная функция – называние. Второй компонент, глагольный (*Vf*), подразумевает спрягаемую форму глагола в противовес неспрягаемой форме. Глагольный компонент индифферентен к грамматическим категориям глагола в высказывании, но он их имплицирует. Для немецкого языка формула знака категории предикативности представлена так: *Nn*Vf*, где *Nn* – имя в именительном падеже, *Vf* – спрягаемый глагол; значок * выражает интердепендентную связь между компонентами знака предикативности.

Очевидно, что предикативность (ЛГКП) обладает способностью к самостоятельному введению в систему любого конкретного акта речи внеязыковой ситуации, реальной или сконструированной, названной в предикативном знаке. Именно эта способность

«материализовывать» внеязыковую ситуацию делает знак категории предикативности коммуникативной единицей. Знак представляет собой жестко очерченное ядро предикативной ситуации. Прочие элементы структуры ситуации находятся в полной зависимости от дистрибуции предикативного знака [4, с. 157]. Языковой знак ЛГКП служит своего рода несущим элементом структуры ситуации, к которому крепятся все остальные ее части, предусматриваются места для закрепления этих частей. Языковые средства связаны между собой не случайными, а подчиняющимися определенным закономерностям отношениями. Совокупность взаимодействующих языковых средств образует своеобразную систему – грамматико-лексическое поле [5, с. 9]. Теоретическое осмысление поля приводит к его определению как «способа существования лингвистических элементов, обладающих общими (инвариантными) свойствами» [6, с. 67–68]. Для него характерен определенный набор средств (конституентов поля) разных уровней, связанных между собой системными отношениями. Всем им в той или иной степени присуще общее значение. Оно распадается на два значения, которые могут быть противоположными или полярными (каждое из них образует свое микрополе). Как правило, поле обладает сложной структурой, которая может быть представлена как горизонтальным, так и вертикальным сечениями.

В большинстве полей выделяется центр, здесь имеется в виду следующий признак: «наибольшая специализированность данного языкового средства или системы средств по отношению к реализации определенных семантических функций», и периферия, т. е. «отсутствие высокой степени специализации» [7, с. 39]. Центр или доминанта поля – это систематически используемый конституент поля, наилучшим образом специализированный для выражения полевого значения, передающий это значение предельно однозначно. Доминанта образует центр поля, остальные конституенты, как правило, располагаются на периферии [8]. Вокруг доминанты поля группируются самым тесным образом связанные с ней конституенты, максимально полно реализующие категориальное значение поля. Конституенты, отдаленные от центра поля, располагаются на периферии поля и лишь частично, или имплицитно, реализуют категориальное значение поля предикативности.

Основной признак поля предикативности сосредоточен в доминанте – предикативном знаке *(ПЗ=Nn*Vf)*. Доминанта рассматриваемого поля характеризуется тремя признаками: 1) наиболее специализированный для выражения данного значения конституент поля; 2) конституент, передающий предикативное значение наиболее однозначно; 3) систематически используемый конституент поля (конструкт из именного и глагольного компонента) в качестве доминанты поля предикативности соответствует требованиям, предъявляемым к доминанте поля [5, с. 10; 6, с. 66].

Предикативный знак, являясь доминантой поля предикативности, благодаря структурной открытости поля выступает трансформационным тестором центральной или периферийной отнесенности, осуществляемой без изменения логического смысла. Не все конституенты поля предикативности выполняют одинаково полную функцию в выражении предикативности, т. е. эксплицитным способом приписывают признак предмету, но все они, так или иначе, коррелируют непосредственно или опосредованно с доминантой *(Nn*Vf)* поля предикативности.

Очевидно, что трансформационное тестирование осуществляется только через доминанту поля, распределяющую вербализованные средства импликации между центром и периферией. Синкретизм, функциональная ограниченность в реализации функции приписывания признака предмету являются основными причинами принадлежности к периферии. Отнесенность к периферии обусловлена, прежде всего, неспособностью того или иного средства однозначно выражать все признаки центра. Однако наличие одного или нескольких из них служит критерием включения любого языкового средства в поле предикативности. Периферийная отнесенность связана с явлением синкретизма в языке, т. е. имплицированием функций, когда одно или несколько значений, вступающих во взаимодействие с другими, оказывается представленным имплицитно [9, с. 9].

Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что поле предикативности (ПП) образуют два микрополя: микрополе эксплицитной предикативности и микрополе имплицитной предикативности – с одним общим центром – знаком предикативности *(Nn*Vf)*. Микрополе эксплицитной предикативности представлено в немецком языке двусоставным подлежащно-сказуемостным предложением, в котором полностью эксплицитно реализуется субъектно-предикатное отношение, внутризнаковое отношение ПЗ. Субъектно-предикатное отношение «создает предложение как таковое, организует его как внутренне законченную единицу» [3, с. 173–174]. Субъектно-предикатное отношение (как субъектность и предикативность) имманентно присуще ПЗ. Оно является достаточным для формирования структуры немецкого предложения и составляет основу для распространений. Вот почему субъект и предикат всегда признавались как главные члены предложения в отличие от других, зависимых от них членов предложения и поэтому второстепенных. Между компонентами предложения существует градация по степени синтаксической зависимости от ПЗ. Знаку предикативности присущи такие отношения, как 1) субъектно-предикатное, 2) объектное, 3) обстоятельственное, 4) атрибутивное. Субъектно-предикатная связь

наиболее прочная, но и наиболее свободная из всех типов синтаксической связи.

Микрополе эксплицитно-имплицитной / имплицитной предикативности представлено большим числом компонентов, которые располагаются по отношению к доминанте поля (ПЗ) в направлении удаления от него, приближения к дальней периферии. В основе расположения компонентов микрополя имплицитной предикативности лежит критерий сохранения / несохранения предикативных внутризнаковых качеств (глагольно-именных характеристик). Ближе всего к центру поля располагаются односоставные, идиоматизированные предложения (пословицы, поговорки, крылатые слова и изречения) типа: *Erklärungen., Beteuerungen., Bedaure., Geht in Ordnung!, Ach das noch!, Und was nun?, Sonst noch was?, Wie die Saat, so die Ernte., Wie die Arbeit, so der Lohn. Jedem das Seine., Ende gut, alles gut., Süße Reden, kaltes Herz., So ein Quatsch!, Ich ein Lügner?, Bist du überhaupt nicht betroffen, du Klugsschwätzer?, So ein sturer Bock!, "So ein Schwindler!" rief Emil., So ein verdammter Lügner!, Ach, du liebes bisschen / lieber Gott / liebe Güte / lieber Himmel / liebe Zeit!, O du Halunke, o du Halunke!, "Du grüner Junge!" schimpfte Emil zum Spaß; Ein sauberer Patron!, Schick!, Gut!, Schon gut!, Also gut!, Nun gut!, Sehr ungelegen!, Erledigt!, Schluss damit!, Genial!, Wie ärgerlich!* и т. п., поскольку они имплицируют один из компонентов ПЗ. Ср.: *Bedaure. – Ich bedaure. Geht in Ordnung! – Es (alles) geht in Ordnung. Ach das noch! – Ach das fehlt / ist noch. Wie die Saat, so die Ernte. – Wie ist die Saat, so ist die Ernte. Ich ein Lügner? – Ich bin ein Lügner? Ein sauberer Patron! – Du bist / er ist ein sauberer Patron!*

Следующий периферийный слой составляют атрибутивные словосочетания в структуре высказывания (с атрибутом – прилагательным, причастием I или II), атрибутивные комплексы – тесные экспликативные синтагмы (ТЭС) типа: *das Gespräch Putin-Busch*; глагольные словосочетания (включающие различные обстоятельства); сложное дополнение *(AcI, AcN)*; обособленные второстепенные члены предложения [10]. На самом дальнем периферийном слое ПП располагаются сложные слова (копулятивные композиты, детерминативные композиты), ср.: *die Muttersprache, die Königinwitwe, der Bildhauerdichter, die Herzoginmutter; das Zwei-Plus-Vier-Treffen; die Ost-West-Wanderung / -Angleichung; die Mütze aus Nylon-Teflon-Gemisch; die Kosten / Nutzen Analyse; Kurs-Gewinn-Verhältnis; ArtNett-Recherche; der Klee-Gras-Anbau; die Form-Inhalt-Verbindung; der Ost-West-Verkehr; die Kraft-Wärme-Kopplung; der Bonn-Berlin-Umzug; das Bund-Länder-Verhältnis; das Europa-Kalifornien-Verhältnis;* дериваты *(der Ansager);* деадъективы *(die Fernwärme);* девербативы *(die Ankunft);* модальные и предложенческие слова (*Wohl. Wahrscheinlich. Ja / Nein. Bitte / Danke*) [11, с. 55].

Особый интерес в свете современного развития языка представляют сложные слова, которые образуют первый периферийный слой поля имплицитной предикативности. Ш. Балли, например, неслучайно пытался трактовать сложные слова как «виртуальные» синтагмы [12]. В отличие от словосочетаний (раздельнооформленных или «внешних» синтагм), которые сразу как следующий шаг разворачиваются в предложения, сложные слова, будучи цельнооформленными языковыми единицами («виртуальными» синтагмами), должны сначала разделиться, приняв форму «внешней» синтагмы, и лишь после этого восстанавливается соответствующая предикативная синтагма, т. е. имеет место двухступенчатая трансформация.

Как выше указывалось, атрибутивные отношения перманентно присущи ПЗ, они являются предикативными отношениями второго порядка. Фр. Шмидт относит такие структуры к «потенциальным высказываниям» и объясняет это тем, что «потенциальное высказывание» имеет место там, где налицо определительное отношение *(bestimmendes Verhältnis)* – главное – зависимое слово или определяемое – определение [13]. В современном немецком языке в сфере выражения атрибутивных отношений закрепилась модель тесных экспликативных синтагм (ТЭС) с сопряжённым атрибутивным комплексом (САК): *das Problem Individuum-Gesellschaft*, *die Entfernung Sonne-Erde*. Основной прагматической задачей таких конструкций является представление реляции, отношения между несколькими денотатами, тип которого будет называться, эксплицироваться первым, главным конституентом словосочетания: *die Spannung Griechenland-Türkei, der Konflikt Ost-West*. Базой для формирования ТЭС являются предложные атрибутивные словосочетания: *die Spannung Griechenland-Türkei = die Spannung zwischen Griechenland und der Türkei*.

В свою очередь ТЭС могут «давать жизнь» новым сложным словам, которые на удалении от предикативного центра поля предикативности имплицируют предикативное значение.

О способности сложных слов выражать потенциальные суждения, которые легко разворачиваются в соответствующие предложения, говорил в свое время Фр. Шмидт. Скрытая предикация в композитах при их трансформации актуализируется в соответствующее предложение на глубинной структуре без ущерба для семантики всего содержания [13, S. 51]. Мы считаем возможным выделить в каждом композите так называемое предикативное ядро *(der prädikative Kern)*. Такое толкование композитов представляется безусловно верным, но недоказанным. Именно благодаря тому, что установлена знаковая природа предикативной категории, знак *(Nn*Vf)* используется в качестве трансформационного тестора ПП

для выявления субъектно-предикатных отношений в ТЭС и сложных словах, стало возможным говорить об отнесении последних к периферийному уровню ПП. ТЭС располагаются на периферии ближе к ядру ПП, поскольку имплицируют глагольный компонент ПЗ, композиты могут рассматриваться как компоненты в ПП, располагающиеся на дистантном расстоянии от доминанты ПП. В данном случае имеет место двухступенчатая трансформация. Ср.:

− die Entfernung Sonne-Erde – die Sonne entfernt sich von der Erde,

− der Kohl-Besuch – Kohls Besuch – Kohl besucht,

− die Italien-Reise – die Reise durch Italien – man/jemand reist durch Italien,

− der Schriftstellerkollege – Der Kollege ist Schriftsteller,

− das Ozonloch – ein Loch in der Ozonschicht – Ein Loch entsteht in der Ozonschicht.

На синтагматический характер композитов указывает возможность применения к этой структурной модели принципа выделения темы и ремы. У. Энгель, принимая за основу постулат о синтаксической природе единиц разных языковых уровней, считает возможным применять и к сложному слову принцип, приложимый раньше только к предложению: принцип актуального членения структурной единицы языка. Он пишет: «даже в мельчайших отрезках распознаются тема-рематические элементы (тема, рема), располагающиеся, правда, в обратной последовательности, нежели в предложении-парафразе»[1] [14, S. 241]. Поэтому представляется вполне легитимным применение тема-рематического принципа на разных языковых уровнях. Ср.: *das Ozonloch – es gibt ein Loch im Ozonschicht, где das Ozon (Rhema)+das Loch (Thema)*.

Все вышесказанное позволяет включить как ТЭС, так и сложные слова в поле предикативности на его периферию. Они отстоят от ядра ПП на два-три шага, но между тем играют все возрастающую роль в формировании атрибутивных блоков, что отвечает тенденции современного языка к глубокой субстантивной номинализации предикативного знака.

Трансформационным тестором отнесенности к центральной или периферийной зоне ПП описываемых структур является предикативный знак (доминанта поля). Как показано выше, не все конституенты поля предикативности выполняют одинаковую функцию в выражении предикативности, но все они, так или иначе, коррелируют непосредственно или опосредованно с доминантой поля предикативности, эксплицируя либо именной компонент ПЗ и имплицируя его глагольный компонент, либо имплицированными являются оба компонента ПЗ. Например, сложные слова всегда имеют предикативную развязку, являясь структурами со скрытой, вторичной предикацией. В них налицо предикативный «эллипс», поскольку данные единицы представляют собой экспликацию именного или глагольного компонента предикативного знака. Это доказывают трансформы, показавшие, что ТЭС и сложные слова, дериваты на глубинной структуре являются предложениями с предикативным ядром.

Литература

1. Кукушкина А. Т. Еще раз о предикативности // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: тезисы международной конференции. Владимир: ВГПУ, 1995. С. 89–90.

2. Гухман М. М. Грамматические категории и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 117–174.

3. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. 286 с.

4. Лобановская Е. В. Что составляет структурную ось предложения // Теория и практика описания языковых единиц и структур: межвузовский сборник научных трудов к 85-летию проф. А. Т. Кукушкиной. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. 258 с.

5. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.

6. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 256 с.

7. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 333 с.

8. Адмони В. Г. Грамматический строй как система и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 238 с.

9. Сребрянская А. А. Темпоральный синкретизм в синтаксисе современного немецкого языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1986. 28 с.

10. Лобановская Е. В., Муратова С. В. Логико-грамматические основы обособленных членов предложения (на материале новеллы J. Roth "Der heilige Trinker") // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 2-1. С. 28–30.

11. Муратова С. В. Тесные экспликативные синтагмы как производная база немецких композитов // Вопросы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете современной

[1] перевод авторов.

науки: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (18 октября 2017 г.). СПб.: Открытое знание, 2017. С. 52–58.

12. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.

13. Schmidt F. Logik der Syntax. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1961. 175 S.

14. Engel U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache. Berlin: Erich Schmidt, 1994. 316 S.

PREDICATIVE "ELLIPSES" ON THE PERIPHERY OF THE PREDICATIVITY FIELD IN CONTEMPORARY GERMAN

Elena V. Lobanovskaya [a, @]***; Svetlana V. Muratova*** [a]

[a] *Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A, Minina St., Nizhny Novgorod, Russia, 603155*
[@] *lobanovskayaev@mail.ru*

Received 21.03.2018. Accepted 16.05.2018.

Keywords: logical and grammatical category of predicativity, predicative sign, center of the predicative field, periphery of the predicative field, syncretical means of predicativeness, close explicative syntagm, copulative composites, determinative composites, predicative ellipse.

Abstract: The research features communicative behavior of the logical-grammatical category of predicativity, its realization in speech, and field organization of the sentence in the modern German language. The study is focused on the means that shape the periphery of the predicative field. The subject of the study is the categorical meaning of predicativity, which considers any linguistic phenomenon from its meaning (attributive meaning) to its form (explicit and implicit ways of expressing predicativity) and is based on such abstract linguistic predicative unit as the predicative sign. The authors pay particular attention to such syncretic means of implicit predicativeness as close explicative syntagm, compound words (copulative and determinative composites) on the periphery of the predicative field. By applying the extrapolation method of the predicativity test to the level of these structures, the authors have revealed a "collapsed" predicative core, a kind of predicative "ellipse": a two-step transformation that allows one to unfold a predicative "ellipse" into a "nuclear" sentence. The results obtained can be used in theoretical grammar and lexicology.

For citation: Lobanovskaya E. V., Muratova S. V. Predikativnye "ellipsy" na periferii polia predikativnosti (na materiale sovremennogo nemetskogo iazyka) [Predicative "Ellipses" on the Periphery of the Predicativity Field in Contemporary German]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 197–202. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-197-202.

References

1. Kukushkina A. T. Eshche raz o predikativnosti [Once again about predicativity]. *Grammaticheskie kategorii i edinitsy: sintagmaticheskii aspekt: tezisy mezhdunarodnoi konferentsii* [Grammatical categories and units: syntagmatic aspect: Proc. Intern. Conf.]. Vladimir: VGPU, 1995, 89–90.

2. Gukhman M. M. Grammaticheskie kategorii i struktura paradigm [Grammatical categories and the structure of paradigms]. *Issledovaniia po obshchei teorii grammatiki* [Studies in the general theory of grammar]. Moscow: Nauka, 1968, 117–174.

3. Smirnitsky A. I. *Sintaksis angliiskogo iazyka* [The syntax of English]. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh iazykakh, 1957, 286.

4. Lobanovskaya E. V. Chto sostavliaet strukturnuiu os′ predlozheniia [What makes a structural axis of the sentence]. *Teoriia i praktika opisaniia iazykovykh edinits i struktur: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov k 85-letiiu prof. A. T. Kukushkinoi* [Theory and practice of the description of language units and structures: The interuniversity collection of Sci. works to the 85 anniversary Prof. Kukushkina A. T.]. Nizhny Novgorod: NGLU im. N. A. Dobroliubova, 2009, 258.

5. Gulyga E. V., Shendels E. I. *Grammatiko-leksicheskie polia v sovremennom nemetskom iazyke* [Grammatical-lexical fields in modern German]. Moscow: Prosveshchenie, 1969, 184.

6. Shchur G. S. *Teoriia polia v lingvistike* [The theory of the field in linguistics]. Moscow: Nauka, 1974, 256.

7. Bondarko A. V. *Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki* [Verbal categories in the system of functional grammar]. Moscow: Izdatel′skii Dom IaSK, 2017, 333.

8. Admoni V. G. *Grammaticheskii stroi kak sistema i obshchaia teoriia grammatiki* [Grammar as a system and the general theory of grammar]. Leningrad: Nauka, 1988, 238.

9. Srebrianskaia A. A. *Temporal'nyi sinkretizm v sintaksise sovremennogo nemetskogo iazyka*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Temporal syncretism in the syntax of contemporary German. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Kiev, 1986, 28.

10. Lobanovskaya E. V., Muratova S. V. Logiko-grammaticheskie osnovy obosoblennykh chlenov predlozheniia (na materiale novelly J. Roth "Der heilige Trinker") [Logical-grammatical bases of isolated members of the sentence (as in case of the short story "Sacred Drinker" by Joseph Roth)]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International research Journal,* no. 2-1 (2017): 28–30.

11. Muratova S .V. Tesnye eksplikativnye sintagmy kak proizvodnaia baza nemetskikh kompozitov [Close Explicit Syntagms as a Derivative Base of German Composites]. *Voprosy lingvistiki, metodiki obucheniia inostrannym iazykam i literaturovedeniia v svete sovremennoi nauki: sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (18 oktiabria 2017 g.)* [Issues of linguistics, methods of teaching foreign languages and literary studies in the light of modern science: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf. (October 18, 2017)]. Saint-Petersburg: Otkrytoe znanie, 2017, 52–58.

12. Bally Ch. *Obshchaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo iazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow: Izdatel′stvo inostrannoi literatury, 1955, 416.

13. Schmidt F. *Logik der Syntax.* Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1961, 175.

14. Engel U. *Syntax der deutschen Gegenwartssprache.* Berlin: Erich Schmidt, 1994, 316.

УДК 81’373.612.2

ВАРЬИРОВАНИЕ СМЫСЛА В МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ МЕТАФОРАХ НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Светлана А. Панкратова [a, @, ID]

[a] *Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 191119, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 13*
[@] *svetpankrat@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-2623-1726*

Поступила в редакцию 01.05.2018. Принята к печати 02.07.2018.

Ключевые слова: многокомпонентная метафора, холизм, образ, фрейм, когнитивно-прагматический потенциал, эвристика, диафора.

Аннотация: В статье рассмотрено варьирование смысла в многокомпонентных метафорах на примере технической семантической сферы английского языка. Цель статьи состоит в том, чтобы продемонстрировать эвристический потенциал многокомпонентной метафоры, значимый для описания метафоризации как смыслопорождения в прагматических целях воздействия на картину мира адресата. Метод комплексного моделирования эвристического потенциала в пределах концептосферы позволил рассмотреть однокомпонентные и многокомпонентные метафоры на предмет их непротиворечивости и прагматической направленности. Выводы к статье постулируют, что благодаря эвристическому моделированию и холистическому подходу к анализу многокомпонентных метафор оказывается возможным идентификация заблуждений, верований, мифов и предрассудков, базирующихся на технической образности. Общая эмотивная направленность технической метафоры направлена на описание дисфункции. Рекомендации к статье предлагают вдумчивый подход в применении технических метафор, что позволит выявить манипулирование общественным сознанием, выявить ошибочность представления о человеке как машине.

Для цитирования: Панкратова С. А. Варьирование смысла в многокомпонентных метафорах на примере технической семантической сферы английского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 203–209. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-203-209.

Человек и его познавательные способности всегда были в центре внимания когнитивной науки. В наши дни актуальным подходом к изучению многозначности в языке является холистический (от греч. *hólos* – целый, весь) когнитивный подход, предполагающий целостный подход к изучению сложных явлений. Сам термин «холизм» предложил Я. Смэтс в книге «Holism and evolution» еще в 1926 г. Целостность в холизме трактуется как высшее философское понятие, синтезирующее в себе объективное и субъективное начало, а высшей формой органической целостности признается человеческая личность, развивающая себя и преобразующая мир в ходе творческой эволюции.

Такой новый целостный поворот к человеку и его мышлению стал возможен в связи с когнитивным переворотом конца XX – начала XXI вв., ознаменовавшем постепенный отход от эмпиризма с его главными критериями объективности, интерсубъективности, универсализма, всеобщности, воспроизводимости, достоверности и опытности. Целостность – это не только связь элементов, но и включение новых аспектов в картину мира и познавательные тактики индивида. Инклюзивный подход к познанию подразумевает учет физической и эмоциональной природы познающего субъекта в противоположность объективистской отстранённости и «нейтральности», зачастую переходящей в скептицизм и непонимание. В связи с этим в поле зрения когнитологов попал ряд нерешенных проблем. Это неоднозначное, порой двойственное восприятие, связь телесности и языка, разнообразные эффекты долговременной и кратковременной памяти, воображения и даже образность мышления, метафоричность, не всегда отвечающие требованию объективности отражения реальности.

Поскольку холизм является новым подходом в области когнитивистики, он нуждается в обосновании. Во-первых, познание начинается не с беспристрастного обобщения фактов, а с гипотезы, которая интуитивно направляет изыскания. Ученые-объективисты, видящие в метафоре псевдообъяснение, зачастую склонны оперировать образными терминами типа «теория большого взрыва», однако, дальнейшее развитие метафоры «взрыва» в русле холистических взглядов способно выявить ее возможный потенциал и недостатки. Во-вторых, о субъективно-личностной природе познания

свидетельствуют сами имена теорий (платонизм, картезианство). В связи с этим возникает проблема необходимости учета образности как познавательного ресурса, коль скоро и сами теории есть продукт выдающихся человеческих мыслительных усилий. В-третьих, если рассматривать познание как математически-количественное измерение, оно окажется редуцировано, отсечено от всесторонне-качественного, холистического описания. В-четвертых, познание по своим методам – не всегда логически выверенное рассуждение, в котором учитывается вся доступная информация, принимаются во внимание все возможные последствия и выдается оптимальное решение. Следуя классическому, рационально-медлительному способу мышления, человек мог бы и не выжить на земле. Познание нередко происходит в режиме цейтнота и недостатка информации. В-пятых, познание стремится не столько к истинному знанию, сколько к рациональной приемлемости, согласованности наших мнений друг с другом и с опытом. Новый, холистический тип рациональности воспринимает новые способы рассуждений, будь то художественный образ, миф, символ или обыденное мнение, стереотип, догадка, парадокс. Все эти формы должны считаться ценными примерами опыта живых мыслящих существ, выражением многообразия познавательного процесса, изучение которых позволит восполнить ход когнитивного процесса, найти его недостающие звенья.

Таким образом, холизм знаменует появление нового, постнеклассического типа рациональности, признающего реальность обыденного и наивного знания, реальность межличностных отношений и даже виртуальную реальность. Познание в связи с этим трактуется отнюдь не как пассивный процесс «зеркального» отражения мира. Человек активно выдвигает гипотезы, задаётся вопросами, экспериментирует, при этом не всё знание осознаётся, информация о реальности изначально неполна, требует дополнения и перепроверки, а психика гораздо богаче воспринимаемого мира. В холистической парадигме познание никогда не было расчленением познаваемого объекта на составные части, а всегда рассматривалось как заинтересованный, настойчивый процесс человеческого приближения к истине, который порождает целую серию концептуальных репрезентаций действительности. И лишь в последующем оказывается, что каждая новая репрезентация приближается к глубинной природе вещей [1].

Итак, познание может быть как научным (объективным, логичным, системным, неопровержимым), так и обыденно-интуитивным (опыт поколений, наивные, обиходные представления). Холизм теоретически охватывает оба способа когниции и обосновывает множественность репрезентаций такого инструмента, как метафора, которая прежде рассматривалась всего лишь как троп, украшение речи. Метафора, а тем более сложная метафора, противоположна логике и объективистской картине мира с её строгими методами научного познания. Ряд положений новой, холистической теории образности, обобщенных Л. В. Кульчицкой, говорит о том, что метафора вездесуща в речи, а для ее восприятия необходимо особое когнитивное состояние, обусловленное холистическим, т. е. целостным взглядом на ситуацию.

Одним из наиболее важных для раскрытия темы нашей статьи (речь идет о многокомпонентных метафорах) является постулат формы объективации когнитивного метафорического состояния. Он гласит, что по своей форме когнитивные метафоры – это развёрнутые (сложные, нееединичные) метафоры. Естественно, что метафоры регулярны в речи, и за счет этой регулярности и обеспечивается тематическая связанность воспроизводимых в дискурсивных практиках людей в виде «скоплений» метафор (metaphor clusters) [2, p. 200]. В свою очередь связность влечет за собой динамическую реакцию «ответа метафорой на метафору» и выражается в непроизвольном побуждении участника разговора продолжить беседу в метафорической манере, заданной инициатором. Естественным следствием из языкового бытия сложных метафор является постулат о рассогласовании, ибо никакая сложная метафора не может быть непротиворечиво развернута вне пределов «магического» числа (пять плюс-минус два) [3, с. 48].

Холизм как методологический подход дает нам представление о том, как происходит взаимодействие метафорического представления (образа) и понятия. Из вышеперечисленных постулатов следует, что метафора сложна, многокомпонентна, дискурсивна и противоречива. Многокомпонентная метафора в связи с холистическим подходом к познанию несравненно выигрывает как когнитивный инструмент. Многокомпонентная метафора «обладает большей областью референции и придает внутреннюю связность (англ.: *cohesion*) большим «кускам» реальности, помогая преодолевать хаос ощущений»[1] [4, p. 28–30].

Предложенная нами новая типология метафор в зависимости от их когнитивно-семантических оснований позволяет совершенно по-иному взглянуть на процессы метафоризации, чётко отграничить метафоры по степени их эвристичности, определив, какие метафоры способствуют концептуализации непознанного и оказанию ориентирующего воздействия. Как нам представляется, новизна

[1] перевод автора.

осовремененной теории метафоры состоит именно в ее расширенном, холистичном, более инклюзивном аппликативном потенциале, который проявляется в индивидуальных, авторских, экспрессивных метафорах. Осознавая необходимость рассмотрения метафоризации в единой системе когнитивно-прагматических координат, мы выдвигаем понятие эвристического метафорического выбора, который определяется рядом факторов: а) тип источника (объект-артефакт или концепт), б) тип цели (техническая или иная сфера), в) тип упаковки (единичная или многокомпонентная метафора), г) презумпция истинности (явная или неявная правдоподобность), д) степень непротиворечивости многокомпонентной метафоры, е) инклюзивная / эксклюзивная референция.

Многокомпонентность метафоры тесно связана с понятием эвристического потенциала. Это способность метафорической модели за счет вариации инкорпорируемых концептуальных единиц приводить к не единственному, но интуитивно приемлемому описанию проблемных вопросов, помогающему выйти из познавательных затруднений и наводящему на решение проблем. Как отмечает М. В. Никитин, многообразие возможных решений о выборе той или иной модели метафоризации заложено в вероятностной структуре импликациональных признаков, а конкретное семантическое наполнение слова совершается в речи как мыслительное действие отбора семантических признаков из импликационала первичного значения слова [5].

Если обратиться к отечественным разработкам, многие авторы задумываются о потенциале лексических единиц. Лингвистика оказывается необычайно современной в том плане, что обращается к познавательной функции языка, стремится изучить её и понять, «как, что и о чём» люди думают, пользуясь словами и формами слов» [6, с. 294].

Об особой «шкале признаков» рассуждал М. Блэк, основоположник теории метафоры [7]. Если ориентироваться по этой «шкале», полагал автор, возможно выделить «фокус» основного значения, т. е. основную идею, которую подчёркивает домен-источник. Как будет показано далее, для технической сферы это фокус-идея поломки и дисфункции. Наша гипотеза гласит, что в количественном плане *эвристический потенциал развёрнутых образных схем неравнозначен и варьирует от минимального (единичная метафора) до максимального (двойная, тройная и множественная метафора)*. В идеале включение в комплекс новых признаков должно усиливать одну систему импликаций, позволяя достичь максимального освещения и более глубокого понимания ситуации. Однако, включение новых компонентов в множественную метафорическую модель происходит по-разному, с разной степенью полноты и непротиворечивости, а продемонстрировать это – задача нашей статьи.

На современном этапе наблюдается некоторая методологическая слабость анализа метафоризации, проявляющаяся в том, что отбор материала во многих случаях ограничен взятыми вне контекста или намеренно сконструированными примерами. Наш многолетний опыт сбора метафорических примеров из оригинальных художественных произведений английских и американских авторов позволил составить картотеку и глоссарий метафоризируемых технических понятий, обозначающих инструментарий, технические процессы и связанные с ними свойства, всего 116 единиц.

По нашим подсчетам это самая обширная онтологическая сфера наряду с другой ведущей сферой – естественно-природной, включающей 108 единиц. Количественный подсчет показывает, что следующие по убыванию места в иерархии предметных метафор занимают метафоры пути (66 единиц), закона (66 единиц), войны (62 единицы), финансов (53 единицы) и др. Для изучения эвристического потенциала метафоризации технической концептосферы была привлечена фрейм-организационная структура, содержащая слоты с глагольными, субстантивными и адъективными метафорами.

Имя фрейма: *Technology*:

– объектный слот № 1: battery, by-product, chain, cog, edge, electricity, electric spark, friction;

– локативный слот № 2: assembly line, boiler, computer, dynamo, engine, factory, machine, mechanism;

– инструментальный слот № 3: equipment, know how, screw, spanner, wedge, standard, tools;

– инициирующий слот № 5: accumulate, adapt, adjust, caliper, charge, click, equip, fasten, fuel;

– процессуальный слот № 6: accelerate, amalgamate, bend, calibrate, carve out, cut both ways, engrave;

– результирующий слот № 7: break, chip away, corrode, fix, hammer out, produce, recharge, recycle;

– качественный слот № 8: automatic, blunt, cast-iron, clear-cut, defective, dented, disposable, elastic.

На основании слотовой структуры фрейма технических метафор уже можно заключить, что главное в нем – манипуляции с предметами, направленные на устранение неполадок. Выдвинутое предположение можно подкрепить рядом примеров.

Итак, существует обширная группа единичных метафор, по типу источника обслуживающих мир человека (исходный концепт ***Man***). Судя по презумпции истинности – это явно неправдоподобные метафоры, ибо люди – не роботы в буквальном смысле слова. Как мы полагаем, минимум когнитивных усилий требует обиходная клишированная прототипная метафора-ярлык ***Man>Mechanism,*** она напрямую именует объект и прагматически ответственна. В ней актантом является человек, который мыслит зачастую автоматически, работает иногда вхолостую, а его мозг ржавеет от безделья [8, с. 23]. Двух примеров, говорящих о людях как

о роботах, будет достаточно для иллюстрации: *1. After a long moment he nodded, perhaps seeing her as a person and not* ***a tool*** *or a nicely shaped piece of meat* [9]; *2. Bobby felt his heartbeat* ***accelerate*** [10]. *(1. После долгой паузы он кивнул, быть может разглядев в ней человека, а не инструмент и не изящных форм кусок мяса; 2. Бобби чувствовал как ускоряется его сердцебиение*[2]*).* Выводы из анализа метафоризации единичных технических метафор позволяют сформировать цельную когнитивную модель: человек это робот, инструмент, включенный в жизнь, от него ожидают исправности.

Далее, комбинаторика двухкомпонентных метафор показывает, что они обслуживают мир человека (исходный концепт ***Man***). Здесь также имеется негативизм коннотации, речь идет о поломке и дисфункции механизмов. Если прибегнуть к формулам, можно сказать, что эвристический потенциал двойных метафор равняется два со знаком минус: *1. James could almost hear* ***the wheels*** *in his brain* ***grinding*** [10]. *(Джеймс практически слышал как вращаются шестеренки в его голове).* Двухкомпонентная техническая метафора (букв.: колеса вращаются): *2. Relationships are very* ***fragile****, though. …They* ***break*** *easily* [11]. *(Отношения очень хрупкие, они легко ломаются)*. Двухкомпонентная техническая метафора (букв.: хрупкие отношения ломаются) позволяет думать, что это весьма прагматически ценные метафоры, ибо они сплавляют в одном контексте источник (человек), цель (технический термин) и делают это согласованно дважды (to repair+wedge). Сам факт согласованности достоин похвалы, ибо тот, кто способен соединить ряд технических образов – весьма компетентный в этой сфере человек. Для этого требуется минимальное знание закономерностей техники и навык метафоризации. По своей коннотации двойные технические метафоры пейоративны, т. к. налицо явный негативизм, повествующий о поломке и дисфункции механизмов.

Наконец, существуют многокомпонентные метафоры технической сферы: *1. If our relationship was* ***a battery****, my time overseas was continually* ***draining*** *it and we both needed time* ***to recharge*** [12]. *(Если наши отношения сравнить с батарейкой, то мои заграничные поездки истощали ее и нам обоим нужно было перезарядиться)*. В первом из примеров трехкомпонентная техническая метафора может быть буквально перефразирована как отношения – это разряженная батарейка, требующая подзарядки. В следующем примере мы наблюдаем четырехкомпонентную техническую метафору, говорящую о том, что мир – перемалывающий или подгоняющий в свои слоты механизм: *2. The world rolled over them: it* ***ground*** *them down and made them* ***fit*** *into their* ***slots****. If they wouldn't grind down and wouldn't fit, it* ***broke*** *them* [13]. *(Мир прокатился по ним, он перемолол их и заставил встроиться в свои слоты. Если они не хотели перемалываться и встраиваться, он ломал их).* Вывод из анализа многокомпонентных метафор: они являются прагматически ценными, ибо сплавляют в одном контексте источник (человек), цель (технический термин) и делают это согласованно трижды и более раз (to grind+fit+break+slots). Комплексные метафоры когнитивно салиентны, они рисуют продуцирующего их как некоего эксперта в области техники. Для создания комплексной технической метафоры требуется основательное знание закономерностей техники и навык метафоризации. По своей коннотации комплексные технические метафоры пейоративны, т. к. налицо явный негативизм повествования об исчерпаемости технических ресурсов и недееспособности механизмов. Вспомним, что речь идет о механизме, который обладает энергией и раз за разом нуждается в подзарядке. При этом человек должен подходить в слоты житейской машины, иначе мир его переработает и сломает: *Life is like a ticking clock with a long hand and a bell. A man's battery is draining and needs to be recharged. A man must into the slots in life or the world will grind and break him* [8].

Однако, следует отметить, что существуют и противоречивые серийные метафоры с техническим ареолом, поддерживающие прототипную метафору ***Man>Mechanism***. Мы полагаем, что соположенность в одном контексте, а также смена серийных противоречивых метафор, – это особый сигнал. Он указывает на то, что человек находится в активном поиске обозначения мучающего его концепта, которому пока не находит имени и поэтому приводит целые метафорические «цепочки». В нижеприведенном примере человек уподоблен оси механизма, затем рулю корабля (переход к морской сфере), затем говорится о занимаемом посте (законодательная сфера): *Guy never realized till now how much she was the* ***linchpin*** *of the family, its* ***rudder****. It was as if she had left* ***her post*** [14]. *(Гай до этого не осознавал, насколько она служила осью их семьи, ее рулевым механизмом. Это было похоже на то, как если бы она покинула свой пост).* Что же такое противоречивые, конфликтующие метафоры? Это описание референта в отдельном лингвокреативном фрагменте несогласованными типами метафор. Конфликтующие метафоры являются естественным выражением вре́менного логического сбоя уже выстроенных схем, который особенно рельефно дает о себе знать в периоды появления революционных новых теорий, противоречащих общепринятым. Следует отметить, что

[2] Здесь и далее по тексту статьи перевод примеров сделан автором.

противоречие часто служит для создания эффекта иронии и сарказма. Ирония в нижеприведенных примерах в том, что есть конфликт между сополагаемыми областями (человек и механизм, радар и лезвие). Нельзя сказать, что подобное противоречие есть результат творческой небрежности, отсутствия продуманного соположения двух разнотипных метафор: *1) they snaked south, into* ***the welcoming embrace*** *of the US war* ***machine*** [10] *(они потянулись на юг, в теплые объятия американской военной машины)*. В другом примере снова мы сталкиваемся с противоречием как показателем сарказма, предполагающего, что человек максимально оснащен для непростых отношений, он настороже: *2)* ***Andy's relationship radar*** *is* ***razor sharp*** [15] *(межличностное чутье у Энди было острым как радар)*.

Суммируя вышесказанное о природе многокомпонентной метафоры, отметим, что взятая в качестве примера техническая метафора весьма плодотворна в образном плане, если судить по наполненности 116 слотов технического фрейма единицами технической направленности. Общая эмотивная направленность технической метафоры отнюдь нерадужная, результирующие слоты говорят о поломке и дисфункции. Большинство технических метафор единичны, что требует минимум когнитивных усилий на их создание, а результатом является клишированная метафора-ярлык, которая напрямую именует объект и прагматически ответственна. Поскольку «в процессе коммуникации говорящий осуществляет отбор языковых средств, прежде всего, исходя из собственного иллокутивного намерения и коммуникативной ситуации» [16, с. 127–128], мы можем прийти к обоснованному выводу о том, что применение технических (тем более многокомпонентных) метафор является маркированным. Оно свидетельствует о важности технической сферы для современности. Технические метафоры применяются повсеместно, шаблонны, позволяют избегать углубленного анализа, вселяют в номинирующего ощущение причастности к языковой среде, к социуму, столь уважающему технику. При этом стереотипы и шаблоны усыпляют критическую настороженность, создавая идеальные условия для манипулирования. Техническая сфера как оплот объективизма проявляется в самом образе мыслей современного человека, который предпочитает думать о себе как об осмотрительном, о разумном и реалистичном существе.

Рассудочное накопление знаний сделало человека активным, хладнокровным, здравомыслящим, благоразумным, осторожным. Об этом же говорит Р. Хиггинс, называя современных людей «скороспелыми всезнайками, которые подавляют в себе примитивного ребёнка и становятся грубо односторонними, забывая, что душе нужны передышка, юмор, остроумие, искусство и простота взаимоотношений» [17, с. 38]. Всё вышесказанное позволяет считать наметившийся в последнее время метафорологичекий сдвиг, прежде всего, холистическим когнитивным сдвигом в способах мышления. Анализ многокомпонентной метафоры позволяет «встать на точку зрения» носителя языка с целью посмотреть, какими знаниями и прагматическими установками он обладает, какие ассоциативные связи релевантны для человека. К сожалению, несмотря на то, что знание эвристического потенциала в принципе способно переориентировать ход мысли, развенчать очевидность стереотипных метафор человека-машины, оно не гарантирует преодоление психологической инерции, обусловленной привычным образом мышления и типовыми методами решения задач.

Литература

1. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. 464 с.

2. Cameron L. Metaphor and Talk // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. Raymond W. Gibbs, Jr. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 197–211.

3. Кульчицкая Л. В. Живая и мёртвая метафора: Лингвистическая «верификация» современных гипотез когнитивной теории метафор // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1. С. 40–50.

4. Johansson S. R. The Brain's Software: The Natural Languages and Poetic Information Processing // The machine as metaphor and tool. Berlin: Heidelberg, N. Y.: Springer-Verlag, 1993. P. 9–45.

5. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 277 с.

6. Психолингвистика в очерках и извлечениях / под ред. В. К. Радзиховской. М.: Академия, 2003. 464 с.

7. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–173.

8. Панкратова С. А. Когнитивно-семантические механизмы метафоризации в современном английском языке: автореф. … д-ра филол. наук. СПб., 2014. 34 с.

9. Turtledove H. The Center Cannot Hold. Random House Publishers, 2002. 500 p.

10. Owen W. F. Blackfoot Is Missing. London: Arrow, 2004. 392 p.

11. Sasser Ch. W. OSS Commando. Hitler's A-Bomb. N. Y.: Harper Collins, 2008. 303 p.

12. Notaro A. Back after the Break. London: A Bantam Book, 2003. 446 p.

13. Sparks N. The Choice. N. Y.: Hachette Book USA, 2006. 317 p.

14. Kneale M. Small Crimes in the Age of Abundance. London: Picador, 2005. 324 p.

15. Edwards-Jones I. Pop Babylon. London: Transworld Publishers, 2008. 370 p.

16. Вяльяк К. Э. Интенсификация эксплицитных отрицательных моделей в современном испанском языке // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 127–129.

17. Хиггинс Р. Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / сост. Л. И. Василенко, В. Е. Ермолаева. М.: Прогресс, 1990. С. 34–55.

VARIATIONS OF MEANING WITHIN MULTIUNIT METAPHORS IN THE TECHNICAL SEMANTIC SPHERE OF THE ENGLISH LANGUAGE

Svetlana A. Pankratova [a, @, ID]

[a] *St. Petersburg State University of Film and Television, 13, Pravda St., St. Petersburg, Russia, 191119*
[@] *svetpankrat@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-2623-1726*

Received 01.05.2018. Accepted 02.07.2018.

Keywords: multiunit metaphor, holism, image, cognitive-pragmatic potential, heuristics, diaphora.

Abstract: The research features variations of meaning within multiunit metaphors in the technical conceptual sphere of the English language. Its objective was to reveal the heuristic potential of the multiunit metaphor, which contributes to the description of the metaphoric process pragmatically directed at changing the addressee's worldview. The author employed the method of the complex heuristic potential modeling within a conceptual sphere, thus disclosing the nature of one-, two- and multiunit metaphors as non-contradictory and pragmatically charged. The heuristic potential modeling and the holistic approach to the multiunit metaphor makes it possible to identify misconceptions, beliefs and myths based on technical metaphors. The general emotive key of the technical metaphor is negative as it reveals the process of breakage and malfunction. The author states that technical metaphors have to be used with caution in order to avoid manipulation and reveal the false character of the ***Man Is Machine*** metaphor.

For citation: Pankratova S. A. Var′irovanie smysla v mnogokomponentnykh metaforakh na primere tekhnicheskoĭ semanticheskoi sfery angliiskogo iazyka [Variations of Meaning within Multiunit Metaphors in the Technical Semantic Sphere of the English Language]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 203–209. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-203-209.

References

1. Mikeshina L. A. *Philosophiia nauki: Sovremennaia epistemologiia. Nauchnoe znanie v dinamike kultury. Metodologiia nauchnogo issledovaniia* [Philosophy of Science: Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research]. Moscow: Progress-Traditsiia: MPSI: Flinta, 2005, 464.

2. Cameron L. Metaphor and Talk. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Ed. Raymond W. Gibbs, Jr. N. Y.: Cambridge University Press, 2008, 197–211.

3. Koultchitskaya L. V. Zhivaia i Mertvaia Metaphora: Lingvisticheskaia "verifikatsiia" sovremennykh gipotez kognitivnoi teorii metaphor [Metaphors trite or genuine: linguistic "verification" of current conceptual metaphor hypotheses]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1 (2012): 40–50.

4. Johansson S. R. The Brain's Software: The Natural Languages and Poetic Information Processing. *The machine as metaphor and tool*. Berlin: Heidelberg, N. Y.: Springer-Verlag, 1993, 9–45.

5. Nikitin M. V. *Osnovaniia kognitivnoi semantiki* [The foundations of cognitive semantics]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im A. I. Gertsena, 2003, 277.

6. *Psikholingvistika v ocherkakh i izvlecheniiakh* [Psycholinguistics in essays and extracts]. Ed. Radzikhovskaya V. K. Moscow: Akademiia, 2003, 464.

7. Black M. Metaphora [Metaphor]. *Teoriia metaphory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress, 1990, 153–173.

8. Pankratova S. A. *Kognitivno-semanticheskie mekhanizmy metaphorizatsii v sovremennom angliiskom iazyke*. Avtoref. doktora philol. nauk [Cognitive-semantic mechanisms of metaphorization in the modern English language. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2014, 34.

9. Turtledove H. *The Center Cannot Hold*. Random House Publishers, 2002, 500.

10. Owen W. F. *Blackfoot Is Missing*. London: Arrow, 2004, 392.

11. Sasser Ch. W. *OSS Commando. Hitler's A-Bomb*. N. Y.: Harper Collins, 2008, 303.

12. Notaro A. *Back after the Break*. London: A Bantam Book, 200, 446.

13. Sparks N. *The Choice*. N. Y.: Hachette Book USA, 2006, 317.

14. Kneale M. *Small Crimes in the Age of Abundance*. London: Picador, 2005, 324.

15. Edwards-Jones I. *Pop Babylon*. London: Transworld Publishers, 2008, 370.

16. Vyalyak K. E. Intensifikatsiia eksplitsitnykh otritsatel′nykh modelei v sovremennom ispanskom iazyke [Intensification of explicit negation models in contemporary Spanish]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka = Cognitive language research*, no. 26 (2016): 127–129.

17. Higgins R. Sed′moi vrag. Chelovecheskii faktor v global′nom krizise [Seventh enemy. The Human Factor in the Global Crisis]. *Global'nye problemy i obshchechelovecheskie tsennosti* [Global Problems and Human Values]. Comp. Vasilenko L. I., Ermolaeva V. E. Moscow: Progress, 1990, 34–55.

УДК 81.42

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ДИСКУРСА ОБ ИННОВАЦИЯХ И СПОСОБЫ ИХ АРГУМЕНТАЦИИ

Ольга Н. Садовникова [a, @, ID]

[a] *Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1*
[@] *superstishion@mail.ru*
[ID] *https://www.researcherid.com/rid/S-5168-2018*

Поступила в редакцию 24.04.2018. Принята к печати 19.07.2018.

Ключевые слова: аксиологическая стратегия, концепт *инновация*, аксиологическая параметризация, дискурс, валоризация, аргументация, дискурсивное конструирование ценности.

Аннотация: Статья посвящена изучению способов реализации дискурса об инновациях исходя из концепции об аксиологической параметризации социального медийного дискурса, способствующего конструированию социальных смыслов на основе общего – особо значимого, ценностного в процессах интерпретации, а также из определения концептуального статуса знака «инновация» как одной из аксиологем современного дискурса. На основе динамического подхода к анализу дискурса в модели траектории дискурсивизации и использования интерпретативного подхода к описанию дискурса устанавливаются параметры стратегической организации дискурса об инновациях, выявляется превалирование аксиологической стратегии повышения концептуального статуса конструируемого смысла как позитивной валоризации, реализующейся в тактиках и приёмах валоризующей позитивной номинации и тактике аксиологического программирования. Теоретическая значимость работы обусловливается тем, что она вносит определенный вклад в описание дискурсивного конструирования ценности «инновация». Результаты анализа применимы в сфере теории социального дискурса, речевого воздействия, теории аргументации и аксиологических стратегий.

Для цитирования: Садовникова О. Н. Аксиологические стратегии дискурса об инновациях и способы их аргументации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 210–216. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-210-216.

Введение

В настоящее время всё более утверждается процессуальный подход к анализу дискурса с точки зрения реализации процессов концептуализации говорящего в коммуникации, организованной вокруг опорных концептов [1, с. 117], представляя собой конструирование субъектно обусловленного «возможного альтернативного мира» [2, с. 44]. Важными следствиями такого подхода являются положения о том, что 1) субъектно обусловленная концептуализация имеет оценочный характер [3], определяя аксиологическую параметризацию дискурса [4]; 2) точка зрения говорящего, отражая отношение к дискурсному топику, обусловливает его дискурсивную позицию и в конечном счёте вклад высказываемого смысла в коммуникацию. В русле данного динамического подхода к анализу дискурса одной из обоснованных моделей является модель траектории реализации дискурсивизации, предложенная С. Н. Плотниковой и Е. Ф. Серебренниковой [5]. Реализация дискурса в её целостности рассматривается как дискурсивизация в связи с её порождением ситуацией когнитивной неопределенности, активизирующей концептуализацию, что позволяет проследить траекторию реализации от начальной точки – установок, интенциональности, проецируемых на стратегичность и аргументацию, – до завершающей точки, определяемой как достижение дестинации дискурса в коммуникации [5, с. 185]. Концепция оценочного характера концептуализации и аксиологической параметризованности дискурса приобретает особую актуальность в исследовании социального медийного дискурса как интерпретативного открытого пространства обсуждения и формирования смыслов «общего интереса» [6]. Под «параметризацией» будем понимать совокупность факторов, установок, механизмов и принципов налаживания системы, которые определяют такую ее аутентичность и валидность, какой она проявляется, наблюдается и понимается в её феноменологии в коммуникации [4].

В ряд актуальных и интенсивно обсуждаемых тем и, соответственно, предметных сфер дискурсивного коммуникативного пространства выдвигаются темы, связанные с проблемами модернизации во всех областях общества, «прорыва», «рывка», преодоления риска технологического отставания. Одним из частотных знаков данного фрагмента про-

странства является «инновация», что даёт основание выделить по данной предметной константе «дискурс об инновациях», в котором эксплицируются дискурсивные позиции и формируются актуальные способы осмысления и дискурсивной репрезентации концепта в сущностном, целевом и действенном планах. Важно уточнить в данной связи, что аксиологическая параметризация медийного дискурса, адресованного социальному публичному адресату, ориентирована на ценностные установки коллективного сознания, направляя вектор реализации дискурса по линии структурирования общего, ценностного смысла для коммуникантов. С этой точки зрения сущность аксиологической стратегии следует определить как процесс оценочного конструирования – валоризации наиболее значимого в дискурсе, топиком которого является аксиологема «инновация». Ценностная насыщенность концепта «инновация» и его статус аксиологемы были выявлены в результате специального анализа [7].

Задачей настоящего анализа является установление способов репрезентации аксиологической параметризации дискурса об инновациях на уровне стратегии реализации траектории дискурсивизации. Методология анализа опирается на положения о когнитивной природе дискурса, положения о совмещенности процессов концептуализации и оценивания в межперсональной коммуникации, положения лингвоаксиологического анализа дискурса, основанного на методе интерпретационного анализа, инферирования к ценностному измерению языка, методе моделирования.

Материалом анализа послужил корпус медиатекстов предметной сферы модернизации и инноваций в количестве примерно 120 текстов, отобранных из интернет-источников российского и китайского доменов, представляющих материалы выступлений экспертов на различного рода конференциях за период 2010–2018 гг. Таким образом, объектом анализа являются медиатексты предметной сферы инноваций, репрезентирующие экспертный дискурс об инновациях.

Аксиологическая стратегия позитивной валоризации дискурсного топика «инновация»

В анализируемых текстах выявляются две базовые аксиологические стратегии, основанные на инференции к дихотомии экстремумов ценностного измерения языка и, соответственно, оценочной концептуализации «хорошо – плохо»: стратегия позитивной валоризации (мелиорации) и стратегия негативной валоризации (пеиоризации).

Аксиологическая стратегия позитивной валоризации основана на усилении позитивной значимости дискурсного топика «инновация» и реализуется прежде всего посредством номинации, отражающей оценочное мелиоративное означивание на основе двух базовых тактик, соответствующих им приёмов и вариативных средств репрезентации.

Тактика валоризующей позитивной номинации реализуется посредством номинации специализированных центров *(Иннополис)* или реноминации, которая представляет собой переименование с целью придания особой значимости предмету или феномену за счёт ценностного потенциала концепта «инновация»: выставка разработок, стартапов и проектов называется *Иннопром*; наукоемкое предприятие, предназначенное для обслуживания малых инновационных предприятий и оказания им помощи в выживании и успешной деятельности на ранней стадии развития, – *инновационный инкубатор*, *инновационный хаб*. Метафорические и квалификативно-оценочные именования получает *Сколково* как российский инновационный центр: *«**Инновационный центр** «Сколково» называют **российской «силиконовой долиной»**. Это научно-технологический инновационный комплекс, который начали строить в Москве в 2010 году, первый создаваемый «с нуля» **наукоград**»*[1]; *«В российскую **«кремниевую долину»** будут «пересаживать» инновации, которые сперва «вырастят» в кластерах отечественные корпорации»*[2]; *«**Инновационно-образовательный центр**, **инноград**, **инновационный центр**, университет «Сколково». Так чем же все-таки является этот **грандиозный проект**, поддерживаемый и продвигаемый президентом и правительством и представляемый как **визитная карточка российской инновационной экономики**»* [8, с. 100].

Как видим, валоризация «Сколково» достигается за счёт её осмысления в концептуальных областях уже признанного ценностного, «разделенного» обществом знания *(Силиконовая долина, Кремниевая долина)*, желаемого ценностного знания *(Инноград, Наукоград, визитная карточка российской инновационной экономики)*. В результате дискурсивизации конструируется представление о Сколково как реальном центре создания и продвижения инноваций.

Распространенной тактикой валоризирующей позитивной номинации является метафоризация, сущность которой заключается в осмыслении топика («цели») в координатах аксиологически более насыщенного формата знания («источнике осмысления») [9] и, в частности, в концептуальной области обыденного знания и понимания сущности

[1] Во сколько нам обходится «Сколково» // Парламентская газета 28.11.2016. Режим доступа: https://www.pnp.ru/economics/2016/11/28/vo-skolko-nam-obkhoditsya-skolkovo.html (дата обращения: 17.04.2018).

[2] Российская «Кремниевая долина» будет построена в Сколково – Медведев // РИА Новости. 18.03.2010. Режим доступа: https://ria.ru/science/20100318/215146918.html (дата обращения: 13.04.2018).

труда и трудностей получения плодов земледельческого труда: инновации «создаются, пересаживаются, выращиваются».

Развернутая метафора как прием реализации тактики валоризующей позитивной номинации обнаруживается в текстах футурологического плана, относящихся к концептуальной области возможного и должного, в координатах которого осмысляется будущее как концептуальная целевая сфера, над которой «парит» [10, с. 75] концепт «инновация»: *«Интернет, к примеру, превратится в* ***известное сказочное зеркальце****. Достаточно будет обратиться к нему:* ***«Свет мой, зеркальце, скажи…»****, – и в нем появится* ***приветливое лицо****, обеспечивающее нам доступ ко всей накопленной на планете мудрости»* [11, с. 35]. В данном случае метафора *сказочное зеркальце* валоризует Интернет с точки зрения использования его неограниченных возможностей в получении информации. Дальнейшее последовательное раскрытие метафоры через прототипическое выражение *«Свет мой, зеркальце, скажи»* валоризует, иронично высвечивает идею кажущейся простоты и легкости использования Интернета, а через аттрактивный аргумент *приветливое лицо* валоризуется ценность удовлетворения, получения удовольствия от «общения» с Интернетом в будущем.

Валоризующая позитивная номинация реализуется в публичных выступлениях экспертов посредством авторских креативных метафор и метафорических конструкций, входящих в структуру концепта «инновация»: «亚洲经济总量已占世界经济的1/3以上，新一轮开放创新浪潮涌动下的亚洲，必将成为世界经济繁荣发展的重要动力»[3]. *(Объем экономики Азии уже превысил 1/3 объема мировой экономики, ее новый виток развития позволит* ***волне инноваций*** *хлынуть в Азию, которая непременно станет важной движущей силой в процветании и развитии мировой экономики*[4]*).*

Валоризация достигается путем представления нового витка инновационного развития экономики в динамическом образе прилива волны. Посредством метафорического выражения 创新浪潮 [пиньинь] [chuàngxīn làngcháo] *волна инноваций* категоризует совершенно новый этап в развитии экономики Азии, идущей по инновационному пути, что повлечет за собой глобальные изменения в мировой экономике в целом: *«У нас имеется потенциал, чтобы гарантировать цифровой суверенитет, но мы не собираемся замыкаться и строить такой* ***цифровой колхоз****, как это можно назвать»*[5]. Креативная метафора-антитеза цифровой колхоз как структура размышления и понимания в дискурсивизации топика возводит к ценности открытости, готовности к сотрудничеству с другими странами, обмену опытом и технологиями.

«Сегодня мы стремимся наладить эту систему таким образом, чтобы возник так называемый ***инновационный лифт*** *– чтобы на каждом этапе жизни инновационного продукта от зарождения идеи до запуска в серию был подходящий набор инструментов поддержки. <…> В рамках Национальной предпринимательской инициативы реализуется* ***«дорожная карта»*** *по расширению доступа малых и средних компаний к закупкам инфраструктурных монополий и компаний с государственным участием»*[6]. *Инновационный лифт* – метафора, которая содержит в себе перенос в аксиологически более насыщенный формат знания модели развития «по возрастающей», каждый этаж означает новую стадию роста, сравнивается с лифтом. Тем самым валоризацию получает весь предмет высказывания – оценка, оценочное отношение к целостной системе модернизации нашей страны; *дорожная карта* – план мероприятий, документ, который представляет собой видение, визуальный прогноз на будущее, стратегию и план развития системы и выстраивает во времени основные шаги этого процесса в алгоритме «прошлое – настоящее – будущее», при том что будущее – один из признаков ценностной структуры аксиологемы «инновация».

Тактика валоризующей позитивной номинации также реализуется посредством квалификации, которая подразумевает определение феномена в оценочной коннотативной семантике прилагательного, путём атрибуции феномену желаемых качеств. Так, ряду понятий через использование определения «цифровой» придается иное, новое видение: *«Мы немало сделали, чтобы цифровая культура стала для нашей страны привычной, при том что для нас эта задача сложнее, чем для многих других стран»*[7]. *Цифровой* в данном случае вступает в оппозицию с аналоговым способом обработки информации, который на сегодняшний день является устаревшим; несет в себе смысл нового, эффективного,

[3] 单晓冰，开放创新促进繁荣发展 // 人民日报．04.04.2018. Режим доступа: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201804/04/t20180404_28714665.shtml (дата обращения: 2018.04.16). [Dan Xiao Bing. Open Innovation Promotes Prosperity and Development // People's Daily. 04.04.2018].

[4] перевод автора.

[5] Стенограмма пленарного заседания VI Московского международного форума «Открытые инновации». 17.10.2017. Режим доступа: http://government.ru/news/29668/ (дата обращения: 13.03.2018).

[6] Стенограмма пленарного заседания III Московского международного форума инновационного развития «Открытые инновации». 14.10.2014. Режим доступа: http://government.ru/news/15217/ (дата обращения: 13.03.2018).

[7] Стенограмма пленарного заседания VI Московского международного форума «Открытые инновации». 17.10.2017. Режим доступа: http://government.ru/news/29668/ (дата обращения: 13.03.2018).

современного – инновационного; под *цифровой культурой* подразумевается новая социально-культурная реальность, культурные практики, в основу которых положены цифровые технологии, определяющие образ жизни, способы и формы коммуникации и поведения людей. По такому же принципу введения в квалификацию «цифровой» семы «инновационного» новый смысл получают понятия, образующие с прилагательным «цифровой» единый когнитивный блок, целостную структуру знания и оценки: *цифровая экономика, цифровой разрыв поколения, цифровой суверенитет, цифровой мир, цифровая повестка дня, цифровое министерство, цифровое развитие, цифровые службы, цифровое неравенство, цифровые компании* и т. д.[8]. Образуется процессуальный дериват – существительное «цифровизация», приложимое к экономике, широкому ряду видов деятельности.

В контексте, интенсифицирующем признаки концепта «инновация», структурируется новое качественное видение объектов, образующих данную концептуальную область: *«В ближайшие годы должно возникнуть много динамичных цифровых компаний. <…> Речь идёт о транспортных и логистических услугах, здравоохранении, образовании, финансовых технологиях, «умной» городской среде…»*[9]. В данном контексте определение «умный» по отношению к городской среде соотносится с инновационностью, механизмами эффективности организации городского пространства с целью улучшения качества жизни с помощью информационных и коммуникационных технологий.

Другой тактикой, за счет которой реализуется аксиологическая стратегия позитивной валоризации, является тактика аксиологического программирования, которая подразумевает валоризацию инноваций как дискурсного топика путем последовательного изложения плана действий в русле поиска решения проблемы и придания тем самым деятельности инновационного характера.

Тактика аксиологического программирования реализуется посредством приема алгоритмизации, который представляет собой последовательность действий и ходов, направленных на выделение значимого феномена на фоне незначимого. Средствами реализации данного приема выступают синтаксические конструкции, обороты, вводные слова, например: *Where does **wealth** come from? From the steam engine to electricity to computers it comes from science and technology that's ultimately where **wealth** comes from*[10]. В данном фрагменте эксплицитно обозначается ценность *wealth (благосостояние)*, созданная благодаря инновациям и научно-техническому прогрессу, который, в свою очередь, последовательно обозначен в тексте с использованием конструкции *from… to…* При помощи этой конструкции градации, представленной как алгоритм, показан рост благосостояния, который напрямую зависит от инновационного развития.

Средством реализации приема алгоритмизации выступают вводные слова «во-первых», «во-вторых», с помощью которых презентуется программа по развитию и поддержке системы инноваций: «第一，破除束缚创新的壁垒．〈…〉 第二，构建激励创新的机制．〈…〉 第三，营造保护创新的环境»[11]. *(Во-первых, нам нужно устранить барьеры инновациям. Во-вторых, выстраивать поощрительный механизм для инноваций. И в-третьих, формировать среду для защиты инноваций*[12]*)*.

При помощи репрезентации алгоритма действий, обозначенного словами – аргументативными коннекторами 第一， 第二， 第三 – раскрываются наиболее значимые и приоритетные направления поддержки китайской системы инновационной деятельности. Инновациям посредством изложения программы действий эксплицитно придается статус особо ценной цели, которая нуждается в охране, поощрении, развитии, устранении всяческих препятствий для её достижения.

Тактика аксиологического программирования также реализуется посредством деонтической модализации – проекции на желаемое и должное будущее, которая заключается в означивании цели, целевой установки при помощи модальных операторов долженствования, например: *«В ближайшие годы **должно** возникнуть много динамичных цифровых компаний. Для этого есть хороший потенциал»*[13].

В вышеприведенном примере на основе модального оператора долженствования *должно* дается проекция на желаемое и должное будущее по продвижению инноваций в России посредством цифровизации. Программирование целевого – возможного

[8] Там же; Стенограмма пленарного заседания II Московского международного форума «Открытые инновации». 31.10.2013. Режим доступа: http://government.ru/news/7902/ (дата обращения: 13.03.2018).

[9] Стенограмма пленарного заседания VI Московского международного форума «Открытые инновации». 17.10.2017. Режим доступа: http://government.ru/news/29668/ (дата обращения: 13.03.2018).

[10] Там же.

[11] 李克强在第三届莫斯科国际创新发展论坛上的演讲 // 新华社. 15.10.2014. Режим доступа: http://www.gov.cn/guowuyuan/2014-10/15/content_2765098.htm (дата обращения: 16.04.2018). [Li Keqiang's Speech at the Third Moscow International Innovation and Development Forum // Xinhua News Agency. 15.10.2014].

[12] перевод автора.

[13] Стенограмма пленарного заседания VI Московского международного форума «Открытые инновации». 17.10.2017. Режим доступа: http://government.ru/news/29668/ (дата обращения: 13.03.2018).

и должного – закладывается через использование модальных операторов *нужно, необходимо: «Это означает, что* ***мы нуждаемся*** *в* ***новой*** *волне* ***предпринимателей-новаторов****, которым предстоит создавать* ***новую*** *промышленность и* ***новый*** *капитал на базе* ***новых*** *технологических достижений.* ***Необходимо*** *разбудить энергию и энтузиазм этих людей и позволить им стать на рынке ведущей силой»* [11, с. 302]. В данном примере при помощи модально-оценочных предикатов *нуждаться* и *необходимо* автор обозначает значимость поиска *новаторов*, людей, которые должны и могут создавать новое будущее. Причем в этом отрывке тактика аксиологического программирования реализуется посредством повтора слова *новое* и его производного *новаторы* для валоризации ценности нового, актуального, современного, инновационного. Такой прием представляет собой своего рода «мантру», в которой эффект выделения особо значимого на фоне незначимого достигается за счет целенаправленного, намеренного, экспрессивного повтора отдельных слов и фраз в дискурсе с целью усиления значения и акцентирования важности желаемого феномена. Намеренный повтор отдельных фраз и слов в предложении может быть выстроен по принципу дедукции: *«Нам* ***нужна концентрация***. ***Концентрация*** *интеллекта,* ***концентрация*** *денег,* ***концентрация*** *управленческих решений»*[14]. В первом предложении задается установка на желаемое для достижения цели, высвечивается в обобщенном виде главная мысль – *нужна концентрация*, которая раскрывается в другом предложении с использованием приема градации и неоднократного повтора однородных членов предложения (диафора).

Приём «мантры» используется при описании феноменов, связанных с концептом «инновации», с целью воздействия на адресата: *«****Телепортация****, или способность мгновенно перемещать людей и предметы из одного места в другое, – это умение, которое может* ***изменить*** *направление развития цивилизации и повлиять на судьбы стран и народов. <...> Так,* ***телепортация*** *раз и навсегда* ***изменила*** *бы принципы и правила ведения войны. <...>* ***Телепортация изменила бы*** *все»* [12, с. 54]. В представленном коротком отрывке три раза повторяются слова *телепортация* и *изменить*. То, что должно измениться, выстраивается по градации от развития цивилизации и влияния на судьбы стран и народов, а также принципов и правил ведения войны, до в конечном счете вообще всего в мире. Изменения как концептуальная целевая сфера, включенная в ценностно насыщенный концепт «инновация», представлены по шкале оценок со знаком плюс и высвечивают феномен телепортации как необходимый для общества.

Заключение

Таким образом, аксиологически ориентированный анализ дискурса экспертов об инновациях позволил выявить способы структурирования данного вида дискурса, которые основаны на валоризации как самого имени аксиологемы «инновация», так и его признаков, которые образуют актуальную ценностную структуру данного концепта. Ведущей стратегией аргументации в структурировании оценочного отношения является стратегия позитивной валоризации, которая реализуется посредством тактики валоризующей позитивной номинации на основе приёмов валоризующей номинации, метафоризации, квалификации. Значима также тактика аксиологического программирования, которая реализуется посредством приема алгоритмизации, деонтической модализации и приёма «мантры». Перспективным направлением исследования представляется более углубленное и системное изучение способов реализации аксиологических стратегий в дискурсе об инновациях на основании наблюдений о структурировании данного типа дискурса не только в ценностной сфере позитивного, но и в сфере негативного, ироничного и критического векторов размышления.

Литература

1. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 116–133.

2. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.

3. Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. С. 103–114.

4. Серебренникова Е. Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 13–18.

5. Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 1. С. 183–188.

[14] Стенограмма международной онлайн-конференции к пятилетию «Сколково» «Технологическая революция. Повестка России». 28.09.2015. Режим доступа: http://government.ru/news/19838/ (дата обращения: 13.03.2018).

6. Angenot M. Théorie di discours social. Notions de topographie des discours et de coupure cognitives // Discours en contexte. 2006. № l. P. 12–25.

7. Садовникова О. Н. Инновация: этносемиометрия знака в русском и китайском языках: сравнительные параллели // Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук: аспирантские чтения 2016 (г. Иркутск, 19–20 мая 2016 г.). Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2016. С. 192–200.

8. Леонова Т. Н. Инновационный центр Сколково: перспективы развития инновационно-образовательных центров в России // Инновации. 2011. № 4. С. 100–108.

9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.

10. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

11. Каку М. Физика будущего. М: Альпина нон-фикшн, 2012. 584 с.

12. Каку М. Физика невозможного. 2-е изд. М: Альпина нон-фикшн, 2010. 456 с.

THE AXIOLOGICAL STRATEGIES OF INNOVATION DISCOURSE AND WAYS OF THEIR ARGUMENTATION

Olga N. Sadovnikova *[a, @, ID]*

[a] Irkutsk State University, 1, Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003
[@] superstishion@mail.ru
[ID] http://www.researcherid.com/rid/S-5168-2018

Received 24.04.2018. Accepted 19.07.2018.

Keywords: axiological strategy, concept *innovation*, axiological parameterization, discourse, valorization, argumentation, discursive construction of values.

Abstract: The research features the ways of innovation discourse and is based on the concept of axiological parameterization of social media discourse. It contributes to the construction of social meanings on the basis of what is particularly significant and valuable in the interpretation process. It also defines the conceptual status of "innovation" as one of the axiologemes of modern discourse. The authors set the parameters of the strategic organization of innovation discourse based on the dynamic approach to the discourse analysis in the model of the trajectory of discursivisation and interpretative approach to the discourse description. The authors also reveal the prevalence of axiological strategies of conceptual status improving as a positive valorization realized in the tactics and techniques of valorizing positive nomination as well as tactics of axiological programming. The theoretical significance of the work lies in the fact that it contributes to the description of discursive construction of the value of "innovation". The results of the analysis are applicable in the field of social discourse theory, speech influence, argumentation theory and axiological strategies.

For citation: Sadovnikova O. N. Aksiologicheskie strategii diskursa ob innovatsiiakh i sposoby ikh argumentatsii [The Axiological Strategies of Innovation Discourse and Ways of their Argumentation]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 210–216. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-210-216.

References

1. Demiankov V. Z. Interpretatsiia politicheskogo diskursa v SMI [Interpretation of the political discourse in the media]. *Iazyk SMI kak ob''ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia* [Media language as an object of interdisciplinary research]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova, 2003, 116–133.

2. Stepanov Yu. S. Alternativnyi mir. Diskurs. Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative world, discourse, fact and principle of causality]. *Iazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the end of the XX Century]. Moscow: RGGU, 1995, 35–73.

3. Boldyrev N. N. Struktura i printsipy formirovaniia otsenochnykh kategorii [The structure and principles of valuation categories]. *S liubov'iu k iazyku* [With love to the language]. Moscow-Voronezh: IIa RAN, VGU, 2002, 103–114.

4. Serebrennikova E. F. Aksiologicheskaia parametrizatsiia sotsialnogo diskursa [Axiological parameterization of social discourse]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, no. 2 (2013): 13–18.

5. Plotnikova S. N., Serebrennikova E. F. Kognitivnaia traektoriia diskursivizatsii: destinatsiia, strategiia, tekhnologiia [Cognitive trajectory of discursivization: destination, strategy, technology]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, no. 1 (2013): 183–188.

6. Angenot M. Théorie di discours social. Notions de topographie des discours et de coupure cognitives. *Discours en contexte*, no. 1 (2006): 12–25.

7. Sadovnikova O. N. Innovatsiia: etnosemiometriia znaka v russkom i kitaiskom iazykakh: sravnitelnye paralleli [Innovation: the ethnosemiometry of the sign in Russian and Chinese languages: comparative parallels]. *Problemy ustoichivogo razvitiia gumanitarnykh i estestvennykh nauk: aspirantskie chteniia 2016 (Irkutsk, 19–20 maia 2016 g.)* [Problems of sustainable development of humanities and natural sciences: postgraduate readings 2016 (Irkutsk, 19–20 may 2016)]. Irkutsk: MGLU EALI, 2016, 192–200.

8. Leonova T. N. Innovatsionnyi tsentr Skolkovo: perspektivy razvitiia innovatsionno-obrazovatelnykh tsentrov v Rossii [Innovational Center Skolkovo: Prospects for the development of innovation and education centers in Russia]. *Innovatsii = Innovation*, no. 4 (2011): 100–108.

9. Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: URSS Editorial, 2004, 256.

10. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2001, 990.

11. Kaku M. *Fizika budushchego* [Physics of the future]. Moscow: Alpina non-fikshn, 2012, 584.

12. Kaku M. *Fizika nevozmozhnogo* [Physics of the impossible]. 2nd ed. Moscow: Alpina non-fikshn, 2010, 456.

УДК 811.161.1

КОНЦЕПТ «ССЫЛЬНЫЕ» В АНГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ*

Евгений С. Смирнов [a, @, ID]

[a] *Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79*
[@] *ses9215@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-5208-0485*

Поступила в редакцию 03.04.2018. Принята к печати 03.08.2018.

Ключевые слова:
концепт ссыльные, ангарская лингвокультура, устный рассказ, Северное Приангарье.

Аннотация: Статья посвящена анализу структуры и содержания концепта «ссыльные» в ангарской лингвокультуре. В результате применения концептуального анализа были выявлены и рассмотрены понятийный и ценностный слои концепта «ссыльные» в устных рассказах и интервью русских старожилов Северного Приангарья (Кежемский, Богучанский и Мотыгинский районы Красноярского края). Новизна исследования заключается в том, что данный концепт впервые рассматривается на материале устных рассказов и интервью коренных ангарцев о «ссыльных». Актуальность данной работы определяется, во-первых, её включенностью в коммуникативно-дискурсивную парадигму современной лингвистики; во-вторых, недостаточной изученностью концептосферы ангарской лингвокультуры; в-третьих, важным социокультурным значением исследования духовной культуры сибиряков-ангарцев, большая часть которой исчезла в связи со строительством Богучанской ГЭС, и затоплением многих поселений Кежемского района Красноярского края. Результаты исследования расширяют эмпирическую базу лингвокультурологии и коммуникативной диалектологии, а также уточняют особенности концепта «ссыльные» в сибирской лингвокультуре. Было установлено, что экспликация ценностного слоя концепта «ссыльные» осуществляется с помощью оценочных наречий и прилагательных. В ценностном слое преобладает положительная нормативная (рационалистическая), интеллектуальная и этическая оценки. Устные рассказы и интервью коренных жителей Северного Приангарья имеют большую значимость для исследования ценностной картины мира сибиряков, что продемонстрировано в данной статье на анализе концепта «ссыльные».

Для цитирования: Смирнов Е. С. Концепт «ссыльные» в ангарской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 217–222. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-217-222.

Введение

Лингвокультурология, «центром притяжения которой является феномен культуры» [1, с. 122], с середины 90-х гг. XX в. является одной из ведущих научных дисциплин отечественной лингвистики. Одной из главных задач современной лингвокультурологии является изучение лингвокультуры, т. е. овнешнённой, оязыковлённой и закреплённой в знаках языка культуры, которая явлена человеку в тех или иных языковых процессах [2, с. 33]. Как отмечают многие исследователи, основной единицей лингвокультуры является лингвокультурный концепт [3, с. 323–324; 4, с. 75–78; 5, с. 6–8, 11], т. е. «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [6, с. 91].

Задача настоящей статьи – концептуальный анализ концепта «ссыльные» в ангарской лингвокультуре. *Цель* концептуального анализа заключается в исследовании способов языковой экспликации концептов и их структуры с применением лингвистических и различных экстралингвистических данных [7, с. 104].

Источниками данного исследования являются устные рассказы и интервью жителей Северного Приангарья о «ссыльных», представленные в «Электронном текстовом корпусе лингвокультуры Северного Приангарья»[1] .

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-14-24008.

[1] Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья. Режим доступа: http://angara.sfu-kras.ru (дата обращения: 10.01.2018).

Экстралингвистические факторы, повлиявшие на формирование концепта «ссыльные» в ангарской лингвокультуре

Тема сибирской ссылки XX в. неоднократно освещалась историками, которые подробно рассмотрели политический, этнический, социально-культурный аспекты ссылки и выделили её этапы и особенности [8; 9]. С точки зрения лингвистической нарратологии устные рассказы коренных сибиряков о «ссыльных» Северного Приангарья рассматривала О. В. Фельде [10]. С лингвокультурологических позиций такие тексты прежде не изучались.

В XX в. в истории Северного Приангарья выделяются четыре волны ссылки.

Первая волна – в конце 20-х гг. в Северное Приангарье прибывают репрессированные, в начале 30-х гг. – раскулаченные. Многие ссыльные этого периода были размещены в таких спецпоселениях, как Мунтуль, Потоскуй, Погорюй Богучанского района. В середине 30-х гг. в районы Северного Приангарья начинают прибывать те, кто попал под 58-ю статью Уголовного кодекса РСФСР, которая устанавливала ответственность за «контрреволюционную деятельность». Также в первую волну ссылок попали группы людей из Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии в связи с присоединением в 1940 г. этих территорий к СССР.

Вторая волна ссылки совпала с началом Великой Отечественной войны, когда в Сибирь были высланы калмыки и русские немцы из Поволжья, Ленинграда и его окрестностей. Ссылка была осуществлена в связи с опасностью создания «пятой колонны» внутри страны. Большинство ссыльных разместили в деревнях Кежемского района: Климино, Заледеево, Усольцево, Дворец, Заимка, Паново, Кежма, Чадобец и др. [11].

Третья волна связана со ссылкой на берега Ангары в 1948 г. литовцев, латышей, эстонцев, поляков и др. Многих разместили в посёлках Каулец и Артюгино Богучанского района, а также в поселениях Мотыгинского района, который до 1956 г. именовался Удерейским.

В четвёртую волну ссылки попали репрессированные конца 40-х – начала 50-х гг. XX в. Как правило, это были люди, которые отбыли срок заключения в лагерях Норильска, Колымы и других мест и получили срок высылки [12; 13]. В некоторых деревнях Северного Приангарья проживали только ссыльные (например в деревне Мунтуль Богучанского района), а в других они составляли половину населения. Именно поэтому в воспоминаниях коренных ангарцев тема ссыльных занимает значительное место.

Анализ понятийного слоя концепта «ссыльные»

Именем концепта «ссыльные» в ангарской лингвокультуре является лексема *ссыльный*. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова слово *ссыльный* представлено в значении «человек, находящийся в ссылке» [14].

В понятийном слое концепта «ссыльные» можно выделить несколько концептуальных признаков:

1) сосланные по политическим мотивам *(ссыльные)*: *Девчонки жанихов искали, я помню, вот… была какая-то* ***58 статья*** *здесь. Вот за них выходили. Ну, а как. У нас вот Мотя здесь соседка вышла, он очень был хороший. Галька была. Она тоже, это… как его… Как его звали… тоже вышла, тоже хороший был мужик! <…>. Ну, не все же были какие-то там воры или бандиты!* (Бг.: Иркинеево, 2014)[2];

2) сосланные по экономическим мотивам *(спецпоселенцы, спецпереселенцы, раскулаченные)*:

[Почему сослали ваших родных? – Собиратель (Собир.)].

Информант (Инф.): ***Раскулачивали****, что имели скот, лошадей. У них было, значит, на три семьи уже была молотилка. Хлеб молотили. Не вручную, как раньше, а вот уже, уже молотилка была. И уже были, тогда типа комбайна – лобогрейки или жатки, как сказать. Хлеб жали уже современнее. Вот за это, за то, что они имели это* (Бг.: Богучаны, 2017); *Но их, говорят, сослали, что он богат, но он и там разбогател. Если человек работящий… А у них, тут они… Ой, тогда же зверя было много. Зверья и всякой шкуры, всего. Он и скотину, он и всё делал – он и тут разбогател. И, говорят, и в Кежек его даже опять* ***кулачили****, как называли, забирали. А за что? Он ведь не браконьер никакой, ничего не было. Просто трудолюбивый человек* (Бг.: Таёжный, 2017);

3) сосланные по национальному признаку *(немцы, литовцы, латыши, эстонцы и др.)*: *В сорок втором году тоже пригнали откуда-то с Поволжья немцев-то. Расселяли везде. Там семью, там семью, вот и понаставалися* (Кеж.: Кодинск, 2012); *Ну, это в период войны всех их прислали. До этого-то их не было. В войну их тут полно было:* ***и немцев, и латышей, и литовцев, эстонцев*** (Кеж.: Чадобец, 2012).

Анализ ценностного слоя концепта «ссыльные»

В собранных устных рассказах и интервью о «ссыльных» не представлена экспликация образного слоя анализируемого концепта, но ярко выражен ценностный слой. В ценностном слое концепта «ссыльные» преобладает положительная оценка, которая выражена **оценочными прилагательными**: *Я знаю одного ссыльного. Москвича – Михал Михалыч Бейкутов, по-моему. Чё-то так*

[2] Здесь и далее по тексту использованы сокращения (см. в конце статьи).

вот, я уж точно забыл… Бейкутов Михаил Михайлович. ***Хороший*** *был. Ему посылки шли, конфеты с Москвы. Он нас… Трое ребят было, подростки, ходили всё к нему. То за ягодами с ним ходили, шиповник обдирать-то листья – он варенье варил* (Бг.: Пинчуга, 2017); *Литовцев много было. У нас вот главный врач литовец был – Буткус.* ***Очень порядочный*** *человек,* ***очень грамотный****. Я благодарна ему. Я работала сразу после института по специализации гинекологом <…>. Он мне во всём помогал. Ну, и я ему ассистировала тоже* (Бг.: Богучаны, 2017); *Были и тут, и везде ссыльные тогда. А ребята все такие* ***хорошие****. Такие* ***крепкие*** *были ребята,* ***работящие*** (Бг.: Богучаны, 2017);

[Много было сосланных в Богучанском районе? – Собир.].

Инф. 1: *Полно, полно. Вот с Алтаю, так, сколько я помню: Ждановы с Алтаю были, Бессоновы. Нет, Бессоновы не с Алтая. Ну, в общем, семей пять, наверно. Щас уже никого в живых-то ведь нету;*

[За что их сослали? – Собир.].

Инф. 1: *Да вот хто знал за что?;*

Инф. 2: *За то, что работали, трудились. Значит, жили достаточно. Народ был весь* ***трудолюбивый*** (Бг.: Богучаны, 2017); *Да, ссыльных-то тут всяких хватало, конечно <…>. Надо сказать, их уважали почему, потому што люди были* ***очень грамотные****, и я вот так бы сказала, што они многое внесли в культуру, очень многое* (Бг.: Богучаны, 2017); *А вот эта сестра у меня, собака её кусала. Три, три года ей было. Она ей вырвала вот так всю щёку! Здесь вот токо оставалось на вот этом месте маленька, там пять-шесь миллиметров, наэно, а тода ссыльны были, в Артюгино был тоже* ***хороший*** *хирург, ссыльны были. Ну, отец сразу на лошадь туда увёз, и зашили* (Бг: Манзя, 2017); *У нас здесь было много ссыльных, вот по какой-то статье, у нас здесь много было литовцев. Латыши, хирург, главный хирург в больнице – ссыльный литовец. У меня подружка была Кривжди Тиромутия. Кривжди Тиромутия – ссыльная. Щас она в Литве живёт. Вот. Дак они* ***работящие****, они работали!* (Бг.: Богучаны, 2017); *Здесь сразу было много ссыльных. Вот у нас котора больница там стоит – это всё ссыльные строили. Ссыльные строили. У нас даже хирург работал тут* ***хороший****. В общем,* ***хорошие*** *были,* ***грамотные*** *люди,* ***образованные*** (Мт.: Раздолинск, 2017).

Анализ устных рассказов и интервью показал, что положительная оценка ссыльных эксплицируется такими оценочными прилагательными, как ***хороший***, ***грамотный***, ***работящий***, ***порядочный***, ***крепкий***, ***трудолюбивый***, ***образованный***.

В современной лингвистике принято выделять два основных типа оценочных значений: общеоценочные и частнооценочные. К общеоценочным значениям в проанализированных текстах относится лексема *хороший*. Частнооценочные значения представлены этической оценкой *(порядочный)*, интеллектуальной оценкой *(образованный, грамотный)*, нормативной оценкой *(трудолюбивый, работящий, крепкий)*. Наличие этических, интеллектуальных и нормативных оценок обусловлено особенностями традиционной крестьянской культуры, её ценностными доминантами. Ссыльные соответствовали представлениям местных жителей о человеке-труженике, о роли грамотности в жизни людей.

В материалах «Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья» нами обнаружены контексты, в которых оценивается соблюдение норм общественного поведения, говорится об отношениях между местным населением и ссыльными. Характер взаимодействия «своих» и «чужих» эксплицируется с помощью **оценочных наречий с положительной коннотацией**: *В то время не богато же жили люди-то. Все равны жили.* ***Дружнее*** *жили* (Бг.: Пинчуга, 2017); *У нас даже папа мой начальником ОРСа работал. Литовка там работала у него уборщицей. Он ей дал там комнатку в конторе, она там у них убиралась. Две ученицы литовки, они… покупали картошку, к нам в подполье спускали и потом приходили, брали. Были* ***дружно*** *все, не различали* (Бг.: Богучаны, 2017); *Я не помню, чтобы ссыльных было, а мама рассказывала, что были. А я не помню. Ну, немцев ссылали сюда.*

[Местное население помогало ссыльным? – Собир.].

Инф. *Да. Все* ***дружно****. Раньше никто ничё. Не скандалили, ничё* (Бг.: Пинчуга, 2017).

В приведённых примерах наречие *дружно* выражает нормативную оценку и характеризует не только ссыльных, но и самих ангарцев.

В устных рассказах и интервью жителей Северного Приангарья о «ссыльных» встречается и отрицательная оценка взаимоотношений коренных ангарцев и ссыльных. Главным образом это относится к немцам-спецпереселенцам в годы Великой Отечественной войны:

[Ссыльные немцы, литовцы были в Богучанском районе? – Собир.].

Инф. *Были. Они щас ещё есть.*

[Как к ним относились? – Собир.].

Инф. *Да сразу-то как-то… Немцы, немцы, ну, с* ***пренебрежением*** *как-то* (Бг: Пинчуга, 2017); *Ссыльных было много. Да, во время войны их сюда, когда война, сюда поволжские немцы были. Вот, их тут много было ссыльных. Тогда Сталин, ну, распорядился, вот.*

[Как местное население общалось с немцами? – Собир.].

Инф. *Ну, я в принципе не знаю. Я же был, кого – вот, пацаном. Ну, относились, как говорится,* ***настороженно****. Ну, местные старожилы, ну, вот немцев сослали, немцев. А потом вот ничё, привыкли* (Бг.: Богучаны, 2017).

Наречия ***пренебрежительно*** и ***настороженно***, выражающие отрицательную оценку, относятся к группе психологических оценок. Редко встречающаяся отрицательная оценка в устных рассказах о «ссыльных» связана с одной из самых древних лингвокультурных дихотомий: «свои / чужие», которая, как пишет академик Ю. С. Степанов, «уходит корнями в глубокие принципы организации дочеловеческого, животного мира» [15, с. 132]. Действие этой дихотомии пронизывает картины мира всех этносов и социальных групп, являясь одним из главных ориентиров в общении между людьми разных национальностей, культур, религиозных убеждений и пр.

Помимо положительной и отрицательной оценок в устных рассказах и интервью о «ссыльных» можно выделить и зону нейтральной оценки: *Немцев же вот этих, сюда же привезли. У нас же немцы, правильно, ссыльные были. Наверно, поди,* ***нормально*** *к ним относились* (Бг.: Пинчуга, 2017); *У меня вот жена немка. Ну, она в Богучанах, они… Их тоже сослали и сразу где-то в Черногорке были, немцы. Ну, а потом вот в Богучанах. В Ярках жили сначала, а потом в Богучанах они. Литовцы были, вот дядя Гоша Эрнст. Были, были.*

[Как с такими взаимодействовало местное население? – Собир.].

Инф. *Да как,* ***нормально****. Ну, также, также женились, также всё это…* (Бг.: Пинчуга, 2017).

Е. М. Вольф считает, что нейтральная оценка на шкале между «хорошо» и «плохо» ближе всего располагается к полюсу «плохо» [16, с. 50–51]. В устных рассказах и интервью о «ссыльных» нейтральная оценка относится к полюсу «хорошо», т. к. большинство коренных ангарцев сопереживало ссыльным, помогая им в обустройстве на новом месте.

Заключение

Таким образом, результаты анализа концепта «ссыльные» позволяют сделать вывод, что данный концепт является одним из ключевых в концептосфере ангарской лингвокультуры. На формирование данного лингвоментального феномена большое влияние оказали экстралингвистические факторы, а именно история сибирской ссылки XX в., когда в результате репрессий 1930–1940-х гг., Великой Отечественной войны, создания спецпоселений на территории Сибири в Северное Приангарье принудительно попали десятки тысяч человек. В ходе концептуального анализа было установлено, что именем концепта «ссыльные» является лексема *ссыльный*; в понятийном слое содержатся три концептуальных признака: сосланные по политическим мотивам (ссыльные), сосланные по экономическим мотивам (спецпоселенцы, спецпереселенцы, раскулаченные) и сосланные по национальному признаку (немцы, литовцы и др.). Удалось выявить, что экспликация ценностного слоя концепта «ссыльные» осуществляется с помощью оценочных прилагательных и наречий. В ценностном слое преобладает положительная этическая, интеллектуальная и нормативная (рационалистическая) оценки.

Сокращения:

Бг.: Богучаны, 2017 – Богучанский район: пгт. Богучаны, 2017.

Бг.: Иркинеево, 2014 – Богучанский район: д. Иркинеево, 2014.

Бг.: Манзя, 2017 – Богучанский район: п. Манзя, 2017.

Бг.: Пинчуга, 2017 – Богучанский район: п. Пинчуга, 2017.

Бг.: Таёжный, 2017 – Богучанский район: п. Таёжный, 2017.

Кеж.: Кодинск, 2012 – Кежемский район: г. Кодинск, 2012.

Кеж.: Чадобец, 2012 – Кежемский район: д. Чадобец, 2012.

Мт.: Раздолинск, 2017 – Мотыгинский район: пгт. Раздолинск, 2017.

Литература

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

2. Красных В. В. К вопросу о постулатах лингвокультурологии // Живодействующая связь языка и культуры: материалы конференции, посвящённой юбилею проф. В. Н. Телии. Т. 1. Язык. Ментальность. Культура. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2010. С. 33–35.

3. Бутенко Е. Ю. Базовые единицы лингвокультурологии // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2008. № 2. С. 321–328.

4. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.

5. Воркачев С. Г., Кузнецова Л. Э., Кусов Г. В., Полиниченко Д. Ю., Хизова М. А. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.

6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

7. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Вестник Кемеровского государственного университета. 2002. № 4. С. 100–105.

8. Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы в Сибири (1940–1950-е гг.). Красноярск: Изд-во Красноярского гос. аграрного ун-та, 2010. 180 с.

9. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960: дис. … д-ра ист. наук. М., 2005. 415 с.

10. Фельде О. В. Другие среди своих (на материале устных рассказов коренных жителей Северного Приангарья о ссыльных сталинской эпохи) // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой педагогической и научной деятельности проф. Галины Васильевны Звёздовой и приуроченной к её юбилею. Липецк, 2017. С. 115–123.

11. Занданова Л. В., Метлин С. А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.) // Сибирь и ссылка. 30.12.2010. Режим доступа: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1033 (дата обращения: 20.01.2018).

12. Шилько Г. Малая Родина. Очерки по истории Богучанского района. Богучаны: типография газеты «Ангарская правда», 2000. 67 с.

13. Зуев А. С., Красильников С. А. Ссылка в Сибирь в XVII – в первой половине XX в. // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_polovine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 20.01.2018).

14. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. Режим доступа: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 20.01.2018).

15. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

16. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

THE CONCEPT OF THE EXILED IN THE ANGARA LINGUOCULTURE*

Evgenii S. Smirnov [a, @, ID]

[a] *Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave, Krasnoyarsk, Russia, 660041*
[@] *ses9215@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-5208-0485*

Received 03.04.2018. Accepted 03.08.2018.

Keywords: concept *exiled*, Angara linguoculture, oral story, North Angara river basin.

Abstract: The article features the structure and content of the concept "the exiled" in the Angara linguoculture. Using conceptual analysis method, the author identified and examined conceptual and value layers of the concept "the exiled" in the oral stories and interviews with the residents of the North Angara river basin (Kezhemsky, Bogychansky and Motyginsky districts of Krasnoyarsk region). The originality of the study is in the fact that it is the first time the concept in question has been investigated on the basis of the Angara basin residents' oral stories and interviews. The study was conducted in the frames of the communicative-discursive paradigm of the modern linguistics. Its topicality is based on the fact that the conceptosphere of the Angara linguoculture remains largely understudied. Moreover, researches of the moral culture of the Angara basin residents have important sociocultural value since the population was mostly resettled after the construction of the Bogychany hydroelectric power station and flooding of villages in Kezhemsky district of Krasnoyarsk region. The research findings broaden the empirical basis of linguoculturology and communicative dialectology and clarify the peculiarities of the concept "the exiled" in the regional Siberian linguoculture. The author established that the explication of the value layer of the concept «the exiled» was verbalized via evaluative adverbs and adjectives. Positive normative (rationalistic),

* The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, Government of Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk Region Science and Technology Support Fund to the research project No. 17-14-24008.

intellectual and ethical evaluations prevail in the value layer. Oral stories and interviews of the residents of the North Angara river basin have great importance for the study of the value worldview of Siberians.

For citation: Smirnov E. S. Kontsept "ssyl′nye" v angarskoi lingvokul′ture [The Concept of the Exiled in the Angara Linguoculture]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 217–222. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-217-222.

References

1. Teliia V. N. *Russkaia frazeologiia. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola «Iazyki russkoi kul′tury», 1996, 288.

2. Krasnykh V. V. K voprosu o postulatakh lingvokul′turologii [The matter of the postulates of linguoculturology]. *Zhivodeistvuiushchaia sviaz' iazyka i kul'tury: materialy konferentsii, posviashchennoi iubileiu prof. V. N. Telii. T. 1. Iazyk. Mental'nost'. Kul'tura* [Live link between language and culture: materials of the conference dedicated to the jubilee of prof. V. N. Telia]. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo, 2010, 33–35.

3. Butenko E. Iu. Bazovye edinitsy lingvokul′turologii [Basic units of linguoculturology]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Rostov state university of economics*, no. 2 (2008): 321–328.

4. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Lingvokul′turnyi kontsept kak edinitsa issledovaniia [Linguocultural concept as a unit of research]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoik lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Ed. Sternin I. A. Voronezh: VGU, 2001, 75–80.

5. Vorkachev S. G., Kuznetsova L. E., Kusov G. V., Polinichenko D. Iu., Khizova M. A. *Lingvokul'turnyi kontsept: tipologiia i oblasti bytovaniia* [Linguocultural concept: typology and domains of existence]. Volgograd: VolGU, 2007, 400.

6. Karasik V. I. *Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, 477.

7. Pimenova M. V. Metodologiia kontseptual′nykh issledovanii [Methodology of conceptual research]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2002): 100–105.

8. Zberovskaia E. L. *Spetsposelentsy v Sibiri (1940–1950-e gg.)* [Special settlers in Siberia (1940–1950s.)]. Krasnoiarsk: Izd-vo Krasnoiarskogo gos. agrarnogo un-ta, 2010, 180.

9. Zemskov V. N. *Spetsposelentsy v SSSR: 1930–1960.* Diss. doktora ist. nauk [Special settlers in the USSR: 1930–1960. Dr. Hist. Sci. Diss.]. Moscow, 2005, 415.

10. Felde O. V. Drugie sredi svoikh (na materiale ustnykh rasskazov korennykh zhiteleii Severnogo Priangar′ia o ssyl′nykh stalinskoi epokhi) [Others among ours (on the material of oral stories of the indigenous inhabitants of the Northern Angara region about the exiled of the Stalin era)]. *Dukhovnost' i mental'nost': ekologiia iazyka i kul'tury na rubezhe XX–XXI vekov: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pedagogicheskoi i nauchnoi deiatel'nosti prof. Galiny Vasil'evny Zvezdovoi i priurochennoi k ee iubileiu* [Spirituality and mentality: the ecology of language and culture at the turn of the XX and XXI centuries: Proc. Intern. Sc.-Prac.Conf. on the pedagogical and scientific activities of the professor Galina Vasilyevna Zvezdova and timed to her anniversary]. Lipetsk, 2017, 115–123.

11. Zandanova L. V., Metlin S. A. Spetspereselenie nemtsev Povolzh′ia i Leningrada v Priangar′e: deportatsionnaia politika, pereselencheskie i adaptatsionnye protsessy (1941–1945 gg.) [Special resettlement of the Germans in the Volga and Leningrad in the Angara region: deportation policy, resettlement and adaptation processes (1941–1945)]. *Sibir′ i ssylka* [Siberia and the Exile]. 30.12.2010. Available at: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1033 (accessed 20.01.2018).

12. Shil′ko G. *Malaia Rodina. Ocherki po istorii Boguchanskogo raiona* [Patria Chica. Essays on the history of the Boguchansky district]. Boguchany: tipografiia gazety "Angarskaia pravda", 2000, 67.

13. Zuev A. S., Krasil′nikov S. A. Ssylka v Sibir′ v XVII – v pervoi polovine XX v. [Reference in Siberia in the XVII – in the first half of the XX century]. *Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009. Available at: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_polovine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (accessed 20.01.2018).

14. Kuznetsov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Great dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg: Norint, 1998. Available at: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (accessed 20.01.2018).

15. Stepanov Iu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2004, 992.

16. Vol′f E. M. *Funktsional'naia semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Editorial URSS, 2002, 280.

УДК 821.161.1

ОБРАЗ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ АВТОРСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ В РОМАНЕ В. Е. МАКСИМОВА «КОЧЕВАНИЕ ДО СМЕРТИ»

Людмила С. Старикова [a, @, ID]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *lyudvig.star@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0003-2166-9224*

Поступила в редакцию 17.08.2017. Принята к печати 18.09.2018.

Ключевые слова: образ революции, эксплицитный автор, имплицитный автор, время, история, рок, лагерная проза.

Аннотация: Цель статьи – проанализировать образ революции в романе В. Максимова «Кочевание до смерти», в ходе исследования использованы культурно-исторический, мифопоэтический методы и метод мотивного анализа. В связи со сложной многоступенчатой структурой романа образ революции рассмотрен отдельно по уровням текста. 1. Реальный пласт времени, описанный через поколение отцов, участвовавших в революции и гражданской войне. Для них она является значимым делом – это то, ради чего они жили, убивали и умирали. Ее образ у них вызывает уважение, поклонение, а также сожаление о незавершенности и невоплощенности идей. Революция тесно связана со временем гражданской войны, которая стала ее продолжением. 2. Метатекстовый уровень (уровень эксплицитного автора-героя Михаила Бармина) объединяет метатекстовое построение романа (который включает настоящее время, прошлое героя и роман в романе о времени революции и гражданской войны) и вписывается в художественную концепцию времени писателя: время, тесно связанное у В. Максимова с судьбой и роком, предстает смертельным хаотичным кругом, руководящим судьбами героев, страны, постоянно повторяющей свою историю снова и снова, и в целом всего человечества. 3. Авторская точка зрения (имплицитный автор) – революция предстает в виде хтонических существ, чудовищ, пожирающих своих детей, требующих кровавых жертвоприношений, человеческих жизней.

Для цитирования: Старикова Л. С. Образ русской революции как воплощение авторского понимания истории в романе В. Е. Максимова «Кочевание до смерти» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 223–230. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-223-230.

Введение

Русская революция 1917 г. является сложным феноменом в историческом процессе XX в., ее осмысление, создание художественного образа, выявление значения гражданской войны как последствия революции – данная проблематика затрагивалась в творчестве русских и советских писателей. «Образ революции – это архетипическая традиция нарушения существующей упорядоченности общественной жизни, принимающая в разные эпохи разные формы, но одинаково подталкивающая людей к радикальным социальным действиям» [1, с. 106], поэтому данная тема не теряет актуальности. При этом революция описывалась с различных точек зрения: как эпохальное историческое событие, перевернувшее старые устои жизни и создавшее новый тип человека («Конармия» И. Э. Бабеля, «Разгром» А. А. Фадеева, «Железный поток» А. С. Серафимовича, «Чапаев» Д. А. Фурманова и др.); и как конец времен, эсхатология («Белая гвардия», «Дни Турбиных» М. А. Булгакова, «Котлован» А. П. Платонова, «Солнце мертвых» И. С. Шмелева, «Окаянные дни» И. А. Бунина и др.).

Об образе революции в русской литературе исследователи говорят применительно к творчеству М. Алданова [2–5], Л. Андреева [6–7], А. Белого [8], А. Блока [8] (в центре анализа оказывается поэма «Двенадцать» [9–11]), М. Волошина [12], Л. М. Леонова [13–14], Б. Пастернака [15], А. М. Ремизова [16] и др. Исследователями отмечаются образы метели и вихря, сопровождающие революцию, апокалиптические мотивы, революция предстает как катастрофическое событие, стихийное и кровавое, как гибель России, отмечается символикой хаоса истории.

Уделим внимание диссертационной работе Бражникова Ильи Леонидовича, посвященной историософскому тексту русской революции в художественной литературе и публицистике XX в. Исследователь рассматривает многих писателей и их произведения, начиная с XIX в. (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, П. Я. Чаадаев, В. Ф. Одоевский и т. д.). В XX в. затрагивается С. Есенин, В. Розанов,

А. Блок, М. Волошин, Г. В. Иванов и др.; подробно рассматривается поэма А. Блока «Двенадцать», отдельная глава называется «Сатирический модус художественной апокалиптики («Роковые яйца» М. А. Булгакова и «Третий Рим» Г. В. Иванова)». Диссертация завершается обращением к эсхатологическому хронотопу в повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой». Таким образом, работа охватывает множество произведений различных направлений и жанров и завершается повестью второй половины XX в. В итоге И. Л. Бражников делает вывод о том, что «Революция – это апокалипсис (откровение) русской истории, смысл которого открыт и незавершён – продолжает разворачиваться в истории» [17]. «Мысль о «стихийном», «вихревом» начале в революции присутствует в произведениях советских писателей 20–30-х годов» [18, с. 5], – также отмечает А. Р. Дзиов.

Владимир Максимов, роман которого стал материалом рассмотрения данной статьи, является писателем, основывающим все свои произведения на реальных исторических событиях. Творчество В. Максимова дополняет контекст произведений о русской революции и гражданской войне, расширяет грани понимания данного явления, углубляет наши представления о художественной концепции истории писателя. Одними из самых частых явлений, затрагиваемых им, актуальными почти для всех его книг, оказались революция и последующая гражданская война. Он обращается к ним в следующих романах: «Семь дней творения», «Карантин», «Заглянуть в бездну», «Ковчег для незваных», «Кочевание до смерти» и др. «Обращение к историческим фактам для писателя является способом самопознания, национальной идентификации, смысл которой в обретении «почвы под ногами», в убежденности, что даже трагические исторические события очистительно воздействуют на личность и народ» [19, с. 265], – пишет И. М. Попова, обращаясь к роману «Семь дней творения». Исследователь отмечает авторское понимание хода истории в период революции как соединение документальности и символического плана метаисторизма, уходящего к вселенской истории человечества [20]. По мнению другого ученого, А. Р. Дзиова, в романе «Заглянуть в бездну» революция предстает катастрофическим всеохватным процессом, пришедшим как возмездие и потрясшим сами основы бытия [18]. Как мы видим, это сложное и противоречивое явление, и мы попытаемся выявить его характеристики в романе В. Максимова «Кочевание до смерти». Анализ образа революции актуален для творчества Владимира Максимова, в произведениях которого представлен исторический реализм. Ранее данная проблема не рассматривалась подробно применительно к роману «Кочевание до смерти». Цель статьи – проанализировать образ революции в рассматриваемом романе, в ходе исследования были использованы культурно-исторический, мифопоэтический методы и метод мотивного анализа.

Анализ образа русской революции по уровням текста

Роман 1994 г. «Кочевание до смерти», тематически включенный нами в лагерную прозу, является последним произведением В. Максимова, и в нем он соединил несколько временных пластов, уже затрагиваемых им ранее. Время представлено тремя пластами: настоящее время (эмиграция, Франция), в котором герой Михаил Бармин пишет роман об отце – Гордее; прошлое самого героя (последовательная история его жизни); прошлое страны, описанное в романе Бармина. В этом третьем метавремени описана революция и гражданская война, в нем образ революции является ключевым, но проявляется и далее во всех временах, т. к. отголоски прослеживаются в судьбе всей страны и каждого человека в частности. Герой-писатель пытается через творчество понять переплетения судьбы, ход истории и главного события – революции: «Развязывая и связывая человеческие сплетения на бумаге, я все силюсь отыскать конец нити, с помощью которой смогу выбраться из лабиринта загадок к одному, единственно возможному ответу на вопрос вопросов: с чего началась российская Голгофа, в чем ее смысл и чем она кончится?» [21, с. 642].

Реальный пласт отражения революции проявляется в воспоминаниях об отце и матери Михаила Бармина и их сверстниках (поколение отцов). В детских воспоминаниях отец (Гордей Мамин) «искренне считал себя незаслуженно обойденным славой и почестями, злобился на весь белый свет» [21, с. 526], вымещал злобу на родных. Его фраза «Сукины дети, просрали революцию!..» [21, с. 526] отражает особое значение: революция – это дело всей жизни для многих ее деятелей. Другой персонаж (отец Валентины, поколение отцов) отмечает былое время: «было дело, не жалели себя за ради революции, проливали горячую кровь молодую» [21, с. 538]. Отчим героя Павел Бармин подчеркивает значимость революции, готовность на все в то время ради нее: «мы тогда ради революции готовы были хоть с дьяволом» [21, с. 669]. Революция требует молодой крови, о ней говорят с уважением, она почитается как некая религия. С точки зрения тех, кто делал революцию, последующие поколения не только не признали их роль и заслугу в величайших изменениях страны, но и не смогли воспользоваться достигнутыми ими результатами.

Обратимся немного подробнее к образу отца, который остался в памяти ребенка и частично характеризует образ революции: «В памяти у меня от него остались только унылый нос над висячими усами, ромб в петлице и орден Красного Знамени на застиранной гимнастерке» [21, с. 527]. Отец воевал за дело, в которое верил, которое должно было спасти страну,

по его вере; он был в высшем командном составе и был героем войны, приставленным к награде, о чем нам говорят знаки отличия. Но у него унылый вид, застиранная гимнастерка – атрибут войны, революция ничего ему не дала, кроме потерь, и в итоге за это дело он был осужден на лагерный срок.

В судьбе матери героя революция также сыграла яркую роль, мать застала еще Февральскую революцию, будучи в Смольном институте. По книге и рассказам отца он вытащил «ее из-под целого эскадрона где-то на беженских дорогах между Тихорецкой и Екатеринодаром» [21, с. 526]. Не новость, что такие события влекут за собой насилие и надругательство, особенно над женщинами, но для дворянки они ознаменовали изменения всей ее жизни. Для Бармина она осталась непостижимым человеком, он сравнивает ее с невозмутимой птицей, которая оправляет «помятое оперение, чтобы устремиться дальше в поисках тепла и пропитания» [21, с. 529]. Неудивительно его непонимание, т. к. герой озабочен глобальными проблемами, судьбами России и т. п. А она живет лично для себя, «мир вокруг создан ради нее лично» [21, с. 529]. У ребенка обида на мать, т. к. «я для нее обуза, крест, наказание Божье» [21, с. 529]. Она же любила себя чувствовать невинной жертвой окружающих обстоятельств. Ее характеристика предстает через сознание героя как обиженного недолюбленного ребенка, он ее не уважает, описывает будто она его никогда не любила: «я уверен, не ударит для меня палец о палец. Уж так было устроено ее естество: она жила собою и ради себя. Увы, ничего более ее на этом свете не трогало и не интересовало» [21, с. 650]. По воспоминаниям ребенка, отец просто куда-то делся, а они с матерью переехали уже к отчиму, она нашла Бармина (возможно просто выбрала лучший вариант для жизни) – она приспосабливалась, что не должно было быть характерно для ее дворянской чести, но ей хотелось жить и выжить, а умела и могла она это сделать только через мужчин.

При описании революционного поколения отцов, которые в 30-е гг. уже были обречены на срок и статью, В. Максимов описывает революцию и историю как замкнутое кольцо: время захватывает людей в свой круг: «Гибельный рок проступал в их лицах, смыкая вокруг них заколдованный круг всеобщего отчуждения» [21, с. 526]. Революция, воспользовавшись молодой кровью, оставляет людей року и судьбе.

В романе героя (метатекстовый уровень) революция предстает в творческом сознании героя-писателя. Мы должны учесть, что в его романе революция – уже не реальное историческое событие, а творчески, индивидуально осмысленное, метаисторическое.

В самом начале романа героя он сравнивает время революции с вольницей Степана Разина. Этот образ возникает не просто так. Он видит крылатую стаю бунчуков и знамен «обезумевшей от вина и крови разинской вольницы: даешь волю, однова живем!» [21, с. 532]. Образы-воспоминания революции возникают в образах, связанных с кровью и смертью: «жирные, словно облитые нефтью мухи, лениво кружащие над головой повешенного Калабухова» [21, с. 533]; «обреченные бараки в Лиенце, где резали вены и готовились к смертным хождениям остатки красновского воинства» [21, с. 533]; кровь в гражданскую войну потекла «по степи, как вода, не поймешь, где своя, где чужая» [21, с. 536]; во время гражданской войны: «По всему Задонью и Дону льется людская кровь от большевистских катов, стоном стонет родная земля» [21, с. 575]. Революция, как древнее божество, требует неких жертвоприношений, требует платы кровью и получает ее. Люди готовы на зверства, убийства, а смерть становится обыденностью. Например, когда идет описание кровавых времен, в которых жил Гордей, мотив крови становится нормой для войны: «Его уже не мутило от людской крови, и ничьи слезы не откликались в нем жалостью или досадой» [21, с. 626]. Но пусть это и норма, но человеческая душа тоже умирает, черствеет. Гордей (главное действующее лицо времени отцов в романе героя, главный герой романа в романе, который пишет Михаил Бармин) был призван на фронт, душа его разбросалась в разные стороны, революция (как и само время) предстает как воронка, омут, затягивающий в свою бездну: «После хуторского оцепенения мир вломился к нему в душу оглушительной разноголосицей, хороводом лиц, имен, названий, лозунгов и местностей, хмельным дурманом обманчивой воли. И Гордей закружился в этом мутном омуте, безвольно втягиваясь в его безумную воронку» [21, с. 536].

Образ войны сопровождает революцию, они описаны в похожем ключе: «Война подступала к Кубани исподволь, крадучись, тихой сапой: все учащались заупокойные службы в станичной церкви, все гуще выявлялось увечных на базарах и сходах, все тише и скупее отмечались престольные праздники. Казалось, самый воздух день ото дня густел, наливался спертым, словно в предгрозье, удушьем» [21, с. 535]. Гражданская война, ставшая продолжением и действием революции, отразила ярость и беспощадность того времени. Старый доктор в лагере говорит о гражданской войне и ее вожде Троцком следующее: «Не щадил ни пола, ни возраста. Столько могил и сирот после себя оставил, что нам их до Второго Пришествия не пересчитать» [21, с. 580]. Война сопровождается смертью, бездомностью, одиночеством людей.

Во времени революции в романе Бармина его героя постоянно сопровождает как некий рок или проклятье другой герой – Чумак, сначала его командир в революционной войне, потом он встретит его и в лагере, там же узнает, что алмаз, который тот когда-то дал ему на хранение и который он пронес через все тюрьмы, обыски и зоны, на самом деле – фальшивка. Во сне Гордей видит сущность Чумака

как сатаны (при этом картина чем-то напоминает финальную сцену из «Мастера и Маргариты»): «А ночью Гордею снилось, будто сидит он в одном седле с Чумаком и тихий конь, не касаясь копытами земли, несет их над заснеженной степью. Чернильное небо осыпается на них звездными ливнями, и клубятся по сторонам то ли облака, то ли пар из лошажьих ноздрей. Редкие огоньки внизу призывно подмигивают им, но тихий конь уносит их все дальше и дальше в матереющую впереди ночь. – Погоди, казак, то ли еще будет, – оборачиваясь к нему, азартно скалился Чумак, – по всей земле просвистим, только головешки считай!» [21, с. 645]. Чумак предстает неким всесильным центром действий апокалипсиса разрушений, он скалится, как зверь. Но образ воплощается в реальность даже более ужасающе, нежели во сне: «А Чумаку и это нипочем. Нахрапистым коршуном носился он по дому, только грозно посверкивали рысьи глаза да ядро вздувались широкие ноздри» [21, с. 646]. В одном существе соединяются птица, рысь и лошадь, чем-то данный образ напоминает грифона (мифического существа с телом льва и крыльями птицы), но с добавлением третьего компонента. Как мы видим, главным оказывается принадлежность Чумака к потустороннему миру и его приобщение к разряду чудищ, он является частным воплощением образа революции.

Именно Чумак (один из реальных кровавых деятелей революции и гражданской войны) описывает всю перевернутость времени полного изменения мира: «У меня не заведение для благородных девиц, мы землю на попа ставим, нам в бирюльки играть некогда, у кого душа со страху мерзнет, уйди с дороги, а то растопчем, нам не по воду – по людские кровя ходить, руки замочить боишься – не суйся, враз на распыл пущу…» [21, с. 628]. Деятели стали творить историю, решать, кому жить, кому умирать.

На уровне эксплицитного автора-Бармина эти образы повторяются. Гражданская война, это «роковое российское безвременье» [21, с. 533] (по выражению В. Максимова), последовавшее за революцией и ставшее ее результатом, являлась для писателя одной из основных точек, на которых он основал художественную философию истории. В романе «Кочевание до смерти» В. Максимов представляет историю лабиринтом, хаосом, переплетением судеб. Историческое время, подвергающееся рефлексии в сознании героя, предстает как образ замкнутого, повторяющегося, убивающего круга. В книге Михаила Бармина «через историю казачьего мятежа раскрывается изначальная антинародность большевистской политики» [22]. Революция как остановка времени повлияла на Россию, и она на 70 лет выпала из общемирового исторического движения. И на общемировом уровне человечество в принципе потерялось, запуталось в войнах, революциях и конфликтах. Повторяемость времени и событий отмечают не только писатели, но и философы[1].

В «Кочевании до смерти» революция подобным образом росла и зрела как живое существо, заражала умы как болезнь, зарождалась и прогрессировала: «в местечковых углах России, заквашенная на страхе и нищете, словно взбухающая опара, вызревала гремучая ненависть» [21, с. 577]. Ее сопровождают злоба, ненависть и, конечно, смерть, она поражает как вирус или микроб: «в революциях действительно можно усмотреть такое качество, как вирулентность (способность к воспроизводству через заражение)» [24, с. 60], – так характеризует исследователь-философ некоторые качества революции как феномена. Но для поколения Михаила Бармина это уже не великое дело, революция принесла нужду его ровесникам, сиротство, обездоленность, бездомность.

Перейдем к точке зрения повествователя – имплицитного выражения автора. Для описания времени революции Максимов использует яркие образы чудовищ, древних хтонических существ, образ чудища, пожирающего своих детей, поглощающего человеческую индивидуальность. Здесь можно узреть связь и с Кроносом, богом времени, что логично ложится на образ революции как показателя исторического времени для страны. Подобно Кроносу, «революция пожирала своих детей, порождая новых – поплоше и посговорчивее» [21, с. 526]. Такое сравнение используется при описании пласта времени отцов, строивших новый мир, но на самом деле это революция поглотила их судьбы как всесильное божество, или рок, который у В. Максимова движет судьбами героев романа. Данный образ согласуется и с выведенным К. Бринтоном [25] знаменитым законом Термидора, по которому революция в конце концов начинает отрицать саму себя, или иными словами – пожирать своих детей. Это показано на образе дома, где проживают целые семьи. Дом, где живет в детстве герой-рассказчик, характеризуется как гробница. Это дом власти, людей из властных структур. И как бы не продвигалась их карьера – быстро взлетали или медленно – все равно они пропадали, исчезали: «Их тут же вычеркивали из списков жильцов, из памяти, из времени, чтобы наследовать от них невольную месть – тягостную пытку ожидания» [21, с. 526].

Категория времени оказывается воплощена в образе революции, подтверждающем круг повторяемости в «Кочевании до смерти». В образе революции писатель находит некое отражение сущности исторического процесса. Он отмечает, что «Всякая революция или переворот сводятся в конце концов лишь к смене одних надзирателей другими» [21, с. 590]. В. Максимов находит в ней причины того, что целая страна стала подобием лагеря.

[1] см. работу В. А. Лимонова [23].

Заключение

В романе «Кочевание до смерти» три пласта времени объединяет не только главный герой, но и мотив смерти, соединяющий революцию, эмиграцию и лагерь. Во всех трех временных пластах романа находит отражение образ революции, вписанный в авторскую художественную концепцию замкнутого и повторяющегося круга истории. На уровне эксплицитного автора (самого героя – писателя-Бармина) образ революции предстает как жестокая, но почитаемая богиня, жаждущая крови (через воспоминания и жизнь поколения отцов). По образному ряду она совпадает с представлениями о самом времени-омуте, затягивающем в бездну. Она как некий рок, неотвратимая судьба или предрешение преследует как героев, так и саму страну. Образ революции на уровне имплицитного автора предстает через образы чудищ (а также частного человеческого их воплощения в лице Чумака), хтонических существ, пожирающих своих детей. Это клокочущий вихрь, вовлекающий и затягивающий в себя героев. Таким образом, образные ряды имплицитного и эксплициного авторов пересекаются, что логично, т. к. герой В. Максимова – частично автобиографический персонаж. Данный образ революции подтверждает наше понимание представлений В. Максимова, который считает историю неким повторяющимся кругом, замыкающим свои концы вокруг героев романа, страны, человечества и целого мира, ставшего для героя тем же лагерем, в котором он отбывал срок, только больших размеров. При этом образ революции очеловечивается, предстает в персонифицированных воплощениях, ассоциируется с Кроносом, с хтоническими существами, подобием неких божеств, требующих крови, жертв и смертей.

Литература

1. Кучукова Ж. М. Становление этнонациональной субъектности и образ революции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1. С. 105–107.

2. Млечко А. В. Символика «хаоса истории» в романах Марка Алданова и «русский текст» «Современных записок» («Мыслитель», «Ключ. Бегства. Пещера», «Начало конца») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2003. № 3. С. 69–74.

3. Злочевская А. В. Ситуация революции – как ситуация деструкции этических и жизненных ориентиров (на материале пьес М. Булгакова «Дни Турбинных», И. Сургучева «Реки Вавилонские» и М. Алданова «Линия Брунгильды») // Slavica litteraria. 2012. Vol. 15. Iss. 1. P. 35–44.

4. Макрушина И. В. Сквозь призму карнавала: о двух революциях в романах М. Алданова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 30. С. 158–167.

5. Макрушина И. В. Своеобразие художественной историософии Марка Алданова // Universum: филология и искусствоведение. 2014. № 1. С. 2.

6. Михеичева Е. А. Эволюция образа революционера в творчестве Л. Андреева // Славянский сборник: Материалы XI Всероссийских (с международным участием) Славянских Чтений. Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2014. С. 95–102.

7. White F. H. Interpreting History: Meaning Production for the Russian Revolution // Adaptation: the journal of literature on screen studies. 2016. Vol. 9. № 2. P. 205–220. DOI: 10.1093/adaptation/apw003.

8. Чубаров И. М. Символ, аффект и мазохизм. Образы революции у А. Белого и А. Блока // Новое литературное обозрение. 2004. № 1. С. 131–147.

9. Подшивалова Е. А. Революция и народная стихия. К изучению поэмы А. Блока «Двенадцать» на уроке литературы // Филологический класс. 2006. № 15. С. 51–55.

10. Бражников И. Л. Ветер истории («стихийные» метафоры в поэме А. Блока «Двенадцать») // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 178–183.

11. Яковлев М. В. Революция и апокалипсис в лирическом пространстве А. Блока // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 14.

12. Бужор Е. С. Осмысление русской революции в творчестве Максимилиана Волошина // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 1. № 2. С. 19.

13. Якимова Л. П. Повести Леонида Леонова 1920-х годов о революции и гражданской войне как жанрово-тематический и семантико-поэтический цикл. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 254 с.

14. Непомнящих Н. А. Мотив погорельщины в «Пирамиде» Л. М. Леонова и мотив очищения огнем в литературе начала 1920-х годов // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Лирические и эпические сюжеты / отв. ред. И. В. Силантьев. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 167–177.

15. Воротынцева К. А., Тюпа В. И. Повседневность и катастрофа в романе «Доктор Живаго» // Новый филологический вестник. 2014. № 1. С. 110–125.

16. Кривошея Н. А. Повесть А. М. Ремизова «Крестовые сестры» в аспекте идейно-художественного своеобразия творчества писателя и литературных традиций // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 4. С. 49–56.

17. Бражников И. Л. Историософский текст русской революции в художественной литературе и публицистике XX века: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2011. 40 с.

18. Дзиов А. Р. Историческая судьба России в романе В. Максимова «Заглянуть в бездну» // Шадринские чтения: Материалы второй межрегиональной научно-практической конференции. Литературоведение. Культурология. Шадринск: Исеть, 2006. С. 3–11.

19. Попова И. М. Символико-метафорический принцип изображения истории в прозе В. Е. Максимова конца XX века // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 263–270.

20. Попова И. М. Принципы изображения истории в романистике В. Е. Максимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-2. С. 170–173.

21. Максимов В. Е. Кочевание до смерти // Максимов В. Е. Избранное. М.: Терра, 1994. С. 523–735.

22. Литвинов В. М. Владимир Емельянович Максимов // Русские писатели. XX век. Биобиблиографический словарь. В 2-х ч. Ч. 2: М–Я. М.: Просвещение, 1998. С. 10–14.

23. Лимонов В. А. Цикличность истории в социологических и философских концепциях XX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1. С. 116–123.

24. Иваненко А. И. Хаос и революция (пролегомены к онтологии революции) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2010. № 2. С. 54–62.

25. Brinton C. The Anatomy of Revolution. N. Y.: Vintage Books, 1960. 243 p.

THE IMAGE OF THE RUSSIAN REVOLUTION AS THE EMBODIMENT OF THE AUTHOR'S UNDERSTANDING OF HISTORY IN "THE NOMADISM TO DEATH" BY VLADIMIR MAKSIMOV

Lyudmila S. Starikova [a, @, ID]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *lyudvig.star@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0003-2166-9224*

Received 17.08.2017. Accepted 18.09.2018.

Keywords: the image of the revolution, an explicit author, an implicit author, time, history, rock, the camp prose.

Abstract: The study features the image of the revolution in the novel by V. Maksimov "The Nomadism to Death". The research employed the cultural-historical and mythopoetic methods, as well as the method of motivational analysis. Since the novel has a complex multistage structure, the image of the revolution is considered according to the levels of the text: 1. The real layer of time, featuring the generation of fathers, who participated in the revolution and civil war. For them, revolution is significant: this is what they lived, killed and died for. The image of revolution evokes respect and worship, as well as regret about its incomplete. On this level, the revolution is closely connected with the time of the Civil War, which became its continuation. 2. The metatext level (the level of the explicit author-narrator Mikhail Barmin) unites the metatextual construction of the novel (which includes the present, Barmin's past and "a novel inside the novel" about the time of the revolution and the civil war) and fits into the artistic conception of the writer's time: Maksimov depicts the time as a deadly chaotic circle, guiding the destinies of his characters and the land that repeats its history again and again, and in the whole of humanity as a whole. 3. Author's point of view (implicit author) – the revolution appears in the form of chthonic creatures, monsters devouring their children, demanding blood sacrifices and human lives.

For citation: Starikova L. S. Obraz russkoi revoliutsii kak voploshchenie avtorskogo ponimaniia istorii v romane V. E. Maksimova «Kochevanie do smerti» [The Image of the Russian Revolution as the Embodiment of the Author's Understanding of History in "The Nomadism to Death" by Vladimir Maksimov]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 223–230. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-223-230.

References

1. Kuchukova Zh. M. Stanovlenie etnonatsional′noi sub”ektnosti i obraz revoliutsii [Formation of ethno-national subjectivity and image of revolution]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice*, no. 9-1 (2015): 105–107.

2. Mlechko A. V. Simvolika «khaosa istorii» v romanakh Marka Aldanova i «russkii tekst» «Sovremennykh zapisok» («Myslitel′», «Kliuch. Begstva. Peshchera», «Nachalo kontsa») [The symbolism of the "chaos of history" in the novels by Mark Aldanov and the "Russian text" of "Modern Notes" ("Thinker", "Key. Escape. Cave", "The Beginning of the End")]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika = Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism*, no. 3 (2003): 69–74.

3. Zločevskaja A. V. Situatsiia revoliutsii – kak situatsiia destruktsii eticheskikh i zhiznennykh orientirov (na materiale p′es M. Bulgakova «Dni Turbinnykh», I. Surgucheva «Reki Vavilonskie» i M. Aldanova «Liniia Brungil′dy») [The situation of the revolution is like the situation of the destruction of ethical and vital landmarks (on the material of M. Bulgakov's plays "The Turbins' Days", I. Surgutchev "The Rivers of Babylon" and M. Aldanova "The Line of Brunhilde")]. *Slavica litteraria*, 15, Iss. 1 (2012): 35–44.

4. Makrushina I. V. Skvoz′ prizmu karnavala: o dvukh revoliutsiiakh v romanakh M. Aldanova [Through the prism of the carnival: about two revolutions in M. Aldanov’s novels]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniia i kul'turologii = In the world of science and art: questions of philology, art criticism and culturology*, no. 30 (2013): 158–167.

5. Makrushina I. V. Svoeobrazie khudozhestvennoi istoriosofii Marka Aldanova [Singularity of Mark Aldanov’s art historiosophy]. *Universum: filologiia i iskusstvovedenie = Universum: Philology and Art History*, no. 1 (2014): 2.

6. Mikheicheva E. A. Evoliutsiia obraza revoliutsionera v tvorchestve L. Andreeva [The evolution of revolutionist´s image in L. Andreev´s works]. *Slavianskii sbornik: Materialy XI Vserossiiskikh (s mezhdunarodnym uchastiem) Slavianskikh Chtenii* [Slavic collection: Proc. XI All-Russian (with intern. participation) Slavonic Readings]. Orel: Orlovskii gos. in-t iskusstv i kul′tury, 2014, 95–102.

7. White F. H. Interpreting History: Meaning Production for the Russian Revolution. *Adaptation: the journal of literature on screen studies*, 9, no. 2 (2016): 205–220. DOI: 10.1093/adaptation/apw003.

8. Chubarov I. M. Simvol, affekt i mazokhizm. Obrazy revoliutsii u A. Belogo i A. Bloka [Symbol, affect and masochism. Images of the revolution in A. Bely and A. Blok]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New literary review*, no. 1 (2004): 131–147.

9. Podshivalova E. A. Revoliutsiia i narodnaia stikhiia. K izucheniiu poemy A. Bloka «Dvenadtsat′» na uroke literatury [Revolution and the people's element. To the study of A. Blok's poem "The Twelve" at the lesson of literature]. *Filologicheskii klass = Philological Class*, no. 15 (2006): 51–55.

10. Brazhnikov I. L. Veter istorii («stikhiinye» metafory v poeme A. Bloka «Dvenadtsat′») [A wind of history ("Natural" metaphor in a poem by Alexander Blok, "The twelve")]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (2011): 178–183.

11. Yakovlev M. V. Revoliutsiia i apokalipsis v liricheskom prostranstve A. Bloka [Revolution and Apocalypse in A.Blok’s lyric space]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. Seriia: Filologiia. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia = Bulletin of the Moscow State Regional Humanitarian Institute. Series: Philology, linguistics and intercultural communication*, no. 1 (2013): 14.

12. Buzhor E. S. Osmyslenie russkoĭ revoliutsii v tvorchestve Maksimiliana Voloshina [Assessment of Russian Revolution in the Work of Maximilian Voloshin]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremia = Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time*, 1, no. 2 (2013): 19.

13. Yakimova L. P. *Povesti Leonida Leonova 1920-kh godov o revoliutsii i grazhdanskoi voine kak zhanrovo-tematicheskii i semantiko-poeticheskii tsikl* [Leonid Leonov's novels of the 1920s about the revolution and civil war as a genre-thematic and semantic-poetic cycle]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2007, 254.

14. Nepomnyashchikh N. A. Motiv pogorel′shchiny v «Piramide» L. M. Leonova i motiv ochishcheniia ognem v literature nachala 1920-kh godov [The motif of burnout in the Pyramid by Leonid Leonov and the motif of purification by fire in the literature of the early 1920s]. *Materialy k Slovariu siuzhetov i motivov russkoi literatury. Liricheskie i epicheskie siuzhety* [Materials to the Dictionary of plots and motifs of Russian literature. Lyrical and epic stories]. Ed. Silantiev I. V. Novosibirsk: NGU, 2010, 167–177.

15. Vorotyntseva K. A., Tyupa V. I. Povsednevnost′ i katastrofa v romane «Doktor Zhivago» [Everyday life and catastrophe in the novel Doctor Zhivago]. *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*, no. 1 (2014): 110–125.

16. Krivosheya N. A. Povest′ A. M. Remizova «Krestovye sestry» v aspekte ideino-khudozhestvennogo svoeobraziia tvorchestva pisatelia i literaturnykh traditsii [Conceptual and expressive originality of

A. M. Remisov's "Sisters of the Cross" in his art and literary traditions aspects]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, no. 4 (2014): 49–56.

17. Brazhnikov I. L. *Istoriosofskiii tekst russkoi revoliutsii v khudozhestvennoi literature i publitsistike XX veka.* Avtoref. diss. doktora filol. nauk [The historiosophic text of the Russian revolution in fiction and journalism of the twentieth century. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2011, 40.

18. Dziov A. R. Istoricheskaia sud′ba Rossii v romane V. Maksimova «Zaglianut′ v bezdnu» [The historical fate of Russia in the novel by V. Maksimov "Look into the abyss"]. *Shadrinskie chteniia: Materialy vtoroi mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Literaturovedenie. Kul'turologiia* [Shadrinsky readings: Proc. second interregional Sci.-Prac. Conf. Literary studies. Culturology. Shadrinsk]. Shadrinsk: Iset′, 2006, 184.

19. Popova I. M. Simvoliko-metaforicheskii printsip izobrazheniia istorii v proze V. E. Maksimova kontsa XX veka [Symbolic and metaphorical principle of depicting historical events in the prose of V. E. Maksimov at the end of the XX century]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = News of the Tula state university. Humanitarian sciences*, no. 2 (2014): 263–270.

20. Popova I. M. Printsipy izobrazheniia istorii v romanistike V. E. Maksimova [Principles of story representation in romance philology of OF V. E. Maksimov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, no. 12-2 (2013): 170–173.

21. Maksimov V. E. Kochevanie do smerti [The Nomadism to Death]. Maksimov V. E. *Izbrannoe* [Izbrannoe]. Moscow: Terra, 1994, 523–735.

22. Litvinov V. M. Vladimir Emel′ianovich Maksimov [Vladimir Emelyanovich Maksimov]. *Russkie pisateli. XX vek. Biobibliograficheskii slovar'. Ch. 2: M–Ia* [Russian writers. XX century. Bibliographic Dictionary. Part 2: M–Ia]. Moscow: Prosveshchenie, 1998, 10–14.

23. Limonov V. A. Tsiklichnost′ istorii v sotsiologicheskikh i filosofskikh kontseptsiiakh XX v. [Cyclic recurrence (Tsiklizm) in sociological and philosophical conceptions of 20th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*, no. 1 (2011): 116–123.

24. Ivanenko A. I. Xaos i revoliutsiia (prolegomeny k ontologii revoliutsii) [Chaos and revolution (introduction to the revolution ontology)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 7: Filosofiia. Sotsiologiia i sotsial'nye tekhnologii = Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies*, no. 2 (2010): 54–62.

25. Brinton C. *The Anatomy of Revolution*. N. Y.: Vintage Books, 1960, 243.

УДК 821.111

РАСКРЫВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ПРИРОДУ: ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК ЛИТЕРАТУРЫ

Карен Хьюитт [a, @]

[a] *Оксфордский университет, OX1 2JD, Великобритания, Оксфорд*
[@] *Karen.Hewitt@conted.ox.ac.uk*

Поступила в редакцию 25.02.2018. Принята к печати 31.07.2018.

Ключевые слова: гуманность, образный язык, английский роман, литература, акт коммуникации.

Аннотация: В статье упоминается четыре романа, включенных автором статьи в курс современной английской художественной литературы: «Изменение климата» Хилари Мантела, «Карантин» Джима Крейса, «Последние распоряжения» Грэма Свифта и «Алвертон» Адама Торпа. Автор дает подробное описание языка данных произведений, которые объединяет общий мотив «странных аспектов человеческого опыта».

Герои романа Хилари Мантел погружены в исследование своего нравственного сознания, а также спорных вопросов веры и человеческого страдания: это люди, пытающиеся быть рациональными, но постоянно попадающие в неприятности. Носитель языка может оценить диапазон грамматических времен, который автор использует для передачи мыслительного процесса. Джим Крейс в своем романе «Карантин» демонстрирует превосходное умение подбирать точные слова: несмотря на всю кажущуюся «странность» текста, это великолепный образчик повествовательной прозы. Роман Грэма Свифта представляет собой собрание мыслей и воспоминаний семи разных героев: автор использует говор пожилых и малообразованных обитателей юго-восточного Лондона. Роман «Алвертон» Адама Торпа можно считать самым необычным из представленных четырех книг. Он состоит из двенадцати глав, каждая из которых посвящена отдельной истории, произошедшей в период с 1650 по 1689 гг. Каждая глава представлена отдельным литературным жанром (проповедь, любовная переписка, дневник, лекция, сценарий телепередачи и т. д.). Перед автором стояла трудная задача: произведение должно легко восприниматься читателем, одновременно ассоциируясь у него с определенным периодом и жанром. Подводя некий итог, автор определяет литературу как акт коммуникации между писателем и читателем. Разумеется, нельзя утверждать, что литература – единственный вид искусства, позволяющий «человеку оставаться человеком», однако литературное творчество заставляет индивида задумываться о жизни других людей с эффективностью, которой не могут похвастаться какие-либо другие виды человеческой деятельности. Любители британской литературы имеют уникальную возможность познакомиться с современными английскими авторами в библиотеках вузов – участников проекта «Современная английская литература в российских университетах» фонда «Оксфорд-Россия».

Для цитирования: Хьюитт К. Раскрывая человеческую природу: выразительный язык литературы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 231–236. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-231-236.

REVEALING HUMANITY: THE FLEXIBLE LANGUAGE OF LITERATURE

Karen Hewitt [a, @]

[a] *Oxford University, Oxford, Great Britain, OX1 2JD*
[@] *Karen.Hewitt@conted.ox.ac.uk*

Received 25.02.2018. Accepted 31.07.2018.

Keywords: humanity, imaginative language, an English novel, literature, an act of communication.

Abstract: The article features the linguistic peculiarities of four novels the author uses in her course on Contemporary English Fiction: Hilary Mantel's A Change of Climate, Jim Crace's Quarantine, Graham Swift's Last Orders, and Adam Thorpe's Ulverton. The novels probe deeply into some of the stranger aspects of human experience. Hilary Mantel writes of people who try to behave as balanced, rational beings, but to whom irrational and terrible things happen that have to be dealt with. The metaphorical language illuminates this philosophical exploration, which would otherwise be dull or unconvincing. The novel might seem strange for English readers, but the language carries the conviction of the true storyteller. J. Crace has a wonderful sense of exact words for an exact rhythm. Graham Swift's novel is written as though it were the thoughts and memories of seven different characters. The language here is the colloquial vernacular, the language of elderly and middle-aged men and women with little education from south-east London. The most extraordinary book of these four is Adam Thorpe's Ulverton. It consists of twelve chapters, which are a chronological set separate 'stories' that happened between 1650 and 1988. Each chapter uses a different literary genre for the story-telling: for example, a simple first-person narrative, a sermon, a journal, letters to a lover, lecture notes, an internal monologue, and – ending the novel – a television script. Thorpe has therefore set himself a colossal task: to render into lively readable English, the concerns and passions of individuals, often illiterate individuals, while retaining a sense of the language appropriate to a particular era and a particular genre.

Literature is an act of communication between writer and reader which does justice to humanity through expressive, imaginative language. Nobody would be so arrogant as to say that reading literature is the only way of 'being human' but more than most activities it forces us to think about people other than ourselves.

Readers who would like to read more have available many other fine examples of contemporary English literature, provided by the Oxford Russia Fund for those taking part in the project on Contemporary English Literature in Russian Universities.

For citation: Hewitt K. Raskryvaia chelovecheskuiu prirodu: vyrazitel′nyi iazyk literatury [Revealing Humanity: the Flexible Language of Literature]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 231–236. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-231-236.

Recently, as a teacher of adults for Oxford University, I found myself planning a course on contemporary English fiction which included novels by Hilary Mantel *(A Change of Climate)* [1], Jim Crace *(Quarantine)* [2], Graham Swift *(Last Orders)* [3] and Adam Thorpe *(Ulverton)* [4]. The course provoked much discussion among my students about matters of contemporary language and how it is used in literature. This essay explores the issues raised in those discussions and relates them to some aspects of the teaching of English in Russian universities.

The books I selected for the course were chosen because they are novels that probe deeply into some of the stranger aspects of human experience. That 'probing deeply' requires linguistic distinction; thousands of good, thoughtful, intelligent people who have spent long hours struggling to write a novel have failed to find language which is vivid, creative and fully adequate to what they want to say. Somehow their good, thoughtful, intelligent perceptions have turned into banalities on the page. The pleasure of reading and re-reading a great novel is the pleasure of paying attention to the rhythm of the prose, the precision of the idea, the suggestive brilliance of the metaphor, the sympathetic rendering of everyday speech, the complex ironic tones, the ambiguities (they usually are ambiguities) of humour and grief.

Not all critics believe that this is a good time for the English novel – by which I mean novels written by English as opposed to Scots, Irish, American, or Indian

writers, for example. They object that too much English writing is inert. In our class discussions at every point we examined the ways in which language was *used* in these novels and argued among ourselves as to whether it was in fact inert. In English literature, it should be said, colloquial and informal registers easily mingle with more formal and self-consciously metaphorical styles, so that analysis is often a matter of noting incongruities and juxtapositions of words and structures which force the reader to reconsider his presuppositions. That of course is the purpose – to examine human behaviour and human assumptions through fresh and sometimes unorthodox ways of using language.

Our first novel was not, in any obvious way, 'experimental'. Hilary Mantel is a very intelligent writer whose characters, also mostly intelligent, regularly examine their own moral consciousness. In addition Mantel uses exact metaphors to establish place and mood. These two aspects of her writing interact in this scene at the beginning of *A Change of Climate*, where Emma; whose married lover has just died, decides to visit a pilgrim church.

... She was not sure why; her faith, if it still existed, was not something she displayed in public. But when you cannot cope with grief, she reasoned, you can do worse than observe the forms that have helped other people cope with it. At Felix's funeral the minister had said that, even in the depths of misery, the familiar forms of prayer can lift the heart towards Christian joy. Very well, Emma thought grimly, let's try it Something is needed For Ginny [Felix's widow] there were undertakers. There was the question of probate. But for me there is nothing. It is as if I have been told of a death that has taken place in a distant country. It is as if I have no claim on sympathy, because I have heard of the death of a person my friends do not know. There is no body. There is no corpse. Just this absence, this feeling of something unfinished.

Skirting Fakenham, taking the back roads towards the shrine and the sea, she found her car alone on the road. Across the flat fields towers spiked the snow-charged sky, the clouds pregnant and bowed with cold; Norfolk is a land of churches, some open to the sky, their chancels colonised by nettles, their naves by blackthorn and brambles; In those not yet redundant, congregations dwindle; the Samaritans' notices, flapping in the porches, attest to the quality and frequency of rural despair.

I suppose a language teacher could point to the huge range of tenses used as Emma negotiates her own path through her grief. The native speaker will appreciate the precision of thought revealed by this range – and the effect of 'grimly' as an indicator of Emma's strong, unflinching character and her rejection of 'joy' as the reason for her visit to a church. We will also note the move into the past tense when she thinks of Ginny, Felix' widow, a woman whom she does not dislike but whom she *distances* in this way. In the second paragraph readers are told about Norfolk, about ruined churches and rural despair as metaphors 'spiked', 'pregnant' 'colonised' mingle with exact cultural detail, the 'Samaritan's notices, flapping in the porches'. Mantel moves from the 'this absence, this feeling of something unfinished' to the melancholy picture of the 'redundant' (another exact word) churches.

This is a short extract. The novel debates questions of religious belief and human suffering, big questions which are bound to interest enquiring readers. Mantel writes of people who try to behave as balanced, rational beings, but to whom irrational and terrible things happen that have to be dealt with. The metaphorical language illuminates this philosophical exploration which would otherwise be dull or unconvincing. As it is, the language requires readers to stretch their minds to encompass the novel's moral exploration.

Jim Crace is a story-teller of semi-mythical worlds. In *Quarantine* he tells the story of five people who choose to spend a period of forty days fasting in caves in the desert wildernesses, in order to cleanse their spirits and to address any God who might be listening. One of the five is a youth called Jesus.

Unlike the four who had preceded him that afternoon and set up home among the poppies, Jesus did not follow any of the carvings in the rocks which indicated where hermits would easily find caves. He did not mean to leave his imprint softly in the clay. He was looking for much harder ground. He preferred the pious habitats of lunatics and bats where he could live for forty days, hanging by his toes if need be, and not have any excuse for shifting his eyes from heaven for an instant… He set his sights on the remotest and highest of the caves, a key-shaped hole. It had no more than a sloping rock as its yard, hardly bigger than a prayer mat, the perfect perch for eagles. And for angels. But Jesus hesitated. He surely had the right to drink before he embarked on his trials. It was not dusk. There was, as yet, no thin and bending moon to mark the onset of his trials.

The novel is strange for English readers, but the language carries the conviction of the true storyteller. We trust this author with his own tale of Jesus, partly because he hovers on the border between the mysterious and the comic. 'He did not mean to leave his imprint softly in the clay. He was looking for much harder ground' should invoke at least three reactions from the reader. 'He did not mean to…He was looking for..' is a comic, even affectionate comment by the narrator about Jesus' grand plans. We understand that Jesus is very young, very idealistic, and probably ignorant about life. ''leave his imprint softly in the clay' is an original

and mysterious phrase: the adverb 'softly' does not attach itself easily to 'leave', but rather has the force of an adjective attached to 'clay'. This use of an adverb for an adjective, often found in poetry, extends the meaning across the whole phrase, so that we think of people moving gently and tenderly across soft ground, and at the same instant are required to reject them. Jesus wants 'harder ground'. Is this arrogance or humility? By using the phrase 'He did not mean to…' the narrator is standing back, detached, not passing judgement.

Consider 'He preferred the pious habitats of lunatics and bats…'. The dictionary will tell you that 'habitat' is a scientific word for the place where a particular species dwells; 'pious' can refer straightforwardly to religious devotion or can be used critically, even sardonically by non-believers. The two words do not go together – except that they do when two other words are linked 'lunatics' and 'bats'. Bats have a habitat, lunatics may be pious – like this Jesus, it seems. Lunatics could perhaps imitate bats. The idea is absurd and yet profound. In one half sentence we have a new way of seeing things: we make a step towards understanding Jesus' mind, and at the same time keep open our options about whether his experiment will be valuable or disastrous.

Crace also has a wonderful sense of exact words for an exact rhythm. Anyone who wants to hear English in his head could do no better than to read aloud, and repeat the last sentence of this passage.

Graham Swift's novel, *Last Orders*, is written as though it were the thoughts and memories of seven different characters. No omniscient narrator appears, so we have to 'translate' the different voices into a communal story, while at the same time we must listen to the individual's point of view. The language here is the colloquial vernacular, the language of elderly and middle-aged men and women with little education from south-east London. Anyone who is interested in English informal speech should try to read this novel, where dialect is not rigid or prescriptive, but rather the English language as it sounds in the heads of the people of a particular community, modified by the author to make it comprehensible for all readers.

At the novel's opening we learn that Jack who has just died was a butcher on the point of retiring to a nearby seaside town. He died too soon to close his business. A few pages later Ray, his close friend, is sitting by the Thames, talking to Jack's widow, Amy. He watches her and these are his thoughts.

She looks again at the water. 'You know how when Jack had a change of mind, the whole world had to change too. He said, we're going to be new people.' She gives another little snort. 'New people.'

I look away across the garden because I don't want her to see the thought that might be showing in my face: that it's a pretty poor starting-point, all said, for becoming new people, a bungalow in Margate. It's not exactly the promised land.

There's a nurse chomping a sandwich on a bench in the far corner. Pigeons waddling.

Maybe Amy's having the same thought, maybe she's had it. Not the promised land….

'Anyway,' she says, 'I don't think we could've done it. When you totted it all up. When you took away what Jack owed on the shop.' Her face goes just a touch bitter.

'We'd have been a fair bit short.'

The nurse finished her sandwich, brushing down her skirt. The pigeons waddle quicker, pecking. They look like scatterings of ashes, bits of ashes with wings.

I say, 'How much short?'

In fact none of this passage contains any words or expressions which would not be familiar to all English readers. You can look up in a dictionary of colloquial usage phrases such as 'chomping' 'totted it all up', 'just a touch', 'bit short', or the use of 'pretty' as a qualifying adverb, or the use of the comparative adjective for a comparative adverb – 'the pigeons waddle quicker'. What Swift does is to put these normal colloquialisms into the delicate, emotionally cultivated mind of Ray, a clerk who bets on the horses. Ray is anxious that his private criticisms of Jack which *might* be showing in his face should not be seen by Amy. He must also guess what Amy might be thinking in order to continue the conversation, but he must not assume that he is right. He has to watch her intently without seeming to watch her, and to ask the crucial question 'How much short?' which means effectively 'How poor are you going to be?' so that it seems to flow naturally out of the conversation. This is how people who care about other people's feelings talk to each other, while out of the corner of their eyes they observe strangers eating, or birds, or clouds. Some of them, like Ray, see likenesses and significances too. Jack's cremated ashes are to be scattered. The pigeons, waddling, remind him of the ashes in his fire grate. 'Bits of ashes with wings.' Throughout, Swift has, as it were, clarified the colloquial by using it to explore subtle and conflicting emotions.

Swift never mocks the ways in which his characters think and speak. The novel celebrates ordinary, limited and failed human beings through turning their own language into literature.

The most extraordinary book of these four is Adam Thorpe's *Ulverton*. English readers divide themselves into those who think it is linguistically too difficult, and those who are convinced that it is a classic masterpiece. I belong to the second group. The novel is a huge experiment with language, which any Russian who cares about English should at least attempt to read, although it should be said that non-native speakers will certainly find some parts too difficult – as with *Ulysses*.

Ulverton consists of twelve chapters, each a separate 'story', the first set in 1650, the next in 1689, and so on until the last which is set in 1988. Over these three hundred years, we learn the history of the fictional village of Ulverton, through the voices of villagers and the occasional outsider. None of the narrators sets out to describe the village comprehensively, for each of them is preoccupied with his or her own experience and own problems, but since the place and the employment provide continuity, and since one generation's young devil may be the quiet grandfather in a later story, the narratives are thematically and evocatively linked.

Each chapter uses a different literary genre for the story-telling: for example, a simple first-person narrative, a sermon, a journal, letters to a lover, lecture notes, an internal monologue, and – ending the novel – a television script. Thorpe has therefore set himself a colossal task: to render into lively readable English, the concerns and passions of individuals, often illiterate individuals, while retaining a sense of the language appropriate to a particular era and a particular genre.

The first story, for example, is told by an illiterate shepherd who meets a friend, a young man from the village who is returning from Cromwell's wars. The young soldier has been disturbed by what he has seen and done, and now wants to come back to his wife. The old shepherd remembers the scene.

He reached into his breeches and pulled out something I thought was gold but when he oped his hand it was a ball of old ribbons that had long ago been red.

'She were allus [always] dreaming of it,' he said. 'She were allus dreaming of her hair all up in silks. Hair black as a raven and all up in red silks, like a lady. And rings on her fingers! Aye. She were allus dreaming of it!'

Those ribbons looked so tattered and pale and torn it was sad, like he had pulled out his own heart. Even his fierceness was not that of love but, as I think, of anguish.

I paused in my whittling of the yoke (for that's what I was doing) and nodded my head neither knowingly nor as judgement. I could see the heads he had torn the ribbon from and all the fingers he had maybe cut for rings, if he were telling the truth, and prayed without moving my lips. He smiled and put the clump of ribbons back into his breeches carefully as if it was a live thing and not to be hurt. The cocks were hollering from the thatch down there but else all you could hear were the cluckets ringing all over the coomb as the flock grazed. I thought. I thought how quiet we were compared to the noise of soldiering. The business at Newberry [a battle] had set my sheep off in a canter, miles off.

He took my hand all of a sudden, that had a knife in it, so I dropped the yoke and threw the knife down and took his hand. Then we hugged and kissed, as old friends, and I smelt the liquor on his skin that was a deep part of him and not just for jollity, and I wondered to myself how he reconciled this with God's word.

He was crying.

William the shepherd has something of the emotional delicacy of Ray in *Last Orders,* a willingness to listen and a capacity for empathetic pity. But his vocabulary is more extensive, plausibly because William would have heard readings from the Authorized Version of the Bible every Sunday. His aural linguistic imagination easily draws on images of quiet, of friendship, of heartbreak. He uses language for distinguishing between one emotion and another –'his fierceness not that of love but, as I think, of anguish.' His own fear of the young man is eased when the soldier tries to shake his hand, but even at that point he uses imagery to define what he notices. The smell of alcohol is not just on the soldier's breath but 'on his skin that was a deep part of him and not just for jollity'.

We do not know how illiterate shepherds thought and spoke three hundred years ago. It is not Thorpe's purpose to try to give an exact imitation, but instead to suggest the emotions and ideas available to William because he could draw on such language and thinking. (The relationship between language and the capacity for emotion and thought and discrimination is a pervasive theme in this novel).

Thorpe's solution is neither parody nor, simply, pastiche (a clever imitation) because, this being literature, we must hear both the individual voice of a character living in his own present, and the voice of a historical representative. In a later chapter a lawyer from London who is spending months enquiring into the peasant riots of 1830 in Ulverton writes a letter to his beloved Emily whom he hopes to marry.

Indeed – this is a quiet place. I am, I must confess, treated without civility: a kind of contemptuous pall of neglect towards betters hangs over the cotters – who seem alarmingly swarthy, as tho' rubbed in charcoal – O for thy fair curls, thy angel's countenance, my Emily! I ope your Locket with abandon. Here is too grim, for so many men have been taken into custody that there is an effect as after war, when the women folk slouch about in shawls and turn their heads as one passes. I do not know how they will deal with the Rioters, my heart. Lord Melbourne at the Home Office was appointed in the middle of this Trouble, and is more resolute than Peel. I think we shall have some Examples made. But surely not 2000, which is the full number. Melbourne has made Norcoat furious, for Squire Norcoat cannot sit on the bench – local magistrates are perceived too soft for this, tho' some are harder than flint, and clamour for the rope – for all breakers – without reprieve. I do not feel hard, but I had a stone cast at me last week, & I have had a letter, in a very poor

orthography, informing me that my name 'is drawn amongst the Black Harts in the Black Booke', that I am 'a blaggard Enmy of the Peeple', and I must make my Will. Do not fear a moment, my sweet child: these fellows are thoroughly cowed, and this is but the twitch of the dying.

Certain characteristics of an early nineteenth century style are imitated, such as the arbitrary (but sometimes dramatic) use of capital letters. The writer is mixing his registers as good letter-writers do, combining personal meditation, apostrophes to his beloved and topical political gossip. But behind these superficial features we can hear a man divided and distressed by uncertainties and fears that he does not like to examine. The 'contemptuous pall of neglect towards betters' is set against the ingrained dirt of the poor 'as tho' rubbed in charcoal' which makes *them* the neglected pitiful ones. He calls Melbourne 'resolute' – a good word for determination – and the local squires 'harder than flint' – which is resolution interpreted as cruelty. He says that the rebels are 'thoroughly cowed' (a cliché) but 'the twitch of the dying is a painfully vivid phrase. Official language gives way under the pressure of experience.

Insofar as Thorpe succeeds, which I believe he does, each chapter is a fresh re-creation of English for a particular purpose, which works with recurring motifs and images almost like a poem – with one disturbing exception. In the final, 1988 chapter, Thorpe gives us a sustained example of contemporary 'empty' English as it is used in a television documentary about Ulverton. The inhabitants ruminate aloud to the camera. Here is an educated woman, an amateur artist, in 1988 talking about her love for the village.

And I show that, er, that love as best I can, in my art. D'you see? I used to be a teacher, yes, before my late, er, husband grew poorly. Oh the rolling hills and trees and the light here you know, it's very special. I try to…capture its very special er, tea-brown quality. Bracken brown would perhaps be better, yes. A very clear, d'you see, brackeny quality to the light…you see there's nothing really but rolling downs from here, between here and the sea. I- I would take my late husband right up to the top of the hill er, oh yes. Every afternoon, you see. He had such love for the place.

Undoubtedly people do talk like this, using repetitive banal phrases, thus draining the language, and hence their own sentiments, of any meaning. Thorpe is both recording and satirising the impoverishment of English on television – and beyond.

The speaker does select 'tea-brown' and 'bracken brown' to define the quality of light which she is trying to transfer to her painting, but she cannot get beyond these perceptions because she does not have the resources. She should be compared with William, the illiterate shepherd in the first story whose head is full of language and hence of feeling. As readers we are bound to suspect that Mrs Bradman's feelings are also impoverished. And this is a tragic aspect of contemporary life as Thorpe sees it.

Literature is an act of communication between writer and reader which does justice to humanity through expressive, imaginative language. It takes us away from triviality and irrelevance and towards being human in the fullest possibly way. Nobody would be so arrogant as to say that reading literature is the only way of 'being human' but more than most activities it forces us to think about people other than ourselves. Moreover it gives a context to national culture and breaks down the banal stereotypes that still infect too much teaching of English in Russia. Anyone with basic competence in a language is going to understand so much more by becoming 'the reader' who is listening to (and sometimes talking to) 'the writer'. The skill of reading literature has to be learnt, even when we are reading our native writers; inevitably Russian readers of English literature require an extra skill for the strenuous excitement of reading in a foreign language. But how enriching for students and teachers to learn a language through engaging with real literature; how valuable to encounter extraordinary characters, events and ideas which have been brought into life through the vast resources of literary English.

Readers in Kemerovo who would like to read more have available many other fine examples of contemporary English literature, provided by the Oxford Russia Fund for those taking part in the project on Contemporary English Literature in Russian Universities.

References

1. Mantel H. A *Change of Climate.* UK: Viking, 1994, 352.
2. Crace J. *Quarantine*. Penguin Books, 1998, 242.
3. Swift G. *Last Orders.* London: Picador, 1996.
4. Thorpe A. *Ulverton*. Vintage Classic, 1992.

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University
Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:
Серый Андрей Викторович, главный редактор;
E-mail: avgrey@yahoo.com
Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: 8(384-2)58-13-01
Факс: 8(3842)58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Contacts for co-operation:
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief;
E-mail: avgrey@yahoo.com
Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8(3842)58-13-01
Fax: 8(3842)58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

16+

Редакторы выпуска: Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 24.09.2018.
Дата выхода в свет 25.10.2018.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А 4. Усл. печ. л. – 29,6. Уч.-изд. л. – 24.
Тираж 500 экз. Заказ № ____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.